

Сказки про Сталина

Часть пятая

Сказка про попаданца

Пантелей

Эпоха Высокого Возрождения. Эпоха Василия Третьего и Ивана Грозного в России Сулеймана Великолепного в Османской Империи и Франциска Первого во Франции.

Продолжение приключений двух наших современников, прорвавших ткань мироздания, отправкой своего сообщения товарищу Сталину. Вбоквел "Сказок про Сталина".

Христианская церковь объединилась. Священная Римская Империя пала под ударами со всех сторон. Европу разделили всего пять держав, но на этом война не закончилась, с этого она только началась.

Сказка про попаданца 2

Часть первая. Europa delenda est

Двадцать второго декабря 1531 года, в Маракайбо прибыл Генрих Первый д'Альбре, король Западной Германии, князь-архиепископ Кёльна, герцог Швабии, герцог Нижней Саксонии, герцог Франкфурта, герцог Гамбурга, герцог Ганновера, герцог Дюссельдорфа и герцог Амстердама. Прибыл, чтобы уже традиционно встретить Рождество и Новый Год в хорошей компании умных друзей. Впервые на своём корабле, «винджаммере» второго поколения «Кёльн», бывшем «Васко да Гаме», бывшем «Виракоче».

— Извини, Энрике, но гостевой дворец зарезервирован. Со дня на день ждём в гости Василия Третьего с Марией Первой.

— А, ерунда, не переживай. Друзей у меня здесь много, найду у кого пожить, а уж в Тауантинсуйу у меня будет свой дворец, всем на зависть. Ну, кроме вас двоих, конечно.

— Мы тоже будем тебе завидовать, Энрике, — улыбнулся Савелий, — обязательно.

— Всё бы тебе шутить, Интико. Кстати, по поводу Василия с Марией. Ты не в курсе, они своему Ивану невесту ещё не подыскали?

— Насколько мне известно — ещё нет.

— Жанну хочу посватать.

Интересный вариант. В той исторической реальности, Жанна д'Альбре так и осталась единственным ребёнком у Генриха и Маргариты. Единственной дочерью и наследницей всего. Дамочка с тем ещё характером, но порода... Как не тиранил её дядюшка Франциск Первый Валуа, а племянница победила, именно она родила первого французского короля из династии Бурбонов. Не факт, что здесь родилась та самая Жанна, и что, кроме неё, не будет других детей, но партия для Ивана всё равно отличная. Очень сильная кровь.

— Благословляю тебя, друг мой, — снова улыбнулся Савелий, — нужна моя помощь?

— Не помешает, точно. Хоть так породнимся.

— С удовольствием помогу. Породниться с тобой я буду рад. Очень рад. Даже в приданное Жанне добавлю от себя.

— Я хочу предложить герцогство Гамбург. Думаешь мало?

— Не мало, вполне нормально, большего точно никто не предложит, но много в таком деле не бывает, согласись.

— Согласен. Ну, что у нас тут нового? Я про культуру спрашиваю, скучные дела после обсудим, время будет.

— С культурой у нас полный порядок, Энрике, — на сей раз усмехнулся Эль Чоло, — как и всегда. Теперь культуру можно любить целыми оркестрами.

— Спасибо, Эль Чоло, ты настоящий друг. Оркестры — это как раз то, что мне сейчас нужно. Истосковался по хорошей музыке.

Двадцать четвёртого декабря 1531 года, в Маракайбо прибыла царская чета Рюрикович-Тюдор, русский царь и британский принц-консорт, Василий Третий; и Мария Первая, британская королева и русская царица; с обоими детьми и обоими Дворами, почти в полном составе, в том числе двумя канцлерами: лордом-канцлером королевства Британия, сэром Томасом Мором, герцогом Саффолк, герцогом Глазго, графом Нортумберленд; и канцлером Русского царства, князем Иваном Фёдоровичем Бельским, герцогом Мальмё; бывшими послами Русского царства и королевства Британия в Империи Инков.

Двадцать пятого декабря, в тысяча пятьсот тридцать первую годовщину от Рождества Иисуса Христа, состоялось освящение и посвящение главного христианского храма, Собора Священного Препуция, Папской кафедры.

Храм получился куда круче собора Святого Петра, из той исторической реальности. По размерам и архитектуре точно такой-же, но начинка... В двенадцати нефках, двух боковых пределов, отведённых под кафедры кардиналу-камерленго Иакову Рихтеру и графу-магистру-кардиналу Игнатию де Лойола; в этом храме хранились все двенадцать истинных Священных Препуциев, все намоленные обрезки крайней плоти младенца Иисуса, которые нашлись в этом мире. Все они теперь истинные. Умножают чудодействие друг друга, а то и в степень возводят.

А ведь, кроме бесценных реликвий, которым, впрочем, совсем недавно выставлялись вполне конкретные цены, здешний Собор Священного Препуция сильно превосходит своего коллегу из другой исторической реальности в экспозиции и дизайне. На его отделку, только золота фольгой ушло почти двенадцать тонн, а над экспозицией трудились Микеланджело, Рафаэль (кстати, он здесь до сих пор жив-живёхонек), Батичелли, Тициан и Альбрехт Дюрер, все инициативы которых оплачивались имперской казной. Все ваши капризы за наши деньги, да-да.

Вполне естественно, что и творцы стали богатейшими людьми, принятыми в имперскую элиту, и их творение настоящим шедевром. Не единственное творение, все они сейчас трудятся в Тауантинсуйу, строя императорский дворец и свои особняки, но об этом расскажем позже. Сейчас про храм, величественный, грандиозный и неподражаемый.

После освящения-посвящения, в Соборе Священного Препуция состоялась Рождественская служба, а после службы обручение, ранее помолвленных, императора-язычника Интико и царевны-принцессы Софьи Васильевны Рюрикович-Тюдор, трёх с половиной годовалой девочки, которая сильно старалась выглядеть взрослой и ответственной невестой. Получилось очень торжественно для присутствующих высоких гостей, а на эту церемонию собрались все самые влиятельные владетели Европы — в Маракайбо собралась первая сотня, топ-сто владетелей христианского мира, кроме Франциска Первого Валуа и двух его герцогов; и очень забавно для Савелия.

Обручились два раза, и в христианском храме, и в языческом. Теперь это норма. Рожать детей религия нисколько не мешает, в этом все уже убедились. Убедились и прониклись. Ведь следующими самыми завидными брачными партиями становятся дети Эль Чоло, сэра Томаса Мора, донов Паскуаля де Андагойя и Родриго Пике, Асикага Такаудзи-сан и Авдея Шишки; те самые дети, рождённые в смешанных религиозных браках. То есть, семьи Эль Чоло и Такаудзи-сана полностью языческие, с точки зрения европейцев-христиан, но и это помехой точно не станет. Если учитывать наследные владения и приданные этих женихов с невестами, то можно с полной уверенностью прогнозировать, что отбоя от желающих породниться не будет, даже среди европейцев.

Насчёт помолвки Ивана Васильевича Рюриковича-Тюдор и Жанны д'Альбр договорились быстро. К герцогству Гамбург, Савелий от себя добавил в приданное Жанны герцогство шести островов Эгейского моря, бывших венецианских владений: Хиоса, Лемноса, Наксоса, Андроса, Карпатоса и Пароса. Добавил острова и пожелание всем породниться с другом Генрихом.

Породнились. Через Ивана-царевича, принца Уэльского, Ивана Васильевича Рюриковича-Тюдор, наследника престолов Русского царства и королевства Британия, шести

с половиной лет от роду. Наследника корон держав, уже поглотивших и упразднивших Польское, Шотландское, Шведское и Датско-Норвежское королевства; Великое княжество Литовское; княжество Валахия; Крымское, Ногайское, Астраханское и Казанское ханства; Тевтонский и Ливонский ордена; маркграфство Моравию и Черкесское, не то ханство, не то княжество; а кроме того, наследника владений бывших Вольных городов Ганзейского союза, теперь, вассальных Британскому королевству герцогств и графств: Киля, Любека, Висмара, Ростока, Штеттина и Данцига.

В общем, все породнились с Генрихом через эту помолвку. Помолвку много чего наследника, Ивана Рюриковича, шести с половиной лет от роду, и трёхлетней Жанны д'Альбре, пока единственного ребёнка короля Западной Германии, а её скромное приданное, из герцогств Гамбурга и Эгейских островов, вполне может увеличиться на всё королевство отца. Очень хорошая партия, очень перспективная.

Время проводили весело — объединение христианской церкви, освящение главного храма, Рождество, обручение, помолвка, Новый год — всё это праздновали и праздновали очень пышно. Во дворце Папы Климента Восьмого, во дворце вице-императора Чалько Юпанки (Эль Чоло), в гостевом дворце (у Василия Ивановича и Марии Генриховны), во дворцах высших вельмож Империи.

Балы, концерты, парады, производства и награждения, взаимные подарки следовали чередой.

Империя обрела ещё два владения — острова в Балтийском море. Графствами Готланд и Рюген, Василий Третий жаловал Каму Тамача (посла Империи в Русском царстве и своего личного советника, Михаила Камутамачева) и Уайна Чатко (лейб-медика, спасшего жизнь королеве, Марии Первой Тюдор, и её дочери, цесаревне Софье Васильевне Рюрикович-Тюдор). Сначала жаловал инков владениями и титулами, а потом передал острова Империи. Отдарился. Пусть и не с лихвой, но очень достойно.

Впрочем, присутствие Империи, а значит и её военного флота на Балтийских островах всем будет выгодно. И в плане торговли, и в плане безопасности. Флоты-то в Европе вон теперь какие — семнадцать «винджаммеров» у османов и тринадцать у французов — чем такую мощь сдерживать, случись чего?

О делах тоже не забывали. Все вместе осмотрели на верфи Маракайбо строящийся крейсер-пароход «Авось». Огромный, по нынешним временам (пятнадцать тысяч тонн водоизмещением, почти вдвое больше, чем у «винджаммеров»), и очень опасный океанский хищник, впечатление произвёл соответствующее.

— Да, уж, — прокомментировал проектные параметры герцог Васко да Гама де Гоа, граф де Видигейра, — это самое настоящее морское чудовище. Неуязвимое даже в упор и неотразимое в случае нападения. От него ведь и сбежать невозможно. Он один заменит целый флот.

— Один весь флот не заменит, ведь он не может быть везде одновременно, но «Авось» у Империи будет не один.

— Ты будешь такие продавать? — у короля Западной Германии горели глаза в предвкушении.

— Если и буду, то ещё очень нескоро. Пароходы строятся долго, а мне для своего флота их нужно больше двух десятков. Продавать скоро начну «винджаммеры» четвёртого поколения.

— Такие, как «Посейдон»?

— В принципе, да. Только «Посейдон» яхта, он у меня один такой. Продавать буду обычные военные корабли, без роскошных излишеств плавучих дворцов.

— Дорого?

— Конечно дорого. Но для тебя, как всегда, будет специальная цена, Энрике. И для вас тоже, ваши величества. Обсудим это позже.

Высокие гости прожили в Империи до середины марта 1532 года. За это время они успели посетить металлургический комбинат в Эль-Мутуне и покататься по первой железной дороге. Пока короткой, построить к этому моменту смогли всего семьдесят километров пути от Эль-Мутуна к Асунсьону, но и этого вполне достаточно, чтобы оценить перспективу. Они ведь тоже у себя планируют железнодорожное строительство, вот и пусть имеют представление — во что именно вкладываются такие колоссальные средства.

Впечатлились родственники по полной. Ещё бы, семьдесят километров «пролетели» меньше чем за час, а ведь и это далеко не предел, даже для грузовых поездов.

Перед самым отъездом гостей, получили новости из Европы. Шестого января 1532 года, в Ионическом море, в сорока милях западнее Корфу, состоялось сражение флотов Французской и Османской Империй. Впервые в бою сошлись «виндjamмеры», восемь с османской стороны и семь с французской. Небольшое преимущество османов в этом классе, с лихвой компенсировалось флотом «самоделок», больше двух сотен судов с французским десантом, отправленным грабить Афины, кроме «виндjamмеров», охраняли двадцать два галеона, против двенадцати у противника.

В сражении победил французский адмирал, герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф де Артуа. В «виндjamмерах» потери стороны понесли равные, по два корабля, зато османские галеоны, друг Гийом «вырезал» полностью, все двенадцать, ценой всего двух своих, а главное, он довёл десант до Афин и ограбил город. Ограбил и сжёг всё, что горело. Богатый был город Афины. Был. Теперь Франциску точно есть на что восполнить потери.

Ещё из интересного — Хайреддин Барбаросса так пока и не объявил войну Французской Империи. Его посол в Гранаде интересуется насчёт покупки трёх «виндjamмеров» за золото. Ещё два корабля хочет купить посол Персии, но ему они нужны с доставкой в Бендер-Аббас.

Алжирскому султану решили предложить «виндjamмеры» второго поколения: западногерманский «Кёльн» (бывший «Виракоча» и «Васко да Гама»), русский «Князь Святослав Игоревич» (бывший «Перун») и орденский «Священный Препуций» (бывший «Нептун»). Самое подходящее время, для обновления своих яхт на четвёртое поколение. Посол Хайреддина Барбароссы готов заплатить по семнадцать тысяч французских ливров серебра (тысячу семьсот ливров золота) за такие корабли, а этого вполне достаточно на покупку новых, по дружеским ценам. И Империя будет в небольшой прибыли, и друзья довольны, и султан Алжира.

Впрочем, и эта цена ещё не окончательная. Пока дело дойдёт до торгов, она вполне может повыситься, Франциск ведь сейчас при деньгах.

— Ну, что, брат, поехали учиться? — с наследником-цесаревичем и принцем Уэльским, Аваном Васильевичем Рюриковичем-Тюдор, Савелий общался исключительно на кечуа.

— Как скажешь, Сын Солнца.

Серьёзный парень растёт. Очень ответственный, даже не верится, что ему ещё семи не исполнилось. Может тоже попаданец? Эх, хорошо бы было...

— Какой теперь курс *dollara* к *euro*?

— Такое мы ещё не изучали, Сын Солнца.

Жаль. Но всё равно, парень что надо.

В Лиму, Ивана Васильевича и его «дядьку», князя Семёна Фёдоровича Бельского, графа Тринидада-и-Тобаго, Савелий проводил лично. И начало процесса обучения проконтролировать стоило, да и другие дела у императора в Лиме имелись. Пора уже налаживать нормальную связь, а то куда это годится — новости узнаём через два-три месяца. Нужно разобраться самому, в чём причина задержки производства радиостанций. Лампы ведь уже почти год назад производить начали, все схемы у жрецов имеются, а воз и ныне там.

Двенадцатого июня 1532 года, в Лиму вернулись два вице-императора: адмирал Родриго Пике, герцог Гавайев, герцог Новой Зеландии, граф де Пуно, имперский наместник в Азии, Австралии и Океании, и Паскуаль де Андагойя, герцог де Куба, герцог де Андалусия граф Севильи, имперский наместник Африки и островов Индийского океана.

Имперские дела на западном направлении шли если и не блестяще, то очень хорошо. Ещё один императорский шурин, Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо, покорил Филиппины. Именно покорил, военной силой, добром филиппинцы имперскую власть признать не захотели. Кампания получилась довольно кровавой, значительные потери понёс и десантный корпус Такаудзи-сана, но туземную верхушку перебить ему удалось, а значит задача выполнена и это главное. Дальше стерпится, свыкнется, слюбится. Это вождям не хотелось имперских порядков и имперского контроля, простым людям они обязательно понравятся. Везде нравятся, и филиппинцы исключением не станут.

В Африке нашли уголь, но добывать его там некому. Готтентоты-бушмены крайне враждебны, хоть нападать на имперские поселения они уже почти перестали, но и на контакт не идут категорически. Золотишко и алмазы потихоньку собирают колонисты, но для добычи угля их там слишком мало, даже всех вместе взятых. А ведь им ещё и кормиться нужно, и поселения охранять. Придётся затевать ещё одну масштабную переселенческую программу.

— Ладно, будем думать. Люди сейчас везде нужны, а уголь пока можно закупать в Британии. В Кардиффе его уже начали добывать, так что перебьёмся импортным. Не так уж много нам его и нужно, купим.

— А с дикарями что будем делать? — спросил наместник Африки.

— Пока ничего, Паскуаль. В буше они нам не мешают, пусть живут, как хотят. Отдыхайте полгода, минимум. А то совсем одичаете вдали от цивилизации. Займитесь, наконец, своими дворцами в Тауантинсуйу. Только вы трое строительство ещё не начали, вот и начните. И для себя, и для Асикага Такаудзи. За полгода мы придумаем, откуда можно взять столько людей. Одних европейцев завозить не хочется, хотя бы на треть своими нужно разбавить.

— Все архитекторы, поди, заняты уже?

— Заняты, конечно, но вам они не откажут. Все они сейчас там, и Микеланджело, и Челлини, и остальные, что храм строили. Договоритесь, в этом я не сомневаюсь.

Интерлюдия. 17 июня 1532 года.

Император Франциск Первый Валуа, после смерти горячо любимой жены Клод Французской, родившей ему за девять лет брака семерых детей и скончавшейся уже почти восемь лет назад, так до сих пор и не нашёл себе новую супругу.

Сначала он сильно тосковал, потом увлёкся войнами, а когда опамятовался, подходящих невест уже не оказалось. Нет больше великого множества королевских династий в Европе, которые раньше роднились между собой, закончились почти все. Правящих христианских Домов осталось всего четыре, а если считать правящую чету царя Василия Третьего и королевы Марии Первой единым Домом, как оно и есть на самом деле, то и вовсе три: французский императорский, русско-британский царско-королевский и западногерманский королевский.

Нет достойных невест, и всё тут. Их просто не существует в природе. А ведь император Франции ещё далеко не стар, ему только через два месяца исполнится тридцать восемь. Можно, конечно, жениться на одной из фавориток, только что это даст? Ничего, кроме проблем. Фаворитки не для такого дела, родниться нужно с правящими Домами. Вот ведь напасть, мало того, что самому не на ком жениться, так ещё и дети в таком-же положении.

Из семерых детей, рождённых в браке Франциска и Клод, выжили шестеро — три сына: Франциск-младший, Генрих и Карл, и три дочери: Шарлотта, Мадлен и Маргарита. И никто из детей до сих пор не помолвлен, а ведь Шарлотте уже пятнадцать. Да и Франциску-младшему четырнадцать, но не с кем сговариваться. Просто не с кем. И как теперь жить?

Ладно хоть военные успехи пока радуют. В кампании конца лета — начала осени 1531 года, удалось сходу захватить четыре очень важных города: Буду, Пешт, Задар и Белград, разрезать владения европейские османов по Дунаю и глубоко вклиниться вдоль побережья Адриатического моря, полностью вытеснив из него османский флот. В январе-феврале 1532 года, де Бониве удалось разбить османов в морском сражении при Корфу, а после ограбить и сжечь Афины. Хорошо так ограбить, на шестьдесят тысяч ливров серебра только в монете и слитках, что полностью покрыло и даже значительно превысило стоимость, потерянных в том бою, двух инкских «винджаммеров» и двух венецианских галеонов.

Благодаря этим успехам, в войну на стороне Сулеймана Первого до сих пор не вступил Хайреддин Барбаросса, а чем дольше он тянет, тем сильнее накаляются между ним и Сулейманом отношения.

Восстали все Балканы, восстали Богемия, Западная Пруссия и Бранденбург. Хорошо восстали, задорно, с огоньком, османские гарнизоны на этих территориях практически сели в осаду.

В конце марта провели военный совет в узком кругу: сам император Франциск Первый Валуа; коннетабль, герцог де Монморанси, граф де Франш-Конте; и адмирал, герцог де Бониве, граф Артуа. Трое близких друзей ещё со времён детских игр, когда император был всего лишь сыном графа Ангулемского и ничто тогда не предвещало его последующего возвышения на французский престол; трое соратников и сподвижников, благодаря которым Франция стала Империей.

Тогда, на совете, кузены Монморанси и Бониве высказались за поворот армии на север, с активными действиями флота и морского десанта в Средиземном море. Армия, по их

мнению, должна была наступать на Прагу, Дрезден, Берлин и Бранденбург, пока там османы сидят, как на раскалённой сковородке, освободить и брать в имперское владение территории, отрезая мусульман от границы с Русским царством; а флотом и десантными силами разорять побережье — Грецию, Анатолию, Левант и Египет. Ничего не захватывать, но всё грабить, грабить, грабить.

Хороший они предложили план. Этот план был бы вообще отличным, если бы на его воплощение имелись деньги, а их-то как раз не имелось. Восток бывшей Священной Римской Империи ограблен до нитки, брать там вообще нечего, мало того, года на три население придётся освободить от налогов, как поступили инки в бывшем Арагоне, и об этом стало известно всей этой алчной Европе. При этом, на освобождение, бедствующих под гнётом османов, германцев придётся потратить очень много, армия ведь не воюет бесплатно. Войскам нужно платить, их нужно снабжать продовольствием, закупать оружие и боеприпасы, а на что? На что, если не только ничего не получишь при захвате, но даже налоги оттуда три года поступать не будут?

Балканы тоже восстали, там тоже нас ждут, и там есть чем поживиться, в отличие от... Ведь там никто не грабил уже почти столетие, успели накопить жирок, неплохим таким жирным слоем. Эдирне и Константинополь — вот путь к победе, а на севере османам всё равно деваться некуда. Чем дальше, тем больше они там будут ослабевать, под ударами восставших германцев. Когда возьмём Константинополь — тогда вернёмся и добьём их жалкие обессилившие остатки. В общем, задача такая — флоту и десанту захватить Сплит, а после заниматься разорением османских берегов; а армии — Ниш, с дальнейшим продвижением к Эдирне (Адрианополису).

Сплит и Ниш осадили, но восстания горожан в них организовать не удалось. Османы учли опыт Буды, Пешта, Белграда и Задара, и очень хорошо подготовились. Городские ворота не открылись, вместо этого в крепостные рвы сбросили тысячи трупов потенциальных мятежников, а после началась классическая осада, в которой осаждающие всегда несут гораздо большие потери, чем обороняющиеся. Их пушки установлены в укрытиях и, пусть их и меньше, но и потерь при контрбатареинной борьбе они несут гораздо меньше.

Но нет худа без добра, заговорщиков, в осаждённых городах, и повстанцев в округе, османы перебили, зато теперь нет недостатка в «пушечном мясе». Хорваты и сербы готовы воевать за еду. И таких теперь десятки тысяч, а может и сотня с лишним. Частично их удалось вооружить трофеями из Буды, Пешта, Белграда и Задара, но большую часть старьём и самоделками на дымном порохе, зато они в этих горах знают каждую тропку, каждый брод, каждый хутор, а ещё их очень много и совсем не жалко.

Теперь, с этими голодранцами, армия Французской Империи даже превосходит османскую по численности. Боеспособность у местных ополченцев низкая, но не нулевая, без потерь их османам не перебить. Пусть тратят людей, боеприпасы и время — все эти ресурсы конечны. Хватит ли гарнизонам патронов, чтобы перестрелять почти сто тысяч этих добровольцев?

Под стены Сплита, император Франциск Первый привёл третий корпус французской армии. Самый многочисленный, сорокатысячный. Удара с севера не ожидается, так что незачем держать на Дунае такой мощный резерв и связывать силы морского десанта длительной осадой. У них и флота имеются другие задачи — Измир/Смирна.

— Жду вас с победой, де Бониве, нам сейчас очень нужны деньги Измира. Их мы

потратим в первую очередь на флот.

О продаже в Гранаде трёх «виндjamмеров» второго поколения (русского «Князя Святослава Игоревича», западногерманского «Кёльна» и орденского «Священного Препуция»), герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф Артуа уже знал. Об этом знала уже вся Европа и готовилась к торгам. Конечно, второе поколение немного уступает третьему, но действительно немного, и только в скорости, а не в бою. В сражении у Корфу, например, такой османский корабль уцелел, а погибли два более новых, пятимачтовых. Естественно, что адмирал флота Французской Империи мечтал их заполучить и почти сравнять свои силы с флотом Османской Империи.

— Благодарю вас, Сир.

— Рано благодарите, де Бониве. Дело ещё не сделано. А теперь главное. Если вы вернётесь с победой, то станете королём. Королём Хорватии. Королевства Хорватия в составе Французской Империи. А после этого, мы обручим Франциска-младшего и вашу дочь Луизу. Ваш внук когда-нибудь станет императором, Гийом.

— Это великая для меня честь, Сир. А...

— И Монморанси станет королём. Королём Венгрии, — предугадал вопрос соратника и друга Франциск Валуа, — с ним я тоже планирую породниться. Сыновей и меня трое, как и дочерей, а вас всего двое. Так что очень постарайтесь не погибнуть и вернуться с победой, Гийом.

— Постараюсь, Сир.

— С Богом, де Бониве.

Интерлюдия. 3 июля 1532 года.

Контр-адмирал Тихоокеанского флота, дон Жоржи ди Менезиш, граф Гуама и Марианских островов, вернулся из своего второго самостоятельного похода в западные владения Империи и Азию второго июля 1532 года.

Второй его самостоятельный поход получился богатым на приключения. Сначала он, со своей эскадрой, поучаствовал в кампании герцога Асикага Такаудзи де Новая Гвинея, графа Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо, на островах Филиппинского архипелага, обеспечивая доставку и снабжение; а после уже сам командовал операцией по освобождению Сингапура от пиратов.

Впервые командовал не флотом, а сухопутными силами из четырёх бригад, которые ему выделил герцог Новой Гвинеи. Но ничего, справился успешно. Пиратов, разграбивших имперскую факторию на Сингапуре, скормил свиньям, а остров присоединил к имперским владениям в Азии. Хорошее владение кому-то достанется. Очень богатое графство. Пожалуй, самое выгодное, с точки зрения географии в регионе, все азиатские торговые пути проходят вблизи его берегов.

На Сингапуре, контр-адмирал, граф Жоржи ди Менезиш де Гуам, оставил две бригады из четырёх и назначил временного наместника. Бывшего посла, тогда ещё только дайме Цусимы, Асикага Такаудзи, в Империи, Сиоку Орусата. С Такаудзи они давние друзья и соратники, так что герцог Новой Гвинеи, его обязательно поддержит, в случае чего, а после император назначит постоянного наместника.

Две бригады, контр-адмирал вернул на Цусиму и получил от Асикага Такаудзи предложение поучаствовать ещё в одной кампании — аннексии северного острова Хоккайдо. Отказывать шурина императора, граф Жоржи ди Менезиш де Гуам, разумеется, не стал. Высадил неуёмного герцога с четырьмя бригадами в бухте южной части острова, возле

уродливого японского замка клана Масамити, враждебного клану Асикага, и на этом распрощался с милейшим Такаудзи-саном, теперь хорошим приятелем, даже другом.

На обратном пути в Лиму, контр-адмирал Жоржи ди Менезиш, ненадолго заглянул в своё владение на Гуаме. Графство управлялось имперским наместником, управлялось хорошо и с каждым годом его доход увеличивался. Многие азиатские торговцы делали здесь остановку по пути в Новый Свет, а раз останавливались, то и деньги тратили. А ведь скоро столица Империи переберётся в Северную Инку, в Тауантинсуйу, а с ней переберётся и деловая жизнь, в том числе и основная торговля с Азией. Переберётся на восточный берег Северной Инки, в Сан-Диего, Лос-Анжелес, Сан-Франциско, Сиэтл и Ванкувер; тогда Гуам перейдёт у Гавайев большинство транзита торговцев и...

Очень разумно устроено в Империи управление территориями, стоит это признать. Все заботы владетеля об управлении графством — периодически проверять отчёты имперского наместника, которые и так проверяют чиновники, но двойной контроль надёжнее одинарного, и получать доход. Наместник предлагает планы развития, толковые планы, ведь он тоже в доле дохода, хоть и только на время службы в этой должности, однако интерес имеет непосредственный и заботиться о графстве, как о своём, а граф Жоржи ди Менезиш, тем временем, занимается любимым делом, и делает карьеру в Имперском Тихоокеанском флоте. Головокружительную карьеру, стоит отметить.

В Лиме, контр-адмирал застал самого императора. Вот уж повезло, так повезло. Его рапорт был принят очень благожелательно, император одобрил все действия и пригласил на обед, удостоив великой чести, но и на этом подарки Судьбы, для недостойного Жоржи ди Менезиша, не закончились.

За обедом, император Интико посоветовал своему неразлучному спутнику, герцогу Васко да Гама де Гоа, графу де Видигейра, не упускать такого перспективного жениха для доны Изабель ди Атаида да Гама. Единственной дочери легендарного адмирала. Самой младшей из всех его детей и самой любимой.

— Дон Жоржи, мы с вами давно знакомы. Я помню вас как храброго и исполнительного офицера, честного и ответственного человека. Не буду скрывать, как жениха Изабель я вас никогда не рассматривал.

— Я понимаю, ваша светлость. Вы планируете найти для доны Изабель лучшую партию. Ваш отказ меня несколько не обидит.

— Планировал, — кивнул герцог ле Гоа, — я скопил очень хорошее приданное для дочери, но теперь о нём даже вспоминать неловко. Его императорское величество сам решил дать Изабель достойное приданное. Достойное, в его понимании. В том случае, если я выдам её за вас. А с таким приданным лучшей партии мне точно не найти. Поздравляю вас с новым владением и титулом, дон Жоржи. После помолвки, вы станете герцогом Тайваня. А скопленные мной деньги потратите на строительство достойного дворца в Тауантинсуйу. Император выделил вам с Изабель участок в третьей линии, по соседству с моим и его величества Жуана Третьего. То есть, теперь Жуана Ависского, герцога Большого Лиссабона, Большого Порту и Бом Байи. Что скажете?

— Нет слов, ваша светлость. Это потрясающе!

— Что-ж, тогда совет вам, да любовь.

Со всеми радиоделами, Савелий разбирался четыре месяца. Схемы, из интернета двадцать первого века, жрецам-электронщикам воплотить «в железе» удалось, но горели они как бумага в печке. Не удивительно, ведь местные вольты, амперы, омы и прочие ватты

принимались практически от балды, а измерительные приборы, для сравнения, оттуда не притащишь, поэтому теперь только экспериментировать. Будем знать, что все электрические и радиосхемы оттуда годятся только в качестве материалов для изучения и адаптации.

Так что первую рабочую радиостанцию собирали методом тыка, вводя к местным единицам измерения поправочные коэффициенты. Ламп пожгли тысячи, но своего всё-таки добились. В сентябре 1532 года, удалось установить длинноволновую радиосвязь между двумя НПО Лимы — на севере и юге от города. Недалеко, всего в пятнадцати километрах, но и это уже прорыв. Теперь дело пойдёт куда веселей. Теперь жрецы точно доведут дело до приемлемых по дальности и качеству связи образцов, а после начнут работать над снижением энергопотребления. Через полгода-год начнём жить уже в новом, совсем другом мире. В мире моментального распространения информации.

В Маракайбо, Савелий вернулся уже в ноябре. Новости из Европы прочитал как приключенческий роман, триллер-блокбастер.

Франциск Валуа взял Сплит; его коннетабль, герцог Анн де Монморанси, граф де Франш-Конте, Ниш, то есть война уже ведётся в Болгарии и Македонии; а адмирал, герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф де Артуа, победил ещё в одном морском сражении и ограбил Измир/Смирну.

Оба герцога, после этих успехов, стали королями. Монморанси Венгерским, а де Бониве Хорватским. Королевства их входят в состав Французской Империи, но всё равно, теперь они де-юре величества-монархи.

Дружище де Бониве получил в сражении довольно серьёзную рану, но выжил и вроде полностью поправился. Приедет — будет благодарить за медика. А приедет обязательно, корабли ему теперь очень нужны, много «виндjamмеров» потерял, целых шесть. Османы тоже шесть, но теперь, после двух сражений, у них осталось девять из семнадцати, а у друга Гийома всего пять из тринадцати. Зато французы теперь при деньгах. При деньгах и отсутствии предложений. Три корабля второго поколения купил посол Персии в Гранаде, и они уже огибают Африку. Не успели французы, так что ждём его величество Гийома в гости, в самое ближайшее время.

Второго декабря 1532 года, из Тауантинсуйу вернулись вице-императоры Паскуаль де Андагойя герцог де Куба, герцог де Андалусия, граф Севильи, и Родриго Пике, герцог Гавайев, герцог Новой Зеландии, граф де Пуно. Дворцы они себе строить начали, Паскуаль подрядил Бенвенуто Челлини, а Родриго — Рафаэля Санти. Позаботились и о японском родственнике, для строительства дворца Асикага Такаудзи, наняли Альбрехта Дюрера.

Теперь все двенадцать дворцов первой линии, примыкающих к императорскому участку, строятся. Ведутся одиннадцать из восемнадцати строек во второй линии, и даже в третьей линии, линии особняков, строительство уже началось. Из сорока четырёх участков, на шести ведутся работы — «домики в деревне» первыми строят себе творцы, получившие такое право: Микеланджело Буонарроти, Бенвенуто Челлини, Рафаэль Санти, Сандро Баттичелли, Тициан Вечеллио и Альбрехт Дюрер. Можно не сомневаться, что эта великолепная шестёрка построит для себя самые настоящие шедевры. Да и для остальных тоже. Будет на что потомкам любоваться.

До свадьбы осталось одиннадцать с половиной лет, успеем точно. Лесопарк по периметру высаживать уже начали, как и отливать из чугуна решётки ограды, так что въедем сразу в огороженный комплекс, с благоустроенной территорией. Животных ещё каких-нибудь нужно завести, неагрессивных, типа косуль. В комплексе семнадцать квадратных километров только лесопарка, нечего ему пустовать.

Вице-императоры Африки и Азии сходили в море на первых пароходах-крейсерах, «Юноне» и «Авесе», уже принятых в состав Атлантического флота Империи. Пока только Атлантического, в Тихом и Индийском океанах ещё нет угля. Завезти можно, но он тогда получится на вес серебра. Это подождёт до разработки Южно-Африканских запасов. Проинспектировали родственники и три яхты четвертого поколения, бывшие «Перун», «Тор» и «Виракоча» уже готовы для передачи чете Василия Третьего и Марии Первой, Генриху Первому д'Альбре и магистру Ордена Священного Препуция, графу Мальты, кардиналу Игнатию де Лойола.

— Красотища, — поделился впечатлением дон Паскуаль де Андагойя, — в таком корабле можно всю жизнь прожить и на берег сходить не захочется. Когда уже нам такие можно будет покупать, ваше императорское величество?

— Покупать — никогда, Паскуаль, а пользоваться довольно скоро. «Нептун», «Марс» и «Арес», для вас двоих и Асикага Такаудзи перестраиваются в Лиме. Если они ещё не готовы, то скоро будут, уйдёте уже на них. А пока готовьтесь принимать гостей, их в этом году ожидается очень много.

— Не терпится, честно говоря, но подожду. В связи с чем ожидается нашествие европейских варваров в нашу благословенную Империю? Что у нас нынче за год такой особенный?

— У нас год обычный, особенный у них там. Слишком быстро они наши кораблики топят, больше половины уже перетопили. Приедут покупать себе новые игрушки.

— Завидую я иногда этим варварам, ваше императорское величество, — состроил печальную мину на лице вице-император Паскуаль де Андагойя, герцог де Куба, герцог де Андалусия, граф Севильи, — убивают друг дружку каждый день, некогда им скучать.

— Ты шут, Паскуаль, — сухо прокомментировал вице-император Родриго Пике, —

басконский шут.

— А ты каталонский зануда.

— Потом обсудите особенности друг друга. Готовьтесь принимать гостей. Свободны.

Первым, из высоких гостей, одиннадцатого декабря 1532 года, в Маракайбо прибыл великий визирь Османской Империи, Увейс-паша. Прибыл на имперском корабле «Птах», одном их дежурных по восточному Средиземноморью (Кипр, Крит и герцогство Эгейских островов), сразу с грузом двадцати тонн золота.

Старый знакомый и добрый приятель, Увейс-паша, привёз свежие новости. Очень интересные новости. Османы наконец-то одержали победу в морском сражении. Долгожданную победу и очень внушительную. Сначала флот адмирала Пири-реиса разгромил эскадру графа де ла Моль в Мессинском проливе, утопив три «винджаммера» французов и потеряв всего один свой; а после разграбил только что отстроенные, многострадальные Геную и Марсель. Добычи Пири-реис взял немного, но не за ней он и ходил.

Счёт по инкским кораблям в составах флотов стал восемь-два в пользу Османской Империи и перед ней раскинулось всё западное Средиземноморье. Первым делом, османский адмирал должен был принудить к исполнению вассального долга другого османского адмирала, султана Алжира, Хайреддина Барбароссу. Принудить к исполнению долга и очень серьёзно оштрафовать за подлое бездействие, но этого Увейс-паша не дождался. Он для того и зафрахтовал корабль Империи Инков, чтобы не отвлекать силы у Пири-реиса. Тому, этой зимой, предстоят великие дела. Его ждут Ла-Рошель, Нант и Антверпен, до сих пор ни разу не разграбленные и бедолага Гавр, горевший не так давно.

Увейс-пашу, Савелий определил жить к вице-императору Паскуалю де Андагойя, разрешил ему осмотреть «Юнону» и «Авося», а переговоры о продаже кораблей отложил на потом. Сначала нужно заслушать пострадавшую сторону. Интересно ведь, почему французами командовал не друг Гийом, его величество король Хорватии, а какой-то неизвестный граф де ла Моль. Вряд ли исход сражения был бы другим, при таком-то соотношении сил, но всё равно интересно. Кораблей на продажу у Империи всего двенадцать. Те самые двенадцать «винджаммеров» четвёртого поколения, что успели выпуститься с деревянной обшивкой корпуса и без паро-электрических генераторов. Обычные парусники, только уже шестимачтовые.

— Хорошо пошло, шаман. Минус двадцать за год. Топятся быстрее, чем мы успеваем производить.

— Бог в помощь, — усмехнулся Эль Чоло, — теперь французам, чтобы сравнять счёт, нужно купить девять корабликов. Интересно, награбили они столько в Афинах и Измире?

— Сто восемьдесят девять тысяч? Конечно нет.

— В долг отдашь?

— Тоже нет. Хочу купить Рим.

— Зачем нам Рим?

— Нам не нужен. Куплю его для Ордена. Священный Препуций должен воссиять над Римом. То есть, конечно, все двенадцать Священных Препуциев. Их как раз, как христовых апостолов, а церковь-то апостольская, — усмехнулся уже Савелий, — им, и только им, должны поклоняться все правоверные христианские божьи рабы.

Четырнадцатого декабря, в Маракайбо, прибыл друг Энрике, Генрих Первый д'Альбре, король Западной Германии, князь-архиепископ Кёльна, герцог Швабии, герцог Нижней

Саксонии, герцог Франкфурта, герцог Ганновера, герцог Дюссельдорфа, герцог Амстердама герцог Эгейских островов (как регент дочери и хранитель приданного). Энрике тоже привёз интересные новости, уже с другой стороны фронта.

Оказывается, Франциск Первый Валуа расщедрился на три королевства для своих близких, чтобы было с кем бракосочетать своих собственных детей. Именно на три королевства. Третий король — сын бывшего французского посла в Империи Инков, маркиза Этьена де Ритона, Этьен-младший, второй герцог де Генуя, маркиз де Ритон, ставший королём Сербии.

Гийом Гуфье де Бониве, его величество король Хорватии, потому и не командовал французским флотом в Мессинском проливе, что присутствовал при помолвке своей дочери, Луизы, с наследником императора, Франциском-младшим, в аббатстве Сен-Жермен. Анна де Монморанси, его венгерское величество, дурень Франсуа решил женить на своей старшей дочери Шарлотте. Уже даже жену бедняги короля Венгрии, Мадлен Савойскую, которая родила Монморанси четверых детей, определил в монастырь. Лютый беспредельщик.

Ещё одну доченьку, вторую по возрасту, Мадлен, наш дорогой родственник (через Энрике Франциск тоже родственник) помолвил с Этьеном-младшим, провозглашённым им королём Сербии. Двух своих младших сыновей, ненормальный Франсуа, уже объявил королями, ещё не завоёванных, Богемии и Болгарии. Может там и дальше было что-то интересное, такое-же смешное, но Энрике пришлось ехать за своей новой яхтой, к своим умным друзьям из Нового Света. К друзьям, у которых всегда наготове оркестры, для наслаждения музыкой и не только, и Папа, для отпущения грехов за это самое не только, чтобы не везти это с собой в Европу.

Друг Энрике поселился у дона Франсиско де Гарай герцога де Ямайка, герцога де Гранада, графа Альмерии, тоже большого ценителя музыки и прочей культуры. Своего духовного брата и, проверенного в боях и походах, друга-соратника.

Девятнадцатого декабря, на «Аматерасу», прибыли Василий Третий Иванович Рюрикович и Мария Первая Генриховна Тюдор. Эти не только к умным друзьям и за новой яхтой, но и сына в Лиме навестить.

Тесть с тещей тоже привезли интересные новости. Василий Иванович договорился с султаном Сулейманом Селимовичем о пропуске османских войск в Богемию, через Валахию и Моравию. Пусть ходят, вытаптывают. Регионы всё равно депрессивные, не жалко. Не бесплатно ведь они там ходить будут.

Мария Генриховна поведала, что сэр Томас Мор, лорд-канцлер королевства Британия, герцог Саффолк, герцог Глазго, граф Нортумберленд, объявил конкурс, на создание самого величественного памятника-монумента Сыну Солнца в Лондоне, на что лично пожертвовал десять тысяч французских ливров серебра. Всего, на этот памятник-монумент, уже было собрано, к моменту отплытия, тридцать шесть тысяч ливров, в том числе пять тысяч лично от королевы Марии Первой, так что монумент в Лондоне должен превзойти своей монументальностью, всемирно известного, Колосса-Родосского. Превзойти примерно вдвое, ведь сбор пожертвований продолжается и жертвуют люди очень охотно и щедро, даже самые тёмные крестьяне. Все уже в Британии про Новый Свет наслышаны, да-да.

Его величество, король Хорватии, друг Гийом Гуфье де Бониве, прибыл двадцать третьего декабря, тоже на имперском корабле, с загруженными в трюмы, ста пятьюдесятью тысячами французских ливров серебра. Привёз в два с половиной раза меньше, чем Увейс-паша.

— Поздравляю, ваше величество. И с собственной короной, и с помолвкой дочери.

— Благодарю вас, ваше императорское величество. Благодарю за поздравление и особенно за медика, который спас мне жизнь.

— Так уж и спас, ваше величество?

— Я ничуть не преувеличиваю, ваше императорское величество. Действительно спас, ведь осколок снаряда пробил мне лёгкое, а в Европе такое лечить даже не пытаются, так что лично я теперь ваш должник по самый гроб.

— Пустое, ваше величество. Жизни друзей для нас бесценны, а вас мы считаем своим другом.

— Это большая честь для меня, ваше императорское величество, очень прошу вас называть меня, как и раньше, по имени.

— Только взаимно, Гийом. Теперь вы тоже монарх, а значит только взаимно. Теперь я для вас Интико, а главный вице-император — Эль Чоло, без каких-либо величаний. Годится?

— Спасибо, Интико.

— Взаимно, друг мой Гийом, всё взаимно. Итак, чем мы можем помочь вам и брату нашему, императору Франциску Первому?

— Как всегда, Интико. Нам нужны корабли, оружие и боеприпасы.

— Есть двенадцать кораблей. Четвёртое поколение, шестимачтовые. Для вас — по двадцать одной тысяче ливров. Уверен, что на торгах в Гранаде их оценят дороже.

— Наверняка дороже. Но мне и по двадцати одной тысяче не хватит даже на восемь... А всё, что не куплю я, купят османы...

— Скорее всего. Но у вас право первой руки, друг мой. Увейс-паша готов купить все двенадцать, золото он привёз с собой.

— Тогда нам конец... У нас осталось всего два «винджаммера», а у османов восемь. Плюс один алжирский, скорее всего, тоже к ним отойдёт. Только чтобы почти сравнять силы флотов, мне нужны девять кораблей.

— И оружие с боеприпасами для стотысячной армии, не так-ли?

— Так и есть.

— На всё это понадобится около трёхсот тысяч, Гийом.

— У меня с собой только половина, Интико. Вас не интересуют острова в Адриатическом море?

— Вы же знаете наше правило, Гийом — Империя не покупает владения у воюющих держав.

— Знаю, — тяжело вздохнул король Хорватии, — и это ужасно. Неужели из этой ситуации нет выхода?

— Империя не покупает владений у воюющих сторон, но ведь есть и другие покупатели. Попробуйте предложить южные Нидерланды Генриху д'Альбре, его это может заинтересовать. Или Рим Ордену Священного Препуция.

— Рим? Мой император предлагал вернуть его Папе бесплатно.

— Я ведь не про Папу говорю, Гийом, а про Орден. Ордену бесплатно ничего не предлагали. Предложите Рим магистру Игнатию де Лойола. Тысяч за двести.

— Ого! Откуда у него такие деньги?

— Ограбить — даже не мечтайте, Гийом, — усмехнулся император, — Мальта — имперское графство. Предложите, а я посодействую со своей стороны. Извините, друг мой,

но гостевой дворец занят. Предлагаю вам остановиться у вице-императора дона Родриго Пике, он вас с радостью примет. Можете осмотреть новые корабли имперского флота — «Юнону» и «Авось». И вообще, празднуйте, развлекайтесь, отдохните от войны.

Рождество; свадьба дона Жоржи ли Менезиша, герцога Тайваня, графа Гуама, и донья Изабель ди Атаида да Гама; Новый 1533-й год; праздновали, как всегда, пышно и весело. С балами, пирами, концертами, парадами, а теперь ещё и с новинкой — кинематографом. Сразу звуковым кинематографом, премьеры сразу двух фильмов: военно-исторической драмы «Князь Александр Невский» и музыкальной комедии «Олимпийские игры». Комедии не о спорте высоких достижений, а о языческих богах греческого Пантеона, лукавых и развратных, так что и элементы эротики присутствовали. Не на экране, а за кадром, но людям для того и дано воображение, чтобы эти сцены додумывать, в меру своей испорченности.

Граф Мальты, магистр Ордена Священного Препуция, кардинал Игнатий де Лойола, разумеется, согласился выкупить Рим, не мог не согласиться. Не для себя ведь выкупал, а для Империи, за имперские деньги, хоть и от своего имени.

Согласился выкупить Рим, порт Остия, в границах двадцать первого века другой исторической реальности, и по пять километров территории, вдоль обоих берегов Тибра, за двести пятьдесят тысяч французских ливров серебра.

Владения Империи, переданные в управление Ордену, стали герцогством Рима, Остии и Мальты, а магистр, соответственно, герцогом. Герцогом, которого утверждал император.

— Теперь мне хватает на двенадцать кораблей, — поделился радостной новостью король Хорватии, Гийом Первый.

— Увы, друг мой, но теперь у меня не хватает кораблей. Три уже проданы.

— Османам?

— Конечно. Не расстраивайтесь, Гийом. Вы и так получили больше, чем рассчитывали. Вы получили, лично вы, друг мой, кому-то другому я бы не стал помогать. Потратьте оставшиеся деньги на что-нибудь полезное.

— Полезное... А когда вы будете продавать корабли со стальным корпусом?

— Надеюсь, что никогда. Надеюсь, что моим братьям Франциску и Сулейману хватит мудрости, чтобы заключить мир. Они оба мне одинаково дороги, Гийом. Надеюсь, вы не будете меня за это упрекать.

Увейс-паша тоже расстроился. Тоже поинтересовался насчёт «виндjamмеров» со стальным корпусом

— Если мы будем их продавать, друг мой, то будем продавать и Французской Империи. Это ваша война и мы не собираемся занимать в ней чью-либо сторону. Подумайте — нужно ли вам это? Нужно ли превращать эту войну в бесконечную?

— Вы же знаете, ваше императорское величество, что войну начал Франциск Первый. Он подло захватил наши Венгрию, Хорватию и Сербию. Разграбил и сжёг Афины и Измир.

— Для возвращения Венгрии и Сербии флот вообще не нужен, друг мой, у них не имеется выходов к морю. Хорватию и бывшую Венецию тоже можно захватить с суши, это не острова. Островов у Французской Империи всего несколько, в Адриатическом море, но они настолько ничтожны, что все вместе едва ли стоят двух стальных «виндjamмеров». За Афины и Измир ваш адмирал уже отомстил в Генуе и Марселе, а вполне вероятно, что не только там, но и на Атлантическом побережье Франции. За это время, он вполне мог это сделать, как и утопить остатки французского флота. Но даже если и нет, то Алжир он точно

привёл к повиновению и получил шикарную оперативную базу в западном Средиземноморье. Французы теперь будут вынуждены перейти к защитной тактике на море. Однако, судьба этой войны всё равно решится на суше. Исходя из этого и делайте покупки. Людей у вас больше, денег тоже.

Только успели проводить короля Хорватии, Гийома Первого, и великого визиря Османской Империи, Увейс-пашу; в Маракайбо прибыли ещё два высоких гостя — третий султан Марокко из династии Ваттасидов, Абу-ль-Аббас Ахмад, и его дядя, великий визирь, Али Абу Хассун.

Прибыли они из Кадиса на имперском корабле, а с ними и новости. Адмирал Пири-реис привёл к повиновению Алжир, утопил последние два «винджаммера» французов и шестнадцать бывших венецианский галеонов в Бискайском заливе, и разграбил Ла-Рошель. Потери Пири-рейса составили один «винджаммер» второго поколения и девять шхун и барков, все алжирские. Заставил, значит, поганцев искупать кровью вину, ну и правильно, ну и поделом.

Высоких марокканских гостей поселили в особняке, который когда-то занимало османское «консульство» в Маракайбо. Не слишком шикарный особняк, строился он для губернатора тогда ещё небольшого портового города, зато совсем рядом с единственной в Новом Свете мечетью Сулеймание. Не самой большой в мире мечетью, на четыре тысячи молящихся, но очень красивой, денег на неё османы не пожалели. И архитекторов привозили лучших, и многие отделочные материалы завозили с Востока.

И султан, и его дядя довольно много времени провели в Гранаде, немало попутешествовали по остальной имперской Европе, поэтому по-испански говорили очень прилично, так что переводчик не потребовался. На переговоры с марокканцами, Савелий с Эль Чоло собрали вице-императоров Родриго Пике и Паскуаля де Андагойя. Пусть привыкают к ответственности государственных деятелей высшего ранга. Особенно Паскуаль, Африка — его наместничество. К тому-же, Марокко ближайший сосед его Андалусии, буквально через «речку», Гибралтарский пролив.

Выслушали султана и дядю. Хотят в Империю, как Португалия. Ничего удивительного. Дела у Ваттасидов, прямо скажем, идут неважно. Правителем Марокко, султан, по большому счёту, только числится, контролируя лишь северо-восток страны, узкую полосу средиземноморского побережья, без Сеуты и Мелиссы. Этот кусок он и хочет получить во владение, в качестве имперского герцогства Марокко. А всё остальное — ваше, завоюйте и владейте, ага. Сходу отвечать ничего не стали.

— Завоевать мятежные территории Марокко не трудно, только там нет ничего нужного нам. Вообще ничего. Примерно четыре миллиона диких берберов, мавров и арабов и никаких полезных ископаемых. Просто земля. Нужна она нам? У нас своей незаселённой земли навалом, лет двести ещё заселять и осваивать, если не больше. — обозначил позицию император.

— Нам не нужна, а потомкам пригодится. Марокко заселить несложно, это не Южная Африка, а тем более не Австралия. На дармовую землю переселяться будут с удовольствием. В нашей Европе уже тесновато. — высказал своё мнение наместник Африки.

— Переселятся в Марокко, значит не переселятся в другое место. В то место, где они нам нужнее. — возразил наместник Азии и Океании.

— Где они нам нужнее — сами не поедут, придётся перевозить. Желаящих ведь хватает, это у нас не хватает возможностей, для их переселения. А в Марокко сами поедут, за свой счёт, только землю пообещай. И не нужно по сто гектаров раздавать, хватит и двадцати.

Заселятся, начнут плодиться и размножаться, появятся у нас новые поселенцы. Совсем бесполезной земли не бывает. Растут там оливки, вот пусть их и возделывают. А то до сих пор масло у османов и французов закупаем...

— Повоевать хочешь? — поинтересовался Эль Чоло.

— Хочу, — согласился дон Паскуаль, — и не вижу в этом ничего плохого. Наловим в Марокко дикарей и выпустим их в буш, в Южной Африке, благо, везти не так далеко, можно плотно грузить. Пусть они там негров забавляют, чтоб негры не мешали жить нам. Какая-никакая, а польза от них будет.

— Ничего плохого в справедливой войне нет, а война с мятежниками очень даже справедливая, — согласился Савелий, — быть посему. Готовьте кампанию, Паскуаль. А вам, Родриго, предстоит организовать добычу угля на острове Калимантан, раз уж у нас с южноафриканским пока ничего не получается. На Калимантане местной рабочей силы хватает, вот и пусть добывают. Месторождения там богатые, накопают много, будем покупать.

В конце марта 1533 года, вернулись из Лимы тесть с тещей, Василий Иванович с Марией Генриховной. Всё увиденное им понравилось — наследник жив-здоров, повзрослел-подрос, весел и всем доволен. Священник-духовник его, правда, жалуется на нерадение, зато остальные учителя хвалят, как и «дядька» Ивана, князь Семён Бельский, граф Тринидада-и-Тобаго.

Лима стала ещё больше и краше, а дорога да неё ещё лучше. Нам бы такие дороги и города... Будет железная дорога в Лиму из Маракайбо? Когда? Лет через пять шесть? Очень хорошо, успеем прокатиться. От Нью-Йорка и Челябинска* (*Вашингтона) до Тауантинсуйу тоже будут и тоже через пять-шесть лет? Тогда ещё лучше, накатаемся вдоволь. Нам бы с собой кинематограф... Ну и что, что по три раза смотрели, и по десять посмотрим, и по двадцать, и даже по сто. Разве на такое чудо когда-нибудь насмотришься?

Интерлюдия. 12 апреля 1533 года.

Франциск Первый Валуа размышлял, глубоко погружившись в свои мысли. На военный совет в Белграде, он собрал королей Хорватии, Венгрии и Сербии, но слушал их краем уха, а сказанное воспринимал периферией сознания.

Император Инков ясно дал понять Гийому де Бониве, что поддерживать в этой войне ни одну из сторон не собирается. Всё, к чему получают доступ французы, смогут купить и османы. Понять дал, но в то же время опять поддержал. Поддержал лично де Бониве, но через него и всю Французскую Империю. Выкупил Рим, который Франциск уже давно был готов бесплатно вернуть Папе, выкупил за двести пятьдесят тысяч ливров серебра, дороже чем всё Арагонское королевство. Выкупил, как и Мальту у Габсбурга, для Ордена Священного Препуция, теперь единственного христианского монашеского ордена, то есть, в итоге всё равно для Папы. Станный ход, но у императора Нового Света все ходы очень странные.

Только этих денег, нежданных денег за Рим и Остию, хватило на девять кораблей, оружие и боеприпасы для шестидесятитысячной армии. Из увезённых в Новый Свет ста пятидесяти тысяч ливров, де Бониве потратил всего сорок, а сто десять привёз назад. Привёз сто десять тысяч ливров серебра, оружие и боеприпасы для ста тысяч ополченцев: мадьяр, хорватов и сербов, и девять кораблей. «Виндjamмеров» уже четвёртого поколения, с шестью мачтами.

Девять кораблей, которые должны были уравнивать военно-морские силы Французской

Империи с османскими, но увы. Проклятый адмирал Пири-реис привёл к покорности султана Алжира, Хайреддина Барбароссу, подчинил себе его флот, и объединёнными силами разбил остатки флота французского, уже в Атлантике, да ещё и ограбил Ла-Рошель, Нант, Гавр и Антверпен. Ограбил и сжёг верфи, с лихвой отомстив за Афины и Измир.

Теперь у османов снова преимущество в военно-морских силах, оперативная база флота «виндjamмеров» в Алжире и полный контроль над всем Средиземным морем. Контроль силами «самоделок», которые они сейчас производят до десятку-полтора в месяц. Производят и морские парусные корабли, и речные гребные, для Дунайской флотилии.

Император Франции понимал, что долгую войну, войну на истощение, его Империя скорее всего проиграет. У Сулеймана Первого всего больше — и людей, и денег, и природных ресурсов, и производства, и торговых путей. У него есть выход в Индийский океан, огромный рынок, где с удовольствием покупают зерно Египта и Междуречья; у него золотые, серебряные и медные рудники; у него Мекка, Медина и Иерусалим, куда стремятся паломники и где они тратят деньги.

Да, и Иерусалим тоже теперь принимает паломников, десятками, если не сотнями тысяч в год. Папа, Климент Седьмой, то есть, теперь уже Восьмой, не только отказался объявить Крестовый поход, но и осудил эту практику в прошлом. Иисус Христос, хоть и не признан мусульманами Спасителем-Мессией, один из их почитаемых пророков, поэтому христиане с мусульманами должны жить в мире. Воюют пусть светские правители королевств, султанатов и империй, а к религии это никакого отношения не имеет.

Сулейман Первый поблагодарил Папу за проявленную мудрость и открыл для христиан Иерусалим. Открыл не только для паломничества, но и для проживания. Орден Священного Препуция выкупил земли под монастыри в самом Иерусалиме и на месте разрушенного Яффе и уже ведёт строительство, в том числе и порта. Христиане вернулись в Святую землю миром, так зачем нужен ещё один Крестовый поход? Чтобы завоевать для Франциска Валуа новые владения?

Расчёт на вступление в войну русско-британской унии и королевства Западная Германия тоже не оправдался. Никто из них не поспешил добить ослабленных османов на востоке бывшей Священной Римской Империи и в Швейцарской Конфедерации, отрезанных от метрополии. Османы продолжают получать снабжение оружием и боеприпасами через северные порты и даже подкрепления для своих гарнизонов. Восстания в османских Западной Пруссии, Бранденбурге, Верхней Саксонии и Богемии практически подавлены; а во французской теперь Венгрии, наоборот, разгорается всё сильнее.

Местные мусульмане-ногаи получают поддержку единоверцев из Остмарка и Швейцарии, от расселившихся там крымчаков и черкесов, и конца-края этому процессу не видно.

Давят османы и восставших болгар. Давят без жалости, вырезают и угоняют в рабство целыми селениями. Болгария и Македония не падают, не сеют, земли разорены и выжжены, так что даже в случае успеха летней кампании 1533 года, Французской Империи достанется полностью разорённая территория и несколько миллионов нахлебников, которых придётся чем-то кормить. Кормить болгар, кормить мадьяр, кормить хорватов, сербов и прочих боснийцев. Чёрт бы их всех побрал...

В Сорбонне наконец-то частично разобрались с «утраченными знаниями богов». Разобрались по инкским учебникам на «забытом языке». Теперь есть понимание, как самим производить бездымный порох и бертолетову соль для капсулей. Понимание есть, а

возможности нет. Нет возможности массового производства боеприпасов. Ничего своего нет: ни серы, ни селитры, ни хлопка, ни меди, ни цинка, ни свинца. Можно всё это закупать, только получится такое производство гораздо дороже, чем уже готовые боеприпасы, а от этого становится ещё обиднее. Лучше бы вообще не знать, чем понимать, что у тех же османов почти всё это есть. Всё своё, или очень дешёвое, как та-же индийская селитра. Имеются сведения, что османы ей даже посева теперь подкармливают, чтобы урожаи родились обильнее.

Нарезные стволы, как у инкских винтовок, тоже производить научились, только и это умение ничего не дало. Нарезной ствол забивается свинцом после всего четырёх-пяти выстрелов, а после этого ему требуется тщательная чистка. Тщательная и потому долгая, работа на час-полтора. Сами инки используют пули в медной оболочке, а это уже Французской Империи недоступно. Не говоря про сложность производства миллионов, а то и десятков миллионов таких патронов — медь в большом дефиците, её давно не хватает даже на чеканку монеты, из-за чего страдает торговля, а с ней и всё остальное, по цепочке, до самых налогов.

Войну нужно срочно заканчивать, это отлично понимали все, но как это сделать? Этого никто не знал. Закончится ли война со взятием Константинополя? Хороший вопрос задал де Бониве. Даже интересно, что ему ответит Монморанси.

— Конечно! Константинополь османская столица. Кто теряет свою столицу, тот проигрывает войну. Всегда так было.

— А если они просто перенесут свою столицу в Салоники? Или вообще в Азию? Константинополь-Стамбул всего восемьдесят лет назад стал османской столицей, он не имеет для них такого значения, как для нас Париж. Сулейман запросто сожжёт город и отступит за проливы, и мы получим только обгорелые развалины, а не столицу.

— И что ты предлагаешь?

— Ничего, чёрт побери. Я высказываю сомнения. Мы должны быть готовы к тому, что в Константинополе война не закончится. А в Греции, после Афин, нас ненавидят даже сильнее, чем османов. Нам нужны союзники, нужен сильный флот. Нужно договариваться с русским царём, лордом-канцлером Британии и королём Западной Германии.

— Вы правы, де Бониве, — наконец взял слово император Франциск Первый, — договариваться с ними нужно, но договориться нам будет гораздо проще, после взятия Константинополя. План летней кампании менять не будем. Корпус короля Венгрии идёт на Софию, ваш корпус, де Бониве, на Сараево, корпус короля Сербии на Констанцу, а я обойду Софию и ударю по Пловдиву.

— Разумно ли так дробить силы, ваше императорское величество? — усомнился король Хорватии.

— Разумно, де Бониве. Организовать снабжение двухсот с лишним тысяч, мы в одном месте не сможем, поэтому разделиться всё равно придётся.

— Вы выбрали для себя самое опасное направление, Сир. Поменяйтесь с кем-нибудь из нас.

— Ерунда. На войне везде одинаково опасно. От Пловдива до Софии всего тридцать лье, если что-то пойдёт не так, отступлю на соединение с Монморанси. Зато если всё получится — мы ещё в эту кампанию дойдём до Константинополя. Делай, что должно, и будь, что будет. Montjoie! Saint Denis! С Богом!

Семнадцатого апреля 1533 года, Савелий и Эль Чоло отплыли из Маракайбо в Нью-

Йорк. Оставлять без высочайшей инспекции строительство новой столицы три года подряд никак нельзя. Да и не происходит сейчас ничего такого в Южной Инке, что требовало бы непосредственного внимания императора и главного вице-императора.

Железную дорогу от Эль-Мутуна до Асунсьона достроили. В одну нитку, но этого более чем достаточно и будет достаточно ещё долгое время. Лет сто, если не больше. Пока не пойдут встречные потоки угля и стали миллионами тонн. Пока же уголь вообще не завозится, так и используется древесный. Лес свели на сотни километрах в округе, но это не беда. И поля с пастбищами расчистили, да и вырастет он во влажных тропиках очень быстро.

Железная дорога Маракайбо — Медельин — Буэнавентура — Гуаякиль — Лима спроектирована и уже ведется сооружение тоннеля, галерей, насыпей и опор под мосты и эстакады. На строительстве задействованы сто тысяч человек, в основном «гастарбайтеры» из Европы и Азии. Да, миграционные порядки в Южной Инке сильно ужесточились. Хочешь землю? Сначала отработай три года на стройках народного хозяйства. Посмотрим сначала, как ты работаешь, а уже потом решим, сколько и где выделять тебе земли.

За шесть лет первая трансокеанская железная дорога вряд ли будет достроена, но ускорить этот процесс просто нечем, все возможные ресурсы уже задействованы, так что пусть теперь строительство идёт своим чередом.

В Северной Инке напротив, пришло время нарезать новые задачи. Начинать строить железные дороги Нью-Йорк — Тауантинсуйу и Тауантинсуйу — Челябинск. Железные дороги и цепочки населённых пунктов вдоль них. Металл пошёл, всё потребное для строительства теперь выпускается на месте — и рельсы и мостовые конструкции, так что пора начинать. Прогресс напрямую зависит от скорости движения. Движения всего — людей, сырья, продукции, информации, а потому теперь основной приоритет в экономическом развитии Империи у железнодорожного строительства.

Интерлюдия. 19 мая 1533 года.

Дон Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо, шурина императора Интико, не так давно вернулся с северного острова Хоккайдо, который ему удалось отбить для Империи у враждебного Асикага клана Масамити, полностью этот клан уничтожив, ещё преумножив свою славу, и так уже ни с кем несравнимую. В Японии-Ямато несравнимую. В Европе был Александр Великий, в Новом Свете есть император Интико, а вот в Японии-Ямато до сих пор не было и нет хоть сколько-то сравнимого в славе правителя. Все великие деяния славных предков даже не тускнеют, а реально меркнут в сравнении с Асикага Такаудзи Великим.

Он, один из самых бедных, а потому и слабых, дайме правящего клана Асикага поднялся на невысказанную высоту могущества и богатства. Сначала Такаудзи-сан выбил с Цусимы пиратов и завладел их богатствами и самим островом, чем привлёк к себе множество хороших воинов, пожелавших служить такому удачливому дайме. Дальше последовали захваты Коджедо и Чеджудо, кампании на побережье материка, победа над войском Империи Мин, великая добыча и великая слава, привлекавшие к дайме Асикага Такаудзи всё больше воинов. Больше, чем к самому сёгуну. Намного больше.

Слава Такаудзи-сана стала такой ослепительной, что на неё обратил внимание сам Сын Солнца, император Нового Света. Конечно, это слава простого смертного, и с Сыном Солнца ей не сравниться, но всех остальных смертных ему затмить удалось. Император Интико предложил Асикага Такаудзи в жёны свою сестру Талакту и дал за ней в приданное герцогство Новая Гвинея. Остров, в три с половиной раза больший, чем Хонсю, с его императором, сёгуном и всеми кланами вместе взятыми. А кроме герцогства, дал два непревзойдённых в своём совершенстве корабля инков, для заселения Новой Гвинеи и не только.

И не только. Под руку Асикага Такаудзи стали переходить не только воины одиночки, но и дайме с целыми отрядами, которые становились его баронами в Новой Гвинее. Благоприятнейшем островном герцогстве, где земля родит в два раза больше своих даров, чем в Ямато-Японии, но до сих пор не возделывалась местными дикарями. Японские дайме становились баронами Новой Гвинеи, богатели и, соответственно, укрепляли свои позиции в Японии.

Стать сёгуном Ямато, а то и основать новую императорскую династию, Асикага Такаудзи мог ещё тогда, четыре года назад, только вся эта возня отсталых японских соотечественников, уже казалась имперскому герцогу Новой Гвинеи слишком мелкой.

Он теперь родич-шурин самого Сына Солнца, свояк главного вице-императора, свояк имперских наместников Азии и Африки, лорда-канцлера королевства Британия и герцога Ирландии. Теперь он развлекается в этой компании больших людей и в соответствующих масштабах.

Кампании на Окинаве, Хайнане и Тайване, ещё добыча, ещё слава, ещё подданные дайме-бароны в Новой Гвинее, ещё больше воинов под рукой.

Визит в Новый Свет, благословение Сына Солнца на подчинение Империи островов Филиппинского архипелага, снова добыча и слава и снова подданные, теперь уже целые кланы: Такэда, Ходзэ и Мацудайра. Не самые сильные и влиятельные кланы Ямато, но их

целых три, вместе со всеми своими воинами и синабэ* (*зависимые крестьяне). Главы кланов стали вассальными герцогу Асикага Такаудзи виконтами Окинавы, Коджедо и Чеджудо, а в самой Японии, император и сёгун, теперь согласовывали все свои действия с представителем имперского герцога Новой Гвинеи в Киото. Там больше не шло речи о недопуске гайдзинов на Священную землю Ямато. Имперские фактории открылись во всех крупнейших городах, имперские чиновники получили право покупать земли для Империи. Не покупали, пока не покупали, не было у них пока интереса, но право такое уже имели.

И вот очередной триумф. Разгромлен и истреблён самый непримиримый противник Асикага, клан Масамити. Северный остров Хоккайдо перешёл во владение Империи, а все синабэ Масамити к герцогу Асикага Такаудзи.

В свою столицу, город Цусима, на острове Цусима, в Цусимском проливе, герцог Новой Гвинеи вернулся девятого мая 1533 года. Вовремя вернулся. Как раз у него недавно родился второй сын, а шестнадцатого мая прибыл свояк и друг Родриго-сан. Адмирал Родриго Пике, его величество вице-император, имперский наместник в Азии и Океании, герцог Гавайев, герцог Новой Зеландии, граф де Пуно.

Друг Родриго-сан привёл с собой новый флагман флота герцога Новой Гвинеи, настоящий плавающий дворец, «винджаммер» четвёртого поколения, шестимачтовый, с паро-электрическим генератором, гребным винтом и вспомогательными машинами, поднимающими паруса и якоря. Этот дворец-корабль, Асикага Такаудзи тщательно исследовал три дня, и Родриго-сан его не торопил. Сам недавно занимался этим-же, родственника он отлично понимал. Эти «яхты» производят неизгладимое впечатление.

— Строительство твоего дворца в Тауантинсуу, мы с Паскуалем заказали Альбрехту Дюреру. Показали ему фотографии вашей традиционной архитектуры и поручили выдержать стиль. Насколько это возможно, конечно.

— Я ваш должник, Родриго-сан.

— Конечно должник, — согласился вице-император и имперский наместник Азии и Океании, — вот сразу сейчас и начнёшь рассчитываться. Мне поручено организовать добычу угля на острове Калимантан. В Южной Африке нет для этого людей, а на Калимантане их навалом. Сын Солнца согласился платить за уголь местному султану, но мы с тобой сможем организовать дело лучше и выгоднее для Империи.

— Думаешь, божественному нужно лучше?

— Меня за такие инициативы ни разу не наказали, Такаудзи-сан. А я их постоянно проявлял и очень активно. Так, я сначала поддержал тебя здесь, на Цусиме, и стал графом де Пуно, после привёл конвой торговцев в Лиму, получил герцогство Гавайи и предложение породниться с Сыном Солнца, с Новой Зеландией в приданное. Так и ты стал графом Окинавы, если помнишь. Лучше — не хуже. Империи нужен уголь в этом регионе, видел же фотографии новых беспарусных кораблей, а чем дешевле получится тот уголь, тем лучше. Сколько ты можешь выставить воинов? Калимантан очень большой остров. Поменьше твоей Новой Гвинеи, но ненамного. И он очень плотно заселён.

— Воинов у меня хватит на два Калимантана, только... — герцог Новой Гвинеи, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо на несколько секунд задумался, — а ты уже захватывал острова, где есть имперские фактории, Родриго-сан? Острова с признанными Империей правителями?

— Пока нет, — усмехнулся вице-император, адмирал Тихого океана, имперский наместник Азии и Океании, — и не собираюсь. Мы с тобой дадим дикарям немного денег.

чтобы они свергли признанного Империей султана, а потом сцепились между собой. Признаем одного из них, самого покладистого, и уже от его имени наведём там настоящий имперский порядок.

— Ты уверен, что Сыну Солнца понравится такой ход?

— Уверенным в таком вопросе быть нельзя, но я на это очень надеюсь. Кстати, ты можешь остаться в стороне, если опасаясь. Твои войска я имею полное право задействовать, как наместник Азии и Океании, а ты имеешь право жаловаться на меня после этого императору. Я их задействую в любом случае, а что сделаешь ты — решать уже тебе.

— Вот сейчас ты обидное сказал, Родриго-сан. Ты мой талисман, моя путеводная звезда, ты мой лучший друг, ради тебя я готов сделать себе сеппуку, если Сын Солнца будет нами недоволен в итоге.

— Брось ты с этими сеппуками, Такаудзи-сан. Император тебе это сделать никогда не позволит. Кстати, ты уже давно не выражал ему почтение, а это как минимум невежливо с твоей стороны. Захватим Калимантан, организуем добычу угля — и сразу вместе отправимся. Согласен?

— Я не хотел досаждать Сыну Солнца, у него и без меня здесь забот хватает.

— Своим визитом ты его только порадуешь, в этом я уверен. Сколько ты можешь выставить бригад? Мне нужно готовить флот.

Инспекцию Северной Инки, Савелий и Эль Чоло начали со строящейся верфи в Челябинске. То есть не в самом Челябинске, который основали на месте Вашингтона из другой исторической реальности, а в пригороде, в сорока километрах северо-восточнее, на месте тамошнего Балтимора. Очень внушительное получится предприятие, когда полностью достроится.

Челябинск тоже столица, столица Военно-Морского Флота Империи Инков. В Челябинске резиденция генерал-адмирала, донна Андреаса Нуньеса, герцога Исландии, графа де Хувентуд, будущего начальника Морского Генерального Штаба и Морской Технической Комиссии, а пока главного инспектора имперских верфей.

Верфей в Империи уже шесть — в Лиме, Маракайбо, Нью-Йорке уже действующие, в Челябинске, Монтевидео и Норфолке строящиеся. Со временем, верфи в Лиме и Маракайбо закроются, не очень удобно они расположены в плане доставки металла, но их и строили для производства парусников, которое планируется полностью прекратить осенью будущего, 1534-го, года. К тому времени, в составе флота Империи будет пятьдесят шесть «винджаммеров» поколения четыре плюс, в стальном корпусе и с ходовым винтом, не считая десяти яхт. Пятьдесят шесть таких кораблей вполне достаточно, чтобы удовлетворить платёжеспособный спрос на них во всём мире. Нет пока в мире больше золота и серебра, не наковыряли ещё. И наковыряют очень нескоро, раньше сами научатся такие строить.

Империя Инков переводит свои корабли на пар. Первенцы «Юнона» и «Авось» уже приняты в состав флота; «Эль Чоло», «Эль Паскуаль», «Эль Родриго» и «Эль Нууно» спустят на воду в этом сентябре и ещё четыре крейсера-парохода в марте 1535 года, на этом верфи в Лиме и Маракайбо свою работу закончат, персонал переедет в Монтевидео и Норфолк, а оборудование... Оборудование, скорее всего, в металлолом. Нет смысла тащить на новое производство старьё с паровыми приводами. Империя переводит своё производство на электричество.

Нью-Йорк. Резиденция наместника Северной Инки, вице-адмирала Авдея Шишки герцога Ирландии, графа Фарерских островов, самого младшего шурина императора. Ещё

одна верфь, производящая пароходы лёгкого ледового класса для работы в системе Великих озёр и пароходы класса река-море, для работы на линии Асунсьон — Монтевидео. Верфь с собственным сталелитейным и сталепрокатным заводом и механическим заводом, производящим паровые машины для электростанций, кораблей, судов и паровозов. Самый хай-тек, по нынешним временам. Электростанций скоро потребуются очень много. Не только во дворцы, но и на каждый узел связи. Поставлять их за свой счёт Империя не планирует. Радиостанции да, это наш бизнес, а вот электричество за ваш счёт. Хочешь связь Парижа с Марселем? Купи две электростанции для, уполномоченных магистром Игнатием де Лойола, монастырей.

Очень быстро растёт Нью-Йорк, довольно скоро перегонит и Лиму, и Маракайбо и Медельин. Скорее всего, он станет первым в этой исторической реальности городом-миллионником. Авдей молодчина, уже начал строительство университетского кампуса, без подсказки, сам сообразил, чем заслужил себе жирный плюс в карму.

Интерлюдия. 12 июля 1533 года.

Дон Жуан Ависский, герцог Большого Лиссабона, герцог Большого Порту, герцог Бом Байи, добровольно принял на себя обязанности «смотрящего» за строительством дворцово-паркового комплекса в Тауантинсуйу.

Дона Жуана поразил масштаб задумки. На территории в сорок пять квадратных километров, скоро, очень скоро, к свадьбе императора Интико и русской царевны Софьи, будет построено семьдесят пять дворцов. То есть, тридцать один дворец, считая императорский за один, хотя он один занимает территорию шестнадцати, и сорок четыре особняка, но это по имперской столичной классификации. На самом деле, особняки — это тоже самые настоящие дворцы, только поменьше.

Бывший король Португалии не знал, чем руководствовался император, выбирая место под новую столицу в своей огромной Империи. С точки зрения климата, Тауантинсуйу не самое благодатное место, здесь даже снег зимой выпадает, и вода на озере замерзает, теплолюбивому португальцу это в диковину, но что выбрал, то и выбрал.

Дон Жуан очень сильно мёрз в первую зиму, одеваясь по европейской моде, поэтому был не способен оценить красоту высоких широт, но во вторую зиму приспособился. И одеваться научился соответственно и природу оценил. Особенно охоту на могучих лосей в величественных лесах в окрестностях Тауантинсуйу.

Жуан Ависский получил участок для своего дворца в первой линии. Вошёл в число одиннадцати соседей самого императора, в том числе шести его шуринов: главного вице-императора Чалько Юпанки, который требует титуловать себя Эль Чоло, и никак иначе; вице-императоров Африки и Азии, их величеств Паскуалья де Андагойя и Родриго Пике; дона Асикага Такаудзи, герцога Новой Гвинеи, графа Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо; сэра Томаса Мора, лорда-канцлера королевства Британия, герцога Саффолк, герцога Глазго, графа Нортумберленд; и дона Авдея Шишки, вице-адмирала Атлантического флота Империи, герцога Ирландии, графа Фарерских островов, наместника Северной Инки и, теперь, пожалуй, лучшего друга дона Жуана. Русского Авдея, с русского Севера, который смеётся над местными морозами, ныряет на Крещение в прорубь и ходит охотиться на гризли с рогатиной.

Кроме шуринов императора, участки в первой линии получили:

Его величество вице-император, наместник европейских владений Империи, Нууно Вимка, герцог Кастилии, герцог Наварры, граф Вальядолида, граф Памплоны, граф

Басконии, который поручил строительство своего дворца сеньору Бенвенуто Челлини, а сам так ни разу строительство и не навестил. Всё время занят, оно и понятно. На нём теперь все имперские владения в Европе, в том числе и бывшее королевство Португалия, а Челлини благодарен ему по гроб, за освобождение из пиратского плена, так что дело в надёжных руках;

Царствующая русско-британская чета Василия Третьего Рюриковича и Марии Первой Виндзор. Эти тоже пока не приезжали, но их понять можно, наследник двух корон, Иван, учится в Лиме, туда они и стремятся, когда выдаётся время, а дворец для них строит Рафаэль Санти, по личному поручению императора.

Король Западной Германии, Генрих Первый д'Альбре, личный близкий друг императора и Эль Чоло, единственный, который запросто общается с ними на ты.

Герцог Васко да Гама де Гоа, величайший адмирал мира, по признанию самого императора, его постоянный спутник и партнёр по преферансу.

И одиннадцатым, в этой славной компании величайших людей мира, оказался сам дон Жуан Ависский. Непонятно почему, непонятно за какие заслуги, но его в первый, ближний круг приняли. А впрочем, почему непонятно-то?

Герцог Большого Лиссабона, герцог Большого Порту и герцог Бом Байи сейчас самый богатый вельможа Империи Инков, если не считать вице-императоров, посчитать состояния которых невозможно. Сколько им нужно — столько у них и есть, но это небожители. Среди простых смертных, земных вельмож, дон Жуан Ависский, несомненно, самый богатый. Кроме трёх богатейших герцогств, ему ещё принадлежит самая крупная в мире транспортная компания, из двухсот пятидесяти судов, разоружившихся кораблей бывшего королевства Португалия. В общем, взяли дона Жуана в высший имперский круг. С юга, с тыла, сосед сам император, с запада — герцог Васко да Гама де Гоа, с востока гостевой дворец, а с севера, напротив, русский князь Семён Фёдорович Бельский, имперский граф Тринидад-и-Тобаго; по углам: дон Жоржи ли Менезиш, герцог Тайваня, граф Гуама; и генерал-адмирал Андреас Нуньес, герцог Исландии, граф де Хувентуд.

Чудесная планировка. С одной стороны, от императорского владения, озеро, а с трёх других, по четыре дворца ближайших сподвижников, друзей и знатнейших вельмож, с двумя храмовыми площадями в юго-западном и северо-западном углах.

Дон Жуан Ависский формально не являлся главой этого грандиозного строительства, но неформальным лидером бывшего короля Португалии признали все творцы-архитекторы, все шесть гениев признали именно его старшинство, и именно к нему обращались в случае возникновения затруднений, или новых идей. Именно ему удалось склонить этих ревнивых к чужим успехам творцов к согласованным действиям, при решении общих задач (общих для всего комплекса, вроде водоснабжения, или канализации), с ежевечерним подведением итогов в «штабе» строительства, будущем гостевом дворце.

— Благородные сеньоры, император уже в Нью-Йорке, скоро будет здесь. Этот дворец нужно приготовить к его приезду, а наш штаб предлагаю перенести ко мне, в южный флигель.

— Раз приезжает сам император, наш штаб больше не нужен, ваша светлость, — возразил самый неуживчивый и склочный, Бенвенуто Челлини, — все наши общие вопросы он решит лично.

— Как знать, сеньор Челлини, как знать. Уже возникшие, конечно, решит, но ведь могут возникнуть новые. Более того, они обязательно возникнут. Впрочем, дело это добровольное. Кому нравится сложившаяся традиция — милости прошу ко мне. Я собираюсь просить императора о предоставлении нашему штабу законных властных полномочий. Не только в дворцовом комплексе, а во всей столице.

«И ещё просить отослать куда-нибудь этого склочного флорентийца» — мысленно добавил герцог Жуан Ависский. До чего же неуживчивый у него характер, просто уму непостижимо. Пусть работает отдельно. Мало ли городов ещё предстоит построить, где-нибудь обязательно пригодится. Хоть бы и в том-же Челябинске, там тоже нужно строить. Или вообще на западном берегу, подальше от нормальных людей.

Из Нью-Йорка до Тауантинсуйу неделя пути на конской тяге. Семь дней по маршруту будущей железной дороги, семь остановок в будущих городах, а пока укрепленных фортах-факториях. На всякий случай укрепленных, война ведь кругом. Империя в ней не участвует и врагом её никто не считает, но война есть война, нужно беречься.

Как остановить многовековую войну индейцев — пока непонятно. Эта война — смысл их жизни. Они ради этого и живут, чтобы отомстить за убитого два-три века назад предка-вождя, или великого воина, о котором уже двести-триста лет шаманы поют свои гимны-баллады под грибные компоты. Таких неотмщённых вождей-воинов очень много у всех племён, и только ради этой мести они живут и рожают детей. Им с детства делается установка жизненной цели — священная месть. Всё исключительно ради этого. Даже свои жизни совсем не ценят, что уж тут про врагов-нелюдей говорить.

В Тауантинсуйу, Савелий и Эль Чоло прибыли девятнадцатого июля 1533 года. Въехали в столицу с юга, в пролетарский район при сталеплавильном и сталепрокатном заводах, с них и начали инспекцию.

Интернет не обманул. Руда возле озера Верхнего нашлась осень богатая, уголь в Новой Шотландии отличный, транспортировка по системе Великих озёр дешёвая, соответственно и сталь выходит в разы дешевле, чем европейская, которую закупили на начальном этапе. Основное производство столичных заводов — рельсы. Ещё стрелочные переводы, подкладки, крепёж и всё остальное, что необходимо для строительства железных дорог и мостов.

Уже хороший темп производства, а он ведь постоянно увеличивается, так что дороги от Тауантинсуйу до Нью-Йорка и Челябинска построятся даже раньше, чем Маракайбо — Медельин — Лима. А дальше двинемся на запад, к Сан-Франциско и Сиэтлу/Ванкуверу. До свадьбы ещё десять лет, две пятилетки, запросто можно успеть построить Трансокеанскую железную дорогу и в Северной Инке.

Инициативу герцога Жуана Ависского, по созданию штаба застройки столицы, Савелий и Эль Чоло поддержали, как и удаление из команды Бенвенуто Челлини. Чтобы не возникло нелепых обид, особенного Челлини повысили в должности до главного архитектора Челябинской агломерации, жаловали владением и титулом виконта Багамских островов. Не жалко. Всё равно он педик и помрёт бездетным, а Багамы вернутся в имперское владение.

Все они педики, творцы эти гениальные, кроме Альбрехта Дюрера. Никто из итальянцев после себя потомства в той исторической реальности не оставил, поэтому не жалко. Титулами и владениями жаловали всех: Микеланджело Буонарроти стал виконтом Аруббы и Кюрасао, Рафаэль Санти виконтом Каймановых островов, Сандро Батичелли виконтом Виргинских островов, Тициан Вечеллио виконтом Ринкона и Тортуги, а Альбрехт Дюрер виконтом острова Маргарита. Не самые богатые владения, но доход приносят. Не деньги в этом случае главное, зарабатывают творцы и так очень прилично, главное — титулы и статус. Под это дело их обязали взять уже не по десятку учеников, а по три десятка. Ищите и учите. Строить нам предстоит много, только новых городов несколько сотен, вот и будем их строить красиво, чтобы перед потомками не было стыдно.

В сентябре получили отчёт о наведении «конституционного» имперского порядка в Марокко.

Его величество вице-император Паскуаль де Андагойя, имперский наместник Африки и островов Индийского океана, герцог Кубы, герцог Андалусии, граф Севильи, собрал в Империи для Марокканской кампании одних дембелей. Причём, дембелей-добровольцев, готовых осесть на земле. Не крестьянами, понятное дело, владельцами баронств и шателений, но и таких длинная очередь не выстроилась. Командирам имперских батальонов и рот представлялось намного интереснее остаться на службе, чем получить «тухлое» виконтство-баронство в Марокко-Мавритании.

И вообще, осесть на земле, инкские вояки в массе совсем не стремились. Все они выслужат пенсию, а землю и здесь получить можно, дома, в Южной, или Северной Инке. Не ещё лучше свой угол в весёлом цивилизованном городе, где можно эту пенсию весело тратить на бухло, шлюх и прочие простые удовольствия, доступные военным пенсионерам.

В общем, чтобы найти виконтов, баронов и шевалье на новые территории, потрудиться пришлось, но три бригады добровольцев, будущих дворян, насобирать в итоге удалось. Три бригады, из метрополии, плюс три европейских, от его величества Нууно Вимка, плюс четыре гвардейских батальона специального назначения, самого наместника Африки и его друзей герцогов, не пожелавших остаться в стороне от такого веселья.

Итого, под командованием у него оказалось: шесть бригад пехоты — восемнадцать тысяч винтовок и сто семьдесят миномётов; четыре батареи семидесятишестимиллиметровых пушек — двадцать четыре орудия с нарезными стволами; и четыре тысячи гвардейских драгунов — ещё четыре тысячи винтовок и сорок миномётов.

Кроме того, десять тысяч кавалерии, в том числе и верблюжьей, выставил новый имперский герцог Абу-ль-Аббас Ахмад де Марокко. Их Паскуаль вооружил гладкоствольными ружьями и сформировал на основе гвардейских батальонов три

кавалерийские драгунские бригады, командирами которых назначил своих друзей герцогов: Хуана Понсе де Леон, герцога де Пуэрто-Рико, герцога де Галисия, графа Сантьяго-де-Компостелы; Франсиско де Гарай, герцога де Ямайка, герцога де Гранада, графа Альмерии; и Хуана де Грихальва, герцога де Эспаньола, герцога де Мурсия, графа Картахены.

Границей Марокко на юге, дон Паскуаль назначил самую западную точку Африки, мыс, на котором в той исторической реальности построили город Дакар, то есть границу Сахары и африканских тропиков. Может и правильно. Все эти Западные Сахары, Мавритании и Сенегалы — плод колониальной политики европейцев в той исторической реальности. Всю территорию населяют одни и те же берберы, мавры и понаехавшие арабы, вот и пусть живут в едином имперском герцогстве Мавритания, или отваливают на восток, если не нравится. Султану Сулейману Первому войны пригодятся, найдёт, куда их потратить.

Как таковой войны не получилось. Три европейские бригады и гвардия герцогов высадились в Танжере, Сеуте и Титуане, уже покинутых войсками Саадитов, получили лошадей под седло и для обозов, объединились с местными и начали давить мятежников на юг. Ещё три бригады, Паскуаль высадил в Рабате, Касабланке и Агадире.

Сражение в этой войне состоялось всего одно, неподалёку от столицы Саадитов, города Фес. Так себе сражение. Четырнадцать тысяч наших драгунов с винтовками, ружьями и сорока миномётами, против сорока тысяч кавалерии арабов и мавров, с саблями и аркебузами. Их даже избивать не стали, только напугали и разогнали. Пусть уходят на восток, османам нужны храбрые воины в Европе. Фес взяли в конце июня, Марракеш в начале июля. Вот и всё, герцогство Мавритания влилось в дружную семью имперских владений, войне конец, добро победило, ничего интересного.

В сентябре, Эль Чоло отправился в Маракайбо, а Савелий решил остаться на первую зимовку в новой столице. Жить уже есть где, гостевой дворец получился довольно уютным, да и вообще, пора снова привыкать к настоящим зимам. Может получится на лыжах покататься. Да и насчёт индейцев будет время подумать. Должен же быть какой-то статус-кво, который устроит большинство. Всех точно не устроит, но интересами меньшинства, ради этого, пожертвовать можно и нужно. Как и самим неменяемым меньшинством.

Кроме того, стоит озаботиться строительством столичного университета. В Тауантинсуйу такую ответственность на себя точно никто не возьмёт, а ещё... Да много чего ещё, всё сразу и не вспомнишь. Радиостанции для столицы и Нью-Йорка, например, точно должны прислать ещё до Нового Года, вот и займёмся их настройкой. Для этого интернет окажется очень полезен, а к нему здесь больше ни у кого доступа нет. К «утраченным знаниям богов», ага.

Интерлюдия. 18 октября 1533 года.

Пловдив, император Франциск Первый Валуа взял девятого августа 1533 года. Выполнили поставленные перед ними задачи и остальные. Король Хорватии, Гийом Первый Бониве, взял Сараево; король Сербии, Этьен Первый Фуке-Ритон — Констанцу; а короли Венгрии, Анн Первый Монморанси — Софию.

Странно проходила летняя кампания 1533 года. Османы как будто исчерпали свои силы и даже не попытались снять с городов осаду. Их гарнизоны сражались стойко, но тоже не до конца. Все четыре города сдали после переговоров, на условиях отступления с оружием и знамёнами. Выпустили, конечно. Гораздо важнее сохранить города целыми, чем перебить лишние полсотни тысяч уже потерявших волю к сопротивлению мусульман. Так казалось в тот момент.

Османы отошли к Эдирне, где влились в войско Увейс-паши, готовившее оборону столицы. Большое войско, с отступившими сто двадцать тысяч. Тогда бы задуматься — почему это ключевое направление возглавляет не лично султан Сулейман, а его брат, великий визирь, но не задумались. Мало ли что, может заболел, а может ещё что-нибудь, восток — дело тонкое, может его уже и в живых-то нет.

Двадцать шестого августа 1533 года, французская армия объединилась в четырёх лье северо-западнее Эдирне. Сто шестьдесят тысяч ветеранов готовились к последнему удару. Так тогда казалось. Ведь вот он, Эдирне, в бинокль отлично видно, а дальше, всего в каких-то шестидесяти лье, и сам Константинополь. Казалось, что уже ничего не мешает закончить войну уже этой кампанией.

Двадцать восьмого начались бои за броды через Мерич, а первого сентября пришло шокирующее известие. Нашёлся султан Сулейман Первый Великолепный. Нашёлся в глубоком тылу, со стопятидесятитысячной армией, которую он провёл через русские Валахию и Моравию в Остмарк.

Сулейман не стал освобождать Буду и Пешт, он сразу ударил на Удине и Триест, отрезав французов на Балканах от снабжения с Большой земли. Отрезал полностью, ведь морем безоговорочно владеют османы. По сути, французская армия попала в окружение. На огромной территории, но всё равно в окружение. Вместе с императором и тремя его вассальными королями. Перед османами теперь лежит беззащитная Италия, а за ней и сама Франция. Ещё более беззащитная. Прощай мечты, прощай Константинополь. Самая война настоящая война, оказывается, только-только начинается. Начинается с прорыва из ловушки.

Отступление от Эдирне к Пловдиву и дальше — к Софии, Нишу, Сараево и Риеке началось второго сентября. Очень нервное отступление. Армия Увейс-паши преследовала французов по пятам, не задерживаясь для осады потерянных городов. Куда они денутся, когда сбежит армия? Сдадутся, как миленькие.

К Риеке, Франциск Первый привёл восемьдесят тысяч и меньше половины артиллерии. Проклятые хорваты, сербы и болгары, дезертировали почти полностью, вместе с выданным им оружием. Мерзавцы. Но хоть Увейс-пашу отвлекли и то ладно. Чтобы их османы всех до одного вырезали, проклятых предателей...

— Вот и момент истины, друзья мои. На тот случай, если мне суждено завтра предстать перед Господом нашим, оглашаю вам свою волю. Регентом при Франциске Втором, до его совершеннолетия, будет де Бониве.

— А если и мне суждено, Сир? — герцог Гийом Гуфье де Бониве, граф Артуа, совсем не обрадовался такому доверию своего сюзерена. Война проиграна. Проиграна сокрушительно, даже если им удастся каким-то чудом прорваться в Италию, дальше воевать просто нечем. Регенту предстоит подписания мирного договора. Позорного мирного договора, практически капитуляции. Хорошо, если удастся сохранить хотя бы Францию. Лучше уж самому завтра предстать перед Господом, чем вытерпеть такой позор.

— Вам не суждено, Бониве. Вы немедленно отправитесь в Загреб, оттуда, не мешкая, в Буду и дальше на русскую территорию. Во Францию вернётесь через Кёнигсберг.

— Ни за что, Сир! Почему бы вам самому не отправиться во Францию этим путём? Тогда и регент не понадобится.

— Потому, Бониве, что ни мне, ни Монморанси, император Инков помогать не будет. Вся надежда только на вас. Теперь только ваша жизнь ценна для Франции. Так уж получилось.

— Тогда мы должны отправиться вдвоём, Сир. Один я не уйду, хоть на плаху отправляйте.

— Поддерживаю брата, Сир. Вы должны жить дальше. Погибнуть завтра — это очень лёгкий путь. Сейчас, когда жить страшнее, чем умереть — это путь труса. Извините.

Двадцать первого декабря 1533 года, в Тауантинсуйу прибыл вице-император Паскуаль де Андагойя. Прибыл с шокирующими новостями. Французская армия на Балканах полностью уничтожена. Не поголовно истреблена, но как единая армия она больше не существует. А кроме того, в Европе распространяется эпидемия чумы. Распространяется как раз с Балкан, очаги фиксируются уже по всей округе — в османских Богемии и Остмарке, французской пока Италии, русских Моравии и Валахии. Про эпидемии в этом мире уже знают, знают, как с ними бороться, но возможность бороться есть только у русских. По османской Европе гуляют примерно восемьдесят тысяч вооружённых дезертиров — сербов, хорватов, боснийцев, болгар и македонцев, а во французской Италии полное безвластие. Мама-анархия и эскадроны османских драгунов, рыскающие по всему полуострову, в поисках лёгкой добычи.

Впрочем, начнём по порядку. Сулейман Первый очень красиво переиграл французов. Ценой нескольких пешек, и так проблемных, он поставил Франциску мат. Блистательная комбинация. Османы не цеплялись за позиции в Боснии, Румынии и Болгарии, они совершили глубокий обход крупными силами и заперли на Балканах всё французское войско. Заперли, потом зажали в клещи и разгромили под Триестом. Кстати, южной армией командовал Увейс-паша, и очень неплохо командовал, судя по всему.

Подтверждено, что под Триестом погибли король Венгрии, Анн Первый Монморанси, и король Сербии, Этьен Первый Фуке-Ритон. Судьба императора, Франциска Первого Валуа, и короля Хорватии, Гийома Первого Бониве, остаётся неизвестной. Вполне могли затоптать их трупы в не опознаваемый фарш. Запросто могли. Больше двухсот тысяч человек замесились на таком крохотном участке земли, так что всё может быть.

Что дальше? Если бы не чума, османов некому было бы остановить до самого до города Парижа.

Повезло, ага. И смех, и грех. Не повезло людям-французам, но зато повезло королевству Франция, метрополии теперь уже бывшей Французской Империи. Неизвестно, надолго ли отложилось вторжение мусульман, но хоть насколько-то оно отложилось точно.

Чума... Не неожиданность, конечно, нет. Эпидемию ждём давно. При таком уровне гигиены и санитарии в Европе, в условиях всеобщей войны и массового недоедания людей, эпидемии просто неизбежны. Даже удивительно, что чума настолько задержалась, дала нам возможность подготовиться, создать карантинные лагеря для переселенцев. Подготовиться успели не только в Северной и Южной Инке, но и в Европе.

Пиренейский полуостров уже наверняка закрыл все восемь сухопутных проходов во Францию, вице-император, Нууно Вимка, правитель очень ответственный и исполнительный, а инструкции, на случай возникновения эпидемии, у него имеются практически пошаговые. Островные владения Империи в Европе — тем более переживут. Им закрыться гораздо проще — просто отгоняй всех от своих берегов, на всякий случай. Отгоняй их подальше в море, чтобы даже крыса с корабля на берег не сбежала.

Интерлюдия. 20 января 1534 года.

До Антверпена, Франциск Валуа и Гийом Гуфье де Бониве добирались больше трёх месяцев. Русские не отказались пропустить императора Франции и короля Хорватии с тремя батальонами охраны через свои земли, но для начала заперли всех в карантин, под Краковом.

Эти сорок дней, показались Франциску Первому вечностью. Слишком мрачные думы одолевали его в период вынужденного бездействия. Но всё проходит, и это прошло. К счастью, чуму на Балканах никто из его маленького отряда не подхватил.

До Царьграда добрались шестнадцатого декабря 1533 года. Русский царь, Василий Третий, и королева Британии, Мария Первая, в своей столице отсутствовали, ещё в середине ноября они традиционно отправились в Южную Инку, проведать обучающегося там наследника-цесаревича и принца Уэльского, Ивана Васильевича.

Канцлер Русского царства, князь Иван Фёдорович Бельский, герцог Мальмё, отнёсся к бедующим императору и королю с сочувствием. И принял тепло, и корабли для доставки в Антверпен выделил. Шесть русских галеонов. Совершенно бесплатно. В рамках учений флота.

В проливах Скагеррак и Каттегат прилично поболтало, пришлось зайти для ремонта такелажа в Гётеборг, потеряли ещё неделю, но в итоге добрались целыми и невредимыми. Слава Богу! Могло быть и хуже, значительно хуже.

В Антверпен прибыли восемнадцатого января, уже 1534 года. Чума добралась теперь и до Франции, очаги эпидемии возникли в Марселе и Лионе. Италия, Швейцария и Савойя

охвачены чумой полностью, народ оттуда бежит и разносит заразу всё дальше и дальше.

Зато остановилось наступление османов. Остановилось в Вероне. В Вероне, с которой и началась эта проклятая война.

Грех такое говорить, и даже думать, но эта эпидемия стала спасительной для Франции. Османская армия болеет, быстро вымирает и массово дезертирует. Болеют и вымирают Балканы, Богемия, Остмарк, Бавария, Верхняя Саксония, Западная Пруссия, Бранденбург Османская Швейцария. Болеет и вымирает Константинополь-Стамбул. Чума уже перебралась в Анатолию и продолжает стремительно распространяться по Азии.

Европейские владения Империи Инков прекратили всякое сообщение с остальной Европой, все дороги на Пиренейский полуостров перекрыты карантинными заставами, которые стреляют на поражение во всех, рискнувших перейти «красную черту». Точно так же поступают с судами торговцев, не послушавшихся приказа разворачиваться и возвращаться. Их просто топят. Суда наглых торговцев расстреливают и никого не спасают. Чего-чего, а решительности этим инкам не занимать. Взять бы с них пример, но для этого нет армии. Всё, что осталось у Французской Империи — это городские гарнизоны ветеранов и те три батальона, с которыми Франциск Первый вырвался из Балканского Ада. Всего тысяч тридцать. Теперь это всего лишь тридцать тысяч. А ведь ещё каких-то жалких двенадцать лет назад, такая регулярная армия казалась немыслимо огромной...

Остался и флот. Те самые девять «винджаммеров» четвёртого поколения, которые де Бониве привёл из Нового Света год назад. В бой они так и не вступали, к счастью. Не рискнули сунуться в Средиземное море, так что уцелели все.

Остались деньги. Те самые сто десять тысяч ливров серебра, которые умница Гийом не стал тратить в прошлом году. Сто десять тысяч ливров — это оружие и боеприпасы почти для стотысячной армии. Для армии спасения Империи.

— Потеряно многое, де Бониве, но точно не всё. Сама судьба даёт нам второй шанс, и мы обязаны им воспользоваться. Обязаны, друг мой, Монморанси и Фуке-Ритон ждут от нас этого.

— Вы намерены продолжать войну, Сир? Мне казалось...

— Под Краковом мне и самому так казалась, Бониве, но с тех пор я многое переосмыслил. Мы допустили ошибку, поторопившись начать войну. Помните «Апокалипсис», Откровения Иоанна Богослова?

— Очень смутно, Сир.

— Перечитайте. Согласно пророчеству, перед Вторым Пришествием, в мир придут четыре Всадника Апокалипсиса. И первым должен прийти Всадник с луком на белом коне, имя которому Чума. Всадник Война, на рыжем коне, появляется вторым. Мы поторопились.

— Вы это серьёзно, про Второе Пришествие, Сир?

— Более чем серьёзно, де Бониве. Теперь я в этом убеждён.

— Зачем нам тогда воевать, если всё равно наступает Конец Света?

— Когда он ещё наступит... Мы с вами можем до этого и не дожить. Воевать мы должны просто потому, что не можем заключить мир. У нас нет другого выхода. Османы ведь не остановятся в Вероне, не так-ли?

— Скорее всего, Сир.

— Точно не остановятся. Цена мира сейчас слишком высока для нас. Сулейман потребует уступки не только Италии, но и Швейцарии, Ломбардии, Савойи, а может быть и Франш-Конте. Вы готовы пойти на это?

— Нет, Сир. Это уже слишком.

— Вот и я так думаю. Поэтому как можно скорее отправляйтесь в Новый Свет. Нам нужна новая армия. Нужно оружие для ста тысяч. Нужны боеприпасы, нужна артиллерия. Только вы всё это можете получить за те деньги, что у нас имеются.

— Не знаю, Сир. Да и чума ведь. Меня наверняка запрут в карантине.

— Не беда. Сорок дней подождёте, отдохнёте. Как раз чума и подарила нам второй шанс, османам сейчас приходится гораздо хуже. Сомневаюсь, что они смогут организовать масштабное наступление этим летом. Слишком большой риск потерять всё войско от болезни, и Сулейман это отлично понимает. Время у нас есть. Отправляйтесь, де Бониве. На вас теперь вся наша надежда. А я пока начну собирать новую армию, и попробую не допустить чуму вглубь Франции. У русских ведь это получается, значит и у меня должно получиться.

Друг Энрике, король Западной Германии, Генрих Первый д'Альбре, прибыл в Тауантинсуйу двадцать третьего февраля 1534 года. Прибыл из Маракайбо, где традиционно праздновал Рождество и Новый год, поэтому в карантин не угодил. Из Европы, Генрих отбыл примерно в одно время с Паскуалем де Андагойя, поэтому новостей из Старого Света не привёз, зато привёз их из Южной Инки. Точнее, от привёз жрецов-радио-электронщиков, которым удалось заставить нормально работать станцию связи в Маракайбо. Связь, причём, голосовая связь с Лимой, у Маракайбо уже есть, на очереди Тауантинсуйу и Нью-Йорк. А дальше пойдёт намного веселее.

— Повезло мне вовремя из Европы отплыть. И Василию с Марией повезло. Через неделю после нашего прибытия, Эль Чоло начал всех отправлять в карантин. Даже герцога Рима и Мальты...

— Молодец, Эль Чоло. Чуме ведь всё равно, через кого передаваться, для неё что короли и герцоги, что простолюдины, все одинаково годятся в переносчики.

— Жуть-то какая... Страшно умереть от этой дряни. Боюсь и не стесняюсь этого. Поживу у тебя? Что-то мне совсем не хочется возвращаться.

— Конечно. Живи, пока не надоест. Только отправь супруге повеление переселиться в Мон-Сен-Мишель вместе с дочерью. Их там примут и устроят, я распоряжусь. Бережёного — Бог бережёт

— Думаешь?

— Знаю.

— Тогда, конечно. Оркестр то у тебя здесь есть?

Радиосвязь между Тауантинсуйу и Маракайбо установили семнадцатого марта 1534 года. Получили пакет новостей. Франциск Первый Валуа и Гийом Первый Бониве выжили. Оказывается, они ушли от Триеста накануне битвы всего с тремя батальонами охраны. Через Загреб и Буду добрались до Кракова, где угодили в карантин, а после него, с немалыми приключениями добирались до Антверпена, через Царьград и Гётеборг.

Узнал всё это Эль Чоло от непосредственного участника, Гийома Гуфье де Бониве, прибывшего в Новый Свет, искать помощи у друзей.

С Гийомом, Эль Чоло пообщался лично. В плавании тот провёл больше сорока дней, и за это время никто на корабле не заболел, но шаман всё равно на берег никого не пустил, даже друга Гийома. Принял его на борту своей яхты, а после сразу отправил в Тауантинсуйу, через Нью-Йорк. Изгнанному королю Хорватии снова требуется оружие, много оружия, много больше, чем у него имеется денег. Принять решение главный вице-император мог и

сам, но не захотел. Большую Европейскую Игру ведёт Савелий, к нему Эль Чоло де Бониве и отослал. Ждите, скоро будет, отчалил уже две недели назад.

Василий Иванович с Марией Генриховной из Лимы уже вернулись и готовятся к отплытию в Европу. На их яхту, «Князя Святослава Игоревича», грузят две радиостанции для Царьграда и Лондона. Ещё три на «Священного Препуция» — для Гранады, Мальты и аббатства Сен-Жермен-де-Пре в Париже. Парижская радиостанция станет первой коммерческой орденой.

Чума уже в Западной Германии (Швабии) и континентальных владениях Британии. Сэр Томас Мор, лорд-канцлер Британского королевства, запретил любое сообщение острова с континентом, а канцлер Русского царства, князь Иван Бельский — любое перемещение по дорогам, западнее Днепра. Италия поражена полностью, во Франции весь юго-восток. Чтс творится в Османской Империи, достоверно пока неизвестно, но точно, что самый настоящий ужас.

Совсем плох кардинал-камерленго Иаков Рихтер, архиепископ Маракайбо и главный викарий Собора Священного Препуция, так что Папе Клименту Восьмому лучше бь вернуться. Долго Рихтер не протянет.

— Вещь! — оценил радиостанцию король Западной Германии, уже освоивший сленг своего друга, императора Нового Света, — Мне тоже такая штука нужна.

— Одну получишь в подарок. В столицу, в Кёльн. А дальше договаривайся с магистром Ордена.

— Договоримся, — кивнул друг Энрике, — штук десять я куплю. Или даже больше, тут подумать надо, посчитать.

— К ним электростанции нужны.

— Тогда пять, или шесть. В Амстердам, Дюссельдорф, Ганновер, Франкфурт и Штутгарт точно надо, а в Гамбург может быть. Я рад, что Гийом выжил. За него даже больше рад, чем за Франсуа.

— Я тоже.

— Поможешь ему?

— Чем-нибудь обязательно помогу. Но воевать за Францию и Хорватию не буду точно. Сулейман и Увейс-паша мне тоже друзья.

— А после них?

— После и посмотрим. Им всем ещё по сорок не исполнилось.

Интерлюдия. 29 марта 1534 года.

Герцог Рима и Мальты, магистр Ордена Священного Препуция, кардинал Игнатий де Лойола принял предсмертную исповедь кардинала-камерленго Иакова Рихтера, архиепископа Маракайбо и главного викария главного христианского храма, накануне.

Почему именно ему решил исповедаться Рихтер перед смертью, а не своему обычному исповеднику, теперь можно только догадываться, покойный на вопросы уже не ответит. Но сама исповедь оказалась потрясающей всю картину мира, сложившуюся в сознании его высокопреосвященства, Игнатия де Лойола.

Второе Пришествие уже состоялось! В этом покойный кардинал был убеждён. Мессия явился в облике императора-язычника, и именно он будет вершить Страшный Суд. Сын Солнца. Интико, владыка-император половины мира. Не сказать, что у Игнатия де Лойола не рождалось подобных мыслей в размышлениях. Слишком необычен Сын Солнца, слишком много необычного от него исходит. Очевидно, что с ним всё очень непросто, но Мессия? А

ведь Рихтер в этом убеждён. Что-то он такое увидел в Кёльне, что открылось только ему. Он увидел, что еретиков карает именно Сын Солнца, используя своего главного жреца и главного вице-императора как оружие. Что именно он увидел, покойный описать не смог, всё произошло мгновенно и слилось в пятно движущейся, точнее даже, находящейся одновременно везде, фигуры Чалько Юпанки, но увиденное в памяти запечатлелось очень отчётливо и после не раз возвращалось к нему во снах и позволило рассмотреть некоторые детали. Рассмотреть и убедиться — Второе Пришествие уже состоялось, Страшный Суд начался. Суд, на котором христианам не будет сделано никаких снисхождений, а как бы не наоборот.

Рихтер подробно вспомнил и рассказал про своё первое общение с Сыном Солнца, тогда ещё совсем ребёнком по человеческим меркам, состоявшееся в Панаме, тринадцать лет назад. Император Интико считает, что христианство отбросило развитие человечества на тысячелетия назад. И вообще, христианство к Иисусу Христу никакого отношения не имеет. Его имя просто используется церковью. Церковью, созданной Савлом из Тарсуса, человеком с очень сомнительной для создателя христианской религии биографией, ревностного гонителя первых христиан и в глаза самого Христа никогда не видевшего.

Да и вообще... Бог-Отец Иисуса Христа в христианстве... Что это ещё за Всемогущий которому понадобилось наказывать фараона целыми Десятью Казнями Египетскими, чтобы угнать у него рабов? А если не он Отец Иисуса, то кто он тогда? «Отец ваш — Дьявол»? В христианской религии Савлу из Тарса удалось совместить несовместимые противоположности. Иисус явился спасти иудеев от Дьявола. Только иудеев, только они ему поклонялись, а теперь поклоняются ещё и христиане. Да как поклоняются... Ритуально поедая плоть и выпивая кровь Иисуса Христа. Ежегодно исполняя этот жуткий по своей сути мистический обряд. Который, скорее всего, и мешал Иисусу вернуться.

В общем, кардинал Рихтер ушёл в другой мир в мир в уверенности, что Сын Солнца будет спасать человечество от христианства, в том числе, если не в первую очередь, о чём и предупредил перед своим уходом магистра Ордена Священного Препуция.

Его высокопреосвященство, Игнатий де Лойола, провёл в молитвенном бдении сутки, лично отпевая покойного, обращаясь к Господу с мольбами о вразумлении, но Господь, в ответ на мольбы, только усиливал эти греховные сомнения самого влиятельного христианина мира. Да-да, самого влиятельного. Папа Климент Восьмой практически устранился от дел после Кёльнского собора, а теперь не стало ещё и Рихтера.

И как с этим дальше жить? Всё вдруг в мире перевернулось и встало с ног на голову. Добро оказалось злом и наоборот.

После суточного молитвенного бдения, герцог Рима и Мальты, магистр и кардинал не отправился отдыхать, в этом не было нужды, уставшим он себя не чувствовал, что-то придавало сил, откуда-то они черпались. Игнатий де Лойола попросил главного жреца Империи и главного вице-императора о встрече в храме Инти. Главном языческом храме...

А на встрече, попросил благословения и напутствия. Самый влиятельный христианин в мире у языческого жреца! И ничего, твердь земная не разверзлась, потоп не начался, даже на душе сразу ощутимо полегчало.

— Живи по совести, Игнатий. Ничего другого в этой жизни от нас не требуется. По совести нашей и воздастся всем нам в итоге.

Король Хорватии в изгнании, Гийом Гуфье де Бониве, прибыл в Тауантинсуйу пятнадцатого апреля 1534 года. Как раз успел к празднованию тридцатилетнего юбилея его величества, Генриха Первого д'Альбре, короля Западной Германии, князя-архиепископа Кёльна, герцога Швабии, герцога Нижней Саксонии, герцога Франкфурта, герцога Гамбурга герцога Ганновера, герцога Дюссельдорфа, герцога Амстердама, герцога Эгейских островов.

Другу Энрике, Савелий подарил на юбилей кинематограф. Оборудование для кинотеатра и киностудии. Пусть снимает документальное кино про себя любимого и героического, подавая другим пример. Мировому кинематографу это только на пользу пойдёт.

Не обнёс Савелий подарками и гостей. Вице-император, имперский наместник Африки и островов, его величество Паскуаль де Андагойя, герцог Кубы, герцог Андалусии, граф Севильи, стал герцогом Мавритании. Большой Мавритании, от Гибралтара до Дакара Герцоги хунты, Хуан Понсе де Леон, Франсиско де Гарай и Хуан де Грихальва получили по десять тысяч французских ливров серебра за Мавританскую кампанию; наместник Северной Инки, вице-адмирал Авдей Шишка, герцог Ирландии, граф Фарерских островов, и генерал-адмирал Андреас Нуньес, герцог Исландии и граф де Хувентуд, по пять тысяч за усердие.

Но самый дорогой подарок получил король Хорватии в изгнании, Гийом Гуфье де Бониве. Савелий подарил ему свою императорскую яхту «Посейдон». «Виндjammer» четвёртого плюс поколения, в стальном корпусе и с гребным винтом. Военный корабль, только с внутренней планировкой плавучего дворца, которую, впрочем, переделать совсем не сложно. Десятый военный корабль для адмирала Французской Империи, под видом представительской яхты.

Теперь, учитывая, что у французов все корабли поколения четыре и один четыре плюс, на морском театре военных действий в Европе, силы воюющих держав как минимум сравнялись. На какое-то время сравнялись, теперь и османам придётся продать один такой корабль, но это когда ещё будет. Фора у друга Гийома есть, а воспользуется ли он ей — зависит только от него самого.

Лукавство? Не без этого. Поставленная цель: «*Europa delenda est*» ещё не достигнута и стремиться к ней нужно уравниванием сил противостоящих держав. Воевать они и сами очень рады, здесь стимулировать ничего не нужно, только поддерживать баланс и веру в победу. И нет в этом никакой подлости по отношению к друзьям. Всё, что получил один, получит и другой. Если бы Франциску Валуа удалось захватить Константинополь, то первым, какой-нибудь, уравнивающий силы воюющих сторон, подарок, достался бы Увейс-паше.

Семнадцатого сели говорить по существу. Сели вчетвером: император Нового Света; вице-император, Паскуаль де Андагойя; король Западной Германии, Генрих Первый д'Альбре; и король Хорватии, Гийом Первый де Бониве. Сели в формате «без галстуков». Без официоза, без величаний, за кальяном, кофе и коньяком. Сели поговорить четверо друзей и родственников. Да, цепочка родственников дотянулась и до Гийома Гуфье де Бониве. Через помолвки русского цесаревича Ивана с Жанной д'Альбре и Луизы де Бониве с дофином Франциском-младшим, наследником короны Французской Империи.

— Алжир, — подал идею Паскуаль, — чумы там нет, османы далеко, а воевать зимой

даже лучше. Захватишь Алжир — сразу отбросишь османов далеко на восток, в Грецию, на Балканы. Только, для начала, тебе придётся разгромить флот Пири-реиса. Не знаю, насколько это реально, моряк из меня так себе, прямо скажем. По этому вопросу, тебе стоит посоветоваться с герцогом Васко да Гама де Гоа.

— Посоветуюсь обязательно. Но сразу так далеко османы не отойдут. Есть ещё Тунис.

— Нет, на самом деле, никакого Туниса, Гийом. То есть, он, конечно, есть, пока есть османский Алжир. Не станет Алжира, не станет и Туниса. Да и ливийский Триполи сопротивляться не будет. Не сильно в Магрибе берберы и арабы любят кочевников тюрк-османов, это я тебе по своему личному опыту говорю, а не понаслышке. Точнее сказать — сильно их не любят, подчиняются только силе. Османы в Магрибе — дикари с дикого Востока, кочевники, Орда варваров. Единственное, что их пока объединяет — это ислам. Пока объединяет. Мы слишком облажались с Крестовыми походами. То есть, не мы сами, конечно, но наши алчные и безмозглые предки. Мусульмане вам, Империи Франция — не враги. У меня, в Андалусии, мусульмане — лучшие из подданных, самые лояльные и законопослушные. Чего и твоему императору желаю. Пусть Франциск Первый пообещает магрибским берберам и арабам Медину и Мекку — и не будет у него более лояльных войск, чем Магрибские. А ведь там и сотню тысяч драгунов собрать можно.

— Перспектива заманчивая, только мы ещё не победили флот Пири-реиса. Не думаю, что у герцога де Гоа удастся получить план разгрома. Силы равны. Корабли у нас новее, но у османов на один «виндjammer» больше. Не говоря уже про сотни самоделок.

— Я готов подарить Франсуа свою яхту «Кёльн», Гийом. Прямо сейчас готов, домой меня потом, после чумы, кто-нибудь подбросит, — вдруг «открылся душой» король Западной Германии, — признаться честно, я вас здорово нагрел со Священным Препуцием из Хильдесхайма и Амстердамом. А ведь жизнь прожить нужно по совести. Правильно я говорю, Интико?

— Правильно, Энрике. Это очень хороший поступок. Королевский. Щедрый и великодушный.

— Спасибо, друг. Тогда теперь, по совести и будем жить. Куплю себе потом другую яхту, пароход на винтовом ходу, без мачт и парусов, деньги у меня на это есть. Я бы и войсками вам помог, Гийом, но тут уже увы, у меня имеются союзнические обязательства.

— Они отлично обойдутся без твоих войск, Генрих, — продолжил имперский наместник Африки, — у моего нового приятеля, герцога Марокко, Абу-ль-Аббас Ахмада, сейчас под рукой десять тысяч отличных драгунов, которых он теперь, после вхождения в Империю, не знает куда девать. Три укомплектованные бригады, с боевым опытом. Хотел их в Южную Африку увезти, но раз у нас сегодня день щедрости и великодушия — уступаю. И даже сам оплачу им год службы.

— Спасибо, Паскуаль. Но что решат десять тысяч? На Балканах воевали четыреста с лишним тысяч с двух сторон.

— Десять тысяч — это скелет, на который нарастёт мясо. Очень быстро нарастёт, я в этом уверен. К победителям во все времена примыкали охотно, а они победители. И местность отлично знают, до самого Нила. Пехота вам понадобится только для взятия и после для гарнизонов в крупнейшие портовые города. Алжир, Аран, Тунис, Бизерту, Сфакс и Триполи. Может ещё в Аннабу. Семь городов, по бригаде трёхбатальонного состава — всего двадцать одна тысяча.

— Не много, — согласился король Хорватии, — только на десяти кораблях мы их будем

целый год перевозить. А сколько кораблей у нас останется после сражения с Пири-реисом?

— Транспорты наймёте. — подсказал ход Савелий, — Сейчас они бездельничают из-за эпидемии, терпят убытки, так что возьмут недорого. В Портсмуте, у компании Лоренцо Саларино, семь десятков шхун простаивают. Имперского подданства у него нет, а значит нет и препятствий. Договоритесь. Очень толковый гражданин. У нас послом Республики служил, после наместником-прокуратором Далмации. За владение и титул сделает хорошую скидку. Пусть у вас будет герцог Венеции.

— Венеция сейчас у османов.

— А гражданин Саларино сейчас в Портсмуте. Но вы ведь собираетесь отбивать Венецию, Далмацию и Хорватию, когда закончится эпидемия? Так я и думал.

Король Хорватии, Гийом Гуфье де Бониве, отбыл в Европу девятнадцатого июня 1534 года, когда уже работали узлы связи в Гранаде, Лондоне и Царьграде, и новости приходили практически в режиме реального времени.

На Британский остров чума пока не проникла, но гражданин Саларино всё равно сидел без дела. Его транспортная компания занималась перевозкой переселенцев в Северную Инку, а какие сейчас могут быть переселенцы? Договориться с ним, королю Хорватии удалось по радиосвязи в телеграфном режиме. Пока только об участии в Алжирской кампании, а дальше видно будет.

Запасы оружия и боеприпасов в Европе имеются, большие запасы, хватит на три стотысячные армии, поэтому друг Гийом отбывал в Антверпен налегке. Отбывал в хорошей компании, герцог Васко да Гама де Гоа решил потряхнуть стариной и совершить ещё один эпический подвиг. Именно он, с разрешения императора Инков, и возглавит французский флот в сражении за Алжир.

Франциску Первому удалось остановить распространение эпидемии. Чума дошла до Парижа, Монпелье и Тулузы, охватив весь центр и юг Франции, но ситуация уже взята под контроль, и на север и запад заразу не пропустили. Драконовскими мерами, конечно, с отстрелом всех бродяг, но тут совсем не до гуманизма, это понятно, это разумно, это рационально. Подобными методами с эпидемией борются все — и русские, и британцы, и западные германцы, так что никого это не шокирует.

Много хуже обстановка в Италии, но там чума французам только на пользу, именно она сдерживает продвижение османов. Что творится на османской территории, достоверно неизвестно, все связи давно прекратились, ничего не знает даже посол Сулеймана Первого в Гранаде.

Догадаться можно. На Балканах наверняка сущий Ад, слишком много там хорошо вооружённых партизанских отрядов, которые не перестреляешь так же запросто, как бродяг. Да и горный рельеф сильно усложняет задачу. А с Балкан они проникают в Венгрию и дальше на север и запад — в Богемию и Остмарк. В азиатской части Османской Империи высокая плотность населения, так что и там наверняка не всё хорошо.

В той исторической реальности, вспышка чумы в Европе случилась немного позже, в сороковые-пятидесятые годы шестнадцатого века, и как считается, жертвами эпидемии стали двадцать шесть миллионов человек. Хотя, кто их считал, если разобраться? Может быть двадцать шесть, а может и все пятьдесят. Сейчас о чуме и эпидемиях известно гораздо больше. Известно — и что за болезнь, и как распространяется, и как с ней бороться. Только кто будет бороться с чумой на Балканах? Пока никому. Эпидемия там закончится, когда закончатся люди, но ещё на долгие-долгие годы сохранятся природные очаги. Немногим

лучше ситуация в Италии. Там тоже некому навести порядок. Такие дела...

Интерлюдия. 11 августа 1534 года.

В зачумлённый Париж, магистр Ордена Священного Препуция, Игнатий де Лойола отправлять людей с оборудованием для узла связи не рискнул. Вместо Парижа, он решил разведать ситуацию в Константинополе-Стамбуле, откуда давно не поступало достоверных сведений. В Константинополе можно многое узнать и не сходя на берег, не подвергая себя неразумному риску. В любом случае, эти сведения пригодятся, даже если придётся развернуться, так и не установив радиостанцию, но на это шанс имелся. Гораздо лучший шанс, чем в том-же Париже.

Новый дворцовый комплекс Топкапы, резиденция султана — настоящая крепость внутри крепости. Как бороться с эпидемией, османам хорошо известно, хватает у них и образованных медиков, которые учились в Империи, так что Константинополь отстоять вполне могли. В Константинополе столько войск, что можно контролировать любое передвижение горожан, войск самых дисциплинированных — султанской гвардии. Шанс есть, а связь с Османской Империей очень нужна. Париж подождёт следующего завоза оборудования.

В Кадырга Лиманы, бывшую гавань Юстиниана, заходить не стали, опасаясь чумных крыс, якоря бросили в паре миль от берега и запросили контакт сигнальными ракетами. К обеду следующих суток, на контакт прибыл сам великий визирь, Увейс-паша. Прибыл на борту сорока вёсельной галеры, одной из многих, которые османы используют как паромы, для переправ через Босфор и Золотой Рог.

Игнатий де Лойола не ошибся. Стамбул в осаде чумы, в самом городе возникают очаги, но локализовать их пока удаётся. В Топкапы болезнь до сих пор не проникла. С Увейс-пашой говорили на расстоянии в полсотню метров, при помощи рупоров, но в итоге смогли всё обсудить. Магистр скомандовал выгружать оборудование и команды монтажников и связистов в шлюпки «Священного Препуция». Спасательные шлюпки — не такая уж большая ценность, пусть остаются османам в подарок. Всё лучше, чем рисковать всей командой корабля. Увейс-паша отнёсся к такой осторожности с пониманием и одобрением. Пообещал беречь монахов-монтажников-связистов как родных детей и пожелал удачи. Удачи всей Империи Нового Света и лично другу-магистру.

На Мальгу, «Священный Препуций» прибыл одиннадцатого августа 1534 года. Связь с Константинополем-Стамбулом уже имелась. Отличная связь, даже голосовой режим работал. Информацию в Империи уже получали, за что император Интико объявил Ордену благодарность и пообещал достойные награды всем причастным, о чём его высокопреосвященству, Игнатию де Лойола, сообщил крайне довольный имперский наместник в герцогстве Рима и Мальты, барон Никколо Макиавелли де Мон-Сен-Мишель. Пожилой уже, шестидесяти пятилетний урождённый флорентиец, перешедший в имперское подданство тринадцать лет назад, после захвата Флоренции французами.

Барона Никколо Макиавелли очень высоко ценили император с главным вице-императором. Бывший секретарь Второй канцелярии Флорентийской республики, философ и писатель, автор «Государя», «Рассуждений о первой декаде Тита Ливия», «Истории Флоренции» и «Истории Империи Инков», состоял в личной свите императора почти десять лет. Разбогател на своих книгах, хорошо пристроил детей, а потом сам попросил назначение на Корсику, или Сардинию. Поближе к любимой Флоренции.

Император не отказал, поближе назначил — только на Мальту. Зато жаловал

Макиавелли титулом и владением. Небольшим владением Мон-Сен-Мишель, островком у побережья Нормандии, зато это бывшее владение французской короны, которую барон страстно ненавидел за разорение родной Флоренции.

Именно разорение. Французы, как настоящие варвары, вывезли из города всё, что имело хоть какую-то художественную ценность. Вывезли и продали в Новый Свет, скоты. Бедная Флоренция, бедная Италия... За варварами-французами пришла чума, а за чумой, похоже, настанет черёд османов.

С бароном-философом Никколо Макиавелли де Мон-Сен-Мишель, герцог Рима и Мальты, магистр и кардинал, Игнатий де Лойола, сошёлся довольно близко. Очень любил беседовать с ним на самые разные темы, хоть это удавалось и нечасто. Нечасто, но тем выше была ценность этих обменов мнениями двух великих умов эпохи. Магистр Ордена Священного Препуция, человек чрезвычайно занятый, и на месте подолгу не сидит. Вот и сейчас он заглянул в главное командорство всего на несколько дней.

— Есть что-нибудь чрезвычайно важное, что не терпит отлагательства, или мне можно отдохнуть пару суток? Признаться, этот поход в Константинополь меня здорово утомил, да и вообще обстановка... Всё на нервах.

— Отдыхайте, ваше высокопреосвященство. Ничего такого чрезвычайного. Чума до Империи не добралась, слава Богу, а у остальных всё по-старому. В Лондоне скончался кардинал Джон Фишер, но вряд ли это настолько важно.

— Скончался от чумы?

— Нет. На остров чума пока тоже не добралась.

— Хорошо. Тогда до завтрашнего вечера, барон. Очень хочется обсудить с вами одну важную тему, которая не даёт мне покоя с момента принятия исповеди кардинала Иакова Рихтера, но её лучше обсуждать на свежую голову.

— Разве исповеди можно обсуждать?

— Эту можно, кардинал Рихтер разрешил.

Семнадцатого августа 1534 года, в Гранаде, прошли торги за «винджаммер» поколения четыре плюс, «Залмоксис». Торги, вполне ожидаемо, выиграл посол Османской Империи. Ожидается потому, что османов известили о покупке французами двух яхт: «Посейдона» у императора Инков и «Кёльна» у короля Западной Германии. Яхты то они яхты, спора нет, настоящие плавучие дворцы, только они ведь тоже военные корабли, хоть и с роскошными потрохами. В общем, ожидаемо. Неожиданным стал итог. Завидное упорство проявил посол Персии, поднявший цену до тридцати двух тысяч французских ливров серебра и отступившийся только на тридцати четырёх.

Персы успешно освоили три «винджаммера» второго поколения, и с удовольствием грабили на них Индийскую Империю Великих Моголов, сильно ослабшую после смерти основателя, падишаха Бабура. Великого завоевателя Захир-ад-дин Мухаммада Бабура, потомка Тимура-Тамерлана по отцу и Чингисхана по матери.

В другой исторической реальности, при Насир ад-Дин Мухаммаде Хумаюне, Империя Великих Моголов тоже переживала не лучшие времена, но там Хумаюна поддержал как раз шахиншах Персии, Тахмасп Первый, а в этом мире, он первым и начал эту Империю грабить. И очень успешно грабить, судя по объёмам закупаемого в Новом Свете.

Треть всего оружия, продаваемого в Азии, сейчас уходит в Персию-Иран. В азиатские объёмы не включена Османская Империя, которая закупается в Европе, но всё равно это очень много. В общем, денег у персов хватает на поднятие ставок. А ведь только персидский посол «играл в тёмную», у остальных участников со своими центрами уже имеется радиосвязь. Но и так получилось очень неплохо. Цена определилась, и определилась она на семь-восемь тысяч ливров выше, ожидаемой Савелием.

Растёт на Востоке новый тигр. Очень мощный хищник растёт. Пока он не лезет на запад, во владения османов, пока набирает силу и «тренируется на кошках». Пока не закончились «кошки», а самая большая «кошка», Империя Великих Моголов, уже на ладан дышит. Среднюю Азию Хумаюн уже не контролирует, а в индийских владениях крепко держится только за Дели и Агру, которые десантами с моря не достанешь. Десантами дотуда не достанешь, но и от торговли с Новым Светом Хумаюн себя отрезал, а значит уже пошёл для его Империи обратный отсчёт.

За Империей Великих Моголов, последуют острова султанов Индонезии, неверных суннитов, а после них дойдёт очередь уже и до самих османов. Если, конечно, какая-нибудь великая эпидемия не смешает все карты. Теперь всё идёт иначе, всё идёт своим, совсем другим путём, теперь всё может быть.

В Азии тоже начинается Большая Игра, поэтому пришла пора озаботиться развитием в регионе имперского дипломатического центра, наподобие европейской Гранады. Центр уже обозначен — это Сингапур, пришла пора его развивать. Пора начинать проводить торги в Азии. Там ставка на «винджаммеры» может сильно превысить европейскую цену в тридцать четыре тысячи.

В Азии покупатели значительно богаче, рынок сбыта для оставшихся пятидесяти пяти кораблей, там гораздо перспективнее. В Европе уже приходится половину дарить, так что ну её, эту нищую Европу. Пусть на плотках воюет. Главное ведь баланс, а если все на плотках — то это и есть тот самый честный и справедливый баланс сил.

Османы выиграли торги, «Залмоксис» отправился на Крит, где состоится его бесконтактная передача покупателю. Наша команда, в один из погожих дней, в бухте Ираклиона, покинет корабль, который примет своей командой османы. Такая процедура оговорена заранее, поэтому обид не будет. А уж что за это время успеют натворить французы, то и нам самим пока неведомо.

Король Хорватии, Гийом Гуфье де Бониве, и новый гросс-адмирал флота Французской Империи, герцог Васко да Гама де Гоа, в Антверпен прибыли ещё седьмого августа 1534 года. К их прибытию, все корабли французского флота уже были приведены в состояние полной боевой готовности, транспортные суда компании гражданина Лоренца Саларино и других «подрядчиков» стояли на рейде, в ожидании погрузки, проходящего карантин, тридцатитысячного оккупационного корпуса. До окончания карантина оставалось двенадцать дней, но судя по тому, что ни в одном из десяти карантинных лагерей, за двадцать восемь дней карантина не зафиксировали ни одного случая болезни, всё пройдёт успешно.

Франциск Первый больше всех заинтересован в том, чтобы чума не распространилась в его будущем владении Алжир, так что ко всем карантинным мероприятиям он подходит очень ответственно. Новости из Антверпена, пока приходят через Лондон, поэтому пока отстают на пару недель. Всё, конечно, могло сорваться из-за внезапной вспышки чумы в карантинных лагерях, но если не сорвалось, то, когда «Залмоксис» будет передаваться османам на Крите, сражение флотов в Алжире уже состоится.

Кстати, капитанами на «Франциска Первого» и «Гийома Первого», адмирал, герцог Васко да Гама де Гоа, назначил своих младших сыновей, донов Педру да Силва да Гама и Алвару де Атаиде да Гама. Оно и понятно. Кому он может доверять больше, чем им?

И ещё из интересного: гражданина Лоренцо Саларино, адмирал да Гама назначил младшим флагманом в Алжирской кампании, с производством в вице-адмиралы флота Французской Империи. С Лоренцо Саларино, герцог знаком уже тринадцать лет, с момента их одновременного посольства в Куско и совместных вечеров в дипломатическом клубе, во дворце Ауакпинта.

И не ради протекции назначил, совсем нет. Гражданин Саларино и в самом деле очень толковый командир, ему в Венецианской Республике должность прокуратора Далмации доверяли, а во Франции, герцог де Гоа никого из моряков не знает. Нет во Франции хороших моряков, французы не морская нация. Гийом Первый? Короли не командуют вспомогательными флотами, да и вообще флотами. Можете присутствовать на борту, ваше величество, и наблюдать, но командовать — нет. Так было с Жуаном Третьим, в Венецианской кампании, так будет и сейчас.

Интерлюдия. 18 января 1535 года.

Франциск Первый Валуа стоял на шканцах корабля «La belle France»* (*Прекрасна Франция), флагмана эскадры адмирала, герцога Васко да Гама де Гоа, подарке зятя, короля Западной Германии, Генриха Первого д'Альбре, роскошном подарке, стоимостью в тысячу сорок ливров, если не больше, смотрел в бинокль на приближающийся берег и размышлял.

Всего десять месяцев назад, в Краковском карантине, императору Франциску казалось, что жизнь закончилась. Закончилась сокрушительным поражением, и в историю он войдёт, как жалкий неудачник, погубитель Прекрасной Франции. Тогда казалось, что османов ничто уже не остановит до самого Парижа, но их остановила чума. Чума спасла Францию. Спасительница чума дала Франции второй шанс...

Османы остановились в Вероне, остановились надолго, до конца эпидемии, а французскому императору и королю Хорватии удалось вернуться в Антверпен через Русское царство. Вернуться и начать действовать. Гийома Гуфье де Бониве, Франциск отправил просить помощи у императора Нового Света, а сам занялся сбором новой армии и спасением Франции от чумы. Очень напряжённые и нервные полгода, постоянный риск заразиться болезнью, от которой далеко не всех излечивают даже инкские медики-чародеи, но именно это избавило императора Франции от хандры.

Чуму удалось остановить. Париж, правда, она захватила, но не Парижем единым жива Франция. В Южные Нидерланды, Люксембург, Артуа, Нормандию, Бретань, Пикардию Пуату, Шампань, Аквитанию и Беарн зараза не прошла. Не прошла благодаря личным усилиям Франциска. Французы это видели и ценили гораздо выше военных побед. Французы верили в гений своего императора и шли по его призыву в армию. Шли защищать Францию от чумы и мусульман-османов, которые эту чуму принесли. Ну, а кто-же ещё? К возвращению короля Хорватии из Нового Света, Франциску удалось собрать уже шестьдесят тысяч солдат. Не так много, но это ведь только начало.

Гийом Гуфье де Бониве привёз от императора Инков два великолепных корабля, личные яхты Сына Солнца и Генриха д'Альбре, «Посейдон» и «Кёльн», которые ему подарили. Именно подарили, да-да. Вернее, «Посейдона» император подарил Гийому, а «Кёльна» Генрих Франциску, подарили как яхты, но это формально. На самом деле, очевидно, что два могучих боевых корабля получил в подарок король Хорватии. Без него бы про Франциска и Францию даже не вспомнили.

Кроме кораблей, де Бониве привёз адмирала, герцога Васко да Гама де Гоа; оплаченный герцогом Паскуалем де Андагойя на год контракт, с десятью тысячами марокканских драгунов; контракт на перевозку войск в Алжир, с судовладельцем Лоренцо Саларино; и детальный план Алжирской кампании. Точнее, не Алжирской, а Магрибской, с Алжира она должна была начаться, а закончится в ливийском Триполи.

Сумасшедшей дерзости план, но де Бониве настоял на его принятии без каких-либо поправок. Только пошаговое исполнение этого плана даст Франции реальную надежду на реванш, изгонит османов из западного Средиземноморья и позволит задыхать полной грудью. Именно сейчас, во время чумы, есть возможность воплотить этот план в жизнь, потом будет поздно.

Отказать своему лучшему другу, свояку и «волшебной палочке-выручалочке», Франциск не мог. Да и не имелось у него своего плана, если честно.

Тридцатитысячный оккупационный корпус император Франции посадил в карантин и сел в него сам. Вместе с королём Хорватии и герцогом Клодом де Гиз, графом д'Омаль. На всякий случай. Не хватало ещё занести заразу в Алжир, в плане такое предусмотрено не было.

Командовать Францией в своё отсутствие, Франциск Первый назначил нового коннетабля, герцога Шарля де Ла Тремуй. Если что, он и станет регентом Франциска-младшего до его совершеннолетия.

Второй карантин за год. Ещё сорок дней на переосмысление всего, в том числе отношений с зятем, Генрихом д'Альбре. Генрих оказался настолько великодушным и щедрым, что без достойного ответного подарка такое оставлять нельзя. И императора Нового Света тоже. Даже не потому, что подобной неблагодарности не поймут свои, просто самого в таком случае совесть замучает. Ладно, придумаем что-нибудь, сначала нужно

победить в Алжире.

Из Антверпена отплыли двадцать второго сентября 1534 года. Одиннадцать «винджаммеров» четвёртого поколения, в том числе два в стальном корпусе и с ходовыми винтами: «Sauveur de France»* (*Спаситель Франции), бывший «Посейдон» и «La belle France», бывший «Кёльн», под командованием адмирала, герцога де Гоа; и сто пятьдесят шесть транспортов, зафрахтованных в Британии, под командованием вице-адмирала Лоренцо Саларино.

В Бискайском заливе поболтало, но это норма. Солдатики помучились от морской болезни, но корабли не потрепало. Остановливаться на ремонт не пришлось. Сумасшедшей дерзости план предусматривал остановки в Виго, Лиссабоне, или Кадисе, но обошлось без них.

Двенадцатого октября 1534 года, захватили, точнее, заняли городишко Газауэт. Дрянное городишко, большая рыбацкая деревня, но на самой границе с герцогством Марокко. Нужно же как-то легализовать наёмников драгунов. В Газауэте оставили батальон пехоты в гарнизон и герцога де Гиза — командовать десятитысячным кавалерийским корпусом наёмников-марокканцев и собирать, желающих примкнуть, добровольцев.

Одиннадцатого декабря захватили Оран. Адмирал, герцог Васко де Гама де Гоа, оставил в порту Орана все транспорты с десантом, кого-то разгружаться, а остальных ждать команду на выдвижение к Алжиру. Ждать сигнала ракетами, в состоянии часовой готовности. Как чувствовал португалец. Впрочем, наверняка чувствовал. Такими легендами обычные люди не становятся, есть у герцога дар Божий. Дар лично ему одному.

С эскадрой османов встретились в сорока милях северо-восточнее Орана. Как выяснилось позже от пленных османских моряков, эскадру из пяти «винджаммеров» и шестнадцати галеонов, Пири-реис отправил на разведку. Проверить слухи о вторжении французов. Проверили. Слухи подтвердились, только Пири-реису доложить об этом было уже некому.

Османский вице-адмирал отдал правильные приказы — галеонам задержать эскадру противника любой ценой, а «винджаммерам» разворачиваться и убегать в Алжир, только приказы эти исполнить было невозможно.

«Sauveur de France» и «La belle France» подняли максимально возможное количество парусов на своих шести мачтах и дали максимальные обороты на гребные винты. Обогнули строй галеонов и догнали османские «винджаммеры» уже через час. Догнали, пристроились в четырёх кабельтовых и начали безнаказанный расстрел. Ответы прилетали и довольно часто, но стальные корпуса держали эти удары очень уверенно, страдали только паруса, но это османам ничем не могло помочь. Их паруса тоже расстреливали в первую очередь, а гребных винтов у третьего поколения инкских кораблей не имелось.

Итог морского сражения при Орানে получился выдающимся, как это всегда случается у адмирала-герцога Васко де Гама де Гоа. Утопили шість галеонов и четыре винджаммера, а десять и один спустили флаги. Трофеи довели до Орана под утро двенадцатого декабря, но отдохнуть герцог де Гоа никому не дал, ещё до рассвета, французский флот вышел к Алжиру.

К сожалению, подловить в Алжире Пири-реиса с оставшимися шестью «винджаммерами» не удалось. Османский адмирал тоже обладал даром предвидения и свою быстроходную эскадру вывел в море, причём, на север-северо-восток от порта, а начинавшийся шторм с дождём не позволил герцогу де Гоа его преследовать. Сильный дождь укрыл корабли османов, и они потерялись из вида. Да и в порту «винджаммеры»

французского флота ждала работа — больше шестидесяти «самоделок», которые запросто могли перетопить невооружённые транспорты с десантом.

Отрабатывали порт трое суток. Мешал шторм, пусть и не сильный, но с сильным дождём, ограничившим видимость до трёх-четырёх кабельтовых. Отрабатывали «Sauveur de France» и «La belle France» вдвоём, без парусов, на одних винтах. Для остальных кораблей был слишком большой риск сойтись с галеоном вплотную и получить бортовой залп по деревянному корпусу. Вплотную вполне могли и утопить, а зачем это нужно? Так и отпраздновали Рождество — ночь штормовали между двумя дневными сражениями.

В Алжире пришлось повоевать десантникам. Без боя, как Оран, арабы город не сдали, сопротивление организовали серьёзное, поэтому разгружать пришлось всех, все восемь бригад, все двадцать четыре тысячи бойцов, со всей артиллерией. Бои за город продолжались девять дней, Новый, 1535-й, год встретили под звуки орудийных выстрелов и ружейной пальбы.

Остатки алжирского гарнизона сдались только четвёртого января. Трое суток десанту дали отдохнуть, восьмого, адмирал-герцог да Гама де Гоа скомандовал погрузку шестнадцати тысяч, а уже десятого, на рассвете, французский флот покинул Алжир и направился к Аннабе.

Именно Аннабу и высматривал французский император в свой бинокль со шканцев «La belle France». Последний крупный город и порт Алжира, дальше уже Тунис. Искал на берегу Аннабу и в море перед ней эскадру Пири-реиса. Ничего не видно.

— Далеко ещё, ваше императорское величество, — прокомментировал мысли Франциска Первого адмирал, герцог Васко да Гама де Гоа, будто прочитал их, — Пири-реис ещё дальше, с ним мы не скоро увидимся.

— Почему вы так думаете, герцог?

— Он точно успел нас пересчитать. Нас и наши мачты. Перед штормом мы сблизились на милю, если и того не меньше. Так что в Аннабе нас никто не ждёт, кроме гарнизона. Османский адмирал сейчас на пути в Константинополь с плохими новостями для султана. Славный адмирал. Победить такого без потерь в кораблях — большая удача для нас.

На зиму 1534–1535 годов, Савелий снова остался в Тауантинсуйу. Империя радиофицировалась ударными темпами, новости приходили со всех концов в режиме реального времени, так же оперативно принимались на местах распоряжения. Ну и зачем теперь туда-сюда мотаться? Лучше сделать что-нибудь полезное, например, «придумать» хоккей.

В футбол, вся Империя уже играет с удовольствием, играют не только дети, но и взрослые. Играют команды городов, производств, батальонов и кораблей. Все, достаточно большие коллективы, имеют свои футбольные команды. Чемпионатов пока не проводится, но энтузиастам уже удаётся организовывать «кубковые» турниры, с очень внушительными призами. Самым большим энтузиастом футбола в Империи, стал имперский наместник в Европе, вице-император Нууно Вимка. Скоро он без подсказки организует чемпионат Пиренейского полуострова, а вот хоккей придётся продвигать самому императору. Продвигать в Северной Инке и Русском царстве, будущей Русской Империи, больше негде. Так что не будет в этой исторической реальности чемпионатов мира по хоккею для сборных, будет только хоккейная классика — инки против русских. Ничего страшного, на хоккейные сборные и там было не очень-то интересно смотреть в двадцать первом веке. Клубами всё компенсируем.

Король Западной Германии, Генрих Первый д'Альбре, друг Энрике, вернулся в Европу в ноябре 1534 года. Стыдно ему стало прятаться от чумы, на фоне личных подвигов, на этом фронте, своего шурина, Франциска Валуа. Император Франции именно этими подвигами заставил забыть свои военные неудачи, и заслужил искреннюю любовь и безграничное уважение подданных Французской Империи. Такое и Генриху не помешает, в Западной Германии его ещё так и не приняли как своего, родного, природного короля.

Рискованно, но, если действовать с определённой осторожностью, риск вполне возможно минимизировать до разумных пределов. Да и не является чума неизлечимой болезнью, антибиотики с ней борются довольно успешно, особенно если организм не ослаблен голодом, или другими болезнями, а у Энрике с этим всё в порядке, он молод и здоров, как бык. По три певички в сутки может осеменить до полного удовлетворения процессом.

Проблема чумы не в неизлечимости, а в массовости. Слишком заразная гадость, слишком быстро распространяется. Нет пока в мире столько врачей, нет и лекарств для всех. Пока квалифицированная медицинская помощь в Европе доступна единицам — только высшим вельможам и их близким. Генриху, разумеется, доступна, так что пусть рискнёт, себе ведь репутацию заработает, не чужому дяде. Отговаривать его Савелий не стал.

Чуму победят, теперь в этом сомнений нет. Распространение эпидемии по Европе остановить удалось, а где заражение уже произошло, рано, или поздно, вымрут все неосторожные и невезучие. Важно будет правильно захоронить трупы под хлоркой, чтобы избежать природных очагов — мин замедленного действия.

Как правильно проводить захоронения и производить хлорную известь — всем уже известно. Жить захотят — всё сделают правильно. Очень сложная ситуация на Балканах и в Италии, там мины залягут точно, будут заражения и после окончания эпидемии, но и бороться с ними будут уже умеючи. Кто бы эту территорию после не контролировал, теперь

все это умеют, все понимают важность принятия быстрых мер по ограничению перемещений вокруг очагов.

В декабре 1534 года, в Тауантинсуйу прибыли родственники, друзья-приятели: имперский наместник в Азии, Австралии и Океании, вице-император, адмирал Родриго Пике, и Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо.

За свои новые яхты, эта деятельная парочка отдалась Империи с лихвой, сначала организовав на Калимантане гражданскую династическую войну, в которой, не без их помощи, за год полегла вся островная знать, а «бесхозный» остров перешёл в имперское владение. Огромный остров, третий в мире по величине и второй в Тихом океане. Очень богатый остров — и углём и, на будущее, нефтью. Нефтью на будущее, залегают она там довольно глубоко, имеются пока и гораздо дешевле извлекаемые запасы в потребных объёмах, а вот уголёк уже начали добывать и развозить по угольным станциям.

Без награды оставлять такое служебное рвение нельзя, поэтому Асикага Такаудзи получил во владение им-же завоёванное герцогство Хоккайдо, а Родриго Пике тридцать тысяч французских ливров серебра и триумфальную арку в Тауантинсуйу. На бульваре, отделяющим первую линию от императорского комплекса, как раз напротив его собственного дворца. Над архитектурой арки ещё подумаем, но место ей уже определено.

Ситуация в Азии, к 1535 году, сложилась довольно интересная. Благодаря появлению в этом мире Империи Инков и избавлению региона от пиратов, мощный толчок к развитию получили морские державы: японский сёгунат на Хонсю и малых островах, Корея, тамильские княжества на Шри-Ланке и юге Индии, тайские, малайские и вьетнамские прибрежные княжества, султанаты островов Ява, Суматра и Сулавеси, арабские эмираты Персидского залива и юга Аравийского полуострова и Персия-Иран.

Не все они способны добраться до Нового Света, но теперь это не так актуально. Имперские владения и фактории рассыпаны уже по всему пространству Индийского и Тихого океанов. Да, с местным владением, или с факторией, торговать не так выгодно, как с метрополией, но всё равно это гораздо выгоднее, чем вообще не торговать.

Крупнейшие континентальные державы региона: Империя Великих Моголов в Индии и Империя Мин в Китае всё дальше отступают от берегов, и всё сильнее отстают от «мелких хищников» в оснащении армий, что сказывается на них самым печальным образом. Персия, судя по, составленной адмиралом Родриго Пике, карте, захватила уже всё побережье северо-западной Индии, до нашего герцогства Бом Байи; Корея — Ляодунский полуостров; а сёгунат Японии-Ямато — дельту Янцзы (пока несостоявшийся Шанхай).

Корея и Япония добились такого успеха не без помощи нашего деятельного родственника, Асикага Такаудзи, которому просто в наглую грабить теперь не позволяет положение уважаемого имперского вельможи, а вот Персия прёт вполне самостоятельно.

У остальных пока идёт междоусобный перепихон, результатом которого обязательно станет централизация под властью сильнейшего. Растут азиатские тигрята. Ждём начала Эпохи Империй в Азии уже в обозримой перспективе.

К Рождеству, традиционно, в Маракайбо прибыла чета Василия Третьего и Марии Первой, а после Крещения, так же традиционно, они отправилась в Лиму, проведать своего наследника. Наследник-цесаревич, принц Уэльский, Иван Васильевич, родителей опять порадует, в этом нет никаких сомнений. В гимназии, он один из лучших по всем предметам, а теперь ещё и факультативно проходит уже университетский курс экономики и финансов.

Вот, что значит обучать с самого раннего возраста — к девяти годам, семь языков, как родные; математика на уровне уже начала университетской программы, а логика вообще железная, как у искусственного интеллекта.

Восемнадцатого января 1535 года, к причалу императорского дворца в Тауантинсуйу, на озере Сен-Клер, пришвартовалась новая императорская яхта «Посейдон». На этот раз крейсер-пароход. Не броненосный, даже не бронепалубный, в этом нет нужды, и её не появится до морального устаревания корабля. Обшивка корпуса стальными листами, в сорок пять миллиметров толщиной, держит фугасный стомиллиметровый снаряд в упор, а если фугасный сто пятидесяти двухмиллиметровый, нарезной, то с четырёх кабельтовых надёжно. Это на случай, если мы их будем продавать, сто пятидесяти двухмиллиметровые орудия, и кому-то сумасшедшему удастся выстрелить по кораблю, с двумя двухорудийными башнями главного калибра, тоже шестидюймовыми, как сухопутные пушки-гаубицы, только с длиной ствола в пятьдесят калибров. Плюс четыре бортовые двухорудийные башни вспомогательного калибра сто миллиметров, тоже специальных морских, с пятидесятикалиберной длиной ствола.

Шесть с половиной тонн водоизмещение, но корпус относительно лёгкий, поэтому крейсер огромный и с осадкой всего четыре метра, в полтора раза меньше, чем у легендарного крейсера «Варяг» из той исторической реальности. Осадка в полтора с лишним раза меньше, внутренний объём во столько-же больше, а скорость та же, проектная в двадцать четыре узла. Машина на жидком топливе. На любом, хоть на мазуте, хоть на скипидаре, только впрыскивающие форсунки меняй.

Императорские апартаменты и салон размером почти с футбольное поле; восемнадцать гостевых кают класса люкс, двадцатипятиметровый плавательный бассейн, с застеклённым солярием и кинотеатр-концертный зал, на тридцать восемь кресел.

Точно такую-же яхту, новый «Кёльн», уже доделывают для друга Энрике. Не бесплатно, конечно, он уже давно не тот король-босяк, младшенький в Европе слабак-недоумок. Генриху теперь самому неловко получать такие подарки. Неловко, ведь он один из самых могущественных монархов, и отдариваться должен соответственно, а поди отдарись другу, у которого всё есть. Друг Энрике теперь платит за всё. Платит не рыночную, а дружескую цену, себестоимость плюс тридцать процентов, но платит обязательно. Об этом он сам попросил. Новый «Кёльн» обойдётся ему всего в шестьдесят пять тысяч французских ливров серебра, примерно столько-же, сколько сейчас стоят южные Нидерланды с Антверпеном, но Энрике, несомненно, выберет «Кёльн». Нидерланды от него никуда не денутся, это уже и так понятно. А такой «Кёльн» заменяет собой целый флот «винджаммеров».

В феврале, в Тауантинсуйу приехали погостить и проинспектировать свои строящиеся дворцы: вице-император, имперский наместник в Европе, Нууно Вимка, герцог Кастилии, герцог Наварры, граф Вальядолида, граф Памплоны, граф Басконии; и сэр Томас Мор, герцог Саффолк, герцог Глазго, граф Нортумберленд. Отличная компания. Два светлейших ума этой эпохи. Проводить с ними вечера за беседами под кальян и коньячок — ни с чем несравнимое удовольствие. Никакие виртуальные реальности, в сравнение с таким удовольствием не идут.

Сэр Томас Мор пишет книгу «Вера и неверие». Скучный философский труд. Скучный для обывателей, но не для Савелия. Родственник сам догадался, что человечество погубит не какая-то Вера, а полное неверие.

— Всё верно, сэр Томас. Новейшая, перед Концом Света, религия человечества, будет

религией атеизма, или даже гностицизма. Религия неверия во всё. Эгоизмом высшей стадии эгоцентризма. Люди будут считать себя Богами, Центрами Вселенной, даже самые ничтожные. Даже те, кому сегодня нельзя доверять лопату, для уборки навоза на конюшне.

— И чем они объяснят сотворение мира, Интико?

— Да ничем, Нууно. Зачем им вообще что-то кому-то объяснять? Мир сотворился случайно, просто так, сам по себе, из ничего, для того чтобы они заняли своё «законное» место в самом центре этого Творения. Объяснять они ничего не будут, только драться за этот самый воображаемый ими центр.

— И Создатель не уничтожит такой мир? — хмуро поинтересовался вице-император, имперский наместник в Европе.

— Зачем ему этот мир уничтожать? Мы далеко-далеко от Центра Мироздания. Как муравейник где-то в центре большого леса. Мы муравьи, которые Создателя не беспокоят, даже если сойдут с ума. Да и вообще, представь себя Создателем.

— Как это можно представить, Сын Солнца?

— Ну, постарайся, Нууно, представь, что ты Всемогущий и Всеведущий. Что тебя больше всего беспокоит?

— Не знаю. Не могу себя таким представить.

— Жаль. А вы, сэр Томас?

— Всемогущий и Всеведущий? Мне тоже очень трудно такое себе представить, честно говоря. Но... Наверное, ему просто скучно?

— Бинго, сэр Томас! Джек-пот. Ему не может не быть скучно. Всеведение и Всемогущество в Вечности — это жуткая тоска. Мы созданы Им для развлечения и ни за чем больше...

— Выходит, Вера не нужна?

— Создателю не нужна. Вера нужна человечеству, чтобы не превратиться в животных, без жизненной цели и совести.

В конце февраля получили рапорт герцога Васко да Гама де Гоа, об Алжирской кампании французов. Почтеннейший дон и величайший флотоводец современности, телеграфировал с Мальты. Сам он жив-здоров, как и его сыновья, а это главное.

Франциск Первый Валуа вернулся в «высшую лигу» и снова готов биться за «титул чемпиона». Магриб его, весь его, от Мавритании/Марокко до Ливии. От Газауэта до Триполи. Все территории его, с городами, с сельским хозяйством и с шестьюдесятью тысячами драгунов, берберов и арабов, которых накрутил на скелет, подаренный Паскуалем де Андагойя, герцог де Гиз. Мощь! Ничего не скажешь.

Друг Васко да Гама, герцог де Гоа, подал в отставку с французской службы на утро, после взятия ливийского Триполи, конечной точки первоначального плана. Подал в отставку вместе со своими сыновьями, капитанами «Sauveur de France» и «La belle France» в этой Магрибской кампании. Подал в отставку, ничего не требуя и не ставя никаких условий — «До свидания, нам уже пора домой». Мама с балкона домой звала, ага. Родина-Мама, Империя Инков. От владений и титулов, вассальных французской императорской короне, все трое наотрез отказались. Вежливо, но категорично. Как и от других вознаграждений — нас наградит наш император, это он нас сюда направил. «Спасибо, до свидания, ничего не нужно».

Кампанию в Магрибе, герцог де Гоа провёл блистательно. Блистательно-превосходно-совершенно. Превзошёл же он самого себя в Венецианской кампании, самого себя раннего,

тогда ещё не совсем дозрелого, а больше ему превосходить в этом мире некого.

Газауэт, Оран, Алжир, Аннаба, Бизерта, Тунис, Сфакс и Триполи — восемь мощных морских крепостей, за чуть более полугода, с момента прибытия в Антверпен. Весь Магриб к ногам Франциска Валуа. Всё западное Средиземноморье, плюс двадцать восемь галеонов и шхун и один «виндjamмер» в трофеях. Владей Франсуа. Нас вознаградит наш император, а ты уже сам с ним потом договаривайся.

Османы запросили о возможности покупки семи «виндjamмеров» поколения четыре плюс за золото по курсу один к десяти. По тысяче семьсот килограммов «презренного металла» за корабль. С округлением до полных двенадцати тонн, за доставку на Крит.

Семь у них имеется, в том числе один стальной, бывший «Залмоксис», получится четырнадцать, против двенадцати у французов. Баланс нарушится, а восстанавливать его придётся опять подарками. Зачем нам это?

Увейс-паше согласовали продажу пяти кораблей с передачей на Крите, а ещё он сможет купить сколько захочет на публичных торгах в Сингапуре, которые будут организованы уже этим летом. Милости просим в Сингапур величайшую Азиатскую державу — Османскую Империю. А то всю Азию скоро без вас разделят.

Всё равно у османов получится флот мощнее, шесть кораблей поколения четыре плюс, против двух у французов, но для возвращения в западное Средиземноморье, им придётся отбивать порты Алжира и Туниса, а их можно защитить не флотом, а артиллерией. Сто пятидесяти двухмиллиметровые пушки-гаубицы тоже не дешёвы, но на них у Франциска денег хватит. Взял ведь добычу в Магрибе, и немалую добычу.

Хватит морских войн, пора возвращаться на сушу, разрушать Европу. Через год эпидемия закончится и продолжим главное веселье. Как раз все хорошенько отдохнут и накопят сил, снова соберут двухсоттысячные армии пушечного мяса и отправят их в забой. «Чемпиона Европы» определит сухопутное противостояние. А то уже слишком увлеклись дорогущими морскими забавами и отклонились от главной цели: «Europa delenda est».

Интерлюдия. 8 марта 1535 года

Сиоку Орусата, бывший посол дайме Асикага Такаудзи в Империи Инков, бывший временный имперский наместник Сингапура и архипелага Риау, а ныне министр Азиатских дел, владетельный граф Гонконга и Макао, за четыре года своего наместничества, сначала временного, а потом утверждённого императором, превратил вверенную ему территорию в самое доходное заморское владение Империи. Доходнее Андалусии, Гранады и Каталонии, доходнее Филиппин, Гоа, Бом Баяи и даже Южной Африки, где добываются алмазы и золото.

Во владении Сингапур и острова Риау, ничего полезного не добывается, зато здесь торгует вся Азия. Торгует специями, пряностями и благовониями; шёлком, хлопком и шерстью; драгоценными камнями, жемчугом и коврами; зерном, орехами и солью; медью, оловом и свинцом; и так далее, и тому подобное. Вся Азия торгует здесь и платит Империи налог с продаж. Небольшой налог, всего пять процентов, но с оборота в десять миллионов французских ливров серебра в год, по итогам года 1534-го. И оборот этот постоянно растёт, по десять-пятнадцать процентов ежегодно.

Здесь же самый большой рынок имперских товаров: от красок, подошв для обуви и шоколада, до лекарств, оружия, боеприпасов и электростанций. Здесь, в четырёх огромных казино, круглые сутки идёт игра на большие деньги. Здесь, в двух роскошных клиниках, лечатся самые богатые и влиятельные люди Азии. Всё это даёт такой доход, что ни с какого рудника столько золота не добудешь.

Здесь Азиатская столица Империи, как Гранада в Европе. А теперь здесь ещё и корабли продаваться будут. И заключаться контракты на радиосвязь.

Радиосвязь... Ещё одно имперское чудо. С помощью этой связи можно общаться с другом Асикага Такаудзи на Цусиме, как будто он рядом, за ширмой. Да что с Цусимой, можно общаться с министром Иностранных дел, герцогом Муиска-Атугата де Ньюфаундленд, в имперской столице Тауантинсуйу, или с коллегой, министром Европейских дел, графом Саго Миачо де Андорра, в Гранаде, хоть уже и при помощи телеграфного кода, но всё равно мгновенно. Конечно, на такую услугу будет спрос, едва ли не больший, чем на волшебную инкскую медицину.

Но главное — это корабли. Империя решила продать все парусные корабли военного флота, все пятьдесят, и три первых уже пришли в Сингапур: «Баал», «Гермес» и «Сатурн», их привёл хороший друг имперского наместника и министра, Сиоку Орусата, контр-адмирал Жоржи ди Менезиш, герцог Тайваня и граф Гуама.

С Жоржи-саном, Сиоку Орусата не виделся почти два года, поэтому первый вечер друзья разговаривали о личном — о семьях, близких, друзьях, карьере. О делах, то есть о кораблях, разговор пошёл уже на второй день. Министр Азиатских дел высказал опасение, из-за передачи такой военно-морской мощи в непонятно чьи руки.

Ведь их может купить любой раджа, или султан, если он имеет своё посольство в Сингапуре. Но разве наличие посольства гарантирует лояльность этих алчных мерзавцев? А ну как они наши владения и фактории грабить начнут? Сколько всего здесь, в Сингапуре, можно разом взять? А у наместника-министра, для охраны, всего две бригады трёхбатальонного состава. И что собирается принимать на вооружение наш, имперский

военный флот, чтобы гарантировать хорошее поведение бесконечно жадных и от того слишком тупых местных варваров?

— За наш флот будь спокоен, Орусата-сан, наши новые корабли будут ходить вообще без парусов, на одних лишь винтах. Точнее, они уже ходят, но пока только в Атлантическом океане. Корабли несравненной с парусниками мощи. Одному нашему новому кораблю, весь старый парусный флот, вместе взятый, не противник. Даже если снаряды закончатся — будет тараном топить. И никто сбежать от него шанса не имеет, его скорость до двадцати четырёх узлов. А стомиллиметровыми снарядами с «винджаммеров», ему только краску поцарапать можно.

— Почему новые корабли только в Атлантическом океане, Жоржи-сан? Чем мы хуже? В Атлантике нет таких богатых владений, как Сингапур, Гоа, Калькутта или Бом Байи.

— Таких богатых нет, согласился контр-адмирал и вздохнул, — зато там есть уголь. Много угля. Там его давно добывают и уже везде развезли, а здесь только начали. Первых четыре крейсера-парохода мы получим в июле-августе. А до того времени, все «винджаммеры точно продать не успеем. Всё посчитано, не сомневайся, Орусата-сан. Никто нас без защиты оставлять не собирается.

Семнадцатого марта, в Тауантинсуйу, торжественно стартовало строительство ещё двух железных дорог: северо-западной, через будущие Чикаго, Миннеаполис, Виннипег, Калгари и Ванкувер — до Сиэтла; и юго-западной, опять-же через будущие Цинциннати, Индианаполис, Сент-Луис, Канзас-Сити, Денвер, Солт-Лейк-Сити и Сакраменто — до Сан Франциско.

Теперь можно начинать такие проекты, научились работать с индейцами, во время строительства дорог в восточном направлении. Теперь племя, у которого выкупается земля под строительство города и железной дороги, нанимается для их охраны. А почему нет? Их ведь земля, значит и город с дорогой тоже в некоторой степени их, должны защищать, а за это получать жалование тканями, едой, алкоголем, оружием и боеприпасами. Специально для них начали производить лёгкие ружья двадцатого калибра* (*15,6 мм), а с огнестрелом они свою собственность отстают, да ещё и чужой прирастут. И дешевле ведь гораздо получается, чем армию в потребном количестве содержать.

Так было в Кливленде, так было в Питтсбурге, так было в Филадельфии, так же будет и на западе. Свои города-кормильцы, индейцы защищают от нелюдей как родную маму. А нелюди для них все остальные племена.

Не гуманно? А кто виноват, что они все друг друга нелюдями считают? Какой может быть гуманизм, по отношению к нелюдям? Да и не заставляет никто нелюдей лезть в чужие владения, сами лезут. Наши тоже далеко от Родины-мамы-кормилицы не уйдут, индейцы не экспансионисты, своих индейских империй они строить не планируют. Кормит город племя, вот и хорошо. Заодно и лишних детей можно туда сдавать. У детей ведь уже в три-четыре года видно, вырастет из него хороший охотник и воин, или нет, дрянь получится. Вот всякую дрянь в города и нужно отправлять. В городе даже дрянь выживет. Не чужая ведь дрянь, родная, тоже люди, тоже «могикане-делававары». В общем, хорошо получилось. Всем хорошо, кроме нелюдей-грабителей. А пусть не лезут. Северная Инка большая, есть где нелюдям продолжать в дикости жить.

Могут взбунтоваться? Теоретически могут, конечно. А фактически, они считают себя избранными. Ведь именно им, людям-могиканам, Империя построила города-кормушки. Так что если и будут бунты, то очаговые. Единичные случаи сумасшествия. А такие мы подавим

без труда. На радость остальным людям — всяким чероки и ирокезам. На радость и в назидание.

Научились работать с индейцами два брата, сыновья вождя племени Гуанчей, с острова Гран-Канариас. Теперь племенной вождь, их отец, имперский виконт, а Гуасимара и Гуаджара делают карьеру на службе Империи. Да такую головокружительную карьеру, что диву даёшься. Оба отучились в Лиме на отлично, оба отслужили по три года взводными, лейтенантами, оба служили чиновниками в Тауантинсуйу с первого дня, от основания города, обоих выделил наместник Северной Инки, вице-адмирал Авдей Шишка, герцог Ирландии, граф Фарер, самый младший зять Савелия.

Теперь, Гуасимара — граф острова Ванкувер и министр Внутренних дел Северной Инки, а его на год младший брат, Гуаджара — виконт Грейам и заместитель министра. Новые инки, из некоренных. В добрый путь!

Ещё один новый инка, Муиска-Атугата, сын вождя племени Чибча, Муиска-Фомогаты, который стал здесь первым союзником Савелия и Эль Чоло, и участвовал в первой Панамской кампании. Теперь его сын — герцог Ньюфаундленда, министр Иностранных дел и Внешней торговли Империи. Тоже отличник из Лимы, он девять лет прослужил наместником-губернатором Мексики. Отлично прослужил. Сплавил на юг всех недобитых ацтеков, тольтеков и майя, и заселил Мексику имперцами, вперемешку с европейскими гастарбайтерами. Правильно заселил, вся Мексика сейчас разговаривает на имперском языке, «забытом языке богов». Мексика теперь донор истинно имперских переселенцев в дальние края, первые молодые семьи мексиканцев в прошлом году уже получили предписание на переселение в Южную Африку.

Министерство Иностранных дел Империи Инков занимается не столько внешней политикой, сколько внешней торговлей, именно оно собирает данные о ёмкости и платёжеспособности внешних рынков, ценах на товары, вот эти два направления деятельности и объединили в одном министерстве. Избавились от головной боли. Торговать ни Савелий, ни Эль Чоло не умели и не любили, поэтому торговали гораздо хуже, чем это делает герцог Ньюфаундленда и его люди. Они продали два самых первых «виндjamмера», ещё трёхмачтовые, бывшие «Юнону» и «Авось» по семь тысяч французских ливров серебра, если с золота пересчитывать. Продали самым лояльным Империи владельцам в Азии, тамильским раджам Мадраса и Трикомали. Продали дороже, чем продавались «виндjamмеры» второго поколения. Продали друзьям, которым Савелий бы наверняка просто подарил.

В общем, каждый должен заниматься своим делом, да-да. Каждый может принести пользу, будучи использованным на своём месте. Только на своём.

Империя переходит с ручного управления, когда в каждый вопрос приходилось вникать лично самим Савелию и Эль Чоло, на системное, с настоящими полномочными министерствами. Полномочными и ответственными исполнителями высшей квалификации, закончившими университеты по программам двадцатого века другой исторической реальности.

Теперь есть время заниматься «изобретением» хоккея, учреждением лиг и проведением чемпионатов. Есть время для основания новых университетов, для подготовки к развитию новых отраслей производства — теперь двигателей внутреннего сгорания, а с ними — автомобиле и авиастроения.

Вычислительную машину на ламповой элементной базе уже создали, теперь расчёты

проектов ускорились на порядок. Алюминий и титан производятся и накапливаются, так что пора начинать планировать покорение воздушного океана.

Да и попутешествовать хочется. По Азии, Австралии, Океании, Южной Африке. Ни разу там не был, ни в той, ни в этой жизни. Поохотиться, собрать африканский «большой шлем». Основать в Русском царстве Новый Челябинск, как стартовую точку Великого Северного пути. Да много чего хочется, вместо унылого ручного управления хозяйством Империи.

Девятнадцатого марта 1535 года, в Сингапуре состоялись первые публичные торги, первый в этой исторической реальности азиатский аукцион. Три корабля, «виндjamмеры» поколения четыре плюс, за сто двадцать девять тысяч французских ливров серебра, купил посол одиннадцатого вана Чосона (Кореи), Чунджона Накчхона.

Вот вам новый ориентир, дорогие европейские покупатели. Сорок три тысячи за штуку. Цените то, что получили раньше по демпинговым ценам, а то и вовсе в подарок. Цените и берегите. Когда теперь сможете пополнить свои флоты? Может и никогда. Спрос на эти корабли в Сингапуре очень высокий, цену лота подняли со стартовых девяносто тысяч в полтора раза. Все серьёзные «игроки» региона делали ставки, и все они теперь копят деньги к следующим торгам. С такими конкурентами, которые активно грабят Империи Мин и Великих Моголов, будет очень тяжело торговаться даже османам, не то, что французам.

Двадцать первого марта, по радиосвязи, подвели с Эль Чоло итоги третьей пятилетки. За третью пятилетку, население Империи (то население, которое имеет паспорта и платит налоги) увеличилось вдвое, до двухсот пятидесяти миллионов. Количество грамотных (умеющих читать-писать и считать, со знанием таблицы умножения) втрое, до ста пятидесяти миллионов. Неграмотными остаются только старики в сельскохозяйственных глубинках, но они скоро вымрут естественным путём. Молодёжь же грамотна почти стопроцентно. В каждом поселении имеется жрец-чиновник-учитель, а главным критерием успешности его работы, является именно грамотность вверенного населения, надои, привесы и урожаи только во вторую очередь.

Империя приросла владениями: герцогствами Марокко и Мавритания в Африке; наместничествами Кипр и Крит в Европе; герцогством Хоккайдо, наместничествами Сингапур, Филиппины и Калимантан в Азии. Огромные территории с многочисленным населением, которые через пятилетку-другую увеличат число законопослушных налогоплательщиков ещё в полтора раза.

Как минимум вдвое выросла и экономика. Точнее сказать сложно, по итогам второй пятилетки внутренний валовый продукт не посчитали, некому было, а вот по итогам третьей цифра есть — триста миллионов французских ливров серебра за 1534 год.

Введена в эксплуатацию первая железная дорога: Эль-Мутун — Асунсьон, начал работу на угле из британского Кардифа коксохимический завод в Монтевидео, что позволило нарастить производство стали в Эль-Мутуне до девяноста тысяч тонн в год. Много ли это? Если сравнивать с крупными производствами двадцатого-двадцать первого веков, то очень мало, там счёт шёл миллионами тонн, а вот если перевести, для понятности, в железнодорожные пути: рельсы, стрелочные переводы, крепёж, мостовые конструкции и прочее, то девяносто тысяч тонн — это шестьсот километров однопутной дороги. Почти как от Москвы до Питера. В год!

А ведь уже работает первый цех сталеплавильного производства в Тауантинсуйу, плюс ещё шестьдесят тысяч тонн. А в четвёртой пятилетке в эксплуатацию войдут ещё три цеха, да

и в Эль-Мутуне производство удвоится.

В общем, с экономикой всё очень хорошо. Даже отлично. Есть возможность помогать друзьям. Теми же рельсами. Не в подарок, рельсами потом и вернут, когда сами их производить начнут.

В Русском царстве разрабатываются Донецко-Криворожский уголь и руда Курской магнитной аномалии. Там железная дорога очень нужна. Нужны дороги в королевствах Британии и Западной Германии, там тоже уже всё разведано и добывается, развитие производства сдерживает только транспорт. В Западной Германии ещё и чума, но она уже скоро отступит. Как раз к тому времени, когда мы сможем поделиться рельсами.

Под конец разговора, Эль Чоло попросил Савелия приехать в Маракайбо на обручение своих дочерей, племянниц императора — Клаудии и Лауры, с младшими сыновьями герцога Васко да Гама де Гоа — донами Педру да Силва да Гама и Алвару де Атаиде да Гама.

— Отличная партия, шаман. От души поздравляю! Когда мне нужно быть?

— Как будешь, так и будешь. Ждём только тебя, Русо. Но подождём, не горит. Если занят, сильно не торопись. Всё равно, до первой свадьбы ещё три года.

— Ничем таким важным я не занят. Завтра же выдвинусь.

Молодец, Эль Чоло, отличных женихов нашёл. Клан да Гама нам в родственниках очень пригодится. Сыновья у герцога де Гоа очень толковые, отлично образованные, предприимчивые и отважные. В той исторической реальности, они стали капитанами, адмиралами, губернаторами и даже вице-королями Индии, а в этой они уже и образованы гораздо лучше, и стартовые возможности имеют несоизмеримо лучшие.

Двадцать второго марта 1535 года, Савелий отчалил на «Посейдоне» от пирса императорского дворцово-паркового комплекса Тауантинсуйу в направлении Маракайбо. В компанию с собой он прихватил Жуана Ависского, герцога Большого Лиссабона, Большого Порту и Бом Байи. Для него, семья да Гама тоже не чужие люди. В Нью-Йорк присоединится вице-адмирал Авдей Шишка, герцог Ирландии, граф Фарер, ему Клаудия и Лаура тоже племянницы.

Интерлюдия. 9 апреля 1535 года.

Франциск Первый Валуа вернулся во Францию, в Антверпен, восьмого апреля 1535 года. Результат Магрибской кампании превзошёл все самые завышенные ожидания. План, предложенный императором Инков, воплотился в своём лучшем виде. Северная Африка, от границ Марокко и Мавритании на западе, до Ливийской пустыни на востоке, перешла во владение Французской Империи. А с ней, вернулся и контроль над западным Средиземноморьем, ушла угроза османских десантов на южный берег Франции. Ушла далеко на Восток, в Константинополь. И ушла, похоже, навсегда.

Те орудия, новые, сто пятидесяти двухмиллиметровые, нарезные, пушки-гаубицы, которые предложили покупать инки, порты от кораблей защитят с гарантией. Любой флот вторжения они перетопят раньше, чем тот успеет сблизиться на дальность прицельной стрельбы из своих гладкоствольных стомиллиметровых пушек.

Дороги новые инкские орудия и снаряды для них дороги, но всё равно они намного дешевле чёртовых кораблей. И слава Богу! Денег у османов намного больше, после поражения в битве у Орана, они сразу, без проблем, закупили ещё пять «виндjamмеров» поколения четыре плюс, снова получив флот, значительно превосходящий мощью французский. И зачем теперь эти флоты? Только торгашей сопровождать. Как-же вовремя инки ушли со своей корабельной распродажей в Азию...

Война снова возвращается на сушу. Этим летом вряд ли османы проявят активность, помешает чума, а вот к зиме уже можно ожидать их наступление в Италии. В Италии, зима войне не помеха, а от Вероны вся Италия как на ладони. Захотят — на юг двинутся, на Болонью, Флоренцию и дальше, до самого Неаполя; а захотят — на запад, на Милан, Турин, Геную и Ниццу, с угрозой Марселю.

Чума отступает. Даже на юге и востоке Франции, где с ней нет возможности бороться, новых случаев заражений всё меньше и меньше. Научились уже сами люди. Никто больше не говорит о неизбежности Божьей кары за грехи, всем теперь известно, что это за болезнь, как она распространяется, и как от неё можно уберечься. Париж и Орлеан вымерли наполовину, Тулуза, Монпелье, Марсель и Лион на две трети, Базель, Лозанна, Женева и Люцерн на три четверти, но и у османов ситуация наверняка не лучше.

Хотя, как сказать... Основной удар чумы пришёлся на европейскую часть их огромной Империи. На ту часть, где они враждебно воспринимаются местным населением: Балканы, Венгрию, Богемию, Остмарк, Западную Пруссию, Бранденбург, Верхнюю Саксонию Баварию и Северную Швейцарию. Враждебно настроенное население сократилось на этих территориях значительно, от половины до двух третей. Ключевое слово здесь — враждебное.

Освободилось место для переселения мусульман из Азии: Анатолии, Леванта, Междуречья и Палестины, оттуда, где земли давно не хватает. Переселять османы умеют, даже целые народы — крымчаков, ногаев и черкесов переселили успешно, переселят и лишних людей из других земель. И эти, лишние там люди, здесь станут для них очень полезными и абсолютно лояльными. Если дать османам время, то так и будет, а не дать им этого времени, Французская Империя в одиночку не в состоянии.

Успех в Магрибе — чужой успех. Подаренные «Sauveur de France» и «La belle France» и «одоженный» адмирал, герцог Васко да Гама де Гоа, обеспечили победу на море и открыли

путь десанту, который доставил гражданин Лоренцо Саларино, тоже «сосватанный» Гийому де Бониве императором Инков.

Победу на суше, в глубине территории, одержали благодаря драгунскому корпусу герцога Марокко, оплаченному вице-императором Паскуалем де Андагойя. Теперь этот корпус стал целой армией в шестьдесят тысяч всадников, но начиналось-то всё с подарка герцога Мавритании, Андалусии и Кубы. Подарка тоже Гийому де Бониве, а не ему, императору Франциску Первому. Ему, лично ему, не дали бы ничего. Он чужой для окружения Сына Солнца.

От него, императора Франции, даже награды не приняли. Даже гражданин Лоренцо Саларино отказался от титула и владения, вассального Французской короне. Отказался от герцогского титула и герцогства Бизерта. Они не верят в победу Франции, и это очень обидно.

В одиночку, скорее всего, не справиться, а союзников нет. Генрих д'Альбре категорически отказался воевать с османами и посоветовал искать мира, хоть бы даже и уступками. Но такого шага, после блистательной победы в Магрибе, не поймёт никто, ни соратники, герцоги де Гиз и де ла Тремуай, ни придворные, ни армия, ни подданные. Де Бониве может понять, несмотря на потерю королевства Хорватия, он готов с этим смириться ради блага Франции, но не остальные.

Остальные хотят продолжения войны до победного конца, до Константинополя, до Иерусалима, до капитуляции османов.

Причём, все хотят войны по своему плану. Герцог Клод де Гиз грезит завоеванием Египта, Палестины и освобождением Иерусалима, а коннетабль, герцог Шарль де ла Тремуай настаивает на переброске кавалерийской армии на юг Италии, с последующим продвижением к Вероне. Только как продвигаться по чумной территории, где не раздобыть ни фуража для лошадей, ни пропитания для всадников? Идти вдоль берега и снабжать морем? Такое, более мощный османский флот, обязательно постарается пресечь. Это против защищённых портов флот теперь не страшный противник, а против другого флота, слабейшего флота, очень даже.

И просто сидеть на месте нельзя. Бездействующая армия со страшной скоростью поглощает деньги и, не смотря на добавившиеся налоги с Магриба, надолго тех денег не хватит. Кавалерию содержать очень дорого. А может и правда в Египет? Не завоевать, так хоть пограбить, всё не свои деньги тратить, а у османов отбирать. Интересно, дошла до Египта чума, или нет? Достоверных сведений нет, могла и не дойти, османы с эпидемией бороться умеют не хуже других. Мы же остановили распространение на север и запад, могли и они остановить.

Но даже если дошла, то в Италии всё равно ничем не лучше. Тут то ли дошла, то ли нет, а там уже точно. Эх, переправить бы эту армию сразу в Хорватию, к Сплиту, или Задару, но увы. Адриатическое море османское. Подрядить торгашей на такой подвиг точно не удастся, а своего транспорта нет.

В Антверпене теперь есть радиостанция. В том же аббатстве Святого Михаила, что содержит Двор Государей, резиденцию императора Франции в этом городе. Резиденцию аббатство содержит в счёт льгот, а вот за радиосвязь нужно платить, даже самому Франциску Первому. И монахи здесь не причём. Во всяком случае, они так утверждают. С каждого телеграфного символа, с каждой минуты голосовой связи, им остаётся всего десятая доля оплаты, остальное передаётся наверх, в главное командорство Ордена Священного

Препуция. Там всё считают, каждую минуту, каждый символ, утаить хоть что-то просто невозможно. Не заплатишь — не будут больше принимать от тебя сигнал, не будут присылать запасные части и техников для ремонта, найдут на замену монастырь с честными партнёрами.

Таких хватает, все теперь мечтают «лечь» под Орден, только не всех Орден в свои ряды принимает. Прочие Ордена, объединительный съезд христианской церкви распустил. Ордена распустил, а монастыри остались. Остались сами по себе, существовать на одну милостыню. Земли ведь орденские Папа передал местным крестьянским общинам, за что его теперь почитают равноапостольным святым при жизни, обязательную десятину тоже отменил, осталась только милостыня, или Орден Священного Препуция, а Ордену столько монастырей не нужно.

Об этом магистр, кардинал Игнатий де Лойола, имперский герцог Рима и Мальты, заявил прямо. Так прямо и заявил, что далеко не все достойны быть принятыми в лоно Ордена. Разгонять вас никто не собирается — живите сами по себе, богомольными общинами на милостыню сердобольных прихожан. А как на одну милостыню сейчас проживёшь? Милостивых ведь почти не осталось, разорили всех милостивых война и чума, по миру пустили. Им самим бы теперь кто-нибудь подал...

Доверием Ордена все очень дорожат и обманывать его никто не будет. Сегодня доверили радиосвязь, с ней пришло электричество, завтра пришлют выученных у инков медикусов, которые теперь даже новые зубы вставлять умеют, не говоря о том, чтобы аппендицит удалить. Такое и самим монахам очень нужно. А ещё, медикусы будут подбирать для плохо видящих правильные очки, и в Новом Свете их заказывать. Монахам опять-же бесплатно.

После чудо-медикусов, когда уже будет, что защищать, придут братья-орденские рыцари, бывшие тамплиеры, госпитальеры и тевтоны, с винтовками, миномётами и пушками. Потом привезут типографию, для печати имперской газеты, или ещё что-нибудь, что аббатство сможет осилить.

А пока один имперский «чалько» за минуту разговора. Французский ливр серебра за восемь минут голосовой связи, или четыреста телеграфных символов. А куда денешься? Хуже того, таких радиостанций теперь нужно множество, они нужны во все города и городки Империи. Всё равно ведь дешевле, чем конных курьеров гонять, да ещё и с охраной, если в сообщении не просто поздравление с Рождеством, или Пасхой. Да и то, без гарантии в получении, даже с охраной, в отличие от...

Сначала Франциск Первый перечитал пришедшие в его адрес телеграммы. Поздравления с победой из Тауантинсуу, Царьграда-Кёнигсберга, Кёльна и Лондона.

Из Маракайбо извещают о предстоящей помолвке дочерей главного вице-императора Нового Света и верховного языческого жреца, его величества Чалько Юпанки, с младшими сыновьями герцога Васко да Гама де Гоа, настоящими героями Магрибской кампании. Вот и нашла героев награда. За своими дочерьми, Эль Чоло даёт в приданное герцогства Арагона и Валенсии. Что на это может ответить Французская Империя, которой постоянно не хватает денег на содержание армии и флота? Совет, да любовь, и больше ничего.

Посол в Гранаде, барон де Рибек, информирует о предстоящих торгах в Сингапуре, за инкские корабли, в которых примет участие и Османская Империя. Османы открыли своё посольство в Азиатской столице Империи Нового Света. Вот и хорошо, может, отвлекутся на восток. Во флоте у них и так уже перевес, и тягаться с ними в этом аспекте бессмысленно.

«Прайс-лист» на продукцию Империи Нового Света, от министерства Иностранных дел и Внешней торговли, отправленный канцелярией министра, герцога Ньюфаундленда. Тысяч сорок-пятьдесят символов, герцог явно не платит за это из своего кармана.

«Так, пушки-гаубицы, дорого, но... могло быть и хуже, прямо скажем... электростанции на сто киловатт... кинотеатры и киностудии, новые фильмы — это всё потом. Потом изучим и примем решение».

— От его величества, короля Хорватии, ничего нет? — Гийома де Бониве, Франциск Первый снова отправил в Новый Свет просить скидок. Отправил как раз в Маракайбо, где вскоре пройдёт церемония обручения. Как всегда очень пышная церемония, на которую соберутся восемь десятых самых богатых и влиятельных вельмож мира, в том числе и сам император Инков, конечно.

— Пока ничего, ваше императорской величество, — монах даже не попытался изобразить восторженное почтение императорскому величию, ответил коротко, сухо и по делу, как докладывает лейтенант своему капитану.

— Где сейчас находится его величество, король Западной Германии, Генрих Первый д'Альбре, вы знаете?

— Я этого не знаю, ваше императорское величество, но телеграмму ему вы можете отправить.

— И как вы его найдёте, если не знаете, где он?

— Этого не знаю я, но знает Орден, ваше императорское величество. Его разыщут, где бы он ни был, не извольте сомневаться. За это и деньги берём.

— Ладно, не изволю сомневаться... Пишите...

Девятого мая 1535 года, в Маракайбо, состоялись торжественные церемонии обручения дона Педру да Силва да Гама с дамой Клаудией Юпанки и дона Алвару де Атаиде да Гама с дамой Лаурой Юпанки. Сыновей герцога Васко да Гама де Гоа и дочерей главного вице-императора Чалько Юпанки. Героев Венецианской и Магрибской кампаний и самых богатых, в плане приданного, невест, наследниц герцогств Арагона и Валенсии. Обручались пары, по уже сложившейся традиции, дважды — в главном храме христианства, Соборе Священного Препуция, и в языческом храме Инти-Виракочи. Христианский обряд проводил Папа, Климент Восьмой, а языческий — верховный жрец Империи Инков и отец невест, его величество Чалько Юпанки, Эль Чоло.

Девятое мая, в Империи день праздничный и нерабочий, поэтому гулял по этому поводу весь город, столица объединившегося христианского мира и столица наместничества Южная Инка. Гуляли с самого утра и до позднего вечера, с обильным угощением, музыкой, танцами, подарками и вечерним фейерверком.

Вечером, во дворце вице-императора, прошёл приём для высоких гостей. Приём с концертом, балом, фуршетом и награждениями. Помимо полученных в приданное герцогств, младшие сыновья легендарного адмирала Васко да Гама получили участки для постройки дворцов, во второй линии дворцово-паркового комплекса в Тауантинсуйу и по десять тысяч французских ливров серебра на строительство. Ещё один герой Магрибской кампании, гражданин Лоренцо Саларино, стал владетельным графом Малых Зондских островов, и получил участок под особняк в третьей линии столичного комплекса.

Главный герой двух кампаний и отец двух самых ярких морских побед в этой исторической реальности, герцог Васко да Гама де Гоа, удостоился Триумфальной арки на бульваре, отделяющим его собственный дворец от императорского. Третьей триумфальной

арки, после вице-императоров Родриго Пике (за Калимантан) и Паскуаля де Андагойя (за Мавританию).

И деньги, конечно, деньги, по десять тысяч, получили все.

— Удивительный вы человек, ваше императорское величество, — прокомментировал награждение друг Гийом Гуфье де Бониве, — так щедро награждаете за победы, которые одержаны под чужим знаменем и не принесли вашей Империи пользы.

— Мы же договаривались обходиться без величаний, Гийом. Среди друзей это выглядит неуместно и даже карикатурно.

— Мы договаривались, когда я был королём, ваше императорское величество.

— Что значит был, Гийом? Вы уже умерли, и со мной сейчас общается ваш призрак? Бывших живых королей не бывает, живые бывают королями в изгнании. Что касается пользы — пользу Империи ведь приносят не только новые владения, но и слава. Эта слава принесла нам очень много, уверяю вас. Наши корабли стали в полтора раза дороже. Подорожали на четырнадцать тысяч каждый. Пятьдесят кораблей. Вот и считайте. Я проявил бы себя натурально неблагодарным животным, достойно не вознаградив за такое всех героев.

— Героям выпало большое счастье, служить такому мудрому и щедрому государю, Интико.

— Спасибо за комплимент, Гийом. С удовольствием предложил бы вам службу, но вы ведь откажетесь

— Увы. Я недостойн такого счастья, Интико. Моя судьба неразрывно связана с Францией. В ней я родился, в ней и умру. Когда мы сможем обсудить цену на ваши новые пушки-гаубицы? К сожалению, у нас опять не хватает денег на всё необходимое.

Всё необходимое, Гийому Гуфье де Бониве, королю Хорватии в изгнании, уступили по ценам для самых близких друзей. По тем-же ценам, что установлены для Русского царства, королевств Британии и Западной Германии. Де Бониве увёз с собой шестьдесят орудий с боекомплектом. Почему-то, при расставании, возникло щемящее чувство, что эта встреча с ним была последней.

— У меня одного ощущение, что мы с ним больше не увидимся?

— Больше не увидимся, — подтвердил Эль Чоло, — у меня такое-же чувство, Русо. Смерть его уже догоняет.

— Жаль. Мне будет его не хватать.

— Привыкай. Тебе предстоит похоронить всех нас. Мне тоже осталось здесь не так долго.

Лето, европейское лето 1535 года, Савелий провёл в Южной Инке. Навестил в Лиме цесаревича Ивана Васильевича, вместе отметили первый юбилей будущего государя Русской Империи, которому девятого июля исполнилось десять лет. Вместе выходили на морскую рыбалку, поймали небольшую акулу и здоровенную рыбу-меч. Вдвоём варили на костре уху из акульих плавников и заедали её шашлыком из рыбы-меч.

Много общались, обсуждали текущую обстановку, делали прогнозы и строили планы на будущее. Будущее, в котором добраться из Лимы до Царьграда можно будет всего за двое суток. Не такое уж и отдалённое это будущее, между нами говоря.

Прототипы двигателей нарастили ресурс до приемлемых показателей, так что уже можно начинать их серийный выпуск. Малосерийный, но уже заводского производства, а не экспериментального. Ну, а куда дальше тянуть? В той исторической реальности, такие двигатели появились в середине двадцатого века, годам к шестидесятым, когда гражданская авиация уже во всю летала. Летала на куда худших моторах, всё-таки, мы здесь копируем только лучшее из того мира, избегая заведомо неудачных образцов.

Топливо тоже производится вполне приличного качества, как и смазочные материалы, и в достаточных объёмах. Каталитический риформинг с неподвижным катализатором, на нефтеперерабатывающем заводе в Энконтрадос освоили, но весь бензин сейчас сжигается в топках цементных заводов, в смеси с мазутом. Разве это дело? И девать его пока больше некуда. Битум нужен, керосин тоже нужен, производить приходится.

Одиннадцатого июля 1535 года, император Инков и русский наследник-цесаревич, основали и заложили в Лиме совместное предприятие по производству двигателей внутреннего сгорания. Первым исполнительным директором которого, стал десятилетний Иван Васильевич Рюрикович-Тюдор. Это тоже учёба, вот и пусть учится создавать производство с нуля. Следующим заданием ему будет — руководство первым авиазаводом.

Из Лимы, через Куско, Савелий отправился в Эль-Мутун, оттуда по железной дороге в Асунсьон, а дальше речным пароходом в Монтевидео, где его ожидал «Посейдон».

Всё увиденное очень порадовало. Metallургический комбинат Эль-Мутуна теперь работает на привозном каменноугольном коксе, и леса вокруг города вырубать перестали. Очищенное от леса пространство, приличный такой кусок, в триста с лишним квадратных километров, распахан и возделан, основными продуктами город себя кормит. Вполне приличный по размеру город, восемьдесят тысяч жителей. И совсем не грязный, хоть и растёт рядом с metallургическим комбинатом. Смывает всю грязь дождями за сезон. В Эль-Мутуне, Савелий основал горно-metallургический университет. Ну, а где ещё? Тут всё рядом, не нужно будет на практику за тридевять земель выезжать.

Конечная железной дороги — Асунсьон, город-порт на Паране. Пока небольшой город, тридцать тысяч жителей, но уже исторический, благодаря первой в этом мире железной дороге. Первой однопутной железной дороге, но всё у тому идёт, что она-же станет первой двухпутной. Однопутка уже с трудом зарывает транспортные потребности, а ведь комбинат в Эль-Мутуне планирует нарастить производство вдвое очень скоро, в текущей пятилетке. Построим двухпутку. Число путей удвоится, а пропускная способность увеличится в четыре раза. Соразмерно вырастут и порт, и город. Быть Асунсьону центром подготовки специалистов-железнодорожников, их скоро понадобится очень много. Заложил Савелий и

железнодорожный университет. Для преподавания общеобразовательных дисциплин кадры пришлём, а для специализированных будем готовить на месте. Здесь у нас самые опытные железнодорожники.

Монтевидео лучший морской порт не только в Рио-де-ла-Плате, но и на всём Южном конусе. Здесь морские суда перегружаются в речные, отсюда идёт снабжение огромного региона по трём крупным рекам: Паране, Уругваю и Рио-Негро. Коксохимическое производство на угле из Кардиффа, большое цементное производство и верфь. Первая имперская верфь для производства невоенных пароходов — морских сухогрузов и рыболовецких траулеров. Острого дефицита рыбы пока нет, хватает прибрежного улова, но учиться ловить и перерабатывать океанскую рыбу пора начинать.

Рыба и вообще морепродукты очень важны для здорового питания, а самые богатые районы океанского промысла здесь, неподалёку — на шельфах Фолклендских и Сэндвичевых островов. В той исторической реальности, один только Соврыбфлот базировал в порту Монтевидео под три сотни траулеров, и всем им было, что ловить. Нам столько рыбы не нужно, но учиться пора начинать.

Город уже шестидесятитысячник. Красивый город. Красивее того Монтевидео, который развивался от порта. Здесь, и порт, и коксохим, и цементный завод — отдалённые западные окраины, пролетарские районы, которые не жалко будет снести, при расширении производств и развитии городского транспорта.

В Монтевидео тоже будет университет, но в следующий очереди. Сейчас преподавательские кадры нужнее в Тауантинсуу, Нью-Йорке, Эль-Мутуне и Асунсьоне, а доноров этих кадров всего три — университеты Лимы, Маракайбо и Медельина.

Не поленился Савелий выехать в кампу, посмотреть на австралийских страусов и кенгуру. Прижились отлично, ну и хорошо. Когда-нибудь добавим сюда жирафов, зебр и каких-нибудь степных оленей. Пусть пасутся среди говядины и радуют глаз. Бедновата фауна Южной Инки, что есть, то есть.

Из Монтевидео, Савелий отчалил двадцать восьмого октября 1535 года, а шестого ноября получил сообщение о гибели короля Хорватии, адмирала Французской Империи, Гийома Гуфье де Бониве, единственного своего друга среди французов.

Сообщение пришло не от Франциска Первого, хотя тот отлично знал об отношении к Гийому де Бониве в Новом Свете, а от службы дешифровки. До шифрования свои сообщений, без подсказок додумались все, но их шифры являются сложными только друг для друга, а не для компьютера двадцать первого века.

Де Бониве погиб, обеспечивая охрану флоту судов снабжения армии герцога де Гиза, которая всё-таки вторглась в Египет. Погиб ещё восьмого сентября, но телеграмму Франциску Валуа отправили только пятого ноября из ливийского Триполи. Отправил её некий Бриан Соле, виконт де Лакруа, сумевший вырваться из египетской западни и вернуться в Ливию с тремя тысячами всадников, остатками армии вторжения герцога Клода де Гиза. Клод Лотарингский тоже погиб, но его смерть в Империи вряд ли кого-то опечалит, в отличие от Гийома, которого жаль будет очень многим.

Османь устроили идеальную ловушку, одновременно для африканской армии Французской Империи и её флота. Сулейман Первый вывез с левого берега Нила и дельты всё продовольствие, до последнего зёрнышка, потом сжёг фураж, лодки и древесину, которые не успел вывезти, а после разрушил мосты, прикрыв, пригодные для переправ места, ополчением и артиллерией. Своей, самодельной артиллерией, но прикрыл очень плотно.

Армия герцога де Гиза осталась без фуража и продовольствия на востоке Ливийской пустыни и завопила призывы о помощи.

К своему несчастью, эти призывы услышал Гийом де Бониве в Триполи. Услышал и выдвинулся спасать непутёвого де Гиза. Этого-то адмирал Пири-реис и ждал. Подробности сражения при Александрии узнаем позже, а пока ясно одно — у французов больше нет флота и африканской армии. Зато у османов теперь есть винтовки, миномёты и пушки собственного производства. Хуже имперских, намного хуже, но зато свои. Молодец Сулейман Великолепный, ничего не скажешь. Если бы он не был так уверен в не читаемости своего кода, составленного по Корану, мы бы до сих пор ничего не знали. Агентурной разведкой в Османской Империи, Империя Инков не занималась. Теперь займёмся, вынудили.

Уже на подходе к Маракайбо, двадцать второго ноября 1535 года, получили расшифрованный радиоперехват о взятии османами Милана. Радиоперехваты с обеих сторон. Османы наступают от Вероны на запад шестидесятитысячным корпусом, а ещё один их корпус, восьмидесятитысячный, сосредотачивается в Швейцарии — Берне и Цюрихе. Это теперь вся, сильно сократившаяся от чумы, османская армия, не считая гарнизонов, конечно. В Африке мусульмане наступать и не планируют, хотя французы этого ждут, и держат в Тунисе тридцатитысячный корпус.

Зато османы сразу привели с собой в Италию семьдесят пять тысяч гражданских переселенцев, привели вместе с войсками, а потому их орда выглядела очень уж внушительно, на что и купился коннетабль, герцог Шарль де ла Тремуй, отступивший со своей семидесятитысячной армией от Милана к Турину. Милан-же, сопротивляться и не подумал, открыл ворота сразу, по получении гарантий неприкосновенности жителей города и их личной собственности. Аллах Акбар, ага.

Duomo di Milano теперь достроят мечетью османы, это не чья-то личная собственность, хотя и с личной не всё так однозначно. Горе побеждённым. Всегда так было, всегда так будет. Обещания, данные всяким ничтожным трусам, исполняют только дураки. А дураков поищите в своих рядах, Сулейман Первый дураком точно не является.

В Маракайбо, Савелий прибыл четвёртого декабря 1535 года. Как раз к приёму гостей, дорогих родственников Василия Третьего и Марии Первой и Генриха Первого д'Альбре. А ещё к похоронам донна Франсиско де Гарай герцога де Ямайка, герцога де Гранада, графа Альмерии, самого старшего из герцогской хунты. Не такого и старого, шестьдесят всего, но слишком фаталистичного. Инфаркт. Сначала первый, после которого нужно беречь себя как минимум год, а дон Франсиско вскочил и забегал уже на третий день, после второго инфаркта, он слушался врачей целую неделю, а третий инфаркт уже упокоил его окончательно.

Двух сыновей дон Франсиско де Гарай после себя оставил, но ни один из них имперскую карьеру не сделал. Кое-как, на троечки, закончили гимназические курсы, и на этом их образование закончилось. Старший сын, Диего, был отцовским смотрящим в Гранаде, а младший, Педро, на Ямайке. Эти владения они и получили, а дворцы донна Франсиско в Тауантинсуйу и Маракайбо выкупила имперская казна по «кадастровой» стоимости. По праву выкупила, такое право оговаривалось заранее. Ни к чему нам в соседях такие малограмотные «колхозники». Предавайтесь равнодушию и лени у себя на задворках Империи, а нам, сюда, в столицы, этих ментальных вирусов заносить не нужно.

Король Западной Германии, Генрих Первый д'Альбре прибыл в Маракайбо девятого

декабря 1535 года. Бывший дворец герцога Гранады и Ямайки временно стал вторым гостевым, в него друг Энрике и заселился.

— Как-же так? С вашей-то медициной? Она ведь даже чуму лечит... — Генрих д'Альбре сильно расстроился, он был по-настоящему дружен с покойным доном Франциско.

— Медицина бессильна, если человек не хочет лечиться, Энрике. Если он игнорирует рекомендации врачей, или даже делает всё наоборот. Не печалься так, все мы смертны, все там будем. Расскажи лучше, как ты у себя с чумой боролся.

Эпидемия в Европе закончилась. Закончилась везде, даже в Италии. Научились люди беречься, научились дезинфицировать чумные объекты и правильно хоронить трупы. Очаговые вспышки ещё случаются, но их сразу берут в карантин.

Сколько вымерло народа, посчитать невозможно, но счёт точно идёт на десятки миллионов. В половину сократилось население юга и востока Франции, юга и востока Германии, бывшей Священной Римской Империи, на две трети убыль в теперь русских Валахии, Польше и Моравии, османских Верхней Саксонии, Баварии, Западной Пруссии Бранденбурге и Швейцарии. На три четверти проредило население Венгрии, Балкан и Италии. Так что миллионов тридцать точно, а может и все сорок.

— Как все боролись, так и я. Закрывал территории на карантин и отстреливал бродяг и собак. В Швабии сейчас безлюдно, заселять придётся пустующие земли, зато Франконию, Нижнюю Саксонию и Северные Нидерланды отстоять удалось. Там на меня теперь молятся. Почти как на тебя в Империи.

— Заслужил. Как там наш родственник, Франциск Валуа? Ты же успел с ним пообщаться перед отъездом?

— Встречались в Роттердаме, — кивнул король Западной Германии, — Франсуа сейчас в бешенстве. Винит во всём покойного герцога де Гиза, хотя сам дурак. Мог ведь принять план де ла Тремуя и переправить армию в Италию. Сейчас бы не османы на запад наступали, а французы на восток. Кстати, ты в курсе, что у мусульман теперь свои винтовки и миномёты?

— И пушки свои есть. В курсе, конечно. Ничего удивительного, производство не слишком сложное, рано, или поздно, его все освоят.

— Поздно будет поздно. Франсуа уже не успел. Поможем ему?

— А заслуживает он нашей помощи, Энрике?

— Родственник, всё-таки...

— Лимит родственной помощи он уже исчерпал. Он тебя хоть поблагодарил за «Кёльн»?

— Не до того ему сейчас.

— Ему всегда не до того, друг. Твой «Кёльн» принёс ему Магриб. В тот момент у него имелась отличная возможность отблагодарить, но Франсуа решил отложить свою благодарность на когда-нибудь потом. Не забывай о своих союзнических обязательствах, Энрике. Османы нам не враги. Пока не враги, пока они сами эту позицию не изменят. Сулейман в своём праве, французы на него напали, а не наоборот, если помнишь.

— Помню, конечно. Но хоть Южные Нидерланды я у него выкупить могу?

— Выкупи, если они тебе нужны. Только не переплачивай. Всё равно не в коня корм.

— Семьдесят тысяч нормально?

— Даже довольно щедро. Вполне по-родственному. Будет ему на что закупить миномёты и винтовки.

— Начнёшь их продавать?

— Конечно. Иначе их начнут продавать османы и сожрут мой рынок. Продавать буду много и недорого, чтобы разорить возникшие османские производства. Мне конкуренты на этом рынке не нужны.

Тесть и тёща, Василий Третий Иванович Рюрикович и Мария Первая Генриховна Тюдор прибыли в Маракайбо семнадцатого декабря 1535 года. Их, грядущая судьба Франции, нисколько не волновала. А Марию Генриховну даже радовала, хоть она и успела два с половиной месяца побыть французской королевой. А может быть наоборот, как раз именно поэтому.

Англичане ещё не смирились с потерей владений Плантагенетов на континенте: Нормандии, Бретани, Пуату, Аквитании и Беарна, от которых, к этому моменту, у них остался только один город — Кале.

Отпраздновали Рождество, Новый, 1536-й, год, Крещение, а в промежутках между праздниками обсуждали промышленное развитие Русского царства, королевств Британии и Западной Германии. Утвердили строительство железных дорог Донецк — Белгород в Русском царстве и от Дортмунда до Зальцгиттера в королевстве Западная Германия, как первоочередные проекты. Строительство из заёмных рельсов, с погашением займа теми-же рельсами, когда начнётся их производство на местах. Начнётся оно довольно быстро, если связать дорогами угольные и железорудные месторождения, что и запланировано сделать в первую очередь. Во вторую — дороги от металлургических комбинатов к морским портам, и только в третью все остальные.

Усиление османов в Европе никого сильно не беспокоило. Не такое это уж и усиление, если всё хорошо посчитать. Полезных ископаемых во Франции и Италии нет. Европа разорена многолетней войной и чумой, и пока там удастся организовать хоть какое-то производство, Тройственный Союз Севера превзойдёт экономикой всю Османскую Империю вдвое. Вот тогда и можно будет повоевать.

Не жалко Франциска? Нет, не жалко. Кого он сам жалел? Где теперь Габсбурги, где его бывшая и верная союзница Венеция, где владельцы Италии? Вот-вот, и ему туда-же дорога. Какой мерой отмерите, той к вам и вернётся. Так что тут не о помощи этому хищнику думать нужно, а наоборот, добить его поскорее в Нормандии, Бретани, Пуату, Аквитании и Беарне, чтобы не всё одним османам досталось. Не нужно? Ну и ладно, не больно то и хотелось.

После Крещения, чета Василия Третьего Рюриковича и Марии Первой Тюдор традиционно отправилась в Лиму; друг Энрике, его величество Генрих Первый д'Альбре, в компании с доном Жуаном Ависским, герцогом Большого Лиссабона, Большого Порту и Бом Байи, в Тауантинсуйу; Эль Чоло в Тиуанако, тот самый город, к котором произошло пришествие двух попаданцев в эту историческую реальность.

Император хотел отправиться с шаманом, интересно же, что он там такого мутит с этим «порталом», проводя там по три месяца в году, но Эль Чоло отказал: «Не твоего ума дело, Русо. Ты мне будешь мешать возмущениями эфира. От тебя слишком сильно фонит. Если действительно хочешь помочь — отвали куда подальше. В Европу, или даже в Азию».

Почему бы и нет? Тем более, если это поможет какому-то важному эксперименту шамана. Всё равно ведь собирался обкатать «Посейдона» в кругосветке. Связь есть, что ещё нужно? Вообще-то, много чего нужно, но за пару недель всё можно собрать.

Герцог Васко да Гама де Гоа, предложение обогнуть мир на «Посейдоне» принял с благодарностью. Типа, всю жизнь об этом мечтал. А больше никто и не нужен. Герцога де Гоа везде сопровождает личный врач, Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, барон де Агонда, так и не взявший себе в этом мире имя Парацельс, ещё одна легендарная личность и хороший партнёр для преферанса. Остальных будем подбирать в пути на разные участки.

Двадцать третьего января 1536 года, императорская яхта «Посейдон» вышла из Маракайбо в кругосветное путешествие, взяв курс на Кадис, первую остановку на долгом пути. Дон Васко да Гама, перед отбытием, передал все свои владения и титулы наследникам. Очень избирательно передал. Герцогство Гоа получил третий сын, дон Криштован да Гама, граф Мадейры и Азорских островов: а старший, дон Франсишку да Гама, герцог Сардинии стал владельцем фамильного гнезда, виконтства Видигейра, которое перестало быть графством, после перехода королевства Португалия в статус двух герцогств.

Кроме того, герцог Сардинии и виконт де Видигейра получил отцовский дворец в Тауантинсуйу. Дворец в первой линии, по линейному соседству с четырьмя вице-императорами, русским царём, британского королевой, королём Западной Германии, бывшим королём Португалии и тремя императорскими зятьями. То есть, не получил пока, получит после смерти отца, но получит точно. Дон Франсишку человек деятельный и имперской карьерой не пренебрегает, управляет Сицилией, в качестве имперского наместника. Хорошо управляет, очень толковый администратор, один из первых кандидатов на повышение.

Путешествовать в компании простого дона, Савелий не захотел, и назначил друга Васко да Гаму вице-императором и имперским наместником Антарктиды. Первая вице-императорская должность, которая является откровенной синекурой. Хлопот с Антарктидой у наместника нет и не предвидится, а статус величественный. Его величество вице-император целого материка. Кстати, а почему бы и нет? Почему бы вице-императору не совершить ещё одно эпическое в этой жизни деяние, и не заложить в Антарктиде первое поселение, город своего имени? Пусть маленький город, очень маленький, совсем крошечный, но столицу континента. Будем туда вахтами связистов и метеорологов отправлять, по началу, а дальше — как пойдёт. С научной точки зрения, Антарктида

бесценна, а деньги на её изучение есть.

На полпути к Кадису, двенадцатого февраля 1536 года, получили сведения о разгроме армии Франциска Первого под Генуей. Пятьдесят тысяч османов, под командованием Увейс-паши, разгромили французов, во главе с самим императором. Винтовки и миномёты османов проявили себя во всей своей смертоносной красе. Франциск Первый отвёл остатки своей армии не обратно к Турину, а сразу к Ницце. Всего тридцать тысяч. Набор солдат французы ведут постоянно, но теряют их в этой войне гораздо быстрее, чем набирают.

Генуя, следуя примеру Милана, тоже сдалась без боя. Да и что теперь той Генуи, пятнадцать тысяч жителей осталось после чумы, вдвое меньше, чем в небольшом, по имперским меркам, Асунсьоне. С точки зрения экономики — это теперь большой колхоз, но с точки зрения военной тактики — османский ключ ко всей Италии. Теперь Италия от Франции отрезана надёжно, осталось её пережевать, проглотить и переварить. Не спеша, торопиться некуда. Брошенным на произвол судьбы оказался и Турин. Вряд ли город будет проявлять героизм.

А ведь это вспомогательная, отвлекающая армия османов. В Берне и Цюрихе сосредотачивает главные силы сам султан, Сулейман Великолепный. Судя по расшифровке османского радиообмена, он уже девяносто тысяч там собрал. А перед ним только на три четверти вымершие Базель, Женева и Лозанна и на две трети Лион и Безансон. А дальше уже Париж. Аллах Акбар, ага.

В Кадисе «подобрали» вице-императора, имперского наместника Африки и островов, Паскуаля де Андагойя, герцога Кубы, Андалусии и Мавритании, графа Севильи. Подобрали вместе с целым флотом транспортов, везущих переселенцев в Южную Африку. Правда, транспорты сразу потеряли, не тащиться же с их скоростью. Ничего, сами дойдут, не маленькие. Западный берег Африки уже отлично оборудован, форты-фактории натыканы плотно, как трамвайные остановки, везде окажут посильную помощь припасами и ремонтом, если вдруг в этом возникнет необходимость.

Остров Гран-Канариас. Савелий посещал Лас-Пальмас-де-Гран-Канария и в той жизни, поэтому было с чем сравнивать. Конечно, город ещё разрастётся вширь уродливыми постройками в стиле модерна и минимализма-примитивизма, но главное ведь — исторический центр. А центр здесь на порядок лучше. Адмирал Тако Котага, герцог де Канариас, граф Кабо-Верде и Сан-Томе-де-Принсипи деньги не копит, всё вкладывает в развитие доверенных ему владений. Владений жалованных, но он считает их доверенными. Вкладывает и строго контролирует, поэтому и получается отлично.

Адмирала Савелий поощрил двадцатью тысячами французских ливров серебра за усердие, пусть строит дальше, отодвигает модернизм-примитивизм дальше на окраины. Ещё двадцать тысяч получил виконт де Гран-Канариас, племенной вождь Гуанчей на острове, Гуаторато, отец министра Внутренних дел Северной Инки и заместителя министра. Этот тоже деньги не пропьёт и в казино не проиграет. Он уже три полноценных городка основал и стал донором имперской переселенческой программы. Гуанчи острова Гран-Канариас теперь настоящие имперцы, их в этом качестве привлекают для заселения Южной Африки. Это уже инки. Новые инки, ничуть не хуже старых.

На пути в Кейптауну, получили донесение от Римского командорства Ордена Священного Препуция. К Большому Риму, орденскому владению, османские драгунь подходили, но безобразничать не стали. Посмотрели, обошли город с востока и отправились на юг, к Неаполю. Уважают, это приятно. Большой Рим к обороне подготовлен, гарнизон

там собран двадцатитысячный, очень мотивированный, из бывших братьев-рыцарей Орденов Тамплиеров, Госпитальеров, Тевтонцев и Ливонцев, вооружённых по стандартам имперской армии, так что отбились бы точно, но тогда началась бы война. Совершенно ненужная Империи война. А ведь могли братья-рыцари её спровоцировать, запросто могли, подавляющее большинство из них с «погорелых», оккупированных османами регионов Европы. Однако обошлось. Игнатий де Лойола получает ещё один жирный плюс в свою карму.

В Кейптауне разделились. Савелий с Паскуалем де Андагойя сошли на берег, им предстояла инспекция Кимберли и Йоханнесбурга, алмазной и золотой шкатулок Империи, ну и охота по пути — на львов, леопардов, слонов, носорогов и буйволов — «Большой шлем Африки»; а вице-император Васко да Гама отправился «открывать» своё наместничество. Все про Антарктиду знают, но никто там ещё не бывал. Пусть первым будет имперский наместник. Установит владетельный столб и сфотографируется для истории. Большого не успеть, лето в Южном полушарии уже заканчивается. Да и не напротив Африки нужно столицу имперского наместничества основывать, а напротив Южной Инки, в земле Грейама, на Антарктическом полуострове. Для первого раза, фиксации исторического события, хватит фотографий. Встретимся через два месяца в Мапуту.

В Кейптауне двадцать тысяч жителей, больше, чем теперь в Генуе, из них две тысячи гарнизон. Из гарнизона взяли пятьсот кавалеристов для охраны и поиска дичи.

До Кимберли добрались за две недели, в дороге Савелий обзавёлся первыми двумя трофеями — матёрым львом, главой крупного прайда, и буйволом под тонну весом. Пообщались телеграфом с «Посейдоном», получили пакет новостей. Османская Империя купила на торгах в Сингапуре три «виндхаммера» поколения четыре плюс. Как доложил имперский наместник, министр Азиатский дел, Сиоку Орусата, османы сильно обеспокоены значительным усилением Персии, купившей уже восемь наших кораблей. Персы пока не лезут на запад, в османские владения, даже в восточные эмираты Аравии, где проживают их единоверцы шииты, но это пока. Пока они заняты добыванием Империи Великих Моголов. Добьют Индию — развернутся на запад. Не нужно быть великим пророком, чтобы предвидеть такое очевидное развитие событий.

У Османской Империи теперь стало девять «виндхаммеров» (шесть они потеряли в сражении с эскадрой Гийома Гуфье де Бониве при Александрии), а у Персии восемь, но все персидские в Индийском океане, а две трети османских в Средиземном море.

Да, и цена снова поднялась, что совсем не удивительно, после вступления в торги такого мощного покупателя. «Прометей», «Ганеша» и «Индра» ушли за сто пятьдесят три тысячи французских ливров серебра, по пятьдесят одной тысяче за штуку.

В Кимберли порадовали алмазами. Как технической мелочью, так и крупными ювелирными камнями. Пригодятся на подарки.

До Йоханнесбурга от Кимберли добирались ещё три недели. По дороги добыли слона и леопарда. Связались с вице-императором Васко да Гама. Антарктида успешно открыта, историческое событие запечатлено на фото и киноплёнку, «Посейдон» направляется в Мапуту. В Европе, армия Увейс-паши подошла к Ницце, стягивая на себя все резервы французов. Про армию Сулеймана Великолепного в Берне и Цюрихе Франциск Первый досих пор ничего не знает.

Султан извлёк урок после потери Буды, Пешта, Задара и Белграда и создал очень эффективную контрразведку, а вот французский император, из рейда Сулеймана через

Валахию, Моравию, Богемию и Остмарк в Далмацию, никаких выводов, похоже, не сделал. Он всё так же ожидает реванша османов в Магрибе. И пусть себе ожидает. Предупреждать не будем.

Италия сдаёт города без боя, как только османская кавалерия появляется под стенами. Обещание не трогать жителей и их имущество пока выполняется, вот итальяшки и рады стараться.

В Йоханнесбурге, Савелий и Паскуаль де Андагойя заложили университет. Город уже крупный, почти сорок тысяч жителей, пока достроят комплекс зданий кампуса, превысит отметку в пятьдесят тысяч и как раз попадёт в следующую очередь на получение преподавательских кадров. В третьей очереди, делиться кадрами будут уже семь университетов.

Путь из Йоханнесбурга в Мапуту занял девятнадцать дней. Носорога добыли. Злобных и непримиримых готтентотов так по дороге и не встретили. Научены уже дикари, освобождают дорогу сильным отрядам. Первый шаг к смирению ими сделан, хоть пока и не осознанно. Никуда не денутся, смирятся. Начнут торговать и брать контракты на охрану городов и дорог, как индейцы в Северной Инке. Туземных племён в Южной Африке много и все они друг с другом воюют испокон веков, вот и пусть воюют нам на пользу. Железная дорога Кейптаун — Кимберли — Йоханнесбург — Мапуту очень нужна

Из Мапуту вышли семнадцатого мая 1536 года, курсом на Гоа. Вице-императора, имперского наместника Африки и островов, Паскуаля де Андагойя, герцога Кубы, Андалусии и Мавритании, графа Севильи оставили в его наместничестве, распределять переселенцев, караван которых уже добрался до Кейптауна.

Двадцать шестого мая получили новость о начале османского наступления из Швейцарии. Сорокатысячный корпус, под командованием старшего сына Сулеймана Великолепного, двадцатидвухлетнего шахзаде Махмуда, о котором, к сожалению, ничего неизвестно интернету из двадцать первого века той исторической реальности, выдвинулся из Цюриха, оставил десять тысяч для осады Базеля, а тридцатью устремился к Безансону.

Сам султан Сулейман, во главе пятидесятитысячного корпуса, обложил двумя десятками тысяч Лозанну и Женеву, и с тридцатью продвигается к Лиону.

Шах императору Франциску Первому Валуа, который сидит со своим войском в Ницце. Если он отправится спасать Лион, то Увейс-паша, с сорокатысячным корпусом, выйдет на простор южной Франции, угрожая Марселю и Авиньону, а если не отправится, то Авиньону будет угрожать уже корпус самого султана, и армию Франциска зажмут в клещи на юге.

Куда после Безансона направится шахзаде Махмуд? Скорее всего на беззащитный Париж и направится, а чего тут мудрить? Шах Франциску, с угрозой мата в три хода, который можно отсрочить лишь ценой жертвы всего юга Франции — сразу отступить к Авиньону и дальше к Парижу. Надолго это мат не отодвинет, но «белый король» ещё побегаёт по доске Большой Европейской Игры. Успеет продать Южные Нидерланды Генриху д'Альбре, а может и не только их.

В Гоа встретились с шахиншахом Персии, Тахмаспом Первым Сефевидом и его лала* (*воспитателем), великим визирем и главнокомандующим вооружёнными силами Персии, Див султаном Румлу.

Чудесные люди, старательно изучающие «забытый язык богов» и «утраченное наследие», поэтому общались без переводчиков, в тёплой и дружественной обстановке за кальяном и кофе. Персы планировали захват всех владений Империи Великих Моголов, от

Средней Азии (Бухарского и Хивинского ханств) на севере, до земель тамильских раджей на юге полуострова Индостан; и интересовались мнением императора Нового Света на этот счёт. Мнение Савелия было положительным — Аллах вам в помощь. Большой Кавказский хребет, перешеек Каспийского и Аральского морей и Сырдарья — южная граница Русского царства, её не нарушайте и всё будет хорошо. Будет у вас и новое оружие, и боеприпасы в достаточных количествах, на все ваши деньги. Денег ведь вам теперь хватает? Вот и славно.

Несите свет шиитского ислама неправильным язычникам Индии и еретикам-суннитам. Насчёт радиостанций договаривайтесь с Орденом Священного Препуция в Гранаде. Монастыри Ордена прозелитизмом не занимаются, это категорически запрещено имперским законом, так что впускать их к себе можете без опаски. Ничего, кроме пользы, вы от них не получите.

Франциск Первый Валуа решил ещё побегать по доске Большой Европейской Игры и отступает от Ниццы к Парижу. Даже не через Авиньон, а большим крюком, через Монпелье и Тулузу, по пути мобилизуя всех, способных держать в руках оружие. Не призывает служить по контракту, а именно мобилизует — ставит в строй вне зависимости от желания.

Базель, Женева и Лозанна открыли ворота после переговоров, а Лион и Безансон решили драться. Увейс-паша подходит к Марселю, туда-же направляется флот Пери-реиса. Этот порт очень важен, для снабжения османской армии во Франции, поэтому главные силы направляются именно к нему. Корпус Увейс-паши усилился ещё десятью тысячами, освободившимися после сдачи Женевы и Лозанны.

Из Гоа вышли второго июля 1536 года, направлением на Сингапур, где министр Азиатских дел, и имперский наместник азиатской столицы Империи Инков, Сиоку Орусата, граф де Гонконг и Макао, собирает саммит глав государств восточноазиатского региона. Туда-же придут два императорских зятя: вице-император, имперский наместник Азии, Австралии и Океании, адмирал Родриго Пике, герцог Гавайев и Новой Зеландии и граф де Пуно, и Асикага Такаудзи, герцог Новый Гвинеи и Хоккайдо, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо.

Интерлюдия. 11 августа 1536 года.

Министр Азиатских дел, наместник азиатской столицы Империи Инков, Сиоку Орусата, граф де Гонконг и Макао, к поручению собрать как можно больше влиятельных правителей Азии, для встречи с императором Интико, отнёсся очень ответственно. Впрочем, он ко всем поручениям относился именно так, за что и был возвышен в имперские министры. Высоко возвышен, на третий уровень пирамиды власти Империи Нового Света.

На первом уровне, понятно, сам император, Сын Солнца, это самая вершина, пик. Второй уровень — вице-императоры и наместники огромных территорий, частей света и континентов. Третий уровень имперской власти — министры и губернаторы крупных провинций, вроде Аргентины, или Мексики, так что в имперской иерархии, самурай Сиоку Орусата догнал своего бывшего дайме и лучшего друга в настоящем, Асикага Такаудзи. Правда, Такаудзи-сан императорский зять и обязательно поднимется выше, но сейчас, формально, положением они равны. Настолько равны, что планируют породниться через браки детей. А ведь дети Асикага Такаудзи — племянники самого Сына Солнца. Так что это даже не великая честь, а Божья милость.

Правителей удалось собрать много: шесть тамильских раджей; шесть султанов Индонезии, не страны, а региона на островах Ява, Суматра и Сулавеси; четыре малайзийских султана; царь Аракана, Мин Бин; король Аютии, Чаирачатират; император Дайвьета, Ле Чанг-тонг: ван Чосона, Чунджон Накчхон; и сёгун Муромати, Асикага Ёсихару, двоюродный племянник Такаудзи-сана. Двадцать один азиатский монарх и верховный правитель, самые влиятельные из тех, кто имеет выход к морю, а значит и доступ к морской торговле в этом огромном регионе, Восточная Азия.

Все они имеют в Сингапуре свои посольства и дворцы-резиденции, все уже здесь не раз бывали, на обследовании здоровья в двух клиниках (мусульманской и языческой) инкских медяков-чародеев, а потому развлекали себя сами, устраивая друг для друга приёмы, интригуя, сколачивая коалиции и просаживая деньги в казино.

Ничего, денег у них много, хватает и на казино. В Азии идёт процесс большого передела собственности, как выразился Сын Солнца, собственности крупнейших и богатейших держав региона: Империй Великих Моголов и Мин; хотя и возможность переделить собственность всякой мелочи внутри континента никто не упускает. Эти двадцать один друг друга пока не трогают, добычи пока хватает им всем, но это пока, осталось той континентальной добычи не так уж и много, а потом сильные морские хищники начнут поедать слабых.

Сыну Солнца требуется знать, кто из них сильный, кто сможет подмять под себя остальных и обеспечить Империи самую выгодную торговлю. Он, конечно, и сам всё увидит, раз уж решил приехать лично, но и Сиоку Орусата должен будет высказать своё мнение. Его мнение, божественный император примет во внимание, наравне со своими зятьями: вице-императором и имперским наместником Азии, Родриго Пике, и Асикага Такаудзи, самым крупным владельцем в Восточной Азии, хоть и всего лишь герцогом.

Да, судя по постоянно обновляемой карте, владения Асикага Такаудзи теперь самые обширные. Империя Мин, которую атакуют Чосон и сёгунаг Муромати, теперь меньше Новой Гвинеи и Хоккайдо, а ведь Такаудзи-сан ещё и имперский наместник Филиппинского архипелага.

Чосон и сёгунат поделили территории для разграбления по реке Янцзы. Сначала для разграбления, а после и для захвата, когда ханцы эти земли покинут. Покинут обязательно, ведь их теперь каждый год грабят до нитки, до последнего зёрнышка, до последнего гвоздя. Так и возникла временно ничейная территория, а Империя Мин всё сокращается и сокращается. Невыгодно ведь грабить уже не раз ограбленных крестьян, их не забывают только с целью изгнания с земель, а с целью добычи, каждый год отгрызается новый кусок от самой Империи Мин.

Союз тамильских раджей грабит Империю Великих Моголов с юга и юго-востока. С юго-запада они уже граничат с имперским герцогством Гоа, теперь соревнуются с Персией, кто отхватит больший кусок от некогда великой Империи. Союз у раджей сплочённый, союз равных, но лидер у них имеется — Канкили Первый, раджа, или царь Джафны. Он первым вступил в отношения с Империей Нового Света, уступив под факторию землю в Тринкомали, первым начал торговать и набираться ума-разума, через него и остальные дикарские тамильские раджи приобщились к благам развитой цивилизации. Если Империи нужен единый правитель народа тамиллов, Сиоку Орусата будет рекомендовать Сыну Солнца именно Канкили.

Царство Аракан* (*Мьянма), королевство Аютия* (*Таиланд) и Империя Дайвьет* (*Северный Вьетнам), сильнейшие державы полуострова Индокитай переделывают собственность слабых соседей: королевств: Лансанг, Ланнатая, Сукхотай и Тямпа, и Кхмерской Империи. Хотя, Дайвьет и в Империю Мин за добычей ходит. У этих трёх держав на поглощение и переваривание соседей уйдёт лет десять, минимум, поэтому они все годятся в торговые партнёры Империи Инков. Все правители в достаточной степени лояльны и вменяемы.

Малайзийские и индонезийские султаны действуют каждый сам по себе, союзы если и заключают, то только на одну кампанию. Грабят они северо-восток полуострова Индостан и Бенгалию, хотя и про южный берег Империи Мин не забывают, но там им уже не интересно, ограблено всё не по одному разу. Явных лидеров у малайзийцев и индонезийцев нет, но можно сделать так, чтобы они появились, если это нам нужно. Кандидатуры лидеров для этих двух группировок у Сиоку Орусата имеются. Силы у них примерно равны, зато вменяемость, готовность учитывать интересы Империи, у всех разная.

Сына Солнца, министр Азиатских дел, наместник азиатской столицы Империи Нового Света, ни разу не видел. Когда он исполнял недолгое посольство дайме Цусимы в Лиме, встречался только с главным вице-императором Чалько Юпанки. Божественный император находился тогда в Северной Инке.

Какой он? Как его принимать?

— Ничего особенного готовить не нужно, Орусата-сан, излишних почестей Сын Солнца не приветствует. Оркестр он возит с собой, мда... оркестр... так что и здесь твоя задача упрощается. Встретим все вместе, обменяемся салютами, а потом он сам скажет, что всем нам дальше делать. Я пас. Такаудзи-сан?

— Рискну шесть пик, в расчёте на две взятки в прикупе. Родриго-сан правильно говорит. Пышную показуху Сын Солнца не любит. К встрече ты готов. Будь самим собой, помни, с кем говоришь, и проявляй соответствующее уважение божественному. Проявляй в душе, а не напоказ. Он всё увидит, не сомневайся. Слышишь меня Орусата-сан? Ты не заснул? Шесть пик, твоё слово.

— Слышу, не заснул. Мизер.

— Восемь пик, — улыбнулся Асикага Такаудзи.

— Ты же шесть заказывал, в надежде на две взятки в прикупе, — усмехнулся вице-император, имперский наместник Азии, Австралии и Океании.

— Я пошутил. Шутка юмора. Просто вы мой тонкий юмор совсем не понимаете, скучные люди.

В Сингапур, «Посейдон» пришёл четырнадцатого августа 1536 года. После отступления Франциска Первого в Париж, османам стало опасно дробить свои силы на три корпуса, поэтому шахзаде Махмуда, Сулейман Первый отозвал от Безансона под Лион, и объединёнными силами, взял город штурмом восьмого августа. Взял Лион и угнал всех выживших горожан в рабство. Чтоб неповадно было прочим молодцам, ага.

Увейс-паша осаждают Марсель с суши, а Пири-реис с моря. Новые, сто пятидесяти двухмиллиметровые пушки-гаубицы, адмирал сгрузил на берег в рыбацком посёлке Сосселе-Пен, в тринадцати километрах западнее порта, за пределами прицельной дальности огня таких же орудий у французов. Теперь эти пушки-гаубицы разносят древний Римский город Массилия в щебень. Османам нужен только порт, остальное они не берегут. Всё равно, половина построек в Марселе пустует, да и жителей города ждёт участь рабов на полях Египта и Месопотамии.

Императору Франции, «забрившему» на юге сто пятьдесят тысяч крестьян, рыбаков, подмастерьев и прочих люмпенов, у которых не хватило денег на откуп, теперь срочно требуется оружие. Много оружия, очень много, а винтовки, миномёты, нарезные орудия и боеприпасы для них дороги. Если по-старому, на сто пятидесятитысячную армию тратилось сто пятьдесят тысяч французских ливров серебра, по ливру (чуть меньше половины килограмма) на одного бойца, то по новым стандартам вооружений стало два ливра. Триста тысяч. Именно триста тысяч и запросил Франциск Валуа у Генриха д'Альбре за Южные Нидерланды. Друг Энрике посмеялся и предложил триста тысяч за Южные Нидерланды Фландрию, Люксембург и Артуа.

Предложил чисто для смеха, в качестве ответной шутки, денег таких у него нет, но Франциск задумался всерьёз. Джокера Гийома де Бониве у него больше нет, а воевать как-то нужно, так что может и согласиться.

Кроме того, османы купили ещё один лот на торгах в Сингапуре. «Анубис», «Шива» и «Виракоча» ушли за сто пятьдесят девять тысяч, по пятьдесят три за корабль, себестоимостью производства двенадцать тысяч.

Восточный флот Османской Империи, как минимум сравнялся силами с персидским. У персов восемь кораблей, но три из них винджаммеры третьего поколения, пятимачтовые, без ходовых винтов и с деревянной обшивкой корпуса, у османов же только новьё, поколения четыре плюс.

Уже планирует Сулейман Великолепный войну в Азии, понимает её неизбежность. Мы это очень уважаем и ждём повышения ставок на следующих торгах. Для стимуляции активности мелких игроков, лоты по три корабля больше выставлять не будем. Дефицитным товаром оптом торговать глупо, его и в розницу расхватают, по спекулятивным ценам.

Сингапурский саммит глав азиатских государств, министр Азиатских дел и имперский наместник азиатской столицы Империи Инков, Сиоку Орусата, граф Гонконга и Макао, организовал на высшем уровне. Все, кто был нужен, на саммите присутствовали. Очень толковый японец, дал подробную характеристику на каждого из участников. Причём, оценивал их полезность Империи по разным критериям, а не только по силе и богатству.

Самых дружественных правителей, тамильских раджей, удалось убедить в необходимости добровольно объединиться в Тамильскую Империю. Персы рядом, они фанатики-шииты, совсем скоро придут фанатики-сунниты-османы, пока они вам не враги, но они фанатики, а тамилы — их первый противник на их пути в Восточную Азию. Так что добровольно объединиться в Империю — единственный шанс отстоять свои владения.

Империя — очень разумная форма организации государства, совсем, как у нас. Империи Тамилы есть смысл помогать, а шести небольшим, по нынешним временам, княжествам, по-нашему герцогствам, помогать смысла просто нет. Кого хотите императором, благородные тамилы? Отличный выбор, поздравляю! С покупок в Сингапуре наших кораблей, вы будете получать десять процентов кэшбэк. Что это такое? Это отличная штука. Десятую часть цены мы вам вернём, через полгода после покупки.

За покладистость, Савелий одарил тамильских раджей южноафриканскими алмазами. Не самыми крупными, но всё равно огромными, таких здесь ещё не видели.

С правителями Аракана, Аютии и Дайвьета, получилось ещё проще. Они и так делали всё то, что нам нужно. Савелий и их попугал фанатиками-мусульманами, шиитами и суннитами, с проклятого запада, заверил в праведности союзов всех правильных язычников, чтущих своих богов и своих предков, против фанатиков, предавших своих богов иудейскому Иегове, совсем слабому божку, между нами говоря. Всё, что он может — это интриговать, ссорить и стравливать правильных людей. Не поддавайтесь на это подлое разводилово. Всё поняли? Ну и отлично, вот вам по алмазу в короны и по кэшбэку на «виндjamмеры». Приезжайте к нам в Тауантинсуйу.

С малайзийскими и индонезийскими султанами, теми самыми «фанатиками-суннитами», обсудили опасность вторжения «фанатиков-шиитов». Фанатики-шииты уже подошли к Дели и Агре, через пару лет они подомнут под себя всю Индию, а потом примутся за вас. Вас они ненавидят гораздо сильнее, чем нас, язычников. Мы, для них, посторонние дяди, а вы еретики-предатели. Вот и думайте. Вот вам кэшбэк на «виндjamмеры», обойдётесь без алмазов. Кандидатуры лидеров от Сиоку Орусата, Савелию не понравились. Ему вообще все эти султанчики не понравились. Бандиты-пираты. Полевые командиры. Ни один из них не учится «забытому языку богов». Такие владельцы нам в светлом будущем не нужны, обойдёмся как-нибудь сами, имперскими наместниками Явы, Суматры и Сулавеси. Как на Калимантане.

Корейский, точнее, Чосонский, ван Чунджон Накчхон, оказался правителем очень солидным. И в той исторической реальности он проявил себя отлично, и в этой своего не упустит. «Забытый язык богов» и «утраченное наследие» изучает со всем старанием. Говорит с жутким акцентом, но понять уже можно. Воскурили с ваном Чосона кальян, под коньяк и кофе. Поговорили о делах: и о вечных, вселенских, философских, и о мелочных, земных, суетных. В компании поговорили, с привлечением Васко да Гама, Родриго Пике, Асикага Такаудзи и Сиоку Орусата. Потом ещё добавились коньяком, насладились оркестром, струнным октетом — три гитары, две скрипки, виолончель, контрабас и солистка. И музыкой насладились и девочками-музыкантшами.

Отличный мужик, ван Чосона, получил кэшбэк на «виндjamмеры» в пятнадцать процентов и алмаз, покрупнее, чем у союзных голодранцев. Распрощались друзьями. Приезжайте к нам в Тауантинсуйу. Там познакомитесь с правильной религией, верой в Создателя нашей Вселенной, Инти-Виракочу, который и ваших богов создал, в числе многих прочих.

А вот сёгун Муромати, двоюродный племянник Асикага Такаудзи, Асикага Ёсихару, Савелию не понравился совсем. Полное служебное несоответствие занимаемой должности, у товарища сёгуна. Какой-то он совсем никчёмный. Даже не гуманитарий, а просто пустышка.

— Неужели в клане Асикага не нашлось никого лучше, чем сёгун Ёсихару? Мне кажется, что он весь ваш клан позорит, Такаудзи-сан.

— Так и есть, божественный, — печально вздохнул Асикага Такаудзи, — позорит, но он законный наследник своего отца.

— И всегда у вас такие никчёмные законные наследники своим отцам наследуют? Неужели никакого фильтра для этих никчёмностей так и не придумали?

— Придумали, божественный Сын Солнца, конечно, придумали, но возникла одна проблема. Я не хочу становиться сёгуном клана этих...

— Дикарей, — подсказал Савелий, — и правильно не хочешь. Мне нравится культура Ямато, мне нравится кодекс воина Буси-До, мне нравится религия Японии, но мне не очень нравятся эти никчёмные наследные правители. Этот дурачок до сих пор не понимает, что его жизнь уже изменилась, изменилась полностью, навсегда и бесповоротно. Такие идиоты нам в светлом будущем не нужны. Страна Ямато станет имперским герцогством. Я так решил, я очень хочу сохранить всё лучшее, что в ней есть. Возьмёшься за это дело, или мне назначить другого исполнителя, Такаудзи-сан?

— Что делать с императором, божественный Сын Солнца?

— Только то, что у вас обычно делают с низложенными императорами, ничего нового изобретать не нужно.

Седьмого сентября 1536 года, «Посейдон» отчалил из Сингапура в направлении Гавайев. Увейс-паша взял раздробленный в щебень Марсель. Интересно, были ли в Марселе общечеловеческие культурные ценности? Можно заглянуть в интернет, но лучше этого не делать. Всё равно, ценностей этих больше нет, так к чему зря расстраиваться? Нет и нет, не первые и не последние.

Сулейман Великолепный собирает все валентные силы в Лионе, для удара по Парижу. А вот это зря. Пока дождётся корпус Увейс-паши, уже зима настанет, а зимой в центральной Франции не повоюешь, дороги развезёт уже в октябре, артиллерию не протащишь. Ему бы сразу ударить, пока Франциск Валуа свою лапотную орду в солдат не превратил и не вооружил, пока у него армия всего из тридцати тысяч ветеранов, а остальные сто двадцать — просто большая и бесполезная в бою толпа.

Впрочем, откуда Сулейману это знать? Это мы читаем переписку Парижа и Антверпена, коннетабля с императором, а османы честно играют в тёмную. Да и не хватает у Сулеймана сил на оккупацию всей Франции. В Базеле, Женеве, Лозанне, Лионе и Марселе, ему пришлось оставить десятитысячные гарнизоны. Ещё девять городов, и вся армия в гарнизонах осядет, перейдёт к обороне, а крупных, стратегически важных городов во Франции намного, на порядок больше. Возможно поэтому султана и тянет в Париж. Надеется, что взятие вражеской столицы закончит эту войну. А закончит? Если император Франции выживет и отступит — то точно нет.

Двадцать шестого октября 1536 года, «Посейдон» вошёл в бухту Перл-Харбор на Гавайском острове Оаху. Красотища-то какая. Город на островах пока один — Гонолулу, столица герцогства. Заложен он ноябре 1526-го, потому и зашли именно сюда — отметить первый юбилей.

Отпраздновали, поныряли за жемчугом, уже с аквалангами, поучились кататься по волнам на досках. Отлично отдохнули.

В Европе война встала на зимнюю паузу. Османы так и не вышли из Лиона, дожди этой осенью пошли слишком рано. Впрочем, позиция у них отличная, юго-восток Франции по линии Женева — Лион — Гренобль — Марсель, с самым лучшим французским портом, они откусили и начали переваривать, дальше вполне могут себе позволить играть от обороны.

Франциск Валуа торгуется с Генрихом д'Альбре о цене за Южные Нидерланды, Фландрию, Люксембург и Аахен. Императору Франции очень нужны триста тысяч, но уступить графство Артуа он пока не готов, предложил вместо него Аахен. А какой толк от того Аахена? Ну, выбрали там когда-то императором Карла Великого и что с того? Генрих д'Альбре императором себя объявлять не собирается, для него это просто городок, с крохотной территорией в шестьдесят квадратных километров.

Да и нет трёхсот тысяч наличными у Генриха, ему занимать придётся. И ладно бы занимать на что-то действительно нужное, ту же Фландрию, которая одна может прокормить всю Западную Германию. Но причём здесь какой-то никчёмный Аахен, по цене отличного графства Артуа? Так пока и торгуются, а мы, на всякий случай, накапливаем вооружения и боеприпасы для стопятидесятитысячной французской армии в Амстердаме. Всё равно ведь сторгуются, уступит Франциск, деваться ему некуда.

Десятого ноября попрощались с Родриго Пике и Асикага Такаудзи. Они возвращались на Цусиму, готовить присоединение Японии-Ямато к Империи Нового Света. Ну герцогством, такого японцы никогда не примут, а в качестве территории прямого подчинения императору, Сыну Солнца. Одного божественного императора сменит другой, ещё более божественный, это нормально и даже хорошо. Понятно, что непосредственное управление всё равно будет осуществляться через чиновников-наместников, но главное здесь

статус. Такой-же статус, как у целого континента — Западной Инки. Такое вхождение в Империю можно будет организовать относительно мирно. Тогда так тому и быть, Такаудзисан ситуацию знает изнутри, ему виднее — как всё сделать правильно.

Одиннадцатого ноября, «Посейдон» вышел на предпоследний участок кругосветного круиза Гонолулу — Лима.

Двадцать второго ноября получили сообщение из Гранады, от министра Европейских дел, Саго Миачо, графа Андорры. Османы предложили заключить мир. Правда условия выдвинули заведомо неприемлемые — статус-кво в Европе и возврат Магриба. Франциск Первый, через своего посла, барона де Рибек, эти условия, естественно, отклонил, да ещё и в не совсем дипломатической форме. Точнее, совсем не в дипломатической. Барон де Рибек зачитал оскорбительный ответ своего императора с листа.

Глупость какая-то. Понятно, что условия османы предложили очень плохие, но к чему все эти оскорбления? Они ведь Сулейману только на руку. Теперь он может делать с Францией и с самим Франциском всё, что угодно, и его за это никто не осудит. Саго Миачо считает, что султан именно этого и добивался. Оскорбительный ответ французского императора уже зачитывают османским армии и флоту. Дословный ответ, с оскорблением как самого Сулеймана, так и всего османского народа, а после этого, никакой дополнительной мотивации им не потребуется. Будут мстить, не жалея собственных жизней, а уж тем более чужих.

Даже если Франциску больше недорога собственная жизнь, а это, скорее всего, так и есть, то зачем подставлять под месть всех французов, в том числе и собственных детей? Сгорел сарай, гори и хата? Похоже, спятил Франсуа, сошёл с ума. В полное безумие пока не впал, но чувство реальности уже утратил, как и контроль над собой.

В Лиме, Савелий с цесаревичем и принцем Уэльским, Иваном Васильевичем Рюриковичем-Тюдор, осмотрели почти готовый к запуску завод «Рол-с-Ройс», их совместное предприятие по выпуску двигателей внутреннего сгорания. К приезду Василия Ивановича и Марии Генриховны всё уже заработает, будет чем наследнику похвастаться родителям.

Иван привлёк к управлению этим проектом своих приятелей. Собрал свою первую команду. Тоже наука очень полезная. Толковых ребят привлёк, они уже автомобиль проектировать начали. Их проект вряд ли пригодится в производстве, но им самим мозги развивает отлично, а именно это сейчас и требуется.

На последний этап кругосветки, вышли из Лимы девятнадцатого декабря. Генрих д'Альбре уже прибыл в Маракайбо, на этот раз вместе с супругой, королевой Маргаритой Валуа, которая изъявила желание помолиться в Соборе Священного Препуция и получить благословление от самого Папы. Маргарита потеряла второго ребёнка, Жан д'Альбре родился сильно недоношенным, шестимесячным и не выжил, вот её и потянуло к священным реликвиям. Пусть помолится, хуже от этого не будет. Лучше тоже вряд ли станет, с детьми у этой пары и в той истории не задалось, Жанна так и осталась их единственным ребёнком и наследницей, но хоть нервы в порядок приведёт, и то дело. Толковая ведь дама, в той исторической реальности стала первой писательницей и вроде даже неплохо писала.

Второго января 1537 года, получили сообщение о взятии персами Дели и Агры. Взяли они две столицы, новую и старую, Империи Великих Моголов ещё в начале декабря, но новости из центральной Индии пока доходят долго. Империя Великих Моголов пала, но природа не терпит пустоты, на её руинах сразу возродилась Империя Персидская.

Возродилась даже в более широких границах, чем во время расцвета державы Ахеменидов. Вместо теперь османских Малой Азии, Египта, Ближнего Востока и Месопотамии, персы контролируют Индию: от Гиндукуша на севере, до широты Гоа на юге, и от Инда на западе, до Брахмапутры на востоке. Они уже объявили своей Бенгалию, так что малайзийским и индонезийским султанам безнаказанно грабить больше нечего. Вряд ли этих султанов-пиратов остановит угроза наказания, но тем интереснее получится Большая Азиатская Игра.

Савелий отправил в персидскую столицу Бандер-Аббас и в посольства в Гранаде и в Сингапуре телеграммы с поздравлением. Адресовал их императору Тахмаспу Первому, тем самым, первым признав его императором. Нам не жалко, а им приятно.

Зачем в Гранаду и Сингапур? Чтоб все об этом как можно скорее узнали и занервничали. Интриги всякие плести начали и вообще не расслаблялись, торговались за наши корабли поактивнее. На самоделках ведь к персидским берегам не сунешься. То есть, сунуться то можно, вернуться шансов нет. А совсем без шансов, даже полные отморозки в походы не ходят.

Мыс Горн обогнули двенадцатого января. Тесть с тещей уже уехали из Маракайбо в Лиму. В этот раз на поезде уехали, железная дорога до Медельина начала работать в сентябре 1536 года. Участок от Лимы до Буэнавентуры вступит в строй в конце 1537-го, а вот от Медельина до Буэнавентуры только в конце сорокового, да и то не точно, может быть и позже. Там целых три тоннеля приходится пробивать, а всей горнопроходческой механизации пока только отбойные молотки.

Двенадцатого февраля пришла телеграмма из Сингапура. На торгах девятого, десятого и одиннадцатого февраля, «Нептун», «Брахма» и «Гелиос» проданы за пятьдесят пять, пятьдесят семь и пятьдесят девять тысяч французский ливров серебра. Упорнее всех боролись персидский посол и лично султан Тернате, Хайрун Джамиль, которого Сиоку Орусата выделял как потенциального лидера бандитской группировки суннитов малайзийцев-индонезийцев.

Первый лот выкупил персидский посол, видимо по предельной цене, пока докладывал, пока согласовывал, пока то да сё, «Брахму» забрал султан Джамиль, но третьи торги снова выиграла Персия. Цена третьих торгов всего тысячу не дотянула до пяти себестоимостей. И это у покупателей без кэшбэка. Так держать!

В Маракайбо «Посейдон» пришёл девятнадцатого февраля 1537 года. Кругосветное путешествие закончилось через один год и двадцать семь дней. Эль Чоло снова что-то шаманил в Тиуанако, Рюриковичи-Тюдоры дивились на своего гениального наследника в Лиме, из кругосветки Савелия встречал только настоящий друг Энрике. Не такой жизнерадостный, как обычно, смерть новорождённого наследника Жана сказалось и на нём, но не так сильно, как на его супруге. Во всяком случае, истовым богомольцем, распятому иудейскому Машиаху, Генрих не стал.

— Почему ты не показал Маргариту медикам? Они бы наверняка сберегли твоего сына. Хотя бы месяцев до семи с половиной, после этого срока, младенца уже можно выходить даже здесь.

— Дура она тёмная, между нами говоря, брат Интико. На всё у неё, тёмной дуры, Божья воля. Завыла, что не перенесёт позора, если её мужчина осмотрит, а я и сдался. Позорно сдался. Слил, как ты говоришь. Теперь стыдно, но что уж тут поделаешь... Моя вина и только моя, не бери в голову. Папа её святой водой окропил, может и родит ещё.

— Женщин нужно учить на врачей.

— О-ля-ля... Ты в себе ли, брат? Чему их можно научить?

— Этому точно можно, не сомневайся. Ладно, всё равно уже поздно. Я так понял, Франциск тебе уступил?

— Договорились, — кивнул король Западной Германии, — триста двадцать тысяч за Южные Нидерланды, Фландрию, Люксембург, Артуа и Аахен. В гробу я видал этот Аахен за двадцать тысяч, но Франсуа упёрся, как голодный осёл, пришлось брать. Он такой дёрганый стал, того и гляди пена изо рта пойдёт. Подумать только, почти треть миллиона... И ведь не поможет... Как думаешь?

— Всякое случается, Энрике. У османов тоже не всё так хорошо, на самом деле. Пока у них всё держится на гении султана Сулеймана Великолепного, но стоит только убрать его из этой конструкции, так всё сразу и посыплется. Его сыновья ненавидят друг друга гораздо сильнее, чем Франциска.

— Сулейман ещё не стар. Сколько ему сейчас?

— Срок три в этом году исполнится. Не стар, но люди ведь не всегда от старости умирают. Пусть сама Судьба теперь решает, кому из них подыграть, мы с тобой своё дело сделали

— Они с Франсуа ещё и ровесники... Действительно, судьба свела... Но мы своё дело и правда сделали. Чем я тебе буду отдавать двести пятьдесят тысяч?

— Борзыми щенками.

— Чем?

— Шутка. Отдашь, не волнуйся. Уже скоро серебро начнёт быстро обесцениваться. К золоту оно будет оцениваться сорок к одному. Или даже пятьдесят к одному.

— Ого!

— Не ого, а ага. Не теряй времени, Энрике.

— Понял. Пустишь моё посольство в Сингапур?

— Открывать посольства я никому и никогда не препятствовал, ни в Гранаде, ни в Сингапуре. Только подбери себе туда толкового посла, чтобы не проболтался.

Двадцать шестого марта 1527 года, из Тиуанако вернулся Эль Чоло. Обнялись по-братски.

— Что ты там столько времени делаешь?

— С Духами общаюсь, что же ещё-то? Сильное место, хорошо, что оно от людей закрыто.

— Опасное место?

— Для нас с тобой — нет. Ты меня там похорони, Русо.

— Опять ты о смерти.

— Куда от неё денешься? Недолго мне осталось, до твоей свадьбы не доживу.

— Жаль. Мне тебя будет очень не хватать.

— Здесь ты теперь справишься, а там встретимся снова. Это уже точно. Духи нами довольны. Только ты вели и себя в храме Каласасайя похоронить.

— Велю, мне всё равно, где после смерти будет лежать это тело. А где там мы с тобой встретимся?

— Это я как раз и выясняю, Русо, чтобы ты успел подготовиться.

Третьего апреля 1537 года, Савелий отправился в Тауантинсуйу. На этот раз без Васко да Гамы. Вице-император, имперский наместник Антарктиды, остался готовить свой последний в этой жизни подвиг — основание столицы своего наместничества, которое

запланировано на начало тридцать восьмого, когда в Антарктиде будет в разгаре лето.

На этот раз, инспекцию Северной Инки, император начал с Норфолка, в который переехала верфь из Маракайбо. Типичный имперский город, застроенный правильными квадратами кварталов. Как и все остальные города, довольно красивый, его застройку курирует главный архитектор Челябинска, Бенвенуто Челлини, виконт Багамских островов, который как раз оказался в Норфолке. Главный специалист по постройке храмов Инти-Виракочи. По его проектам, храмы строятся по всему миру: от Тауантинсуйу до Рима, от Исландии до Новой Гвинеи. Очень продуктивный творец. Челлини Савелий поощрил десятью тысячами ливров и графским титулом. Пусть Багамы будут имперским графством, кому от этого хуже?

До Челябинска добрались вместе, на «Посейдоне». Челябинск, включивший в свои границы тамошние Вашингтон, Балтимор и всё левобережье Потомака до Чесапикского залива, точно станет крупнейшим городом этого мира. Шикарный субтропический климат, огромное количество пресной воды, океанский берег с отличными пляжами, а что ещё людям нужно? Миллионов пятьдесят здесь поселится обязательно.

«Посейдон» остался в порту, а Савелий на поезде отправился в Питтсбург. Железная дорога официально в строй ещё не вступила, но отдельные её участки уже эксплуатируются. На юго-восточном направлении: от Челябинска до Питтсбурга и от Кливленда до Тауантинсуйу; на восточном: от Питтсбурга до Филадельфии и от Филадельфии до Нью-Йорка. В следующем году начнётся движение от Филадельфии до Челябинска и от Питтсбурга до Кливленда. Точно начнётся, это уже можно смело заявлять и приглашать гостей на торжественное открытие железных дорог северо-востока и дворцово-паркового комплекса Тауантинсуйу.

В Питтсбурге разместился имперский Арсенал. Оружейные производства Империи Инков. Раз уж начали продавать всем желающим нарезное оружие, то его и производить нужно в достаточном количестве. Да и себе, на перевооружение, новые образцы нужны десятками и сотнями тысяч. Новые в стрелковке — это АКМ* (*автомат Калашникова модифицированный, патрон 7,62x39 мм), образца 1959 года; ПК* (*пулемёт Калашникова, винтовочный патрон 7,62x54 мм), образца 1961 года; и КПВ* (*крупнокалиберный пулемёт Владимирова, патрон 14,5x114 мм), образца 1949 года.

В Питтсбурге проживают семьдесят пять тысяч человек, и большая часть трудоспособного населения занимается производством орудий убийства человека человеками. А что делать? Не мы такие, жизнь такая. Войны начались задолго до нас, и прекратить их можно только завоевав и подчинив себе весь мир.

Двадцать второго мая 1537 года, в двадцати километрах северо-западнее Лиона, в местечке под названием Л'Арбрель, состоялось самое грандиозное сухопутное сражение в этой исторической реальности. Пока самое грандиозное. На полях под Л'Арбрелем сошлись сто тридцать тысяч французов и девяносто тысяч османов. В интернете пишут, что в битве при Гавгамелах, Дарий Третий выставил больше двухсот тысяч воинов и ещё почти пятьдесят Александр Великий, но это наверняка враньё, как и стотысячные конные армии Орды.

Сражение под Л'Арбрель закончилось боевой ничьей, как битва при Бородино в другой исторической реальности, но османы ночью оставили позиции и отступили в Лион, что французы объявили своей победой. Объявить то объявили, но к Лиону не пошли, а через неделю сами отступили в Клермон. Боевая ничья и довольно кровавая. Французы потеряли тридцать тысяч убитыми и искалеченными, османы тридцать три. У французов оружие было лучше, инкского производства, но армия практически необученная, у османов оружие в большей части самодельное, зато армия состояла сплошь из ветеранов.

Запрос на закупку вооружений для стопятидесятитысячной армии, от османов уже получен. Османским производителям вооружений придётся сильно сокращать свои производства, на экспорт их продукция тоже не востребована, ради этого мы и снизили цены, причём довольно значительно, на двадцать процентов. Не нужны нам конкуренты на этом рынке, совсем никакие не нужны, даже производители гладкоствольных ружей, а уж нарезных и подавно. Научились делать? Молодцы! А теперь учитесь конкурировать с демпингом. Лучший бизнес — это монополия. Ничего личного, ага.

А вообще, османы большие молодцы. Увейс-паша развил экономику Империи примерно до уровня середины девятнадцатого века. Появились крупные промышленники, крупные предприятия, производится уже больше пятидесяти тысяч тонн стали, а цемента больше ста тысяч. Османская Империя быстро строится и осваивает всё новые производства. В планах на ближайшее время у них — выпуск «виндjamмеров» четвёртого поколения. Пока без парогенераторов, ходовых винтов и вспомогательных машин, но уже в стальных корпусах. Пусть делают, пригодятся. Хорошие суда для перевозки дешёвых грузов, по цене тонно-километров они у пароходов выигрывают довольно много. Мы и сами бы их делали, но нам пока не хватает верфей и людей, чтобы эти верфи строить, а потом на них работать.

Как изменилась ситуация в противостоянии французов и османов? Да пока никак, по большому счёту. Французы приобрели боевой опыт, но скоро утратят качественное превосходство в вооружениях. Османы потеряли много ветеранов, но скелет армии сохранили, а мясо нарастёт. Пушечного мяса в Османской Империи намного больше. Больше мяса, больше денег, больше производство. Солдат ведь нужно не только вооружать и обеспечивать боеприпасами, их нужно одевать и кормить, а у французов даже с этим намечаются проблемы. Точнее, намечались-то они с самого начала, а теперь эти проблемы уже возникают.

В общем, как была у Франциска Валуа проигрышная позиция, так и осталось, размен «фигур» под Л'Арбрелем ничего ему не дал. Хотя... Время дал точно. Османы этим летом вряд ли проявят активность, они будут пополнять армию и перевооружаться. Ещё год для императора Франции, а за год всякое может случиться.

В Тауантинсуйу, Савелий возвёл в графское достоинство остальных творцов-архитекторов: Микеланджело Буонарроти, виконта Арубы и Кюрасао; Рафаэля Санти виконта Каймановых островов; Сандро Батичелли, виконта Виргинских островов; Тициана Вечеллио, виконта Ринкона и Тортуги; и Альбрехта Дюрера, виконта острова Маргарита. Основателями графских родов, кроме Дюрера, никто из них не станет, все остальные педики, так что это одноразовые титулы, закончатся вместе с их носителями, а Тауантинсуйу войдёт в историю, как город, построенный шестью владетельными графами.

Поощрить педиков-творцов было за что. Дворцово-парковый комплекс уже вышел на этап внутренней отделки. Ещё год-полтора и всё будет достроено, освободятся сорок тысяч строителей высочайшей квалификации. Да и своих учеников они выпускают в самостоятельную жизнь регулярно и с очень хорошей подготовкой.

Озадачил Савелий педиков и Дюрера созданием дизайна бумажных денег. Дизайном купюр, номиналом в три, пять, десять, двадцать пять и пятьдесят «чалько», одночальковую купюру сделает граф Бенвенуто Челлини. На всех купюрах пусть нарисуют свои портреты и войдут в историю ещё и этим. Про педиков люди забудут, а про творцов будут помнить.

Да, пришло время вводить бумажные деньги и обесценивать серебро по отношению к золоту. Золота в Империи теперь больше половины мировых запасов, по самым осторожным оценкам, а скорее даже две трети. Золото теперь добывается в Южной Африке, в Калифорнии, в Австралии и на Аляске — это в дополнение к и так большой добыче в Южной Инке. Золото вымывается из оборота всех торговых партнёров, а партнёры восполняют его запас грабежом непартнёров и снова тратят на товары, или услуги Империи Нового Света.

Ввести в оборот бумажные деньги, в этой ситуации совсем не сложно. Экономистов выучили достаточное количество, Сберегательными банками на местах теперь есть кому управлять, а удобство расчётов «бумагой» люди оценят довольно быстро, особенно, когда начнёт обесцениваться серебро.

Монеты тоже будут, но уже не серебряные. Разменная, до одного «чалько», мелочь, включая и юбилейные и памятные «чальки» — из никеля, а пятьдесят и сто «чалек» из золота, с никелевым ободом, чтобы не обрезали. Полтинник будет весить семь с половиной грамм, в том числе семь золота, а стольник, соответственно, пятнадцать и четырнадцать в том числе. На монетах, кроме памятных и юбилейных «чалек», отчеканят героический профиль Эль Чоло.

Проведение денежной реформы начнём с первого января 1538 года, дадим годичный период на параллельное хождение старых монет и новых купюр, чтобы все успели свои монеты потратить-обменять, а друзья-родственники: Василий Третий Рюрикович, Мария Первая Тюдор и Генрих Первый д'Альбре, перевести государственные серебряные активы в золото, а потом серебряные монеты по номиналу принимать перестанем, и начнём обесценивание серебра до уровня к золоту сорок-пятьдесят к одному.

Министром Финансов, Савелий предложил стать Жуану Ависскому, герцогу Большого Лиссабона, Большого Порту и Бом Байи, бывшему королю Португалии Жуану Третьему. Он и организатор отличный, даже творцов-педиков организовать сумел, и живёт в Тауантинсуйу постоянно, отлучаясь лишь изредка, да и то с неохотой, а должность то как раз самая столичная. Трижды герцог Жуан посомневался в своих способностях, но, получив заверение, что специалисты самой высокой квалификации ему будут выделены в необходимом количестве, согласился.

Под здание Центрального Банка, император выделил уже достраивающийся во второй линии дворец, который имперская казна выкупила у ленивых наследников дона Франсиско де Гарай. На первое время сойдёт, а дольше будет видно. Монетный двор разместится в старой столице Куско. Не в самом Куско, а на месте пригородного посёлка Койянкачи. Не выгодно там теперь заниматься сельскохозяйственным производством, только кока растёт хорошо, но она много где растёт даже лучше.

Кстати, про коку. Очень востребованный экспортный товар. Не кокаин, конечно, но чай из листьев в Азии закупают с удовольствием и спрос на него постоянно растёт, с соответствующим подорожанием. Отличный получается чай, бодрит хорошо и не вызывает зависимости. Во всяком случае, эта зависимость ничуть не больше, чем у обычного чая, или кофе. Всю коку раскупают чаем, приходится увеличивать размеры плантаций, чтобы начать выпуск натуральной кока-колы. Её уж точно будут раскупать, даже получше чая.

Шестнадцатого июля 1537 года, пришёл доклад министра Азиатских дел, Сиоку Орусата, графа Гонконга и Макао, из Сингапура. Централизация на полуострове Индокитай состоялась, Дайвьет, Аркана и Аютия разделили владения всех мелких правителей на троих. Кроме самого юга, полуострова Малакка, пока занимаемого тремя малайзийскими султанами. Пока занимаемого. Король Аютии, Чаирачатират, уже выясняет — не будет ли централизация владений бандитствующих султанов в состав королевства противоречить интересам Великой Империи Нового Света? Не будет, централизуйте. Как централизуете, тоже станете империей. Седьмой Империей Азии, считая Империю Инков. Наравне с Османской, Персидской, Тамильской, Арканской, Дайвьетской и Чосонской. Для нас наравне, для наших отношений.

Нашими кораблями обзавелась уже вся «большая азиатская шестёрка» и три бандитствующих султана Индонезии. Гонка морских вооружений идёт отличным темпом. Османская Империя нарастила свой восточный флот до девяти кораблей, их наиболее вероятные союзники, султаны Индонезии добавляют в общую копилку ещё три. У самого вероятного противника, Персидской Империи, тринадцать кораблей, но три из них старые, второго поколения, чисто парусные и с деревянной обшивкой корпуса.

Потенциальные союзники-язычники, противники всех фанатиков, поклоняющихся иудейскому богу Иегове, купили двадцать два «винджаммера»: Империя Чосон восемь, Империя Тамилы пять, но из них два ещё первого поколения, наши первенцы «Юнона» и «Авось», Империя Аркан три, Империя Дайвьет три и королевство Аютия тоже три. Империя Чосон в этом ряду стоит наособицу, её жизненные интересы слишком далеко от потенциально опасных фанатиков, она сама за себя, а остальные три языческие Империи и одно королевство уже проводят консультации насчёт заключения военно-морского союза. Мощный получится союз, если он состоится.

Цена за корабли уже достигла отметки в семьдесят две тысячи, а нераспроданными остались всего десять: «Арес», «Перун», «Тор», «Брахма», «Гор», «Вишну», «Ахура Мазда», «Ашшур», «Амон» и «Баал». Их, пожалуй, стоит на полгода придержать, для нагнетания всеобщего ажиотажа. Пусть осознают, что это последние. Не купишь ты — купит твой будущий враг. Неизбежность Большой Азиатской войны очевидна уже всем. Все слишком привыкли жить за счёт грабежа, все создали слишком большие армии, чтобы оставить их сидеть без дела, проедать деньги и хулиганить дисциплину.

Первого августа 1537 года, Савелий торжественно открыл университет в Тауантинсуйу, а имперский наместник Северной Инки, вице-адмирал Авдей Шишка, герцог Ирландии и

граф Фарер, в Нью-Йорке. Первый учебный год в ещё двух имперских ВУЗах начался. Кампусы до конца пока не достроены, но первому потоку уже есть где учиться и жить. В будущем году, первые потоки начнут учиться в Эль-Мутуне и Асунсьоне.

Пятого августа, началось строительство Олимпийского стадиона. Проведение первой Олимпиады новейшей истории этого мира намечено на 1544 год, к тому времени все успеют подготовить команды, достроятся железные дороги до Сан-Франциско и Сиэтла/Ванкувера, а может и самолёты уже полетят. Пусть не рейсовые, а чартерные, пусть бипланы, по началу, но полетят.

Олимпийский стадион во время Игр будет вмещать пятьдесят тысяч зрителей, а после встанет на реконструкцию в чисто футбольный. «Дно» углубится и уменьшится до размеров футбольного поля, добавятся нижние ярусы трибун, вместимость увеличится до шестидесяти шести тысяч. Здесь же, в 1546 году, пройдёт первый футбольный Мундиаль, с теми-же участниками. Возможно, Империи Инков придётся выступить шестью командами, для поднятия интереса: Южной, Северной, Западной, Европейской, Азиатской и Африканской. При учреждении Международной федерации футбола, решим этот вопрос. Выступает же в той исторической реальности Великобритания отдельно Англией, Шотландией, Уэльсом и Северной Ирландией, и ничего, вполне нормально получается, зрелищно.

Горячая фаза войны между Османской и Французской Империями, летом 1537 года так и не возобновилась. Османы наращивают численность своей армии до двухсот тысяч, из которых сто пятьдесят — ударные и пятьдесят — гарнизонные части, перевооружаются и проводят учения, торопиться им некуда. Война идёт где-то далеко-далеко на северо-западе, война успешная, победная, народ в победу верит. Верит и с удовольствием переселяется в Европу, в том числе и во Францию, где покупает землю и прочую недвижимость, пополняя казну султана.

Во Франции ситуация обратная. Веру в победу народ в массе теряет, распродают собственность, кому есть что распродавать, за гроши, и массово эмигрирует. Эмигрирует не только в Империю Инков, но и в Русское царство, королевства Британии и Западной Германии, шахтёров там теперь зовут французами. Впрочем, и мы принимаем довольно много, и тоже шахтёров — в Южную Африку и на Калимантан.

Франциску Валуа, для вооружения нового набора, пришлось ограбить монастыри, не принятые в Орден Священного Препуция. Большая половина ограбленных монастырей — женские. Женщин в Орден не принимают и правильно. Не бабье это дело, мракобесиям придаваться — детей рожайте. Франциск тоже планирует поставить в строй двести тысяч, но идёт у него туго. Молодёжь призывного возраста разбегается в первую очередь. Лучше жить на чужбине шахтёром, чем сдохнуть дома солдатом, ага. Ресурсы Франция исчерпала, и сейчас выскребает со дна остатки, а в Магрибе, тем временем, прохлаждаются в гарнизонах сорок тысяч ветеранов, которых нет возможности забрать на фронт. Море надёжно османское.

Гарнизоны в Магрибе не только прохлаждаются, наслаждаясь отсутствием внимания со стороны армии Сулеймана Великолепного, они ещё и налаживают свою жизнь. А что делать? Жалование им никто не платит, а жить как-то надо, что-то есть, во что-то одеваться. «Винтовка рождает власть». Военные теперь сами собирают налоги, сами их тратят и задумываются о своём будущем.

О каком будущем они задумываются — понятно. Пример герцогств Мавритания и Марокко у всех перед глазами, всем видно, как быстро они расцветают в составе Империи

Нового Света.

Никому, в магрибских гарнизонах, не хочется быть завоёванными османами, и подавляющему большинству не хочется возвращение власти Франциска Первого. Вовремя предать — значит предвидеть, да-да. На этой почве отлично «спелись» христиане с мусульманами и организовали совместные органы властного руководства. Первые делегаты от таких самопровозглашённых властей Магриба уже зондируют обстановку в Гранаде. Министр Европейских дел, граф Саго Миачо де Андорра, их не обнадеживает, но и не «обламывает». Ищущий да обрящет.

Савелий хотел остаться на эту зиму в столице, но родственники договорились провести обручение цесаревича и принца Уэльского, Ивана Васильевича Рюриковича Тюдор, и западногерманской принцессы, Жанны Генриховны д'Альбре, и очень настойчиво попросили императора поприсутствовать на церемонии двадцать седьмого декабря 1537 года.

Делать нечего. Отказать ближайшим родственникам в такой просьбе просто невозможно. Не война ведь, нет уважительных причин, не развитием же хоккея оправдываться. Глупая церемония обручения, совершенно не нужная. Помолвили и ждите свадьбы. Церемония глупая, но традиционная, для традиционалистов очень важная, да и ещё один повод отпраздновать.

Двадцать восьмого ноября 1537 года, Савелий прибыл в Маракайбо. Столица христианского мира, город вечного лета, порадовал отличной погодой и множеством торговых судов в порту и на рейде. Торгаши примчались за мобильными бензиновыми и дизельными электрическими генераторами. Завод «Рол-с-Ройс», совместное предприятие Савелия и Ивана Васильевича Рюриковича выдал продукцию, востребованную рынком едва ли не больше, чем оружие. Каждому ведь хочется иметь в своём замке освещение, или даже кинотеатр, а угольные паровые электростанции далеко не каждому по карману.

Другое дело, генераторы с двигателями внутреннего сгорания. Маломощные, но зато относительно дешёвые. Не обязательно ведь освещать весь замок и прилегающую территорию, большинству достаточно нескольких залов и комнат, а такой бензо, или дизель генератор умещается на двухколёсной повозке, орудийном лафете, который может утянуть пара лошадей. Такое чудо даже в путешествие с собой брать можно.

Молодец Иван Васильевич. Сам додумался, без подсказок. Сам, или кто-то из его команды — это не важно. Это его команда и решение принимал именно он. Экспериментируют они там сейчас и с моторными лодками, и с самобеглыми повозками, тоже без подсказок. Подсказки по этим направлениям развития, а также по авиатехнике, отрабатывают имперские НПО Лимы, а пацаны изобретают сами.

Хорошую команду Иван Васильевич увезёт с собой в Россию. Очень креативную. Очень креативную и очень интернациональную, в ней и инки, и чарруа, и чибча, и гуанчи, и арауканы, и русские, и прочие европейцы. Сорок два пацана, изучающие «утраченное наследие богов» и общающиеся на «забытом языке». Все они выросли на «Тайне Третьей планеты» Кира Булычёва, «Звёздном десанте» Роберта Хайнлайна и «Вечном» Романа Злотникова. Немного адаптированных версий книг, но без искажения авторского смысла этих повествований.

Девятого декабря 1537 года, в Маракайбо прибыл друг Энрике. Генрих Первый д'Альбре, король Западной Германии, князь-архиепископ Кёльна, герцог Швабии, герцог Нижней Саксонии, герцог Франконии, а теперь ещё и герцог всех Нидерландов, герцог Люксембурга, герцог Фландрии и Артуа. Прибыл вместе с супругой и дочерью Жанной, одной из виновниц этого торжества.

Поселилась королевская семья д'Альбре в почти уже своём дворце, бывшей резиденции дона Франсиско де Гарай.

Брат Энрике ударными темпами обменивает своё серебро на золото в Сингапуре, обменивает уже по курсу хуже текущего, общепринятого, а потому вполне разумно беспокоится об уместности этих действий. И так на нём висит долг в четверть миллиона французских ливров серебра* (*сто двадцать пять тонн), так что не хватало ему ещё и с золотом пролететь, для «полного счастья».

— Всё идёт по плану, Энрике, не волнуйся. Уже с первого января наступающего года, Империя частично перейдёт на бумажные деньги, а с первого января 1539 года, полностью изымет серебро из своего денежного обращения, тогда-то оно и осыплется, как несобранный урожай. Если этого не произойдёт, я прощу тебе этот долг.

— Только этого мне и не хватало. Ты простишь долг моему королевству, ты можешь себе это позволить, но я не прощу этого долга сам себе. Думаешь, мне приятно жить на твои милостыни? Я, между прочим, родился наследником короля, пусть и не Западной Германии, но тоже монарха.

— Да ладно тебе, не заводись. Я же сказал — если этого не произойдёт. Если... Ты это услышал? Ты это понял, *mein lieber Freund, der König*? Я уверен, что серебро обвалится. Абсолютно, на сто процентов, уверен. В общем, не волнуйся, всё будет хорошо. Ты уже спас Южные Нидерланды, Фландрию, Артуа и Люксембург от разорения османами. Спас миллион человек от обнищания и рабства, а многих от смерти. Поступил по совести. Если не на это тратить деньги благородному человеку, то на что-же ещё?

— Вообще-то я никого не спасал, — усмехнулся друг Энрике, — и даже не думал об этом.

— Вот и подумай. Ты их спас, теперь, по совести, они тебе должны. В крайнем случае, соберёшь налогами. Твои новые владения очень богаты, четверть миллиона с них собрать

вполне возможно, без разорения, лет за пять.

— Так может сразу и начать? Со следующего года?

— Это твои подданные — решать тебе. Про серебро я тебе уже сказал — волноваться не о чем. На нём мы все заработаем минимум втрое.

— Да уж... бумажные деньги... Кому другому бы ни за что не поверил... Теперь ты сможешь их нарисовать сколько захочешь?

— Конечно нет, Энрике. Денег в обороте должно быть ровно столько, сколько требуется экономике. Это довольно сложная наука, а ты не хочешь учиться.

— Хочу, но мне пока некогда. Как думаешь, не пора нам армии увеличивать? Дожмёт Сулейман Франсуа в следующем году?

— Может и дождёт. Пятьдесят на пятьдесят, как в том анекдоте — или дождёт, или нет. Но армии увеличивать рано. Армии стоят больших денег в содержании и отвлекают людей от производства. Сулейман на тебя не нападёт, он уже готовится к войне в Азии.

— С Персией?

— С Персией. И там ему придётся очень нелегко. Долгая там будет война. Долгая, кровавая и разорительная.

Двенадцатого декабря 1537 года, проводили вице-императора Васко да Гама, отправившегося основывать город своего имени в Антарктиде, столицу целого континента. Город он вёз с собой. Разобранные городские здания, архитектурного стиля изба-бревенчатая, в количестве тридцати двух штук. Плюс радиостанция, плюс угольная электростанция, с запасом угля для производства электричества и отопления, продукты питания — всё на год, для первых шести десятков населения столицы Антарктиды, колонистов-зимовщиков. Население там постоянным не будет, по понятным причинам. Каждые пару лет оно будет полностью заменяться, но город будет жить и развиваться. Как именно развиваться — должны предложить уже сами колонисты. С точки зрения науки, Антарктида — самый интересный континент на планете.

Шестнадцатого декабря 1537 года, в Маракайбо прибыл неожиданный, но дорогой гость — Увейс-паша, великий визирь Османской Империи. Прибыл без предупреждения, но ему можно, он друг, а друзья и должны приходить в гости запросто, им всегда рады. Увейс-паша прибыл поздравить соседей с обручением наследников и пообщаться с умными людьми о грядущем. Свой особняк у османов в Маракайбо имелся, их бывшее «консульство», имелась и их мечеть Сулеймание по соседству с этим особняком, так что никаких неудобств великий визирь не испытает, не такой уж он тут и гость, раз собственной жилплощадью владеет.

Восемнадцатого прибыли Василий Третий и Мария Первая, вместе с канцлерами: князем Иваном Фёдоровичем Бельским, герцогом Мальмё, и сэром Томасом Мором, герцогом Саффолк, герцогом Глазго, герцогом Осло и графом Нортумберленд.

Наследник-цесаревич и принц Уэльский, Иван Васильевич Рюрикович-Тюдор, с «дядькой», князем Семёном Фёдоровичем Бельским, графом Тринидад-и-Тобаго, приехал в Маракайбо на поезде, двадцать второго декабря. С собой Иван Васильевич привёз всю свою заводскую команду — сорок два подростка-приятеля, будущих сподвижников и соратников.

Праздновали, как всегда, торжественно и роскошно. Рождество, обручение, Новый год, Крещение. Савелий подарил обручившимся уже огранённые южноафриканские бриллианты, а Увейс-паша огромные рубины. Юные ещё совсем, будущие супруги, но уже сейчас видно, что пара получится красивая. Да и гормональная химия между ними точно возникла. Совет, да любовь!

После праздников, сели обсудить дела грядущие. В большой компании: Савелий, Василий Третий, Мария Первая, Генрих Первый, Эль Чоло, Увейс-паша, сэр Томас Мор, князь Иван Бельский, Родриго Пике и Нууно Вимка. Четыре монарха, три вице-императора, два канцлера и великий визирь. Очень представительная компания.

Увейс-паша заявил о намерении султана Сулеймана Великолепного захватить всю Францию, низложить и казнить Франциска Первого, и упразднить его Империю. За вероломное нападение на своего тогдашнего союзника и публичные оскорбления.

— Мы считаем Нормандию, Бретань, Пуату и Аквитанию владениями Британской короны, временно захваченными французскими королями, — объявил свою позицию сэр Томас Мор, лорд-канцлер Британского королевства.

— Временно захваченными уже четыре века назад, — заметил Увейс-паша.

— И тем не менее. Мы хотели бы вернуть эти владения.

— Вы готовы вступить в войну?

— Мы готовы выкупить их после войны у Османской Империи за триста тысяч ливров, но не разорёнными. Выкупить в суверенную собственность, разумеется.

— Пятьсот тысяч. Триста слишком мало за такие владения, да ещё и не разорённые. Триста мы там возьмём только добычей.

— Триста, — твёрдо повторил сэр Томас Мор, — за триста их уступит нам Франциск Первый Валуа, когда вы начнёте наступление на Париж. Тогда вам не достанется ничего, а он на эти триста тысяч соберёт и вооружит ещё одну армию.

— Весомый аргумент, — согласился Увейс-паша, — я постараюсь убедить султана, своего брата, согласиться на эту сделку.

— Тогда и я хотел бы кое-что выкупить. — друг Энрике взглядом попросил поддержки у Савелия, тот кивнул в подтверждение, — Владения моих предков на юге Франции, на границе с владениями Империи и британской Аквитанией: сеньорию д'Альбре, графства Фуа, Бигорр, Перигор и Арманьяк, виконтства Беарн, Лимож и Марсан. Тоже не разграбленными и тоже в суверенное владение за шестьдесят тысяч. Только заплатить за них я буду готов через два года.

— Это всё осложняет, ваше величество. Мне будет очень сложно убедить султана, моего брата, что это выгодная сделка. Очень дёшево, да ещё и с отсрочкой на два года. Если у вас нет сейчас денег, то они не достанутся Франциску Валуа, а именно это сейчас самое главное для нас.

— Мы готовы предоставить его величеству кредит, — взял слово Савелий, — шестьдесят тысяч вы получите сразу, а мы подождём два года.

— Шестьдесят — мало, ваше императорское величество, при всём уважении. Это меньше стоимости одного «винджаммера» в Сингапуре.

— Вы хотите потратить эти деньги на корабли?

— Если мы заключим с нашими уважаемыми европейскими соседями договор о ненападении под ваши гарантии, то корабли нам очень интересны. Не скрою, нас сильно беспокоит чрезмерное усиление Персидской Империи, еретиков-шиитов.

— Один корабль вы получите за родовые владения короля Западной Германии. Такой вариант устроит вашего брата, султана, уважаемый Увейс-паша?

— Это уже лучше, ваше императорское величество. Вы гарантируете Османской Империи договор о ненападении с европейскими соседями?

— Я гарантирую исполнение такого договора, но не Османской Империи, а лично

моему другу, султану Сулейману Великолепному, дай ему Аллах долгих лет жизни. С наследником султана Сулеймана Первого, мы будем договариваться отдельно. Вы ведь и сами пока не знаете, кто ему наследует и когда, так что не стоит загадывать так далеко вперёд. Устроит вас такая гарантия?

— Полагаю, что да, ваше императорское величество, но подтвердить всё должен сам султан. Это не займёт много времени, в Лионе теперь тоже есть радиостанция.

Согласие на заключение этих сделок, Сулейман Великолепный своему брату и великому визирю дал. Не сразу дал, через пару дней размышлений, и обмена шестнадцатью шифрованными телеграммами, но дал. Правда, Британскому королевству пришлось согласиться на выкуп ещё и Пикардии за шестьдесят тысяч, которая оказывалась отрезана от остальных османских владений во Франции Нормандией и Артуа, но и это согласовать удалось. Сэру Томасу Мору не потребовался даже кредит, Британия очень хорошо зарабатывала на угле из Кардиффа, норвежской никелевой руде и английской шерсти.

Средиземное море, если вынести за скобки Империю Инков и герцогство Эгейских островов, должно было стать османским, зато всё Атлантическое побережье полностью отходило Тройственному союзу. Разумный компромисс за разумные деньги. Четырнадцатого января 1538 года, договор о ненападении и добрососедстве, с приложениями договоров о продаже владений в северо-западной Франции, был подписан пятью сторонами: Империей Инков, Османской Империей, Русским царством, Британским королевством и королевством Западная Германия. Осталась суцая мелочь — добить едва живую Францию, в том числе и в Магрибе, до обвала цены на серебро.

Гостей проводили девятнадцатого января, договорившись на следующую праздничную неделю собраться уже в Тауантинсуйу. В новой столице Империи Инков нет христианского храма, зато там у всех собственные дворцы с домовыми церквями, в одной из них и состоятся все необходимые праздничные службы. А ещё там вступают в строй железные дороги — от Нью-Йорка и Челябинска на Атлантическом побережье Северной Инки, до Сент-Луиса и Миннеаполиса, почти в самом центре континента.

Железные дороги интересны всем. В Русском царстве и королевстве Западная Германия их строительство уже началось, в Британском королевстве выкупаются участки земли под строительство, да и Османской Империи это нужно. Увейс-паша прокатился до Медельина и обратно, набрался самых положительных впечатлений и пообещал приложить все силы, чтобы организовать визит в Тауантинсуйу самого султана Сулеймана Великолепного. Если, конечно, в этой летней кампании удастся добить Францию. Хотя бы в Европе.

Эль Чоло снова уехал шаманить и общаться с Духами в Тиуанако, а Савелий решил вернуться в Северную Инку, но не сразу в столицу, а провести инспекцию городов, в которых до сих пор, к своему стыду, так ни разу и не побывал: Хьюстона, Нового Орлеана, Майами Саванны и Бостона. До Тауантинсуйу, император добрался только к середине мая 1538 года.

Значимых событий в Европе пока не случилось, но расшифровку переговоров противостоящих сторон читать было очень интересно. Сулейман Первый решил не биться в подготовленные французами укрепления в Клермоне, где во главе основной, стодвадцатитысячной армии его ждал сам Франциск Валуа, а вместо этого атаковать сорокатысячный корпус коннетабля, герцога Шарля де ла Тремуа в Дижоне и наступать на Париж с запада.

В движение, османская армия пришла двадцать первого мая, в движение сразу в трёх направлениях. Сам Сулейман форсированными маршами вёл девяносто тысяч к Дижону;

шахзаде Махмуд, сорокатысячный корпус в Монлюсон, перекрывая Франциску дорогу на Бурж, Орлеан и Париж: а Увейс-паша тоже, с сорока тысячами, в Мулен, на дорогу от Клермона к Дижону. Марсель и Лион, османы оставили практически беззащитными, только с городскими гарнизонами, в десять и восемь тысяч человек, с самодельным вооружением. Эти гарнизоны, французы смяли бы оба, самое долгое, за неделю, если бы атаковали именно их. Однако, первая предложенная Сулейманом жертва принята императором Франции не была.

Корпуса шахзаде Махмуда и Увейс-паши поодиночке были слишком слабы, чтобы надолго задержать армию Франциска, но они расположились всего в сорока километрах друг от друга, в одном дневном переходе и объединялись сразу, как только Франциск выберет дорогу. Объединялись раньше подхода французов на одной из хорошо подготовленных к обороне позиций. Достаточно хорошо подготовленных, чтобы задержать французов на несколько дней и нанести им значительный урон. Ещё одна жертва, на этот раз почти половины армии, но её ценой выигрывался темп для взятия беззащитного Парижа. Франциск и это просчитал, поэтому погнал свою армию к Парижу крюком через запад, через Лимож, Пуатье, Тур и Орлеан, приказав своему коннетаблю стоять в Дижоне насмерть.

Герцог де ла Тремуай приказ выполнил буквально. Он задержал Сулеймана на четыре дня, ценой собственной жизни и всего своего корпуса. В Париж император Франции успел первым, в город он вошёл двадцать восьмого июня и сразу приказал готовиться к осаде. Отступать больше некуда. Монжуа! Сен Дени! Победа, или смерть!

Всех, способных держать в руках оружие, парижан мобилизовали и вооружили гладкоствольным старьём, в всех неспособных, в том числе женщин и детей, привлекли к строительству укреплений и баррикад в самом городе.

Армия османов объединилась в Кретейе третьего июля 1538 года. В Дижоне их потери составили почти тридцать тысяч, поэтому численно французы даже превосходили — сто шестьдесят тысяч у Франциска, если считать мобилизованных парижан, против ста сорока у Сулеймана. Если считать парижан, да. Но считать их условно боеспособными можно только в обороне, за стенами и баррикадами, а атаковать османы не стали. Сулейман приказал организовать осаду и собирать под Париж подкрепления из гарнизонов Италии и Швейцарии. Придут они не скоро, только к осени, но придут, в то время как французам ждать подкреплений вообще неоткуда.

В середине июля, во Францию прибыл тридцатитысячный драгунский корпус бывших крымчаков из Остмарка, а к началу августа подтянулись ногайские драгуны из Венгрии, числом около сорока тысяч. Непригодные к современной войне, вооружённые гладкоствольными ружьями, зато многочисленные и манёвренные, они были отправлены Сулейманом на охоту за сыновьями Франциска Валуа и его родственниками. Всеми теми, кто имел хоть какой-то шанс быть признанным законным наследником французской короны.

Двенадцатого августа, неподалёку от местечка Витре, в двадцати километрах от Ренна, крымчаки перехватили, пробирающийся в Бретань, «поезд» дофина Франциска-младшего, с большей частью французского Двора и одним батальоном гвардейцев в охране.

В гвардейский полк Французской Империи, по давно сложившейся в Европе традиции, набирали только дворян и только по высокой протекции. Современной войне их не учили, их служба проходила на паркетах дворцов, а поощрения и повышения получали самые ловкие придворные, сумевшие оказать услугу сильным мира сего. Их учили танцам и парадам, причём, пешим парадам, а сейчас батальон передвигался верхом.

Нет, все они дворяне с родословной от соратников Карла Великого, в седле смотрелись отлично, этому они были обучены с самого детства, но смотреться в седле и воевать в нём — это далеко не одно и то же. Все они были храбрецами, смерти не боялись, на дуэлях дрались по три раза в год, но в современной войне, глупая отвага без умения только во вред. Три тысячи драгунов крымской орды, на неказистых низкорослых лошадках, и одетых кто во что горазд, гвардейцы и придворные, общим числом около двух тысяч, во главе с самим дофином, достойным противником не сочли и решили смять атакой. Со шпагами наголо, конечно, а как-же ещё? Фехтовальщики ведь все виртуозные, дуэлянты с длинной историей побед.

Только вот война, это совсем не дуэль. Ордынские драгуны не обнажили свои сабли и не вступили в «честный» бой, они спешили, прикрылись своими лошадьми и начали отстреливать отважных идиотов, картечью из ружей двенадцатого калибра. Дофин Франциск-младший скакал в голове отряда, а потому и полёг одним из первых. Османские крымчаки-драгуны потеряли всего двести человек, французы погибли все до единого. А после пришла очередь умирать старикам, детям и женщинам. Женщинам не сразу, но от изложения подробностей последних часов их жизни лучше воздержаться. На войне, как на войне. Французы тоже никого не жалели, когда оказывались победителями, так что всё честно. Какой мерой отмерите, той к вам и вернётся.

Кроме Франциска-младшего, под Витре погибли все три дочери императора Франции: Шарлотта, Мадлен и Маргарита; супруга дофина, единственная дочь покойного ныне экс-короля Хорватии Гийома Гуфье де Бониве, Луиза; две с половиной тысячи придворных, мужчин и женщин, почти вся французская аристократическая элита и тысяча гвардейцев, тоже весьма родовитых дворян.

Двадцать шестого августа, неподалёку от замка Фижак, пять тысяч драгунов османских ногаев перехватили «поезд» среднего сына Франциска Валуа и Бланки Французской, Генриха, герцога Орлеанского, направляющегося в Тулузу, в сопровождении ещё одного гвардейского батальона. Девятнадцатилетний Генрих Валуа тоже возглавил атаку и с тем-же

результатом.

Седьмого сентября, шахзаде Махмуд, с, подошедшими из гарнизонов в Италии и Швейцарии, сводными частями ветеранов, общим числом шестнадцать тысяч и двенадцатью тысячами османских черкесов, взял штурмом город Ангулем и Ангулемский замок. Младший и последний сын императора Франции, шестнадцатилетний Карл, герцог Ангулемский, пал смертью героя на самом опасном участке городской стены.

А Париж, тем временем, методично и размеренно превращала в мелкий щебень османская артиллерия, из шести десятков сто пятидесяти двухмиллиметровых пушек-гаубиц инкского производства, бьющих с закрытых позиций.

Снаряды на город посылались без какой-либо корректировки, просто в ту сторону, как говорится, на кого Аллах пошлёт, поэтому парижскую радиостанцию в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре повредило ещё в самом начале осады Парижа, так что Франциск Валуа, первый и единственный император, созданной им и им же разрушенной, Французской Империи, погиб, ничего не зная о трагедии, уже постигшей всю его семью.

Франциск Первый тоже умер героем, погиб семнадцатого сентября, возглавляя одну из редких успешных вылазок на позицию османской батареи, обстреливающей Париж с севера, со стороны аббатства Сен-Дени. Ценой своей жизни, император заставил эту батарею замолчать.

Пусть и жил Франсуа неправильно, но умер очень достойно, настоящим героем с мечом (шпагой) в руке, как и все три его сына. Все они попали в Валгаллу, хоть и не верили в неё при жизни. Их не нужно жалеть, ведь они тоже никого не жалели, их нужно помнить. Писать о них книги и снимать фильмы. Они достойны того, чтобы жить в памяти потомков. Это мы можем организовать и обязательно сделаем это. Вечная память храбрым!

Война в Европе закончилась. Закончилась пусть и не полным её разрушением, но ведь и война эта была не последней.

А между тем, единственной законной наследницей французской короны, стала супруга друга Энрике, короля Западной Германии, Генриха Первого д'Альбре, Маргарита Валуа. Корону Сулейман, конечно, упразднит, но далеко не все примут это упразднение. Недобитые османами, французские дворяне теперь обязательно пойдут под руку Маргариты, королевы Марго. А их, таких недобитков, там выжили тысячи. Тысячи породистых отморожков, которым теперь нечего терять, кроме жизни, которую они совсем не ценят.

Такие правильные французы будут нам очень полезны в Магрибе, особенно, если их поддержать оружием, боеприпасами и подкреплениями из наёмников-добровольцев. Целых шести добровольческих гвардейских батальонов: трёх бывшей «герцогской хунты» и трёх вице-императора Паскуаля де Андагойя, имперского наместника Африки и островов, герцога Кубы, Андалусии и Мавритании, графа Севильи. Шести тысяч диверсантов-спецназовцев, асов минной войны, которые способны остановить продвижение любого количества османских войск через ливийскую пустыню.

Ведь это только кажется, что пустыня огромна и всю её контролировать невозможно. В пустыне точно такие-же устойчивые маршруты передвижения, как дороги в Европе, даже более того. В Европе дорог много и есть возможность отклоняться, обходить, а в пустыне мимо источника воды никак не пройдёшь, так что всю Ливийскую пустыню минировать не потребуется, всего-то три десятка оазисов и колодцев.

Ещё дворяне-недобитки, числом тысяч двадцать, плюс-минус лапоть, ещё тридцать тысяч гарнизонных ветеранов, ещё арабо-берберское конное ополчение, тоже примерно

тысяч двадцать. Всего тысяч семьдесят-восемьдесят. Никаким морским десантом, даже самым успешным, такую силу не сломить. Особенно учитывая бесперебойное снабжение через Мавританию и Марокко. В общем, Магриб подвис в неопределённом статусе мятежной территории.

Ладно, права Маргариты Валуа на французскую корону пусть пока хранятся в архивах Кёльнского замка, может и пригодятся когда-нибудь, даже не столько её права, сколько те же права её единственной дочери Жанны д'Альбре, а нам пока нужно срочно совершить заключенные в договорах сделки.

Двенадцатого октября 1538 года, британский посол в Гранаде, сэр Лесли Нортон, виконт Итон, передал османскому послу Исмаилу Хатаму триста шестьдесят тысяч французских ливров серебра. Сто восемьдесят тонн этого металла в хранилище Альгамбры сменили своего владельца. Уже четырнадцатого, британцы высадили воинский контингент в нормандском Гавре, шестнадцатого, в Бресте (герцогство Бретань), восемнадцатого в Нанте, двадцать второго в Бордо и двадцать шестого в пикардийском Дюнкерке.

Отменная организация. Сэру Томасу Мору стоит отдать должное, администратор он превосходный. Высадились британцы не крупными силами, у них сейчас вся армия всего-то шестьдесят тысяч человек, но высадились везде, хоть по одному батальону, а гарнизоны прибыли во все города Пикардии, Нормандии, Бретани, Пуату, Аквитании и Беарна.

Седьмого октября 1538 года, османам в Сингапуре был передан «Арес», а уже девятого, ограниченный двенадцатитысячный контингент инкских войск в Европе, под командованием самого вице-императора и имперского наместника Европы, Нууно Вимка, герцога Кастилии и Наварры, графа Басконии, Памплоны и Вальядолида, контролировал все владения Генриха д'Альбре на юге Франции.

Все вотчины друга Энрике, все могилы его славных предков, которые ещё не успели сильно соскучиться по своему, чрезвычайно деятельному и очень везучему потомку: королю Западной Германии, князю-архиепископу Кёльна, герцогу Швабии, герцогу Нижней Саксонии, герцогу Франконии, герцогу Нидерландов, герцогу Люксембурга, герцогу Фландрии и Артуа, а теперь ещё и герцогу д'Альбре. Потомку-сюзерену нового герцогства, объединившего все владения предков Генриха д'Альбре, вместе с их могилами, на юге Франции. Герцогства, имеющего теперь собственный выход к морю, имеющего свой порт Андай, в Бискайском заливе, уступленный Энрике британцами по дружбе, с узким коридором для строительства дороги, на границе с графством Баскония, имперским владением в континентальной Европе.

Порт полная дрянь, прямо скажем, да и не порт это вовсе, а так, чахлый деревянный причальчик, на подгнивших сваях, в рыболовецком посёлке. Но! Настоящий порт ведь можно будет построить и когда-нибудь потом, а статус у герцогства д'Альбре, как у морского владения есть уже сейчас. Серьёзный такой статус, вполне королевский, по раньшим временам. И более ничтожные владения в Европе раньше признавались королевствами. А тут вся Гасконь, со всеми её будущими де Тревилями и д'Артаньянами.

Герцогство д'Альбре самое бедное, из уступленных османами владений во Франции, если считать только по деньгам, но мы-то ведь знаем цену и людям. И не из рассказов Дюма про мушкетёров. Генриха Четвёртого Бурбона и всю его династию внесли не престол именно гасконцы, бедные и потому очень мотивированные. Отличный мобилизационный ресурс получил друг Энрике, две козыря в прикупе, ага.

Шестнадцатого ноября 1538 года, пришёл запрос на согласование высочайшего визита

султана Сулеймана Великолепного в Империю Инков. Согласился, значит, друг Сулейман, вот и хорошо. Представительнее получится торжественное новоселье в дворцово-парковом комплексе Тауантинсуйу и официальный ввод в эксплуатацию железных дорог.

И так компания собиралась внушительная, а с Сулейманом — вся Европа в гости к нам, вся, без исключений.

Вся Европа и часть Азии — император (махараджа) Тамиллов, Канкили Первый, и император (ван) Чосона (Кореи) Чунджон Первый Накчхон — эти двое уже в пути, уже в Северной Инке, едут конным «поездом» из Сан-Франциско в Канзас-Сити, где переседают в поезд железнодорожный.

Двоих дружественных нам азиатских императоров сопровождают друзья-приятели, соратники: вице-император, имперский наместник Азии, Австралии и Океании, адмирал Родриго Пике, и Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи и Хоккайдо, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо, имперский наместник Японии-Ямато и Филиппин.

Разумеется, на праздник в Тауантинсуйу соберутся все вице-императоры и влиятельнейшие владетельные вельможи Империи Инков. Пришло время провести перестановки в пирамиде имперской власти. Эль Чоло выходит в отставку с поста главного вице-императора и наместника Южной Инки. Шестидесят восемь уже другу-шаману, он готовится к переселению в другой мир, и не хочет больше отвлекаться на суетное.

Часть вторая. Эпоха Империй.

Торжества в Тауантинсуйу продолжались четыре недели, с двадцать первого декабря 1538 года, по восемнадцатое января 1539-го. Сначала состоялся праздник новоселья в столичном дворцово-парковом комплексе, новом Чуде Света, целом городе дворцов, особняков, парков, триумфальных арок, памятников и фонтанов, на сорока пяти квадратных километрах, прямоугольнике пять на девять, с трёх сторон огороженном забором из литых чугунных узорчатых решёток, дизайна величайших творцов мира, а с четвёртой озером Сен-Клер.

Всё здесь прекрасно, всё вызывает искреннее восхищение, от тех самых решёток ограды и тоже литых из чугуна столбов внешнего освещения, до самих дворцов и особняков, настоящих шедевров мировой архитектуры.

В комплексе не имелось храмов, но домовые церкви, по желанию владельцев, построили при многих дворцах; а Абу-ль-Аббас Ахмад, герцог Марокко, на своём участке во второй линии, при помощи Тициана Вечеллио, графа Ринкона и Тортуги, соорудил очень симпатичную мечеть: так что всем зависимым от регулярных доз опиума для народа — и христианам и мусульманам, было где преклонить свои колени перед Богом иудеев, который стесняется своего настоящего имени.

Было где Папе Клименту Восьмому провести Рождественскую и прочие праздничные службы; а султану Сулейману Великолепному и великому визирю Увейс-паше помолиться Аллаху в пятничные намазы.

Утром, первого января 1539 года, на Центральном вокзале Тауантинсуйу, в присутствии четырёх императоров, царя, королевы, короля, пяти вице-императоров, двух канцлеров, великого визиря и семи с половиной десятков министров, губернаторов и владетельных вельмож, торжественно запустили железнодорожное движение, которое до сих пор осуществлялось неофициально, в тестовом режиме.

Вечером, первого января, на праздничном приёме в императорском дворце, со «скромным» названием «Domus Solis», состоялись назначения новых вице-императоров и

имперских наместников.

Эль Чоло и Васко да Гама, вышли в отставку со своих постов — наместников Южной Инки и Антарктиды, и стали первыми вице-императорами-пенсионерами. Близкие родственники, отцы двух очень красивых семейных пар. Ровесники, обоим уже по шестьдесят восемь, очень почтенный возраст по нынешним временам. Оба уже вписали себя в историю крупными буквами и заслужили право на отдых.

Главным вице-императором и наместником Северной Инки стал Нууно Вимка, герцог Кастилии и Наварры, граф Басконии, Вальядолида и Памплоны.

На посту имперского наместника Европы, его заменил, произведённый в вице-императоры, Авдей Шишка, герцог Ирландии, граф Фарер.

Наместником Южной Инки, колыбели цивилизации, Савелий назначил вице-императора, адмирала Родриго Пике, герцога Новой Зеландии и Гавайев, графа де Пуно.

Вице-императором и имперским наместником Азии и Японии-Ямато, стал Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи и Хоккайдо, граф Окинавы, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо. Ему же досталось графство Шанхай, островное владение в дельте Янцзы.

Вице-императором и наместником Западной Инки (Австралии) и Океании, император назначил вице-адмирала Юмко Наута, герцога Мадагаскара, графа Тасмании; а вице-императором и наместником Антарктиды, стал контр-адмирал Жоржи ди Менезиш, герцог Тайваня, граф Гуама.

Вице-император, наместник Африки и островов, Паскуаль де Андагойя, герцог Кубы, Андалусии и Мавритании, граф Севильи получил во владение графство Хайнань, а в служебное пользование яхту-пароход-крейсер «Эль Паскуаль».

Кроме того, первого января 1539 года произошло ещё одно эпохальное событие, которое пока никто не оценил — из денежного обращения Империи Инков вышло серебро. Больше серебряные «чалыко» деньгами не являются, кто не успел их потратить, или обменять, тот опоздал, остался с сувенирами. Когда-нибудь эти сувениры станут нумизматической редкостью и будут стоить целые состояния, но сейчас их ждёт резкое обесценивание. Очень резкое, в три четыре раза. Именно такое обесценивание серебра запланировано и обязательно произойдёт.

Началась эпоха бумажных денег, эпоха бурного роста мировой экономики. Эпоха Империй.

С султаном Сулейманом Великолепным, Савелий общался часто и подолгу. Чаше, чем со всеми остальными, но это нормально, это правильно. Из троих гостей: султана Османской Империи, махараджи Тамильской Империи и вана Империи Чосон, Сулейман самый влиятельный, самый богатый и самый заслуженный. Выдающийся полководец, завоеватель и покоритель: Родоса, Венгрии, Хорватии, Богемии, Западной Пруссии, Бранденбурга, Остмарка, Баварии, Верхней Саксонии, Швейцарии, Венеции, Италии Ломбардии, Савойи и Франции; в этом отношении, он в одиночку превзошёл всех своих великих предков, вместе взятых; а к тому-же, он друг; а правители Тамилы и Чосона только приятели-коллеги.

Остальные в Тауантинсуйу не гости, у них у всех здесь имеются собственные дома-дворцы, а у многих ещё и собственной домовый церковь. Да и задержатся остальные после праздников, это гости уже разъезжаются. Друг Сулейман уезжает завтра, поездом в Челябинск, где его ждёт «Нептун», прежняя «служебная» яхта вице-императора Паскуаля де Андагойя, плавучий дворец, подарок Савелия. Седьмой «виндjammer» поколения четыре плюс в Средиземноморский флот Османской Империи.

— Не понимаю я, как у вас всё устроено... Почему никто не возмущается заменой серебряных монет на бумажки?

— А с чего бы им возмущаться? Купить на эти «бумажки» можно всё то же самое, что и на серебро, а пользоваться ими намного удобнее, чем монетами.

— А копить? Сыновьям наследство, приданное дочерям?

— И копить гораздо удобнее. Копить их теперь можно в банке, который даже премию на капитал начислять будет. И не украдёт никто.

— Рыба ан-насиа* (*дача денег под проценты, запрещена шариатом и является одним из тяжёлых грехов), для нас это харам.

— Почему сразу рыба? Банк занимается коммерцией, финансирует производство, строительство, или торговлю, а это вклады долей малой в такую коммерцию. Вам же разрешено заниматься коммерцией в долях с партнёрами. Нигде ведь не сказано — делай всё только сам и в одиночку.

— Банк даёт ссуды под процент.

— В том числе, — согласился Савелий, — но не только. Можно считать, что на проценты от ссуд, греховно живёт сам банк, ими он оплачивает работу своих сотрудников, связь, налоги и так далее, а халяльными доходами от коммерции делится с вкладчиками. Впрочем, никто и ничто не мешает создать исключительно «торгово-производственно-строительный коммерческий банк», полностью соответствующий шариату. Бумажные деньги всё равно удобнее. Мы ведь с этого разговор начали.

— Всё равно не понимаю. Что тебе мешает нарисовать этих денег миллионы, или даже миллиарды?

— Ничего не мешает, кроме здравого смысла. Зачем мне гробить экономику собственной Империи? Денег в обороте должно быть ровно столько, сколько необходимо для экономики. Если их больше, начинается инфляция, растут цены на всё, в том числе и на труд, а самый большой покупатель на рынке труда — имперская казна, да и на всех остальных рынках тоже. Если денег меньше, то это уже дефляция. Товары дешевеют, люди

перестают покупать, в ожидании ещё большего удешевления, торговля сокращается, товары лежат невостребованными, разоряются их производители. И то, и другое — очень плохо, но дефляция всё-таки хуже. Серебро не годится в качестве денег, как и золото, впрочем. Экономика может и должна расти гораздо быстрее, чем добываются эти металлы. Да, это просто металлы, которые принято считать ценностью. В чём ценность того-же серебра?

— Испокон веков так повелось.

— Испокон веков существует негласный общественный договор, считать серебро ценностью. Я из этого договора выхожу. Не вижу я этой ценности. Не вижу я пользы от этого металла.

— А золото?

— Золото хотя бы для украшений годится, — Савелий указал мундштуком кальяна на отделку лепнины ближайшей колонны золотой фольгой, — а серебро нет, оно серое и унылое.

— Ладно, поживём — увидим, что из этого получится. Всё у вас странно, всё ни как у людей... Скажи мне, брат, почему ты не воюешь?

— Не с кем пока. Когда ко мне полез покойный Карл Габсбург, я с ним воевал, а сейчас никто не лезет.

— А сам почему не завоёвываешь?

— Завоёвываю, брат, и довольно много завоёвываю. Только не силой оружия, не вижу в этом смысла. Да и не интересно мне это, такой тип завоевания — самый примитивный и самый грязный. Я предпочитаю более изящные методы. Считаю это культурной экспансией. Меня очень радует, когда люди сами стремятся войти в состав Империи, как бывшие король Португалии и султан Марокко. Эти победы я ценю гораздо выше, чем военные.

— А как-же слава?

— В чём слава обижать слабых, брат?

— Да уж... Непросто тебе живётся, не по-людски. Хорошо, что у меня есть сильные противники.

Сильным противником, Сулейман Великолепный справедливо считал еретическую шиитскую Персидскую Империю, раскинувшуюся от границ османской Месопотамии на западе, до Брахмапутры на востоке, от Большого Кавказского хребта и Сырдарьи на севере, до герцогства Гоа и границ Империи Тамилы на юге. На севере и юге, персы централизовали уже всё, путь на восток, в Империю Мин, то есть, в жалкие остатки Империи Мин, им преграждают почти непроходимые горы, да и брать там теперь нечего, всё ценное уже разобрали шустрые соседи минцев — Чосон, Дайвьет и Аракан.

Так что вкусным для персов остался только запад — османские владения, когда-то давно принадлежавшие персидской Империи Ахеменидов: Месопотамия, Левант, Анатолия, Палестина, Аравия и даже часть Балкан, включая нынешнюю османскую столицу Стамбул-Константинополь, в ту давнюю-древнюю пору деревню Бизантиум.

На прямое столкновение, Османская и Персидская Империи обречены и это отлично понимают обе стороны. Понимают и готовятся. Персы теперь богаче, они быстрее наращивают свой флот, выигрывая в Сингапуре торги за торгами. Они уже задрали цену на корабли до немыслимых восьмидесяти четырёх тысяч французских ливров серебра, семи себестоимостей в постройке. Конечно, платят они не серебром и не в ливрах, а золотом в тоннах, но старый серебряный эквивалент именно такой.

Соревноваться в честной торговле с еретиками-шиитами-персами, захватившими,

поработившими и ограбившими почти всю Индию и всю Среднюю Азию, богатейшие регионы, праведные сунниты-османы, вразумлявшие, тем временем, сильно обнищавшую за годы войн и эпидемии Европу, возможности не имеют.

Зато у Сулеймана есть отличный друг не от мира сего, который задорого скупает всякую дрянь. Например — мятежный Магриб, на подчинение которого пришлось бы затратить такие средства, которые из этого Магриба лет двадцать возвращаться будут, при самом благоприятном развитии ситуации, а реально — это чистый убыток, потери навсегда.

Права на подчинение никчёмного Магриба Империи Инков, Савелий выкупил за четыреста двадцать тысяч ливров серебра, на шестьдесят тысяч дороже, чем британцы всю северо-западную Францию, наследство своих давно вымерших Плантагенетов. Конечно, выкупил не за серебро, а тем более не за золото, за пять кораблей, по цене последних из состоявшихся в Сингапуре торгов, пять «винджаммеров» поколения четыре плюс для восточного флота Османской Империи: «Гор», «Вишну», «Ахура Mazda», «Ашшур» и «Амон». Забавно, но только корабль с именем «Гор», османы приобрели впервые, «Вишну» к ним перешёл уже третий, а остальные по второму разу.

Итого, в османском флоте теперь двадцать два инкских корабля — пятнадцать на востоке и семь (считая бывшую яхту Паскуалья де Андагойя, «Нептун») на западе, в Средиземном море. У персов пока шестнадцать, но из них три второго поколения. Непроданным остался всего один чисто военный корабль «Баал», а потом придёт пора обновлять парк яхт остальным родственникам и вице-императорам: чете Рюрикович-Тюдор, Нууно Вимке, сэру Томасу Мору, Асикага Такаудзи и Родриго Пике. Даже интересно, почём эти плавающие дворцы оценит свободный рынок. Не только ведь персы в Сингапуре «пацаны с деньгами», имеются там и кроме них «конкретные чёткие парни», которые могут себе позволить красиво плавать за большие деньги.

Расстались с братом Сулейманом утром, двадцать второго января 1539 года, на Центральном вокзале Тауантинсуу. Красные ковровые дорожки, почётный караул, оркестр, братские объятия на прощание. Расстались, вполне довольные друг другом. Брат Сулейман был доволен, что впарил брату Интико никчёмный Магриб, а брат Интико-Савелий тем, что не пришлось причинять брату Сулейману душевную боль силами спецназа вице-императора Паскуалья де Андагойя в никчёмном Магрибе.

Недовольным остался только вице-император, имперский наместник Африки, герцог Кубы, Андалусии и Мавритании, граф Севильи и Хайнаня.

— Мы бы этот Магриб и бесплатно получили, Сын Солнца.

— Получили бы, конечно, но бесплатно — далеко не всегда хорошо, Паскуаль. Даже больше тебе скажу: бесплатно хорошо вообще никогда не бывает. Если ты не платишь деньгами, то всё равно платишь, но уже чем-то другим. В этом случае, мне пришлось бы заплатить своей совестью, которую я ценю намного дороже пяти корабликов, брат. Готовь своих головорезов к перебазированию на остров Сулавеси. С него начнём нести добро, справедливость и прочую благодать местным дикарям. Там у нас друзей, слава Создателю, нет, одни бандиты.

Двадцать третьего января, с того-же центрального вокзала, проводили вана-императора Чосона, махараджу-императора Тамилы и вице-императора, имперского наместника Азии и Японии-Ямато, Асикага Такаудзи. С Такаудзи-саном, по-родственному, прощались накануне вечером.

— Сулавеси, Ява, Суматра, именно в таком порядке, теми же методами, что и в Ямато.

Все средства у тебя имеются. Паскуаль-сан поможет специалистами по особо деликатным методам воздействия. На островах нас должны любить всей душой, когда мы туда придём. Задание понятно, брат?

— Всё исполню в лучшем виде, божественный Сын Солнца.

Красная ковровая дорожка, почётный караул, оркестр, братские объятия, отправляющийся на запад поезд.

— Никак не могу привыкнуть, что Азия теперь запад.

— Привыкнешь ещё, — уверил Эль Чоло, — меня завтра не провожай. Жду тебя в Тиуанако к мартовскому равноденствию в 1540 году, Русо. До тех пор мы с тобой больше не увидимся. Ты уже научился двигаться в «дзене»?

— Учусь. Без резких движений уже получается. Ты выяснил, куда нас дальше отправят?

— Выясняю, Русо. Через год с небольшим всё узнаем. Для этого нам нужно быть вместе. Один приходи, или бери с собой тех, кого совсем не жалко. Кроме тебя, этого больше никто не переживёт.

Эль Чоло исчез двадцать четвёртого января 1539 года, исчез «по-английски», ни с кем не попрощавшись. Двадцать пятого, вечером, состоялась тридцатикилометровая лыжная гонка, по освещённой трассе в лесопарке дворцового комплекса Тауантинсуйу, в которой приняли участие: сам император; министр Внутренних дел Северной Инки, Гуасимара, граф Ванкувера; и министр Иностранных дел и Внешней торговли, Муиска-Атугата, герцог Ньюфаундленда. Двадцать шестого, днём, на льду озера Сен-Клер, прямо под окнами дворца «Domus Solis», прошёл финал первого Кубка Мира по хоккею с шайбой. Команда моряков, собранная из гвардейского экипажа императорской яхты «Посейдон», со счётом семь-шесть обыграла военных, команду Первой Гвардейской бригады Быстрого Реагирования. Конечно, «Кубок Мира» пока слишком громкое название для турнира из четырёх команд, но других ведь нет, а значит всё правильно.

Двадцать восьмого, накануне отъезда четы Рюриковича-Тюдор, сели подвести итоги.

— Не хочется уезжать, — вздохнул Василий Третий, — скорее бы уж Иван в возраст вошёл, и тягло это на свои плечи взвалил. Хоть пожить по-человечески остаток лет...

— Оставайтесь, чего оттягивать-то? Война в Европе закончилась, тишь да гладь. Дорогу князь Бельский и без вас построит.

— Нельзя нам так, Интико. Без нас дорогу построят, ещё что-нибудь без нас сделают, а потом без нас привыкнут. Там не твоя Империя, где всё по закону, там только дай волю, в миг татями обернутся...

— Тебе виднее, — согласился с тестем Савелий.

— Война для османов закончилась, — заметила Мария Генриховна, — Сулейман, конечно, обещает мир не нарушать, но это слова, а кто знает, что у него на уме? Армия ведь у него огромная, если всех пересчитать, тысяч двести поди получится?

— Если пересчитать вообще всех, с ногами, крымчаками, черкесами и городскими гарнизонами, то больше. Почти триста тысяч.

— Вот я и говорю. А у нас на всех сто пятьдесят. Тоже вместе с гарнизонами. Османы и оружие своё теперь делают. В большую силу Сулейман вошёл, от такого голова запросто закружиться может.

— Не успеет закружиться у него голова. Персы уже готовятся к большой войне. Им османы в восточных морях как кость в горле. Не о чем нам волноваться. Армия у нас вдвое меньше, но это не значит, что она слабее. В случае чего — найдём, чем удивить, не

сомневайтесь. Продолжаем действовать по плану. Лет пять мира у нас точно есть, успеем все дороги и заводы достроить.

— А через пять лет — это уже Ивана забота будет, — заметил Василий Иванович, — сомнут османы персов, как думаешь?

— Сложно сказать. Силы у них примерно равны. У османов армия больше и опытнее, но численность и опыт дело наживное, зато персы теперь богаче.

— Сулейман выдающийся полководец, Франсуа в этом отношении был очень неплох, да и помогали мы ему постоянно, но всё в пустую. Султан его постоянно в дураках оставлял. Персов он раздавит за пару лет. — сделал ставку Генрих д'Альбре, — Может и мы по ним ударим? А то всё мимо нас проходит — и добыча, и слава...

— Где ты по ним можешь ударить, Генрих? — спросил Василий Третий.

— Да хоть бы и на Кавказе. Есть ведь там какие-то порты, вот оттуда и начну. Надоело мне дороги строить. Скучно это. Что скажете? Я с персами никаких договоров не заключал, в полном праве повоевать в своё удовольствие.

— Я против, против категорически. Эта не наша война, пусть мусульмане между собой выясняют, кто из них больше угоден Аллаху. Сами и без чьего-либо вмешательства. Если сильно свербит повоевать — добей Империю Мин. Самые вкусные куски там ещё не растащили.

— А какие куски там самые вкусные? — оживился король Западной Германии.

— Центральные районы ещё никто не грабил. Наньчан, Ханьян, Чанду, Кайфын и Сиань. Особенно Сиань, конечно. В Сиане императорская казна. Только там армию могут и полумиллионную собрать.

— Не страшно, — усмехнулся друг Энрике, — собрать полмиллиона крестьян — это ещё не армия. Да и не могут, скорее всего, раз до сих пор не собрали. «Кёльн» высоко по Янцзы подняться сможет?

— Хочешь с комфортом воевать? — понимающе улыбнулся Савелий.

— И это тоже, — кивнул Генрих, — но главное — связь. Хочу быть в курсе всех новостей, привык уже.

— Поднимешься высоко. До Ханьяна точно. Только что ты на одном «Кёльне» там сможешь сделать?

— Почему на одном? Найму пузатых торгашей, возьму с собой тысяч двадцать с артиллерией. Чего им в Европе бездельничать, раз уж войны всё равно не ожидается. Мои двадцать тысяч точно стоят полумиллиона азиатских крестьян. Не волнуйся.

Волноваться за неугомонного короля Савелий и не собирался, но на всякий случай решил его подстраховать силами Ордена Священного Препуция. Братьям-рыцарям тоже размяться не помешает, их в Ордене собралось уже под тридцать тысяч, так что тысяч пять выделить они смогут без труда. Да и яхту магистра, герцога Рима и Мальты, Игнатия де Лойола, всё равно собирался менять на пароход-крейсер, вот и пусть сходят парой, на всякий случай. Мало ли что, техника есть техника, запросто может отказать в самый неподходящий момент, а так хоть будет возможность отступить на буксире.

Двадцать первого февраля 1539 года, интересные новости пришли из Сингапура. Персидская Империя заключила союз с королевством Аютия. Мусульмане-шииты пошли на союз с язычниками-тайцами, да ещё и находящимися в состоянии войны с четырьмя малайзийскими султанатами и шестью индонезийскими.

Союз они заключили раньше, заключили в тайне, на личной встрече короля Чаирачатирата и Див султана Румлу, великого визиря Персидской Империи, который специально для этого посетил Аютию. Когда именно это произошло, министру Азиатских дел, Сиоку Орусата до сих пор неизвестно. Нет в этом его вины, мы в последнее время стали слишком полагаться на радиоразведку, а она такие встречи не отслеживает. Учтём на будущее.

В общем, заключили они противоестественный союз, а мы узнали об этом только утром двадцать первого февраля, по времени Сингапура. Узнали, когда персы уже захватили на рейде Сунда Келапа* (*Джакарта) все три «виндjamмера» индонезийских султанов, собравшихся на сходку в султанате Демак. Подкараулили персы, а может и помогли этот сходняк организовать, с них станется, у них агентурная работа не заброшена.

Бывшие наши «Брахма», «Хорс» и «Марс» сдались одиннадцати персидским «виндjamмерам» без боя и сразу пополнили собой силы военно-морского флота Персидской Империи. На фоне этого трофея, почти две сотни пиратских самоделок, ранее промышлявших грабежом тайских торгашей на линии Банг Макок* (*Бангкок) — Сингапур, и больше трёх сотен купеческих судов — сущая мелочь, хоть мелочь и, безусловно, очень приятная.

Красивый ход. Османы потеряли флот своего потенциального союзника в войне с персами, а Персидская Империя захватила флот вероятного противника до начала большой драки. Теперь у Персии девятнадцать своих «виндjamмеров», правда три из них второго поколения; и три корабля поколения четыре плюс имеется у союзного им королевства Аютия; а у османов пятнадцать на востоке и семь (считая бывшую яхту Паскуаля де Андагойя) в Средиземном море.

А если учесть поступление новой, очень неожиданной вводной — уже состоявшийся антисуннитский союз шиитов с язычниками, в который теперь запросто могут войти Империи Тамилы, Дайвьет и Аркан, то положение у Османской Империи на востоке очень сложное. Теперь неизвестно, кто будет ожесточеннее торговаться за «Баала» и шесть плавучих дворцов, и до какой отметки поднимется на них цена.

В Европе, тем временем, происходит «Великое переселение народов». С захваченных османами территорий уходят христиане и иудеи, уходят французы, итальянцы, германцы, мадьяры, славяне и прочие. Уходят кто куда — и в европейские владения Империи Инков, и в британские владения в бывшей Франции, и в Русское царство, и в королевство Западная Германия. Уходят по вполне понятным причинам — налоги для иноверцев в Османской Империи теперь на четверть выше, чем для мусульман. Причём выше они именно в новых владениях Сулеймана: в Греции, Малой Азии, Месопотамии, на Ближнем Востоке, в Египте и Аравии всё ровно, там все платят одинаково, а в новых землях переселенцы-мусульмане на первые три года освобождаются вообще от всех налогов, а после будут платить на четверть меньше, пока вся эта часть Европы не станет типично османской провинцией, как Левант,

или Палестина, где всякие иноверцы в явном меньшинстве.

Происходит экономический геноцид, но Сулейман в своём праве. Его владения, ему и решать — какие кому налоги в них устанавливать. Точно так же, ещё совсем недавно, геноцидили мусульман в Испании. Плюс к тому, османы запретили виноделие и вырубают виноградники. А как прожить европейцу без вина? Даже не в плане пьянства окаянного, вино для них — это продукт первой необходимости, без него уже их метаболизм нормально не работает. Как, например, без соли.

Да и чего возмущаться, всё это нам на руку, откровенно говоря. Запросы иммигрантов снизились до уровня — дайте любую работу, неважно где — хоть в Южной Африке, хоть в Мавритании, хоть в Антарктиде, лишь бы на еду и крышу над головой хватало. Нам на руку — значит не только нам, Империи Инков, но и всем остальным нашим. Нам всем нужны дешёвые гастарбайтеры для большого экономического рывка. Дешёвые, бесправные и безропотные, что немаловажно. Сели их хоть на Аляске, хоть в Сибири, и этому будут рады.

Да, Сибирь уже потихоньку заселяется, Урал русские перешли и добрались до слияния Тобола и Иртыша, того самого места, где в той исторической реальности стоял город Тобольск, долгое время считавшийся русской столицей Сибири. В этой истории, на этом месте, основан город Шуйск. Названный так в честь основателя, князя Василия Васильевича Шуйского-Немого, герцога Або, покорителя Крыма и сибирского первопроходца. Стар уже князь-герцог, шестьдесят один разменял, до Тихого океана не дойдёт, но очень важный шаг за русских сделал именно он, так что город своего имени Василий Васильевич точно заслужил.

Следом за князем Шуйским идут переселенцы. Основываются городки и посёлки. Земля почти не распахивается, так, по чуть-чуть, под огороды, хлеба в Русском царстве хватает из бывшего Дикого поля, Валахии, Молдавии, Польши и Поволжья. Распахано там уже по двенадцать десятин на крестьянскую семью. Распахано в самой благоприятной климатической зоне, и урожаи растут каждый год, благодаря селекции семян и всё большей доступности минеральных удобрений. Царские закрома (огромные элеваторы) заполнены, при них откармливаются скотина и птица, так что горстку людей в Сибири прокормить совсем не трудно.

Дорого доставить туда всё необходимое, но и эта проблема снимется, после строительства железной дороги. А пока, идут заселять Сибирь немногочисленные артели рудознатцев, рудокопов, золотоискателей и строителей. Ну и военные, конечно. Все со своими бабами, так что есть кому огороды обрабатывать. Картошка и в Сибири растёт неплохо, как и прочие овощи, созревающие за три месяца. Всё не хлебом единым. Мяса вдосталь, лугов навалом — коси-паси, да и охота очень богатая, как и рыбная ловля. Меха, опять-же, кедровый орех, грибы-ягоды. Вырубка леса для построек хозяйств и на дрова бесплатная, в отличие от старых, исконных земель, где теперь бесплатно только хворост можно собирать. Благодать, одним словом. Настоящий мужицкий Рай.

Сибирь заселяется людьми государевыми, целовавшими крест после присяги. Никаких самодельных воровских казаков в этой истории не сложилось. Прихлопнули их на взлёте. Всех этих татей давно повязали и к честному труду пристроили. Тот же князь-герцог Шуйский и повязал, кстати. Теперь идут в Сибирь государевы служилые люди, с государевой поддержкой и государевым наказом — местных зря не обижать, ни мусульман в ханствах-осколках Золотой Орды, ни язычников в тайге. Как поступают инки в своей огромной империи — торгуют со всеми мирными дикарями и постепенно их просвещают.

Местные мусульмане: Казахское ханство в юго-западной Сибири и Искерский юрт в северо-западной; от мест главных событий хоть и далеко, но обстановку в мире знают. Знают, что и Османская Империя, и Персидская признали все земли севернее Сырдарьи русскими. Знают о добровольном переселении ногаев и черкесов в османскую Европу и принудительном выселении крымчаков. Знают, что остались в Русском царстве казанцы и астраханцы. Остались и несколько об этом не жалеют — живут мирно, богатеют быстро, делают карьеры. Есть уже среди русских мусульман шведские и датские бароны, вассалы русского царя Василия Третьего и его супруги, британской королевы, Марии Первой.

Так что воевать с русскими, сибирские ханства не спешат. Торгуют, отправляют послов в Царьград, Стамбул и Бендер-Аббас и думают — как жить дальше. Зовут их и османы в Европу переселиться, и персы в Индию, обещают богатую жизнь, но и русские никого не гонят, не притесняют, если самим их не задевать. И богатство сюда придёт, пришло же оно в Казань, где задумали строить самую большую в мире мечеть. В мире!

Двадцать шестого марта 1539 года, до сих пор независимые эмиры юга и востока Аравии присягнули на вассальную верность Персидской Империи. Те самые Арабские Эмираты, Кувейт, Катар, Оман, Йемен и прочие Бахрейны, из той исторической реальности. Пока ещё не нефтяные державы, бедные и очень сильно зависимые от торговли с персидской Индией. Зависимые от этой торговли гораздо сильнее, чем от османских Египта и Месопотамии. Арабские эмиры — сунниты, но владеют они территориями, населёнными, в большинстве, шиитами, поэтому считаться с этим демографическим обстоятельством просто вынуждены.

Для Империи Инков, сюрпризом этот ход не стал. Эмиры считать умеют отлично, а пересчитать корабли на потенциальном театре военных действий сейчас под силу даже полуграмотному декханину, или погонщику верблюдов. Кораблей у персов и их союзников больше, османы заперты в оконечностях Красного моря, Суэце, и Персидского моря* (*Персидского залива), Басре, и если начнётся большая война, то всякая торговля с ними прекратится, народ начнёт беднеть и бунтовать. В большинстве своём шиитский народ, да ещё и при поддержке очень богатых теперь персов.

Война в Азии ещё не началась, а османы уже несут очень серьёзные потери. Потери потенциальных союзников, которые теряют свои позиции, или вовсе переходят во вражеский стан. Половину Аравии персы уже получили и наверняка введут туда свои войска, создавая серьёзную угрозу Мекке и Медине.

Поторопился друг Энрике сделать свою ставку. Сулейман, конечно, полководец выдающийся, но войны не всегда выигрываются на полях сражений. Вспомнить хотя-бы того же Ричарда Первого Плантагенета, Ричарда Львиное Сердце. Тоже полководческий гений, за всю жизнь не потерпевший ни одного поражения в сражениях, но при этом проигравший все свои войны умным политикам. А политику персы проводят очень умную, этого не отнять.

Одиннадцатого мая, к оборонительному военному союзу Персидской Империи и королевства Аютия, ожидаемо присоединилась Империя Тамиллов. Для тамиллов, персы — основной торговый партнёр и единственный сосед на суше. Очень мощный сосед, очень богатый, который способен захватить все материковые владения Тамильской Империи на юге полуострова Индостан, даже воюя на два фронта, а османы далеко, серьёзной угрозы они не представляют. Очень прагматичный расчёт — ничего личного. Уже три-ноль в пользу персов, ещё до начала «встречи».

Семнадцатого и восемнадцатого июня 1539 года, в Сингапуре состоялись очередные

торги: последний чисто военный, без излишеств, корабль «Баал» ушёл за четыре тысячи четыреста килограммов золота (восемьдесят восемь тысяч французских ливров серебра по старому), а первый плавучий дворец, орденский «Священный Препуций» (бывший «Виракоча») за шесть тысяч двести килограммов «презренного металла». Оба корабля купили персы, кто бы сомневался. Теперь османам не поможет даже объединение сил флотов Средиземного и восточных морей.

У коалиции Персия-Аютия-Тамилы уже двадцать девять «винджаммеров», правда, пять их них ранних поколений, а у Османской Империи всего двадцать два, и попробуй их ещё объедини. Пока средиземноморцы огибают Африку, флот восточных морей будет разгромлен значительно превосходящими силами. У османов сейчас та же проблема, что была у Российской Империи в войне с Японией в той исторической реальности. Один на один они с персами как минимум равны, учитывая боевой опыт, в том числе и выдающегося флотоводца, адмирала Пири-реиса, но у персов имеются союзники, а османский флот разделён и его можно бить по частям. Четыре-ноль.

Кораблей в продаже не осталось и появятся они ещё не скоро, по мере замены парусных яхт-«винджаммеров» на крейсера-пароходы у четы Рюрикович-Тюдор, сэра Томаса Мора, вице-императоров: Нууно Вимка, Асикага Такаудзи и Родриго Пике. Всего пять плавучих дворцов, да и то самое раннее через год.

Пароходы-крейсера мы строим быстрее, в год по девять, по три в Нью-Йорке, Челябинске и Норфолке. Строим быстро, они ведь не броненосные и даже не бронепалубные, просто вооружённые пароходы, но каждую яхту нужно индивидуально отделять, а вот это уже действительно долго.

В общем, всё к тому идёт, что море османы быстро и разгромно проиграют и лишатся своей восточной торговли. Лишатся лучших рынков сбыта для зерна из Месопотамии, лишатся возможности напрямую закупать шёлк, хлопок, пряности, специи и благовония. Теперь всё это им придётся закупать в Нью-Йорке, Челябинске и Маракайбо. В том самом Маракайбо, где они раньше продавали эти же самые товары всей Европе.

Цена на серебро стабилизировалась только к концу июля 1539 года. Стабилизировалась на отметке сорок пять к одному, примерно в таком соотношении они сейчас имеются в наличии. Бумажный имперский «чалько», который вводили равным стоимости, находившихся в обращении, семиграммовых монет, в серебре «похудел» на семь десятых грамма, десять процентов, но в Империи на серебро никто уже не равнялся.

Сын Солнца сказал, что серебро дрянь, так всё и вышло, оно уже упало в четыре с лишним раза, по отношению к золоту, и ещё наверняка будет падать. Зато золотые монеты подорожали соответственно, а ведь раньше они казались слишком лёгкими, никто брать не хотел.

Сейчас на имперские полтинники и стольники ажиотажный спрос по всему миру. Да и от «бумажек» теперь никто не шарахается. Единственная твёрдая валюта, «чальками» рассчитываются между собой купцы из разных стран, их начинают копить в банках Гранады, Рима, Лондона, Кельна, Царьграда, Сингапура, Шанхая, Калькутты, Тринкомали, Гоа и Бом-Байи. А куда деваться? Теперь это не только удобно, но и выгодно.

Выиграли от обвала рынка серебра: Русское царство, Британское королевство и королевство Западная Германия, заблаговременно избавившиеся от серебряных активов, и выйдя в золото. Точнее, выиграли их казначейства, у подданных частных лиц накопления обесценились, но это только их личные проблемы и ничьи больше. Пожалуй, выиграла ещё и

Персия, у которой золотой запас сейчас второй в мире, после Империи Инков. Все остальные проиграли и проиграли очень крупно, особенно Османская Империя, у которой в монетном обороте находится больше всего серебра.

В ещё не начавшейся войне Османской и Персидской Империй, счёт стал уже неприлично крупным: ноль-пять. Вся надежда у османов теперь только на полководческий гений Сулеймана Великолепного и его воинскую удачу. А удача — девка очень капризная, запросто может изменить любому гению.

Восьмого сентября 1539 года, Савелий прибыл в Маракайбо. До назначенной встречи с Эль Чоло в Тиуанако, оставалось чуть больше полугода. Времени как раз хватит на инспекцию уже достраивающейся железной дороги Маракайбо — Медельин — Буэнавентура — Гуаякиль — Лима, общение с цесаревичем Иваном и основание в Лиме ещё двух прорывных производств: автомобильного и авиационного.

Новость о начале войны между Османской Империей и коалицией Персия-Аютитя-Тамилы, император получил двенадцатого октября в Буэнавентуре, уже на западном побережье Южной Инки. Тоннели пробиты, ведётся их отделка, сквозное движение Маракайбо — Лима откроется в июне 1540 года, если, конечно, никаких природных катаклизмов, типа катастрофических землетрясений не случится. Вроде не должно, интернет о таком не знает.

Сулейман ударил первым, без объявления войны, сразу захватил приграничный Абадан, после чего начал наступление крупными силами на северо-восток, к Ахвазу. Станный ход... Чего там такого в этом Ахвазе важного? Ладно, поживём — увидим. У гениев свои пути, не понятные простым людям.

Османский флот заперся в Басре, под прикрытием береговых батарей, так что персы на первом этапе овладели морем без боя., только особого профита им из этого получить не удастся. Можно доставить десант в Египет, только что это даст? Ровным счётом ничего. Да и не до десантов им сейчас. Сулейман вторгся с восьмидесятитысячной армией, а ещё две такие-же армии, под командованием Увейс-паши и шахзаде Махмуда пока чего-то выжидают в Багдаде и Эрбиле. Какой уж тут десант?

Одиннадцатого ноября 1539 года, Савелий и Иван-царевич торжественно заложили в Лиме два новых завода: «Тойота», автомобильной и мототехники (включая снегоходы), и «Боинг», авиатехники, гражданской и двойного назначения. Ивану Васильевичу, до принятия короны Русской Империи осталось ещё четыре года, так что первые образцы новой техники он объездить и облетать успеет.

Летать опасно? Очень. Не только летать, а вообще жить очень опасно, но ничего не поделаешь. Лётчиков здесь нет ни одного. Будем учиться сами и учить других. Для минимизации рисков, летать начнём на двухмоторной лодке-биplane, а дальше посмотрим. В той исторической реальности, люди учились «методом тыка» и ничего, научились, а у нас есть интернет с полезными советами и симуляторами, так что никто, кроме нас, как бы пафосно это не звучало.

Сулейман Великолепный к этому времени взял Ахваз и теперь продвигался к Эсфахану, туда-же, судя по всему, со своей армией шёл Увейс-паша из Багдада, уже взявший Керманшах и осадивший Боруджерд. Шахзаде Махмуд, разделил свою «эрбильскую» армию на два корпуса, тридцать тысяч осадили Тебриз, а пятьдесят идут к старой столице Сефевидов, городу Казвин.

Османь и раньше план войны по радиосвязи не обсуждали, а на персидской территории и вовсе перестали ей пользоваться, так что все новости в эфир сообщают только персы, а у них на севере всего три монастыря-радиостанции: в Шемахе, Куме и Мешхеде, поэтому о ходе войны мы узнаём только от одной стороны, да и то с приличным отставанием, в десять-двенадцать дней.

Персы не паникуют и не спешат давать большое сражение. Их основные силы — сто пятидесятитысячная армия, под командованием покорителя Индии, шейха Ахмада аль-Казима, как стояла в Ширазе, так и продолжает стоять, каждый день пополняясь резервами и проводя учения, как в мирное время. И действительно, куда торопиться? Видно ведь, что Сулейман старается вытащить персов из отличных укреплений Шираза в поле и там разгромить, только не один он теперь здесь умный.

Наплевать персам на север. Кавказ османь отрезали, но что с того Кавказа? Что с того Кавказа приходило хорошего, кроме наложниц? Сейчас война, не до новых наложниц, перебьёмся. Отрезали и отрезали этот бесполезный Кавказ, будет просто замечательно, если эти глупые и жадные еретики-сунниты его ещё и завоёвывать начнут, но это вряд ли конечно.

Главное — держать юг, побережье с новой столицей, Бендер-Аббасом, и море. Никуда Сулейман не денется, вынужден будет атаковать огромную армию на подготовленных позициях, практически в крепости. А север пусть захватывает, тратит своих ветеранов, боеприпасы и деньги. Всё это у него конечно, нужно терпеть и ждать момента.

Беззащитная Басра? Она потому и беззащитная, что это приманка. Никаких движений стоим и ждём, мимо нас не пройдут. Такой вот пока план войны у персидского главнокомандующего, шейха Ахмада аль-Казима. На первый взгляд, план очень разумный, а там увидим, что из этого получится.

Шестого декабря 1539 года, вице-император, имперский наместник Африки и островов, Паскуаль де Андагойя, герцог Кубы, Андалусии и Мавритании, граф Севильи и Хайнаня

доложил об установлении имперской власти в новых владениях в Магрибе. Империя приросла пятью герцогствами: Оран, Алжир, Аннаба, Тунис и Триполи; и тремя графствами: Газауэт, Бизерта и Сфакс. Далеко не самые богатые земли, но себя кормят и, при вполне разумных вложениях, могут стать хорошей производственной базой.

Сейчас именно в Магриб направляется основной поток европейских беженцев с османских территорий, в восемь крупных портовых городов прямого имперского управления, так что развивать там производства требует здравый смысл. С металлургией не получится, для неё требуется слишком много пресной воды, а вот всякое механическое и лёгкопромышленное, от тканей, обуви и одежды, до подшипников и электрических моторов/генераторов, перенести можно запросто.

Транспортная доступность отличная, рабочая сила дешёвая, а больше ничего и не требуется. Именно на этих двух ресурсах поднималась Юго-Восточная Азия в той исторической реальности, так что повторить этот опыт, нам сам Создатель велел.

Французские гарнизоны ещё имперской армии Франциска Валуа, Паскуаль начал переводить в дельты крупнейших рек: Конго, Замбези и Нигера, на речные острова, контролирующие основные фарватеры. Всё правильно, реки сейчас — главные транспортные пути, контролируешь дельту — контролируешь весь путь. Контролируешь пути по этим рекам — контролируешь всю Африку. Кроме Египта, конечно, но это пока кроме. С Египтом тоже ведётся работа. С Египтом, Суданом, африканским Рогом — со всеми османскими вассалами в Африке работа ведётся, но с Египтом особо.

Никакой подрывной деятельности, ничего такого зловердного в краткосрочной перспективе. Ведётся работа на будущее после Сулеймана Великолепного. Заводятся знакомства, подкармливаются влиятельные люди, укрепляются связи их зависимости от Империи Инков.

Если в Османской Империи возникнет внутренний конфликт наследников султана, эти закладки сработают, а если нет — не так много в них и вложили. В любом случае, пятая колонна в чужих владениях — актив довольно ценный, пусть и спящий до поры.

Сулейман и Увейс-паша всё ещё стоят в Эсфахане, хотя город взяли штурмом и разграбили уже две недели назад. Похоже, не ожидали они такого от персов, которые продолжают укреплять оборону в Ширазе и не обращают внимание на «мелкие шалости» османов на севере.

Персы стоят, как скала на пути к Бендер-Аббасу, но в то же время понемножку-помаленьку наращивают свои силы в Аравии. В Аден каждый день прибывают новые подразделения, боеприпасы и прочее обеспечение. По десятку судёнышек, по батальончику, по батареечке в день, но регулярно и постоянно. Прибывают и перебазируются в Сану. Без спешки, без суеты, по батальону в сутки, а группировка персидской армии на полуострове уже достигла численности в пятьдесят тысяч, против тридцати османских. От Саны до Мекки не близко, двадцать-двадцать пять суточных маршей, но от Эсфахана, где сейчас «отдыхают» и придаются раздумьям султан Сулейман и великий визирь, Увейс-паша, намного дальше.

Тебриз ещё держится, Казвин тоже, османы теряют под их стенами своих ветеранов, а с ними и первоначальный задор. Шииты ведут джихад против поганых еретиков и подлых агрессоров суннитов и стараются как можно красивее уйти из этой жизни к Аллаху. Никто не сдаётся, даже в мелких поселениях с глинобитными стенами, которые современная артиллерия может сравнять с землёй за час-полтора, а за пять-шесть вместе со всем

городком, но где набраться современной артиллерии на каждый посёлок? Негде. Приходится штурмовать по старинке, как во времена средневековья, минувшие уже полтора десятка лет тому назад. Пока у османов потери в личном составе в два раза больше, да и размен идёт европейских ветеранов на неграмотных фанатиков-шиитов, только что взявших в руки оружие.

Такие вот дела, брат Сулейман. Война — это теперь не только гениально проведённые битвы и маневры подразделениями, как в Европе, война здесь — это ещё и вот такое массовое фанатичное пренебрежение собственной жизнью. Война в Персии — это «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой» и «Ни шагу назад».

Блицкриг не удался, а в затяжной войне, все козыри на руках у персов. У них и денег больше, и мобилизационный ресурс, и союзники имеются.

Двадцать первого января 1540 года, Савелий прибыл в Куско. До встречи с шаманом оставалось два месяца, времени вполне достаточно, чтобы провести инспекцию музеем-хранилищам всего культурного достояния европейской цивилизации.

Десять старых дворцов: Амаруканча, Пачакутека, Инки Рока, Виракочи, Васкара, Манк Капака, Синчи Рока, Инки Юпанки, Колькампата и Ауакпинта, укрыли в своих стенах десятки тысяч экспонатов европейского наследия. Античные статуи, скульптуры и мозаики; средневековые ковры, гобелены, картины, доспехи и оружие владык, изготовленные настоящими предметами искусства; снова картины, статуи и скульптуры уже эпохи Возрождения.

Сколько всё это стоит, оценить невозможно. Триллионы долларов той исторической реальности, если не десятки триллионов. Здесь удалось сохранить очень многое из того, что там было утрачено в ходе войн, бунтов, пожаров и прочих бедствий. Скажут ли потомки за это спасибо? Конечно нет, они ведь про другую историческую реальность знать ничего не будут.

Ну и ладно, не за их спасибо старались. Куско — и сам по себе город музей, первая столица Империи Инков, колыбель новой человеческой цивилизации, так что украшения такими вот «бриллиантами» здесь вполне уместно. Именно Куско когда-нибудь станет культурной столицей всего человечества, и всё это благодаря их с Эль Чоло стараниям. Для себя старались, конечно, в первую очередь для себя, но останется то всё это потомкам, ничего с собой отсюда не заберёшь.

Девятого февраля пришли новости от друга Энрике и магистра Ордена Священного Препуция, герцога Рима и Мальты, кардинала Игнатия де Лойола, которые успешно добрались до Шанхая с двадцатитысячным корпусом короля Западной Германии и пятью тысячами орденских братьев-рыцарей.

В Шанхае для них уже приготовили речной флот, гребные суда, типа казацких чаек, или драккаров викингов — без палубы, но с крытым трюмом. Этот флот с гребцами и ещё пять тысяч бойцов — вклад в общее дело вице-императора, имперского наместника Азии и Японии-Ямато, Асикага Такаудзи, герцога Новой Гвинеи и Хоккайдо, графа Окинавы и Шанхая, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо.

Хватит тридцати тысяч для разгрома и ограбления Империи Мин? Должно хватить. Китайцы тоже закупали оружие, но закупали его через вторые-третьи руки, втридорога, а потому не очень много, хотя, для тридцати тысяч наверняка закупили, а может и больше, так что совсем лёгкой прогулкой эта кампания не станет, но и сомневаться в успехе причин нет. Невоенная нация — ханьцы. Били их всегда, все кому не лень: монголы, маньчжуры,

европейцы. Били гораздо меньшими силами, даже без технологического превосходства в вооружениях.

Военные, в китайском обществе, считаются людьми низшими, не способными ни на что хорошее, вроде бандитов и воров. Каста отверженных, в неё и набирают всякий сброд — тех, кого не жалко. Естественно, такая армия и воюет соответственно. Слабых грабит с удовольствием, а от сильных разбегается.

В Персии, шахзаде Махмуд взял Тебриз и Казвин и соединился своей армией с силами отца и дяди в Ясудже, в ста километрах северо-западнее Шираза. Осталось у османов меньше двухсот тысяч, больше сорока они уже потеряли убитыми и искалеченными, а взамен не получили почти ничего. Да, разграбили несколько городов, но разграбили только небогатое имущество жителей, которые не успели сбежать от войны. Богатые успели, в этом можно не сомневаться.

Шейх Ахмад аль-Казим, командующий персидской армией, накопил в Ширазе уже больше двухсот тысяч, но прогонять оккупантов не торопится. Сами сбегут, когда в Аравии начнётся наступление на Мекку. Вот отступающих и планирует бить в спину Ахмад аль-Казим, как Кутузов Наполеона.

Очень похожая ситуация. Наполеон превосходил Кутузова талантом тактика-полководца, он тоже взял и ограбил старую русскую столицу, но Кутузов оказался гораздо лучшим стратегом-политиком — перетерпел все упрёки, выждал, сколько нужно, и потом бил в спину отступающим французам. Не только французам, конечно, почти вся Европа тогда с Наполеоном в Россию приходила, но французы были главными, именно они всё это организовали.

Первого марта, Савелий добрался до Пуно, столицы одноимённого графства, первого владения Родриго Пике, теперь герцога Гавайев и Новой Зеландии, вице-императора и наместника Южной Инки. Графство Пуно, в которое вошло всё озеро Титикака с прибрежными поселениями, так и осталось единственным феодальным владением в континентальных Инках, чем Родриго Пике теперь очень гордится.

Гордится и вкладывает в графство большую часть своих средств. В Пуно у нас музей военно-морского флота, с главным и самым ценным экспонатом — трёхмачтовой шхуной «Юнона», первым кораблём флота Империи Инков, теперь святыней для каждого военного моряка. Сюда они приезжают, как христиане в Иерусалим, или мусульмане в Мекку. Вот и сейчас их здесь под сотню.

— Не понимал я тогда этого решения, божественный, совсем ведь новый корабль, можно было его разобрать и спустить хоть в Лиму, хоть в Маракайбо. Мало, что новый, он ведь тогда был одним из всего двух... А сейчас вижу, что моряки здесь сразу меняются, едва прикоснувшись к реликвии. Да и сам я из него постоянно черпаю силы.

— Вот и славно. Силы вам ещё понадобятся, Родриго. Полноценно заменить Эль Чолс не так просто. Южная Инка — наша Родина, колыбель нашей цивилизации, наша детская комната, она вся для нас реликвия. Развивающаяся реликвия, набирающая всё больше маны, так что работы вам предстоит много.

— Для меня это великая честь, божественный. Приложу все силы.

— Не сомневаюсь, друг мой. Где тут у вас радиостанция?

— Во флигеле, божественный.

Корпус Генриха д'Альбре, Асикага Такаудзи и Игнатия де Лойола уже разграбил Ханьян и Наньчан и продвигается к Сианю. Где именно они сейчас находятся — неизвестно,

полевых радиостанций у них нет. Добычу уже взяли огромную и не только деньгами. Орденские братья рыцари занимаются сбором культурного наследия ещё одной цивилизации, в первую очередь письменного наследия, хотя и прочими экспонатами не пренебрегают.

Кампания ведётся под флагом короля Западной Германии, а примкнувшие к нему Игнатий де Лойола и Асикага Такаудзи считаются наёмниками, что, по сути, верно. Так же когда-то Энрике помогали в Нижней Саксонии герцоги хунты. Империя Нового Света войну в Китае не ведёт. Нам не нужна слава победителей Мин, нам нужно доверительное сотрудничество с партнёрами в регионе. Континентальная Евразия — будущее владение Русской Империи, а нас интересуют только культурные и исторические ценности. Дружище Генрих это всё наверняка сжёт бы, как никчёмный мусор, так что приданные ему имперские наёмники занимаются исключительно благородным делом — спасением общечеловеческого наследия.

Персы начали своё наступление в Аравии. Продвигаются они вдоль берега Красного моря, при поддержке флотов Аютии и Тамиллов. Собственный персидский флот продолжает караулить османов в Басре. Аравийский корпус персов уже взял Джизан и довольно бодро продвигается к беззащитным Джедде и Мекке.

Поддержку флотов союзников, персы щедро оплачивают, поэтому язычники никого не грабят, честно платят мусульманам арабам даже за воду. Никого не грабят и персы, в Джизане пострадали только османский наместник-бей и подчинённый ему гарнизон. Всё это арабы очень ценят, поэтому продвигаются персы на север в условиях полной поддержки местным населением. Для них, что османы, что персы — чужаки-оккупанты, что называется — оба хуже, но вторые всё-таки немножко получше. Они и платят, и торговля при них возобновится.

На спасение Мекки, Сулейман отправил шестидесятитысячный корпус шахзаде Махмуда, оставил шестидесятитысячный корпус Увейс-паши в Эсфахане, а сам отошёл к Изе, на сто двадцать километров западнее, поближе к своей границе. Разделил силы, в надежде выманить персов из Шираза, отбивать у Увейс-паши Эсфахан, но Ахмад аль-Казим и на эту приманку не купился. Уже побежал Махмуд, скоро побегут и остальные, вот тогда и настанет час расплаты. А Махмуду к Мекке уже не успеть. Теперь ему придётся отбивать город у превосходящих сил, приготовившихся к обороне. Такие дела...

— Привет, шаман!

В Тиуанако, Савелий пришёл девятнадцатого марта 1540 года. Именно пришёл. Пешком и в полном одиночестве. Свиту, охрану и лошадей, он оставил в Гуаки, небольшом посёлке на берегу озера, в пятнадцати километрах западнее Тиуанако. Шаман велел приходить одному, или с теми, кого не жалко. В свите и охране таких не оказалось. Терять было жалко всех, даже лошадей. Вдруг и лошадь этого не переживёт?

— Привет, Русо. Как там у вас дела?

— Дела идут, Эль Чоло. Дорогу Маракайбо — Лима запустим в июне, после этого начнём строить от Медельина до Мехико и дальше на север. В ноябре умер герцог Хуан Понсе де Леон. Тяжёлый инсульт. Его сыновья унаследовали Пуэрто-Рико и Галисию, а дворцы в Тауантинсуйу и Маракайбо я у них выкупил. Тоже ленивые дураки, как и сыновья дона Франсиско. Не везёт нашим герцогам с наследниками.

— Везение здесь не при чём, Русо. Наследников нужно воспитывать, само по себе ничего хорошего не вырастет. Остальные живы-здоровы?

— Пока живы-здоровы, тьфу-тьфу-тьфу. Энрике воюет в Китае, вроде успешно.

— Чего его вдруг в Китай понесло?

— От скуки, шаман. Ближе противников ему не нашлось. Османы воюют с персами, не сказать, что побеждают, скорее наоборот. Север пограбили, но взяли мало, а персы уже к Мекке подошли. Должны взять, пока мы с тобой здесь аяуаской вштыриваемся. Супруга Энрике, Маргарита Валуа похоронила останки брата, его сыновей и дочерей в аббатстве Сен-Дени, там теперь наша орденская радиостанция. Сен-Жермен-де-Пре полностью разрушен, как и весь Париж. Я фотографии смотрел — апокалипсис наяву. Был город, и нет его. Сулейман на этом месте селиться запретил.

— Правильно сделал, что запретил. Туда ему и дорога, Парижу этому. Магриб-то заняли?

— Заняли. В декабре Паскуаль доложил. Мы с Иваном-царевичем заложили автомобильный и авиационный заводы. Вроде всё.

— Серебро-то получилось обвалить?

— Конечно. Наши «чальки» теперь, как там доллары, если не круче... Ты уверен, что не переживёшь этого общения с духами, шаман?

— Уверен, Русо. Я уже видел, куда уйду. Куда мы с тобой уйдём, только ты позже.

— И куда?

— Сам увидишь, не спеши. Я многое не смог сам рассмотреть, нужен взгляд твоего уака. Похоже, там мы с тобой не вдвоём такими будем.

— Если я отсюда позже уйду, то и туда приду позже?

— Нет, Русо. Время — это не линейная величина, мог бы уже это понять, ведь в мире твоего уака оно течёт гораздо медленнее. В эфире-сингулярности времени вообще нет. Эфир — это изначальное состояние, состояние полной гармонии, а мы переходим в другие миры именно через эфир. Так что все мы появимся в новой реальности одновременно, в момент её создания из эфира. Сложно всё это объяснить. В общем, на появление там, время ухода отсюда не повлияет. Зато ты успеешь здесь подготовиться. Это нам очень сильно пригодится, ведь уака у тебя в том мире уже не будет, так что постарайся.

— Не сомневайся, мне это и самому нужно, так что лениться не буду. Давай начинать?

— Не спеши. Начнём завтра, на закате. После, ты за сутки оклемаешься, так что всё это ненадолго. А пока пойдём, покажу тебе свою могилу. В ней меня похоронишь. И себя потом вели похоронить рядом.

Начали проникновение в эфир-сингулярность на закате, двадцатого марта 1540 года. Ровно через двадцать лет, после ритуала, забросившего их в эту реальность. Аяуаски шаман приготовил целое ведро, всё ведро и употребили.

— Входи в дзен, Русо, пусти своего уака посмотреть.

— Вижу нас, шаман. Средневековье, судя по нашему вооружению. Где мы — непонятно, кто мы — тоже. Город какой-то горит. Опять мы несём в мир своё добро оружием и огнём.

— Получи информацию из той своей головы.

— Как это сделать?

— Попробуй подвигаться в том теле, должно всё заработать. Только аккуратно, плавно, не вывались из дзена, а то обратно уже не вернёшься. Вернуться тебе нужно, чтобы подготовиться. Очень нужно, будь осторожен.

Савелий плавно отклонил голову в остроконечном шлеме чуть назад и посмотрел в небо. Ощутил тяжесть кольчуги и воинского пояса, жар от горящего города.

— Это Итиль. Столица Хазарского каганата. Мы теперь оба русы, шаман. Я князе Святослав Игоревич. Ты мой воевода Икмор. Зря город сожгли, отморозки буйные. Он бы нам пригодился — низовья Волги...

— Что есть, то есть, назад уже не отыграешь, мы начинаем с этого момента. Других таких-же видишь?

— Нет. Ты уверен, что они есть?

— Уверен, я их чувствую, пока в эфире нахожусь.

— Сколько их?

— Двое. Или трое. Точнее сказать не могу. Я чувствую только возмущения эфира от их переноса.

— Разберёмся на месте. Мне выходить?

— Если уже понял, к чему готовиться, то выходи.

— Память Святослава теперь у меня, подумаю после, не спеша. Кому твой дворец в Тауантинсуйу отдать? Клаудии, или Лауре?

— Не думай сейчас о чепухе, Русо. Сам решишь. Уходи.

— До встречи, шаман.

В себя Савелий пришёл к закату двадцать первого марта. Точнее, вернулся в себя из эфира. С трудом вернулся, затягивало его в тот мир, как в водоворот, пришлось сильно постараться, чтобы вынырнуть на поверхность. Вроде не физическая нагрузка, а вымотала до предела. Сил шевелиться не было.

«Вставай, не спи», — послышалась в голове команда уака, — «Ты только что вынырнул, а нужно ещё отплыть, а то во сне затянет обратно. Похорони шамана».

В Гуаки Савелий вернулся буквально ползком, чем изрядно напугал свою свиту и охрану. Успокоил переполошившихся и заснул на шестьдесят часов. Нелегко путешествовать в другие миры через эфир. Точнее, возвращаться из них нелегко. Слишком тяжёлый груз — ещё одна память и ещё один ментальный... что ментальный... фильтр восприятия что ли? Нет такому научного определения, пусть будет ещё один фильтр, ещё один характер. Святослав Игоревич стал неотъемлемой частью Савелия. Это его волей удалось подняться,

похоронить шамана и отползти в Гуаки. Это именно ему очень хочется собрать побольше знаний до возвращения.

В Пуно вернулись первого апреля.

— Что с вами, божественный Сын Солнца? — Родриго Пике выглядел не на шутку обеспокоенным. Значит, внутренние изменения сказались и на внешности. Так... В зеркале вроде ничего не изменилось.

— Эль Чоло умер, Родриго.

— Царство Небесное! Великий был человек.

— Ещё какой великий, — согласился Савелий, — вечером помянем. Сначала я телеграммы разберу.

Ого. Османы отступили из Персии. Вернее, Сулейман уже отступил в Басру, а Увейс-паша отходит в Багдад через Боруджерд и Керманшах. Персидский командующий, шейх Ахмад аль-Казим, со стотысячной армией, спешит перехватить его в Харунабаде* (*Исламабаде-Герб), на развилке двух дорог, ведущих к Багдаду — через Баакубу и Эль-Кут. Очень спешит и, судя по переговорам персов, успевает на этот перехват. Нелегко придётся Увейс-паше, сил у него почти вдвое меньше. Ещё сто тысяч персов выдвинулись из Шираза в Хорремшехр, на границу Месопотамии.

Если Сулейман отправит часть своих войск на выручку брата, Басра почти наверняка падёт. Османов и так меньше, а в городе очень неспокойно. Недовольны османами не только шииты, но и местные арабы-сунниты. Великий визирь Персидской Империи, Див султан Румлу очень умело работает с местным населением, этого не отнять.

Мекку персы уже взяли, взяли и Джедду. Джедду они захватили с суши и получили трофеями шесть сто пятидесяти двухмиллиметровых гаубиц-пушек, защищавших порт. Захватили оба города при активной поддержке местного населения, которое теперь охотно вступает в ополчение и готовится совместно с персами отбивать нападение корпуса шахзаде Махмуда, что у них скорее всего получится. Силы с обеих сторон примерно равны, но у обороняющихся подготовленные укрепления, плюс шесть пушек-гаубиц. Плюс, в Джедде флот союзников со своими пушками. Плюс, у персов бесперебойное снабжение по морю, а у Махмуда в тылу вот-вот начнётся восстание. Османы проявили слабость, а слабых на востоке бьют. Слабость — это порок, за слабость там наказывают.

Генрих д'Альбре взял Кайфын, нашёл в городе лоцманов по фарватерам Хуанхэ и решил перевести весь флот из Янцзы в Хуанхэ, в Кайфын. Чтоб, значит, добычу далеко не таскать, толково. Сам король Западной Германии остался в городе, руководит разграблением провинции, а Асикага Такаудзи, в этой кампании исполняющий должность адмирала, на «Кёльне» уже подходит к Шанхаю. Сдерживают его гребные посудины, и пока не понятно, как они перенесут переход по морю, но судя по телеграфным докладам японского родственника, настроение у них у всех там очень бодрое.

Добычу они уже взяли огромную, людей почти не потеряли, теперь задумываются — стоит ли вообще из Китая уходить и оставлять его всяким жалким Чосонам, Дайвьетам и Арканам. Ладно, этот хитрый ход мы ещё обсудим с самим Генрихом, когда «Кёльн» и «Священный Препуций» доберутся до Кайфына.

На торжественный запуск движения по первой трансокеанской железной дороге Лима — Маракайбо, Савелий и Родриго Пике прибыли в Лиму семнадцатого мая 1540 года.

Османы, к этому моменту, потерпели два поражения — шахзаде Махмуд с большими потерями, отступил от Мекки в Медину, где теперь укрепляется сам и собирает

подкрепления откуда только возможно, ослабляя гарнизоны в Египте, Палестине и Леванте; корпус Увейс-паши так и не получил поддержки от Сулеймана и был полностью разгромлен почти вдвое превосходящими силами шейха Ахмада аль-Казима. Погиб ли сам великий визирь и хороший приятель Савелия — пока неизвестно, но его корпус прекратил своё существование, если кто-то и спасся, то только считанные единицы любимчиков удачи.

Сам султан охраняет Басру. В Басре флот, пятнадцать «винджаммеров» поколения четыре плюс, которые будут уничтожены, или того хуже, захвачены персами, если город не удастся удержать. Флот, стоимостью больше миллиона французских ливров серебра. Тех ливров, когда серебро ещё ценилось, а сейчас о цене и подумать страшно. Сулеймана понять можно, миллиона не стоит вся Месопотамия, не говоря уже про корпус Увейс-паши, только как бы жадность фраера не сгубила.

Персы продолжают увеличивать численность своей армии, денег им хватает, как и людей. Армия Ахмада аль-Казима уже втрое больше, чем у Сулеймана в Басре, а сидя на месте, султан рискует потерять всё. Вообще всё, не только флот, но и собственную голову. Ему бы послать морячков на прорыв, с приказом — победить, или умереть, а самому отступить к Багдаду, где больше возможности для манёвра, набора пополнения в армию, да и подкрепления из Европы и Анатолии там встречать сподручнее, до Басры то они теперь вряд ли доберутся, если Багдад займут персы, но Сулейман сидит на месте и чего-то ждёт. Чуда? Помощи Аллаха? Вряд ли дождётся.

Шейх Ахмад аль-Казим, похоже, отлично понимает, что он, как полководец, уступает османскому султану, уступает значительно, и в этом понимании его главная сила. Он не рискует даже тогда, когда риск минимален, бьёт только наверняка, в стопроцентной уверенности в успехе. И Басру он осадит только тогда, когда накопит четырёхкратный перевес в силах, и это будет конец. Сулейману придётся погибать, или подписывать в плену безоговорочную капитуляцию. Может и оговорочную, но с колоссальными уступками. Оставят ему Анатолию и европейские владения, в лучшем случае.

Друг Энрике дождался свой флот и поднялся к слиянию Хуанхэ и Вэйхэ, откуда до Сианя уже лаптем добросить можно. Китайцы собирают миллионную армию, но Генриха это только забавляет. Пусть собирают, наберём пленных-рабов. Рабство пленных в Китае очень даже практикуется, а он решил стать китайским императором. Понравилась ему Азия, богатое место и народ трудолюбивый. Такой народ запросто построит железную дорогу от Сианя до Кёльна, если им мудро руководить. В собственной мудрости, друг Энрике ничуть не сомневается. Особенно, если его в проведении мудрых решений поддержит друг Интико. Всяких чосонцев, дайвьетцев и арканцев он намерен прогнать из своих земель. Уже из своих, ага. Сиань ещё не взял, а Империю уже считает своей. Как он её планирует назвать, интересно? В Китае принято по роду правителя. Империя д'Альбре?

А что, звучит красиво. Савелий пообещал организовать переброску в Китай двадцати тысяч французских дворян, слоняющихся сейчас без дела по европейским владениям Империи. А может и больше, в Западной Германии этих лишенцев тоже навалом. Работать они не могут, работать для них западно высшей пробы, вот и пусть едут. Каждый может принести пользу, только будучи употреблённым на своём месте. Отбросов нет, есть кадры для различных задач.

Двадцать девятого мая, пришла телеграмма от сэра Томаса Мора, лорда-канцлера королевства Британия, герцога Саффолк, Глазго и Осло, графа Нортумберленд и Пуату. Старший, после смерти Эль Чоло, зять Савелия, убедительно просит прибыть в Лондон, на

открытие монумента «Спасителю Британии», который уже достроен и стоит задрапированным. Драпировку быстро треплет ветром и её приходится постоянно обновлять, что вводит британскую королевскую казну в непредусмотренные расходы.

Монумент «Спасителю Британии», то есть самому Савелию, построили довольно внушительный, сорок пять метров в высоту, без постамента, почти как «Статуя Свободы» из той исторической реальности. Построили из армированного бетона, а потому это сооружение посмотреть действительно интересно. И не только самому посмотреть интересно, но и полезно показать графам-творцам-педикам. Пусть подумают, как это можно превзойти и по высоте, и по художественной ценности. Свой монумент Эль Чоло точно заслужил. Даже шести монументов, в портах: Челябинска, Маракайбо, Монтевидео, Лимы Лос-Анжелеса и Сан-Франциско. Шести, по количеству творцов, пусть соревнуются, у кого из них получится лучше.

Железную дорогу Лима — Маракайбо, торжественно приняли в эксплуатацию первого июня 1540 года. Первым же поездом, отправившимся в сквозной, беспересадочный трансокеанский рейс, стал поезд императора, компанию которому составили вице-императоры Родриго Пике и Жоржи ди Менезиш.

Удобно, чёрт побери. Всего двое суток чистого времени, и ты уже в Маракайбо, вместо двух недель довольно утомительной лошадиной гонки на рысях, или четырёх в повозке. Да и удовольствие несравнимое. Савелий очень любил поезда в той жизни, их специфическую атмосферу, смену пейзажей за окном, покачивание, поскрипывание, лязг автосцепок при наборе скорости, или торможении, и ни с чем не сравнимый «тудух-тудух» колёсных пар на стыках рельсов, который убаюкивает в любое время, стоит только закрыть глаза.

На полдня останавливались в Медельине, торжественно открыли строительство дороги в Мехико, отвезли по символической тачке земли на символическую насыпь.

В Медельине получили подтверждение гибели Увейс-паши, персы передали его тело османам, для достойного погребения. Какие-же всё-таки они молодцы. И император Тахмасп, и великий визирь Див султан Румлу, и главнокомандующий, шейх Ахмад аль-Казим. Даже во время войны остаются людьми. А это ведь видят все, не только Савелий. Это видят арабы, берберы, сирийцы, курды и киликийцы; египтяне, палестинцы, левантыйцы и аравийцы; все вассалы-попутчики османов. Временные попутчики, это уже очевидно.

Восстание на Ближнем Востоке и Аравии уже вспыхнуло и потихоньку разгорается. Тылы искрятся и дымятся и у шахзаде Махмуда в Медине, и у самого Сулеймана Великолепного, продолжающего высидывать непонятно что в Басре. Надо же, ведь умнейший человек, полководец так просто гениальный, а политиком оказался никчёмным. Радиостанция Басры непрерывно передаёт в эфир совершенно невыполнимые приказы и страшные угрозы за их невыполнение. Похоже, сломала брата Сулеймана неудача в Персии. Повредился умом, как до него Франциск Валуа.

Слегка повредился, совсем с ума не сошёл, но чувство реальности он уже точно утратил. Отозвал половину гарнизонов из Европы. Это при том, что его власть там, в Европе держится только на штыках, особенно после введения налогов на немусульман. И раньше там спокойно не было, а сейчас градус вплотную приблизился к точке закипания. В такой момент отзывать половину войск? Решение явно неадекватное. Тем более, что они уже точно не успеют ни к Басре, ни к Медине.

Семнадцатого июня 1540 года, персидская армия, под командование шейха Ахмада аль-Казима, вошла в Багдад. Именно вошла, восставший город распахнул свои средневековые ворота и восторженно приветствовал справедливую и угодную Аллаху власть Персидской Империи. Персидский контингент в Кувейте увеличился до восьмидесяти тысяч. В Басру, к Сулейману, перестали подходить даже немногочисленные отряды подкреплений, а он всё рассылал угрозы нерадивым исполнителям своей воли. С каждым днём всё более страшные и всё более невыполнимые угрозы.

Второго июля, персы начали артиллерийский обстрел Басры. Не массивный обстрел и не прицельный, а беспокоящий, по квадратам — на кого Аллах пошлёт, но методичный. «Тудух-тудух», как колёсные пары вагонов по рельсовым стыкам.

Двенадцатого июля, шахзаде Махмуд оставил отлично укреплённые позиции в Медине и повёл свой корпус на прорыв к Басре, спасти отца. Это уже агония. Сниматься со своих отличных позиций и идти на прорыв через отличные вражеские позиции при плюс сорока пяти в тени...

Второго июля, Савелий на «Посейдоне» отплыл из Маракайбо в Лондон, на открытие монумента «Спасителю Британии». Двадцать третьего июля, в Челябинске, на борту императорской яхты поднялись главный вице-император Нууно Вимка и шесть графов-творцов: Бенвенуто Челлини, Микеланджело Буонарроти, Рафаэль Санти, Сандро Батичелли, Тициан Вечеллио и Альбрехт Дюрер. В почтенном возрасте (шестьдесят пять), только Микеланджело, остальные по монументу Эль Чоло построить точно успеют. Да и Микеланджело помирать пока не планирует, как минимум проект сделает, а достроят уже его ученики, в случае чего.

В середине августа, после сбора крестьянами урожая, вскипела вся османская Европа. Немногочисленные гарнизоны османов заперлись в городах, а недавних переселенцев-мусульман, повстанцы-христиане начали вырезать на всей территории — от Окситании до Греции.

Семнадцатого августа, корпус шахзаде Махмуда был разбит под Эль-Кувейтом, старший сын и наследник султана героически погиб в бою.

Ещё живой Сулейман Великолепный сидел под обстрелами в осаждённой Басре, а в Стамбуле-Константинополе уже сцепились в борьбе за власть его младшие наследники, общим числом более двух десятков. И законные наследники, от законных жён, и признанные сыновья любимых наложниц. Никто больше не слушался приказов из Басры.

Великого, даже величайшего султана османов, своим гением равного Александру Македонскому и Гаю Юлию Цезарю, его наследники уже похоронили. Похоронили заживо. Все, идущие к Басре отряды, перехватывались различными враждующими группировками в Стамбуле, и пополняли их силы в начинающейся гражданской династической войне, в пока

ещё живой Османской Империи.

Монумент «Спасителю Британии» в Лондоне торжественно открыли двадцать девятого августа. В самом центре города, на том же месте, где в той исторической реальности находилась Трафальгарская площадь. Здесь это площадь «Спасителя Британии», как и монумент. Компания собралась представительная, кроме Савелия и Нууно Вимка, в Лондон прибыли царь Василий Третий и королева Мария Первая, вице-императоры Паскуаль де Андагойя и Авдей Шишка, русский канцлер князь Василий Фёдорович Бельский и под сотню вельмож рангом пониже, в том числе все герцоги и графы из имперских владений в Европе и Африке.

Монумент, кстати, Савелию понравился, отличие от графов-творцов, но они по природе своей не способны благожелательно принимать чужие творения, так что это нормально. Портретное сходство с тем, шестнадцатилетним императором Интико, у монумента имеется, а разве не это главное для памятника?

Во время празднований в Лондоне, получили очень интересные новости с театра осmano-персидской войны.

Сулейман Великолепный сумасшедшим только притворялся. Он уже понял, что персы получают подробную информацию из самых верхов власти Османской Империи, а потому главную операцию, ради которой сидел в Басре, готовил в полной тайне.

Персидский флот раньше времени поверил в победу расслабился. Трудно не расслабиться, когда целый год не происходит никаких событий. Выход из Басры, главный фарватер Шатт-эль-Араб, первые полгода сторожил превосходящими силами почти весь флот персов, в полной боевой готовности, но ничего не происходило, и бдительность персидских моряков постепенно начала утрачиваться. Всё больше кораблей адмиралы отводили в Эль-Кувейт и Бушир для обслуживания и отдыха экипажей, и вот, к началу сентября 1540 года, их осталось у выхода из реки всего восемь из двадцати одного, и Сулейман пошёл на прорыв, лично возглавив свой флот.

Первого сентября, османская армия атаковала позиции персов на дороге к Эль-Амаре, а уже в сумерках из Басры вышел весь османский флот восточных морей. Все пятнадцать «винджаммеров» поколения четыре плюс пошли на одних винтах, ориентируясь на огни расставленные в нужных точках торговые и рыбацкие суда с фонарями, как на маяки.

На выходе из Шатт-эль-Араб, османы смяли чахлый персидский заслон, утопили на проходе три персидских корабля второго поколения, подняли все паруса и за ночь оторвались от преследования. Перехватить их теперь некому. В Красном море восемь «винджаммеров» Империи Тамилон и королевства Аютия, но, во-первых, их там вдвое меньше, чем османов, а во-вторых, они довольно глубоко базируются — в Джедде.

Кроме флота, прорвалась и часть османской армии, причём довольно значительная часть, тысяч сорок пробиты линию осады и теперь идут к Багдаду. Басру просто бросили. Расслабились персы, расслабил их Сулейман, перехитрил, переиграл. Все жертвы он сделал не зря, главное ему спасти удалось. Капитуляции не будет, война продолжается. Ситуация у османов сложная, но далеко не безнадежная. С новостью о победе гениального султана в морском сражении у Шатт-эль-Араб, вернётся к ним и вера в общую победу.

— Красиво, — оценил новость Василий Третий Иванович Рюрикович, — а персы уже поди победу праздновали.

— Наверняка, — согласился Савелий, — да и в Стамбуле уже за трон биться начали. Молодец Сулейман. А я-то, признаться честно, уже думал, что он с ума сошёл после

неудачной кампании в Персии.

— Куда он теперь, интересно, направится? Вокруг Африки, в Средиземное море?

— Сомневаюсь. Флот ему нужен именно в восточных морях. Причём весь флот. И тот, что сейчас европейский, тоже нужен на востоке. Скоро узнаем.

Семнадцатого сентября, королевство Аютия захватило последний из малайзийских, мусульманских-суннитских султанатов в Малакке, и по праву стало именоваться Империей, с чем императора Чаирачатирата Первого и поздравил Савелий тёплой, душевной телеграммой. Добро пожаловать в нашу братскую семью императоров, дорогой Чаирачатирата, и всякое такое пафосно-патетическое.

Вести от Сулеймана, Савелий получил шестого октября, уже возвращаясь из Лондона домой, в Тауантинсуу.

Брат-султан повстречал неподалёку от Мадагаскара имперский крейсер «Авось» и с его борта вышел на связь. Вести флот восточных морей в Европу, Сулейман, как и ожидалось, не собирался. Он попросил разрешение на его стоянку в Мапуту, или Махадзанге, до прибытия подкрепления из Средиземного моря, и получил такое разрешение, без всяких условий, или встречных просьб. Кроме того, Савелий распорядился доставить брата Сулеймана в Стамбул-Константинополь на «Авосе», что получится раза в два быстрее, и предоставлять ему корабельную радиостанцию, когда это потребуется.

Первой, султан отправил шифровку адмиралу Пири-реису — «По готовности, немедленно выходить в Мапуту, где принять командование всем флотом Османской Империи и ждать распоряжений». Пири-реис уже не молод, ему уже семьдесят, но до сих пор в отличной форме. В той исторической реальности, он дожил до восьмидесяти четырёх, да и то умер не своей смертью, а был казнён, за отказ поддержать османского вали Басры, в войне против португальцев, то есть ещё во всю служил. Бывает же такое...

Вторая шифровка ушла в Стамбул, бейлербею Паргалы Ибрагим-паше, которого Сулейман назначил великим визирем, вместо совсем недолго занимающего этот пост Хаина Ахмед-паши, утратившего доверие султана. Новому великому визирю предписывалось арестовать всех мерзавцев, которые препятствовали переброске подкреплений из Европы, в том числе и двенадцать взрослых сыновей самого Сулеймана, вместе с их матерями. Арестовать и заковать в цепи до суда, а если окажут сопротивление — убить. Круто!

Третья шифровка отправилась в Сингапур, послу Ибрагиму-хадже. От посла требовалось заключить мир с империями Тамилы и Аютия. Задача эта вполне выполнимая — ситуация резко изменилась к худшему по вине персов, которые клятвенно обещали не выпустить османский флот из Басры. Выпустили и подставили под удар своих союзников в Красном море. В этот раз пронесло, но доверие уже исчезло. К тому-же, всем теперь очевидно, что османский флот вернётся в восточные моря уже объединённым.

Дальше пошли телеграммы бейлербеям и военным начальникам в Каир, Дамаск, Эрбиль, Марсель, Тулузу, Лион, Бранденбург, Лейпциг, Регенсбург, Цюрих, Вену, Буду, Братиславу, Белград, Милан, Неаполь и так далее. Чёткие распоряжение — кого, когда, куда и сколько. Чёткие и хорошо продуманные приказы. Поторопилась османская Европа с восстанием, ой поторопилась...

Одиннадцатого октября 1540 года, друг Энрике захватил Сиань. Нежно захватил, ласково. Не штурмом, а осадой и принуждением к сдаче города целым, отбив за три месяца шестнадцать попыток деблокады столицы Империи Мин. Генрих так и не приказал обстреливать город из гаубиц, берёг, свой ведь теперь.

Император Цзяцзин и все его придворные приняли яд. Военные сразу после этого сложили оружие и открыли ворота. Беспорядков с пожарами не случилось, Сиань достался новому китайскому императору Генриху Первому, основателю новой правящей династии д'Альбре, целёхоньким, со всеми имперскими архивами и казной.

Сообщение об этом великом событии в жизни друга Энрике, теперь тоже императора, «Кёльн» передал двадцать первого октября, когда Савелий уже прибыл в свою столицу. Двадцать второго, посол императора Генриха Первого д'Альбре в Сингапуре, шевалье Себастьян де Куатон, в ультимативной форме потребовал от послов Империй Дайвьет, Чосон и Аркан немедленно прекратить боевые действия на территории Империи д'Альбре (бывшей Мин) и вывести все свои войска в кратчайший срок. Все войска, то есть покинуть уже захваченные Пекин, Цзинань, Нанкин, Ханчжоу, Цзяньнин, Юньнань и Гуанчжоу.

Генриху нужны люди, радиостанции, вооружения и боеприпасы. Срочно нужны, не считаясь с издержками за срочность, денег у него теперь навалом.

Савелий поздравил друга с выдающейся победой, новым владением и титулом и пообещал организовать всё, что возможно. Радиостанции, вооружения и боеприпасы сразу, а людей ещё нужно собирать. Тридцати тысяч французских дворян на весь Китай будет явно маловато, особенно, если Энрике начнёт воевать с кем-нибудь из соседей. А он вполне может начать войны и со всеми сразу, с него станется.

Двадцать девятого октября 1540 года, бейлербей Сирии, зять Сулеймана Великолепного, Дамат Челеби Лютфи-паша, с шестидесятитысячной армией, собранной из остатков корпусов самого султана, его сына, шахзаде Махмуда и брата, Увейс-паши, а также успевших подойти подкреплений из Европы и Египта, разбил девяностотысячную армию персов, наступающую на Дамаск от Багдада. Еще одна девяностотысячная персидская армия продвигалась в это время к Эрбилю, где собирал войска бейлербей Анатолии, Дамат Рустем-паша. Быстро собирал, Сулейман предоставил ему чрезвычайные полномочия. Опытные и заслуженные военачальники, не раз отличившиеся в Европе и перешедшие на службу чиновниками-наместниками провинций, снова вернулись к командованию войсками, и это уже начало приносить результаты.

У персов же наоборот, совершенно незаслуженно попал в опалу мудрый и осторожный шейх Ахмад аль-Казим, которого обвинили в допущении прорыва корпуса османов из Басры, хотя в это время командующий находился в Бендер-Аббасе, вызванный самим же императором Тахмаспом Первым. Трудно понять логику этого шага. Армия в Басре вела осаду, её задачей было взятие города, успешно выполненное, кстати, задание, а не пресечение прорывов. Да и невозможно было, скорее всего, пресечь прорыв шестидесятитысячного корпуса ста пятьюдесятью тысячами.

Но имеем то, что имеем. Шейх Ахмад аль-Казим от командования армией отставлен, и персы начали переоценивать свои силы, ударив сразу в двух направлениях. Одна их армия уже разбита, а Дамат Челеби Лютфи-паша спешит к Эрбилю. Третья персидская армия рассредоточена между Багдадом и Басрой и к Эрбилю точно не успеет, как и шестидесятитысячный армейский корпус из Медины. А ведь победа была так близка...

Двадцать второго декабря 1540 года, в Стамбул-Константинополь вернулся хозяин, Сулейман Великолепный. Обстановка на фронтах к этому времени уже стабилизировалась. Персы с полдороги к Эрбилю вернулись в Багдад, и, скорее всего, поступили правильно. Восстания в Сирии и Палестине угасли сами собой, так и не полыхнув по-настоящему, а в Европе порядок наводили ногаи, черкесы и крымчаки, из которых османы сделали некое

подобие казаков Российской Империи из другой исторической реальности.

Двадцать восьмого декабря, в Стамбуле казнили сразу четыре с лишним тысячи человек, в том числе двенадцать сыновей Сулеймана, двенадцать их матерей (жён и наложниц), полторы тысячи придворных и высокопоставленных чиновников и под три тысячи прочих паникёров, саботажников, мародёров и прочих мерзавцев, которые сильно поторопились похоронить своего гениального султана. Четыре с лишним тысячи человек, далеко не самых бедных, разом лишили жизни и имущества. Деньги на вооружения и боеприпасы для новых армий, у брата-султана появились в достаточном количестве. А ещё у него появился новый опыт, шейх Ахмад аль-Казим научил Сулеймана очень многому. Настоящая война начинается только теперь.

Это поняли и персы. Поняли и испугались. Флот османов вот-вот объединится, объединится под командованием выдающегося адмирала Пири-реиса, флот более многочисленный, чем собственно персидский (двадцать два корабля против восемнадцати), с большим боевым опытом и лучшей мотивацией. На морской торговле можно будет поставить крест. Как себя в этом случае поведут арабы на Аравийском полуострове, гадать не нужно. Слабость на Востоке — это порок. За слабость там бьют.

Персидские послы в Сингапуре и Гранаде попытались начать мирные переговоры, но получили категорический отказ, даже не успев озвучить своих условий.

Зато мир с османами уже заключили Империи Тамилы и Аютя. Белый мир, без контрибуций и репараций. И где теперь гарантия, что те-же тамилы не войдут в союз с османами?

Седьмого января 1541 года, Персидскую Империю постигло ещё одно бедствие, оценить которое в моменте мог только Савелий, понимающий истинное значение личности Див султана Румлу, в становлении и развитии Империи. Великий визирь и воспитатель императора Тахмаспа Первого скончался на шестьдесят девятом году жизни. Его потерю, по значимости, можно сравнить только с прорывом Сулеймана с флотом из Басры.

Персы пока оккупируют большую часть Месопотамии с Басрой и Багдадом, всю Аравию, с Меккой и Мединой, но к османам уже вернулся Сулейман Великолепный, а от них навсегда ушёл великий Див султан Румлу, истинный создатель Персидской Империи в её нынешнем виде.

Двадцать первого января 1541 года, в Сингапур прибыли пять «виндjamмеров» поколения четыре плюс, исполнения класса люкс. Пять плавучих дворцов, пять яхт родственников и вице-императоров: «Князь Святослав Игоревич» (бывший «Перун») Василия Третьего и Марии Первой, «Британия» (бывший «Шива») сэра Томаса Мора «Чакта» (бывший «Марс») Родриго Пике, «Ямато» (бывший «Арес») Асикага Такаудзи и «Гор» Нууно Вимка. Последние пять парусных кораблей Империи Инков, больше не будет.

Яхты выставили у набережной посольского квартала, как раз напротив дворцов-посольств главных интересантов. Выставили и объявили, что торги начнутся через два месяца, а пока можно все корабли осмотреть и выбрать себе подходящий.

Седьмого февраля, в Тауантинсууу прибыли тесть и теща, Василий Иванович с Марией Генриховной. Они уже успели традиционно отпраздновать в Маракайбо Рождество, Новый год и Крещение, а также навестить своего наследника в Лиме. Впечатлений от железных дорог привезли целый вагон. Ещё бы, их ведь катали литерным, двое суток от Маракайбо до Лимы и двое обратно.

Ну, и от своего наследника, цесаревича и принца Уэльского, Ивана Васильевича Рюриковича-Тюдор, они, естественно, в полном восторге. Ивану в июле исполнится шестнадцать, рослый, уже выше метра восьмидесяти, крепкий, спортивный и образованный лучше всех в этом мире, если вынести за скобки самого Савелия, который переписывал из интернета все учебники и тоже многое запомнил.

— На следующий год Софью привезём. Не возражаешь? — поинтересовалась Мария Первая.

— С чего бы мне возражать против приезда будущей супруги? — удивился Савелий.

— Некоторые считают, что до свадьбы супругам нужно видеться как можно меньше. Примета плохая. Семейного счастья не будет.

— Чуть. Глупое суеверие. Привозите обязательно, а то и оставьте её здесь до свадьбы.

— Это уже точно будет слишком, — усмехнулся Василий Третий, — до свадьбы, девка должна жить с родителями, такой обычай. Родители ведут дочь под венец. Обычаи нарушать нельзя.

— И вы оставайтесь.

— Говорили мы уже про это, Интико. Русь нельзя без пригляда оставлять, это не Империя и даже не Британия, где все по закону живут. У нас по закону без пригляда жить никто не будет.

— Много ты там приглядываешь, из Царьграда? Русь уже за Урал вышла.

— Не обязательно смотреть за ногами. За головой я приглядываю, в этом не сомневайся. Ничего, недолго нам осталось это тягло тащить. Через три года Иван в возраст войдёт, тогда и отдохнём. Слушай, а правду он говорит, что скоро летать начнёт учиться, или дурачит нас, старых?

— Правду, Василий Иванович. Летом начнёт учиться. В следующий приезд, уже вас по небу прокатит, если не испугаетесь.

— Если Иван будет летать, то и я не заробею. Ладно, давайте к делу. Говори, государыня.

— Дело у нас следующее, Интико. Деньги твои у нас дорожают постоянно. И на Руси, и

в Британии. Никто не хочет монетой брать, особенно если сумма большая. Серебро хоть и перестало быстро дешеветь, но люди его всё равно избегают, напуганы уже. Требуют твои «чальки», а где их на всех набраться? Мы с Иваном это обсуждали... Ты ведь его на экономиста выучил... Так вот, Иван говорит, что нужно нам в твой банк долей войти, чтобы эти «чальки» и нашими стали, чтобы хватало их на всё, вместо монет. И зять твой, лорд-канцлер мой, сэр Томас Мор, также считает.

— А свой собственный банк вы основать не хотите? Мой, он ведь и есть мой. Даже если я вас в долю приму, мой голос останется главным.

— Не хотим, — отрезал Василий Третий, — Иван говорит, что всё равно твои деньги мерилком останутся, именно их будут людишки копить. А главным мы тебя признаём, нет в этом нашего умаления. Не чужой ведь ты нам, отцом наших внуков будешь. Наши ведь внуки тебе наследуют.

— Если вы согласны, что со временем мы в долю примем всех, кто бы не пожелал в неё войти, то быть посему. Всех — значит всех. И Генриха, и османов с персами, и язычников азиатских. Деньги должны быть общими. Они не ценность сами по себе, они функция, способствующая развитию экономики.

— Мудрёно это всё слишком... функции, экономики... Но общие для всех деньги — это и правда будет очень удобно, жиды-менялы по миру пойдут, а ведь какие капиталы они зарабатывали... Теперь эти капиталы нашими будут. В доле. Правильно я понимаю?

— Правильно. Эти капиталы будут нашими, в долях. И доли у всех будут разными. Кто раньше войдёт — у того будет больше. У вас будет вторая доля. Остальных будем принимать младшими.

Двадцать шестого февраля 1541 года, объединённый флот османов, под командованием блистательного адмирала Пири-реиса, высадил десант на острове Кешм, неподалёку от города Кешм, прямо напротив Бендер-Аббаса. Невеликий десант, привезённый ещё из метрополии, Стамбула-Константинополя, всего три батальона, всего одна бригада имперского стандарта, но Кешму и этого хватило. В гарнизоне города служили всего триста человек, три роты, которые не захотели героически и бесполезно сдохнуть во славу императора, в бою с десятикратно превосходящими силами и сдались без боя. Бендер-Аббас оказался заблокированным с моря, да и Ормузский пролив тоже. Теперь пытаться выйти из Персидского залива в Аравийское море, стало немногим менее рискованно, чем играть в «Русскую рулетку» с тремя патронами в барабане — или выйдешь, или нет — пятьдесят на пятьдесят. Зерно Месопотамии осталось на съедение самим месопотамским туземцам и обвалилось в цене в три раза. Аборигены Аравии, в связи с этим, сели на очень строгую диету. Там зерно подорожало в четыре раза.

С таким трудом взятая персами Басра, превратилась в клетку для их собственного флота. А в Сингапуре оживились послы азиатских Империй. Это против далёких для большинства османов союзничать было не интересно, у тех, кроме Басры, ничего не было, зато у персов... берега... очень богатые и ничем не защищённые берега, тысяча километров очень вкусных берегов, которые теперь можно грабить даже на древней каракке. Слабость на Востоке — порок, за слабость там бьют.

Персидская Империя сразу оказалась очень интересной добычей для трёх молодых тигров, растущих хищников южноазиатского региона. В антиперсидский союз с османами вступили Империи Тамилы, Аркан и Аютя.

Император Аркана, Мин Бин Первый, подчинился требованию Генриха д'Альбре уйти

из Китая, и получил от него компенсацию за оставленную провинцию и город Юньнань — пять тонн золота. За уже ограбленные город и провинцию, так что Мин Бин теперь император очень состоятельный, хватит ему и на яхту, и на вооружения с боеприпасами, и на наёмников, которые будут завоёвывать для Аркана территории за Брахмапутрой и Гангом.

Интерес в территориях на севере имеется и у Империи Тамиллов, а император Аютии, Чаирачатират Первый, просто решил заработать на войне и грабеже. Армия у него приличная, под сто тысяч, армия ветеранов с богатым боевым опытом кампаний в Лаосе, Кампучии и Малакке, для мирного времени армия совершенно избыточная. Так почему бы ей не поработать на благо Империи в Индии? Союзникам помочь за вознаграждение и самим пограбить, вместо того чтобы бесполезно проедать имперскую казну в безделии и безобразиях. Такие союзники ещё пригодятся, особенно Империя Аркан. Особенно, если Дайвьет начнёт войну с новой китайской Империей д'Альбре, тогда Кампучию, Лаос и прочие территории Индокитая можно будет переделить в свою пользу.

Скорее всего, именно так рассуждал император Чаирачатират Первый, когда входил в союз против Персидской Империи, он правитель очень прагматичный. У Аютии нет постоянных друзей, только постоянные собственные интересы, ага. Ничего личного...

Император Генрих Первый д'Альбре уже получил подкрепление из тридцати тысяч французских дворян, лишившихся на Родине всего, после поражения от османов, а потому очень мотивированных, и его собственная «европейская» армия в Азии уже увеличилась в два с половиной раза, с двадцати до пятидесяти тысяч. Кроме того, он ожидает ещё двадцать тысяч добровольцев — басков и гасконцев, которые уже в пути, огибают Африку.

Друг Энрике несколько не расстроился отказам императоров Чосона, Чунджона Первого Накчхона, и Дайвьета, Ле Чанг-тонга Первого, покинуть захваченные в Китае территории, за компенсации в пять тонн золота каждому. Это золото Генриху и самому пригодится, на десять тонн можно содержать семидесятитысячную армию полтора года. Воюющую семидесятитысячную армию, которая расходует боеприпасы по инкским нормам. А за полтора года запросто можно дойти до вражеских столиц — Хансона* (*ныне Сеул) и Тханглонга* (*одно из исторических названий Ханоя), не то, что отбить своё побережье.

А ведь золота у Генриха теперь много, только в Сиане, в императорской казне, он захватил сто восемьдесят тонн. Третью, правда, честно отдал «наёмникам», братьям-рыцарям Ордена Священного Препуция и самураям Асикага Такаудзи, то есть Савелию, но и сто двадцать тонн — это очень много. Больше «презренного металла» сейчас имеется только у Империи Инков и Персии, даже Османская Империя теперь беднее, сильно потратился Сулейман в последние годы, ведя непрерывные войны на суше и на море. Золота у друга Энрике много, но откупаться он ни от кого не собирается. Не согласились на пять тонн каждому, как Аркан — вот и хорошо. Проявили излишние злобность и жадность, теперь вас даже добрейшие инки жалеть не будут.

Девятнадцатого марта 1541 года, в возрасте семидесяти двух лет, ушёл из жизни вице-император-пенсионер Васко да Гама, величайший адмирал в истории, победитель в сражениях с венецианцами при Пескаре и с османами при Ороне, первооткрыватель пути вокруг Африки в Индию для европейцев, первый португальский вице-король Индии, первый имперский наместник Антарктиды, основатель антарктической столицы, города своего имени, флотоводец, чьими стараниями Империя Нового Света получила во владение Магриб, Сицилию, Сардинию и Корсику, да и саму Португалию можно смело включить в этот ряд.

Тело Васко да Гама залили воском в мраморном саркофаге, погрузили на «Посейдона» и повезли хоронить в Соборе Священного Препуция, главном христианском храме, в Маракайбо. Кроме Савелия, проводить в последний путь этого выдающегося человека, из Тауантинсуйу отправились вице-император Нууно Вимка, герцог Кастилии и Наварры, граф Басконии, Вальядолида и Памплоны, и министр Финансов, Жуан Ависский, герцог Большого Порту, Большого Лиссабона и Бом Байи, бывший король Португалии, Жуан Третий.

Третьего апреля 1541 года, сто шестидесятитысячная армия османов, под командованием султана Сулеймана Великолепного разгромила двухсоттысячную армию персов под Багдадом, и вернула себе контроль над центральной Месопотамией.

Персидский флот оставался запертым в Басре, персидских торговцев грабили по всему Индийскому океану эскадры Тамиллов, Аркана и Аютии, османская группировка на острове Кешм возросла до двенадцати тысяч и получила восемнадцать сто пятидесяти двухмиллиметровых пушек-гаубиц инкского производства, которые добивали до самого Бендер-Аббаса. Добивали не прицельно, без корректировки огня, на кого Аллах пошлёт, но свою столицу Тахмаспу Первому пришлось перенести в Мешхед.

Девятого апреля, наступление на юге полуострова Индостан, направлением на Хайдарабад, начали объединённые армии Тамиллов и Аютии, общей численность в сто двадцать тысяч бойцов, а двенадцатого, восьмидесятитысячная армия Аркана ударила по персам с востока, осадив Дакку.

Тахмасп вновь назначил командующим всеми вооружёнными силами Империи шейха Ахмада аль-Казима, но основные силы, созданной им армии, уже потеряны всякими амбициозными бездарями, так что, скорее всего, теперь поздно «пить боржомом».

На похороны адмирала, в Маракайбо, кроме прибывших из Тауантинсуйу, собрались все пять сыновей Васко да Гамы: Франсишку да Гама, герцог Сардинии, виконт де Видигейра; Эштеван да Гама, герцог Корсики; Криштован да Гама, герцог Гоа, граф Азорских островов; Педру да Силва да Гама, герцог Арагона; Алвару де Атаиде да Гама, герцог Валенсии; дочь Изабель ди Атаида да Гама; зять, вице-император Жоржи ди Менезиш, герцог Тайваня, граф Гуама, преемник адмирала на посту имперского наместника Антарктиды; вице-императоры Родриго Пике, Паскуаль де Андагойя, Авдей Шишка и Юмко Наута; лорд-канцлер королевства Британия, сэр Томас Мор, герцог Саффолк, Глазго и Осло, граф Нортумберленд и Пуату, и ещё почти сотня владетельных имперских вельмож. Отпевали покойного сам Папа Климент Восьмой и двенадцать кардиналов. Хорошо проводили друга Васко да Гаму, очень достойно.

Шестого мая 1541 года, Сулейман занял город Эль-Джахра в Аравийском эмирате Кувейт и перерезал единственную дорогу, связывающую Аравию с Персией. Восьмидесятитысячная армия персов на полуострове села на голодный паёк, её снабжение по морю полностью прекратилось раньше.

Сулейман больше не искал сражений, если их можно было избежать, в отличие от себя прежнего. Слишком много переживший за время осадного сидения в Басре, он стал рационален, как искусственный интеллект. Раньше бы без раздумий бросился отбивать мусульманские святыни, Мекку и Медину, силой оружия, а сейчас решил отбить их силой голода. Военской славы ему это не добавит, но этой славы ему и так давно хватает, доказывать больше нечего и некому, а войска ещё пригодятся, война с персами ещё только начинается. Османы до сих пор отбивают свою территорию, потерянную в самом начале, а

путь им предстоит ещё очень долгий — до Мешхеда и Ашхабада, Дели и Агры, Кандагара и Кабула, Самарканда и Бухары.

Такой Сулейман, мудрый и расчётливый политик, а не азартный полководец, ищущий только воинской славы, вполне способен разгромить и покорить все владения Персидской Империи. Собственно говоря, помешать ему теперь может только смерть.

Двадцать первого июня 1541 года, император Генрих Первый д'Альбре, дождавшись двадцать тысяч своих басков и гасконцев из Европы и наняв ещё двадцать тысяч самураев в Японии-Ямато, объявил войны Империям Чосон и Дайвьет. Обеим сразу. Генрих, в отличие от Сулеймана, воинской славой ещё не насытился и искал только её.

Чосон и Дайвьет, к этому моменту, оккупировали всю береговую линию бывшей Империи Мин от Индокитая до Корейского полуострова. Береговую линию и прибрежные территории, глубиной до двухсот километров, с городами Гуанчжоу, Цзяньнин и Ханчжоу у Дайвьета и Нанкин, Цзинань и Пекин у Чосона; а границей между ними была Янцзы, имперским владением, графством Шанхай, на островах в дельте реки.

Графством Шанхай владел вице-император Асикага Такаудзи, имперский наместник Азии и Японии-Ямато, которому Савелий категорически запретил участвовать в войнах с признанными Империей Инков, Чосоном и Дайвьетом, как запретил это и магистру Ордена Священного Препуция, кардиналу Игнатию де Лойола, герцогу Рима и Мальты. Впрочем, запрет на помощь другу Энрике в организации найма самураев в Японии не распространялся, поэтому нарушен он не был.

Сам император Генрих Первый д'Альбре осадил с сорока тысячами Нанкин, а его коннетабль, граф Карл де Бурбон (теперь титулярный граф, утративший все свои владения во Франции), тоже с сорока тысячами — Ханчжоу. Ещё десять тысяч, под командованием виконта (теперь тоже титулярного, конечно) Бриана Соле де Лакруа, когда-то доставившего в ливийский Триполи весть о разгроме армии герцога де Гиза в Египте и флота короля Гийома Гуфье де Бониве в сражении при Александрии, остались в резерве, в Сюаньчэне, примерно в пятидесяти километрах от обеих освободительных китайских армий. Такая вот ирония этой исторической реальности. Освободительные китайские армии набраны из европейцев и японцев, сами китайцы к воинской службе признаны другом Энрике совершенно негодными. Зато они работают отлично и очень неприхотливые, с весьма скромными запросами.

Двадцать седьмого июня 1541 года, стал в этой истории днём рождения авиации.

Халявный проект найти в интернете не удалось, поэтому его пришлось заказывать и оплачивать китайцам. Зато на базе Yunshuji Y-5, русского аналога АН-2, удалось создать проект конструкции, полностью устраивающей Савелия.

Двухмоторный биплан, под уже имеющиеся в Империи моторы, мощностью по шестьсот лошадиных сил, со сменным колёсно-поплавковым шасси. Моторы поместили в гондолы между крыльями биплана, крылья, из-за этого, пришлось чуть удлинить, зато в носовой части теперь свободное пространство, куда можно устанавливать оборудование для фото и киносъёмки, или пулемёт с очень приличным боезапасом, патронов так под тысячу, на вскидку.

Кабина для двух пилотов с дублированным управлением, грузовой отсек четыре метра в длину, один и восемь в высоту и один и шесть в ширину, так что в нём запросто можно будет установить пассажирские кресла. Расчётная грузоподъёмность полторы тонны, длина разбега двести сорок метров с колёсным шасси, пробега двести тридцать метров. Взлёт и посадка на необорудованных полосах, максимальная скорость двести сорок километров в час, крейсерская сто восемьдесят, практический потолок четыре тысячи двести метров, практическая дальность тысяча километров, всё это при полной загрузке.

Расход топлива сто шестьдесят литров в час на крейсерской скорости, тоже при полной загрузке, так что, если загрузиться только топливом в дополнительных баках, дальность полёта можно увеличить до двух с лишним тысяч километров. Совсем чуть-чуть не хватит до беспосадочного полёта из Лимы в Маракайбо. Зато обычной заправки хватит на перелёты Тауантинсуйу — Нью-Йорк и Тауантинсуйу — Челябинск с грузом, или пассажирами.

Отличный получился проект за двенадцать тысяч долларов, всего за шесть унций золота. В мире 1541 года, за такой проект не жалко было бы и шести тонн «презренного металла», и уж тем более не жалко шести жалких унций в году 2026-м, извините за тавтологию. Тот мир давно воспринимается Савелием как вспомогательный, как источник ценной информации и не более того. В том мире у него не осталось целей, кроме передачи информации в этот.

Первый самолёт изготовили вручную за восемь месяцев. Все до одной детали вручную изготовили лучшие мастера механического НПО Лимы. Полностью ручная сборка, как у космической техники. Получилось довольно дорого, но этот самолёт того стоит. На нём будут учиться летать два императора — нынешний император Инков и будущий Русской Империи, так что это не просто первый самолёт. Он когда-нибудь обязательно станет драгоценнейшей реликвией для авиаторов, как сейчас первая «Юнона» для моряков.

Исторический день. Полный штиль. За островом Сан-Лоренцо, гасящим океанскую волну, лишь лёгкая зыбь. Лететь решили сразу вместе. Если всё получится, то первопроходцами воздушного океана станем оба, а если нет... нет, о плохом лучше не думать, всё у нас получится. Сначала покатались по воде, как на лодке.

— Рули, брат Иван, к южной оконечности Сан-Лоренцо, взлетать будем на север.

— Как скажешь, брат Интико. На север, так на север. Как Шерхан с Табаки, — хмыкнул цесаревич и принц Уэльский.

— Ну, как говорится, Аллах Акбар, — Савелий добавил газу и, о чудо, метров через

триста «Ворон» оторвался от воды и начал набирать высоту.

— Воистину Акбар, — восторженно выдохнул Иван, — ты чего, уже садишься?

— Конечно. Сначала положено делать такие прыжки. Разворачивай и рули к месту старта. Теперь твоя очередь прыгать.

— Кем положено делать такие прыжки, Интико?

— Это неважно, брат. Положено и всё тут. Считай, что мной.

Всё получилось. Сначала попрыгали, по три раза каждый, потом полетали по квадрату вокруг острова на малой высоте, потом осмелели и поднялись на максимальную.

— Ого. Четыре четыреста. Ну, да, мы же пустые, без груза... Запросто можно не Титикаку садиться. Там всего три восемьсот.

— Полетим туда?

— Нет, ну его на фиг. Потеряемся ещё в горах. Маяки сначала нужно поставить, различимые с высоты ориентиры приметить. Да и не факт, что там сейчас так-же ясно. Погоду на маршруте мы ведь не запросили. Садимся, принимай управление, брат Иван. У тебя садиться ловчее получается.

Сели. Лихо подрулили к набережной Ла Пунта, на которой были установлены четыре кинокамеры и собрался почти весь город. Прошлись вдоль, туда и обратно, помахали руками. Ещё один разворот и причаливание к специальному авиапирсу механического НПО Лимы в Тивинсе. Надо бы этому НПО придумать имя собственное.

— Вот и всё брат. Небо наше. Самолёт запускай в серию, удачный получился. Штук триста-четыре, для начала, а там посмотрим.

— А летать без тебя можно?

— Можно, брат Иван, даже нужно. Только не забывай, что воинские уставы и авиационные регламенты написаны кровью. Никакой самодеятельности. Поклянись.

— Не забуду, брат Интико. Клянусь. Гадом буду!

— Отлично. Тогда назначаю тебя начальником первой авиашколы, Иван Васильевич. Учи свою банду летать. Потом, лучшие из них, станут учителями для остального человечества. Они выучат нас испытателей новых машин. Сами мы так больше рисковать не должны. Императоры в атаки не ходят.

— В атаку я и не собираюсь. А шашлык готовить будем?

— Обязательно. Какой может быть праздник без шашлыка в хорошей компании?

Девятого июля 1541 года, император Генрих Первый д'Альбре взял Нанкин и перенёс в него свою столицу. Семнадцатого, коннетаблю китайской Империи д'Альбре, графу Карлу де Бурбон, покорился Ханчжоу. Резерв виконта Бриана Соле де Лакруа, так и не был востребован ни одной из армий. Корейцы и вьетнамцы воевали лучше китайцев, но за чужую землю, к тому-же, уже ограбленную до нитки, они умирать не хотели. Умирили, конечно, куда деваться, такая уж судьба их военная, но не стремились сдохнуть все как один за интересы своих императоров на чужой земле. Армии друга Энрике понесли потери, но желающих встать в ряды его победоносной армии, в Европе было на порядок больше, чем убыль, так что пополнение потерь лучшими из новобранцев — вопрос только времени их доставки до Китая.

Двадцать девятого июля, в сорока километрах северо-восточнее Александрии, экспедиции под руководством вице-императора, имперского наместника в Европе, Авдея Шишки, на двух специально оборудованных пароходах, удалось поднять «Sauveur de France» с останками короля Хорватии, Гийома Гуфье де Бониве. Друга Гийома до костей обглодала

морская живность, но по платью и шпаге узнать его удалось.

«Sauveur de France», бывшую императорскую яхту «Посейдон», Авдей отправил на капитальный ремонт в Барселону, а останки Гийома де Бониве, залитые воском в мраморном саркофаге, сам повёз на отпевание и погребение в Собор Священного Препуция, в Маракайбо.

Всего Авдей поднял шесть кораблей, шесть «виндjamмеров» поколения четыре плюс, пять французских и один османский, остальные затонули на пока недоступной глубине. Потом поднимем. Когда-нибудь потом. Даже если они уже не понадобятся в качестве военных кораблей, то точно пригодятся как реквизит для съёмок фильмов, или музеев памяти великой эпохи.

Эпохи Империй. Эпохи кровавой, но очень славной. А кровь... Чума забрала в Европе под тридцать миллионов жизней. Всего одна эпидемия. А войны, все войны, вместе взятые, за период после вмешательства попаданцев, период иной исторической реальности, меньше миллиона. Тоже много, но... Всё в этом мире относительно, как говорил иудейский мудрец Исаак Ньютон, и в этом он был чертовски прав.

Девятнадцатого августа 1541 года, капитулировал восьмидесятитысячный персидский корпус в Аравии. Сдался на милость султана Сулеймана Великолепного и милость эту получил. Персов отправили на поселение во Францию, в бывшие герцогства Орлеан и Алансон и графство Блуа. Ирония этой истории, европейцы всё плотнее заселяли Магриб и Китай, а мусульмане Европу. «Великое переселение народов» шло полным ходом.

Сулейман вернул себе титул Хранителя Святынь. Вернул без боя. Сам Аллах вернул ему этот титул. Воистину Акбар!

Короля Хорватии, французского герцога и графа, Гийома Гуфье де Бониве, похоронили в восточном пределе Собора Священного Препуция, рядом с Васко да Гама, второго октября 1541 года. На похороны Гийома, из высокопоставленных особ, собрались только вице-императоры Родриго Пике, Паскуаль де Андагойя и, сопровождавший тело, Авдей Шишка. Друзей в Империи Нового Света у покойного друга Гийома было мало, зато отпели его сам Папа и четыре кардинала, в том числе, вернувшийся из Китая, Игнатий де Лойола, герцог Рима и Мальты, магистр Ордена Священного Препуция. Вне всяких сомнений, следующий Папа, следующий христианский Пастырь, так что честь Гийому оказали королевскую и даже больше того. Намного больше. Обычные европейские короли такого почётного погребения до сих пор не удостаивались.

Девятнадцатого октября, в возрасте шестидесяти семи лет, скончался канцлер Русского царства, князь Василий Фёдорович Бельский, герцог Мальмё, в прошлом первый русский посол в Империи Инков, хороший приятель Савелия.

Новым канцлером, царь Василий Третий Иванович Рюрикович назначил расового инка, язычника Каму Тамача, пятидесятидевятилетнего Михаила Камутамачева, графа Готланда. Первой инициативой нового русского канцлера стало переименование города Донецк, основанного покойным, в Бельск. Царь эту инициативу поддержал, Боярская дума проголосовала за это решение единогласно.

Деяния князя-герцога на благо Руси переоценить сложно. Хоть Василий Иванович и контролировал «голову», но контролировать такую светлую голову — одно сплошное удовольствие. Стараниями покойного князя, Русь заселила Дикое поле, Поволжье и Южный Урал, уже заселяет Западную Сибирь.

Его усилиями, уже зарождающееся на Руси крепостное право так и не родилось, все

крестьяне остались свободными, царскими подданными и данниками. Только царскими, даже в боярских вотчинах. Никаких барщин и оброков, только единый налог в казну, с которого бояре и поместные дворяне получали свою долю уже из государственной казны. Холопы у бояр-дворян остались, дворовая челядь, должники-закупы, но было их немного и с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Крестьян теперь сужала только казна, ей и доставались закупы, которые после гасили свои долги на великих стройках царства, царских заводах, шахтах и рудниках. Сурово, но справедливо. Если совсем не наказывать несостоятельных должников, как правило пьяниц, то долги вообще перестанут отдавать, а это конец любой экономике.

Именно Бельский организовал добычу угля в Донбассе и руды в Белгороде, строительство железной дороги и металлургического комбината, современных портов в Риге и Крымске (Севастополе), именно он настойчиво «гнал» Русь на Восток, за Урал.

Именно он выкупил у Казахского ханства земли юго-западной степной Сибири. Это была его идея и он воплотил её в жизнь. Казахские жузы переселяются под руку Сулеймана Великолепного в османскую Европу, в Западную Пруссию, Бранденбург, Верхнюю Саксонию и Баварию. Переселяются с деньгами, пусть и не слишком большими, ведь продали они голые степи, без городов, дорог и населения, но этих денег им хватит, чтобы обустроиться на новом месте, где с них три года не будут брать никаких налогов. Все остались этой сделкой довольны — и русские, и османы, и сами казахи.

Вечная память и благодарность потомков князю-герцогу Василию Фёдоровичу Бельскому! Великий был человек. Город своего имени он точно заслужил. И мы ещё подумаем, чем можно увековечить его память.

Семнадцатого ноября, Сулейман начал штурм, уже обессиленной от голода, Басры, а персидский флот пошёл на прорыв. Неудачный, разумеется, прорыв. Не просто ожидаемый, а спровоцированный самими османами. Адмирал Пири-реис одержал убедительную победу во втором сражении при Шатт-эль-Араб, потопив все восемнадцать персидских «винджаммеров», ценой потери девяти своих. На дно Персидского залива ушли корабли общей стоимостью в два миллиона ещё тех французских ливров серебра, или сто тонн золота.

Басра пала девятнадцатого, Сулейман пока только вернул себе своё, но ситуация, к концу 1541 года, для Персидской Империи сложилась очень неприятная — война на три фронта и отсутствие морской торговли, а с ней и значительной доли налогов. Деньги (золото) у персов пока есть, но любые запасы конечны, если их не пополнять.

Впрочем, пока ещё ничего не потеряно. Главная торговля — торговля с Империей Инков, закупка вооружений и боеприпасов за золото, ведётся в Бом Бэйи и Калькутте, ей помешать никто не способен, а всё остальное можно пережить. Да и Сулейман Великолепный спешить теперь не будет, он хорошо запомнил фанатичное сопротивление шиитов, защищающих свою землю. Теперь султан будет выжидать момента, когда противника обессилят союзники: Тамилы, Аркан и Аюття, чтобы добить его одним ударом, без затяжной и затратной военной кампании.

Девятого декабря, император Генрих Первый д'Альбре взял Цзинань, а двадцатого, его коннетабль, граф Карл де Бурбон, штурмом захватил Цзяньнин.

Двадцать первого, в Сингапуре, мирные переговоры инициировал посол Империи Дайвьет, а двадцать второго эту инициативу поддержал посол Империи Чосон. Друг Энрике уже сильно соскучился по другу Интико, его оркестрам и прочим мирным радостям жизни,

соскучился по своей Западной Германии и даже немного по семье — жене Маргарите и дочери Жанне, да и навоевался он уже от души, поэтому условия выдвинул вполне разумные — оставить территорию Империи д'Альбре и выплатить контрибуцию и репарации в размере пяти тонн золота с каждого. Ровно столько, сколько Чосону и Дайвьету предлагалось до войны. Справедливо и не унижительно.

Генрих даже не стал дожидаться окончания переговоров и фактического заключения мира, «оседлал» своего «Кёльна» и погнал его сразу в Челябинск.

Вице-императором Империи д'Альбре, стал граф Карл де Бурбон, теперь владетельный герцог Чэнду, а канцлером (министром Внутренних дел) виконт Бриан Соле де Лакруа теперь герцог Гуйян.

На праздники окончания 1541 года и начала 1542-го, Василий Третий и Мария Первая привезли четырнадцатилетнюю дочь, цесаревну-принцессу Софью Васильевну, невесту Савелия. Рослая деваха вымахала, метр семьдесят с лишним, уже переросла отца, а мать так на целую голову. Высокая, стройная, по здешним нынешним понятиям настоящая страшила, похоже тесть с тещей изрядно комплексовали из-за внешности дочери, поэтому и решили показать её заранее, чтобы избежать конфуза, если что... Тёмные люди. Высокая, стройная, натуральная блондинка, именно такой типаж Савелию нравился больше всего. А местные красавицы для него — что коровы, или даже того хуже — натуральные свиноматки.

И не дура Софья. Три языка как родные — «забытый», испанский и английский, программа «средней школы» на хорошо и отлично, а главное — место своё будущее понимает и, похоже, очень ценит. Главное, самому потом не избаловать, тесть с тещей сделали всё, что могли, низкий им за это поклон.

После праздников, вместе поехали в Лиму, дивиться на Ивана-царевича. Царевич не подкачал, удивил родителей и сестру до полного изумления. Шок — это по-нашему.

Полетали все от души, покатались на мотоциклах и моторных лодках типа «Зодиак». Порыбачили, сами варили на костре уху и жарили шашлыки. Простые, но душевные развлечения, которые в хорошей компании нравятся абсолютно всем людям, независимо от их социального статуса, а компания собралась хорошая, уютная, семейная.

В марте 1542 года, вернулся в «Большую Азиатскую игру» мудрый шейх Ахмад аль-Казим, вернулся очень громко, наголову разгромив под Патной восьмидесятитысячное войско Империи Аркан. В живых, после битвы седьмого марта, осталось чуть больше двадцати тысяч арканцев и все они были проданы в рабство.

Шейх Ахмад аль-Казим готовил новую персидскую армию почти год, не обращая внимание на вопли о помощи сидящей в осаде Басры и голодающего в Мекке и Медине оккупационного корпуса.

Ахмад аль-Казим прекрасно понимал, что спасти их уже не удастся, и осознано пошёл на эту жертву. Никаких подкреплений под Басру он не направлял. Толку теперь от той Басры, если османский флот уже овладел морем? Ленивые идиоты моряки выпустили из ловушки Сулеймана и теперь пусть за это расплачиваются своими жизнями. Продолжать держаться за Басру — только продлевать агонию. Всё что потеряно — уже потеряно, теперь нужно начинать всё сначала.

Новую армию, шейх Ахмад аль-Казим собирал неподалёку от Агры. Собирал из иранцев, курдов, азербайджанцев, туркменов, пуштунов, узбеков и таджиков. Самый многочисленный призывной контингент — индийских мусульман, показавших крайне низкую боеспособность, в строй больше не ставили. Лучше меньше, да лучше, ага.

Хотя, меньше получилось ненамного. В первой фазе войны, в персидской армии служили триста пятьдесят тысяч человек, считая городские гарнизоны, а теперь триста, из них двести пятьдесят валентные силы. Хорошо обученные, отлично вооружённые и сильные духом, в отличие от неженков индийцев.

Ахмад аль-Казим убедил императора, Тахмаспа Первого, что флот спасать не нужно. Конечно, потери от прекращения морской торговли чувствительны, но Империя их переживёт. Персидская Империя не остров, не пустынный полуостров Аравия, где без морской торговли не прожить — это огромная держава, от Кавказа, приаральских Туркменских степей и Средней Азии, до широты Гоа на полуострове Индостан, от черноморского порта Батуми, до Брахмапутры; держава, в которой всё производится и всё добывается, в том числе и золото.

Торговля с Русским царством ведётся по Каспию, с Империей Инков через Бом Байи, Гоа и Калькутту, а без остальных мы проживём запросто. Им без нашего золота будет ничуть не лучше, чем нам без их специй, пряностей, благовоний, драгоценных камней и прочей, избыточной в военное время, чепухи. В военное время, золото нужно тратить на армию, а не на благовония.

Убедил главнокомандующий императора и в приоритетности задач. Самое опасное направление — восток. В Бенгалии выращивается восемьдесят процентов хлопка, тридцать процентов риса, двадцать пшеницы — потерять их ни в коем случае нельзя. А юг... Дойдут язычники до районов с мусульманским населением и завязнут. Пограбят, конечно, не без этого, но эту неприятность мы переживём. Потом сочтёмся за всё сразу.

Сулейман тоже глубоко продвинуться не сможет. Трёхсоттысячной армии ему хватит для выхода на линию Казвин — Эсфахан — Шираз — Бендер-Аббас, максимум, и армия эта начнёт таять, как кусочек льда на летнем солнце. Сама начнёт, без сражений. Сам народ поднимется на джихад, и Сулейман это теперь отлично знает.

А вот Бенгалию нужно держать любой ценой. Без Бенгалии начнётся голод, а голод — это мятежи. К тому-же, если нас отрежут от Калькутты, восточную армию придётся снабжать из Бом Байи, а это очень дорого и очень долго. Каждый патрон, каждый снаряд, каждая мина на восточном фронте станут для нас вдвое дороже.

Убедил мудрый шейх своего императора, получил карт-бланш. В полной тайне собрал, вооружил и обучил под Агрой двести пятьдесят тысяч человек. В полной тайне от всех противников, Империя Инков контролировала радиообмен, но, естественно, ни с кем своими разведанными не делилась. «Большая Азиатская игра» должна вестись по правилам фейр-плей.

Сто тысяч, шейх Ахмад аль-Казим отправил на юг, строго-настрого наказав командующему южной армией, шейху Саиду аль-Улему, стоять в обороне перед Хайдарабадом и ни в коем случае не «вестись» ни на какие соблазны; а сам возглавил сто пятидесятитысячную восточную армию. На запад, под Басру, он не отправил никого. Пусть Сулейман теряет силы против вставших на джихад декхан, которым роздано достаточно оружия для полномасштабной партизанской войны. Столица Империи теперь в Мешхеде, до неё еретики-сунниты-османы точно не дотянутся, переживать не о чем.

А флот? Гори он синим пламенем, флот этот дармоедский. Флотами войны не выигрываются. Чем быстрее османы этих ленивых бездарей перетопят, тем для Империи и её армии будет лучше. Свой флот Персидская Империя потеряла семнадцатого ноября, а уже седьмого марта, армия одержала очень важную сухопутную победу на востоке.

Двадцать девятого марта 1542 года, шейх Ахмад аль-Казим занял Дакку, где при активной поддержке местных жителей частично перебил, частично пленил сорокатысячный гарнизон. Семнадцатого апреля, он уже осадил столицу Аркана, Читтагонг. Брошенную императором Мин Бином Первым столицу. Сам он сбежать успел, но вряд ли успел вывезти все ценности, награбленные в персидской Бенгалии и китайской Империи Мин.

Да уж. Талант, есть талант. Когда это нужно, блистательный шейх Ахмад аль-Казим двигается даже быстрее светлейшего князя Александра Васильевича Суворова.

Сулейман Великолепный в Персию так пока и не вторгся, неторопливые бандитско-грабительские армии Империй Тамилы и Аютии остановились, не доходя до Хайдарабада, а одного из своих противников, Ахмад аль-Казим из «Большой Азиатской игры» уже выбил. Всё, что осталось от армии Империи Аркан, сейчас ожидало своей печальной участи в осаждённом Читтагонге. И всё, что «нажито непосильным трудом» лежало там-же. Джек-пот для персов.

Двенадцатого апреля 1542 года, в Тауантинсуйу прибыл друг Энрике. Император Генрих Первый д'Альбре, владетель китайской Империи д'Альбре и королевства Западная Германия, князь-архиепископ Кёльна, герцог Швабии, герцог Нижней Саксонии, герцог Франконии, герцог Нидерландов, герцог Люксембурга, герцог Фландрии и Артуа, герцог д'Альбре. Энрике прибыл насытившимся и умиротворённым, как раз к своему тридцать девятому дню рождения.

Дворец Генриха в столице Империи Нового Света располагался в первой линии, отделённый от императорского широким (двести пятьдесят метров) проспектом-бульваром, но всё равно напротив, по соседству. Проспект-бульвар, разделяющий императорский дворцовый комплекс с первой линией, назывался проспектом Героев и украшался уже четырьмя Триумфальными арками: Эль Чоло (Чалько Юпанки), Васко до Гамы, Родриго Пике и Паскуаля де Андагойя, прямо под окнами их собственных дворцов, с видом на

императорский комплекс. Пятую Триумфальную арку начали строить в честь великих побед великого императора Генриха Первого д'Альбре.

Неделю Энрике отходил душой от войны, наслаждаясь музыкой целых оркестров и самими музыкантами, ещё неделю вникал в жизнь цивилизации, за время отсутствия блудного (во всех смыслах) императора, успевшую покорить воздушный океан.

Два самолёта у Савелия имелись в Тауантинсуу, с колёсным шасси в ангаре строящегося аэропорта и с поплавковым прямо здесь, в дворцовом эллинге на озере Сен-Клер. Полетали от души. В самолёте с колёсным шасси, в передней части установили пулемёт Калашникова авиационный, с водяным охлаждением ствола и лентой на тысячу патронов. Постреляли по мишеням. По очереди постреляли, управление и самим самолётом, и пулемётом сделали дублированным, а летать друг Энрике научился довольно быстро.

Покатались в «Зодиак» по озеру и на мотоциклах вокруг. Порыбачили, уха-шашлык, в компании вице-императора Нууно Вимка, имперского наместника Северной Инки, герцога Кастилии и Наварры, графа Басконии, Вальядолида и Памплоны; магистра Ордена Священного Препуция, кардинала Игнатия де Лойола, герцога Рима и Мальты; министра Финансов Жуана Ависского, герцога Большого Порту, Большого Лиссабона и Бом Байи министра Иностранных дел и Внешней торговли Муиска-Атугата, герцога Ньюфаундленда, и министра Внутренних дел Северной Инки, Гуасимара, графа Ванкувера.

Посмотрели футбол, который главный имперский футбольный фанат, Нууно Вимка, развивал со всей фанатской страстью, при этом, совершенно не стеснённый в расходах.

Отлично провели время. Совершенно по-язычески, с развлечениями и музыкой во всех смыслах, только что жертв духам и предкам не приносили. Никаких «Прости и помилуй рабов своих, Господи наш иудейский», даже от кардинала и будущего Папы. Не имелось в этой компании рабов иудейского бога.

Христианство — да, фигня очень нужная, удобная. Ведь убеждённых рабов, тварей божьих, безвольных агнцев, пасти одно удовольствие, но здесь собрались только пастухи, поэтому развлекались они по-язычески, без лукавого лицемерия.

Двадцать первого мая 1542 года, шейх Ахмад аль-Казим захватил Читтагонг, шестого июня, объединённая армия Империй Тамиллов и Аютии потерпела чувствительное поражение в сражении с армией шейха Саида аль-Улема, защищавшей подступы к Хадарабаду. Персы (в обороне) потеряли всего двенадцать тысяч, а агрессоры-бандиты-грабители, Аютия и Тамилы, почти шестьдесят в дурной атаке.

Силы противников на юге сравнялись, только теперь персы напитались маной победителей, а оккупанты грабители утратили расположение капризной девки-удачи, что всегда очень пагубно сказывается на боевом духе всех грабителей.

Сулейман Великолепный старую границу с Персией так и не пересёк. Брат-Сулейман теперь трезво смотрит на вещи и отлично понимает, что для успешного вторжения в Персию ему нужна миллионная армия. Минимум миллионная, а лучше полутора, на всякий пожарный.

Двадцать девятого мая 1542 года, отдохнувшая от неугомонного Генриха д'Альбре, Империя Дайвьет, начала передел владений теперь беззащитного Аркана на полуострове Индокитай, в северном Лаосе. Слабость — порок, за слабость наказывают очень сурово.

Османская Империя, Империи Тамиллов и Аютия, следуя союзническим обязательствам, объявили войну Дайвьету.

Тридцать первого мая, союзник Дайвьета, Империя Чосон, объявила войну Империям

Аютии, Тамильской и Османской. Вся морская торговля в Индийском океане практически прекратилась, чудом прорвавшиеся одиночные судёнышки лихих торговцев можно не считать, пренебречь ими, как статистической погрешностью. Налоги с доходов от морской торговли в регионе потеряли все, даже османы, имевшие самый сильный флот.

Семнадцатого июня 1542 года, шейх Ахмад аль-Казим захватил Амаяпуя, новую столицу Империи Аркан, где повстречался с войском Империи Дайвьет. Войском, де-юре, не союзным, но де-факто сработал принцип «враг моего врага». Встреча на Иравади получилась довольно тёплой, с совместным праздником для командования и высших офицеров и военным парадом.

Двадцать четвёртого июня, девять «винджаммеров» поколения четыре плюс, флота Империи Чосон, в бухте порта Янгон, принудили к сдаче четыре таких-же корабля флота Империи Аркан, и разграбили уже третью, за период этой войны, столицу Аркана. В этот раз последнюю. Император Мин Бин Первый погиб, Империя пала. Как была эта Мьянма (Бирма) никчёмной в той исторической реальности, так и осталась в этой.

Двадцать девятого июня, в Сингапуре, персидский, чосонский и дайвьетский послы подписали договор о разделе полуострова Индокитай на троих. Юго-запад Аркана и Аютии, с Банг Макоком, по этому договору, должны отойти к Персидской Империи, полуостров Малакка, до десятого градуса северной широты (устье реки Кра), к Империи Чосон, а всё остальное — северо-восток Аркана, восток Аютии, Лаос и Кампучия — Империи Дайвьет.

Сулейман Великолепный, чтобы хоть как-то облегчить бедственное положение союзников, предпринял масштабное, силами двухсоттысячной армии, наступление на Шираз, взял город штурмом, но никого этим не напугал, и своим союзникам ничем не помог, даже Тамилам. Персы этого ждали, к этому они готовились целый год. Население территории до линии Тебриз — Казвин — Эсфахан — Шираз — Бендер-Аббас вооружили почти поголовно, хоть и старыми гладкоствольными ружьями, но сойдёт и это, им ведь не воевать, а партизанить, а все движимые материальные ценности вывезли вглубь страны.

К августу, османы захватили Эсфахан и Бендер-Аббас и на этом выдохлись, а южная армия шейха Саида аль-Улема, тем временем, невозмутимо продвигалась на юг полуострова Индостан, уже по довоенным территориям Империи Тамилы — к Бангалору и Милапуру¹ (*современный Ченнаи), их столице и крупнейшему порту. Персы несли потери, но эти потери быстро пополнялись, с мобилизационным резервом у них всё было в полном порядке, в отличие от Тамилы, у которых, по мере продвижения персов на юг, усиливалось движение сепаратизма.

Первого сентября 1542 года, в королевстве Западная Германия, торжественно открыли движение по железной дороге Дортмунд — Зальцгиттер, связавшей угольные шахты, железные рудники и металлургический комбинат. Производство стали в Дортмунде теперь увеличится на порядок, её хватит и на возврат «рельсового займа» и на продолжение до Антверпена, Амстердама, Франкфурта, Штутгарта, Бремена и Гамбурга.

Ровно через год, состоится пуск железной дороги Бельск — Белгород в Русском царстве, производство и там увеличится в десять раз, начнётся строительство следующей очереди — в Крымск* (*Севастополь), Ригу, Царьград и далее — в Данциг, Штеттин, Росток, Висмар Любек, до соединения в Гамбурге.

С такой инфраструктурой, «Тройственному Северному союзу» Русского царства и королевств Британия и Западная Германия не будет страшен ни один враг, даже без поддержки Империи Инков. Даже если их врагом станет вся остальная континентальная

Евразия.

Пока другие воевали, мы развивались по плану и уже развились до уровня примерно начала двадцатого века из той исторической реальности. Опередали остальной мир на столетие. Это и праздновали все вместе в Кёльне, всю первую неделю сентября.

Войну на юге почти не обсуждали, перестала она быть главным событием. Говорили о дальнейшем развитии, об автомобилях и самолётах, которым понадобятся свои дороги, с асфальтовым покрытием, и аэропорты, о перестройке городов под автомобильное движение по инкскому образцу.

Третьим дольщиком в банк-эмитент бумажных «чалко» приняли Генриха Первого д'Альбре, со всеми его владениями в Европе и Азии. Банку присвоили имя собственное — «Всемирный Сберегательный», утвердили устав, регламентирующий приём новых дольщиков-компаньонов, и вложили золото в основной капитал. Тысячу тонн золота, невероятное количество по нынешним временам. Восемьсот тонн вложила Империя Инков, сто уния Империи д'Альбре и королевства Западная Германия и сто уния Русского царства и Британского королевства.

А куда ещё теперь девать золото? Из монетарного обращения оно практически вышло, ювелирное потребление с избытком покрывается добычей, так что пусть послужит обеспечением оборота бумажных денег. Приятно ведь простым людям сознавать, что эти «бумажки» обеспечены золотом. Так их быстрее примут все остальные субъекты мировой политики и экономики.

В конце сентября 1542 года, флот Империи Чосон начал высаживать десант на Малаккский полуостров. Под прикрытием тринадцати «винджаммеров», к прибрежному городку Суратхани пришли более пяти сотен судов с восьмидесятитысячной тысячной армией ветеранов китайской кампании.

Седьмого октября, шейх Ахмад аль-Казим осадил Банг Макок с суши, а флот Чосона с моря. Семнадцатого октября, столица Аютии была взята персами штурмом, император Чаирачатират Первый погиб, Империя пала. Ещё одна Азиатская Империя исчезла с карты мира, просуществовав совсем недолго. А у персов снова появился флот — захваченные в Банг Макоке, четыре «винджаммера» поколения четыре плюс, в том числе один «плавающий дворец», бывшая яхта сэра Томаса Мора «Британия».

В Восточной Азии установился мир, в том числе и на море, Персидская Империя получила возможность торговать с островами через Банг Макок. Дороговата сухопутная доставка из самого восточного порта Империи в центральные области, но пряности, специи, благовония и драгоценные камни, закупаемые на островах, стоили дорого, а весили немного, так что удорожание доставки втрое, на конечной цене сказалось незначительно, цена выросла процентов на десять-пятнадцать, что вполне по карману людям состоятельным, а беднота такого почти не потребляет.

Военно-морские силы враждующих сторон оказались разведены довольно далеко. Османы и Тамилы надёжно контролировали запад Индийского океана, а Персия, Чосон и Дайвьет — запад Тихого. Восток Индийского океана — Бенгальский залив и Бирманское море — теперь зона свободной охоты. Небольшой перевес в силах сейчас на стороне «восточников», но слишком небольшой, чтобы действовать вдалеке от своих баз. К тому же, ни Чосон, ни Дайвьет не видят интереса в дальнейшей войне с османами и тамилами, своего они уже добились. Проглотили столько, что на переваривание потребуется десятилетие, а то и не одно.

Персидская Империя тоже на флот не сильно рассчитывает, флот понадобится потом, когда придёт время добивать Империю Тамиллов на Шри-Ланке, а пока самые насущные задачи стоят перед сухопутной армией — юг полуострова Индостан и западный Иран, оккупированный османами. Задачи, осложнённые новой вводной — сухопутными границами с Чосоном и Дайвьетом. Пока мирными соседями, но стоит только увести из новых владений восточную армию, показать слабость, как эти мирные в момент обернутся врагами. За океаном они интереса в новых землях не видят, а по соседству очень даже, поэтому свою сто пятидесятитысячную восточную армию шейху Ахмаду аль-Казиму пришлось оставить на новых границах — в бывших Аютии и Аркане и восточной Бенгалии, чтобы не соблазнять своей слабостью соседей.

Армию Ахмаду аль-Казиму придётся собирать новую, но это теперь вопрос только времени. Деньги у персов есть, желающих повоевать хватает, так что через год османам придётся очень нелегко. Людей-то у Сулеймана тоже хватает, а вот в деньгах ему с персами теперь не равняться.

Интерлюдия. 7 ноября 1542 года.

Султан Сулейман Великолепный отлично понимал, что время работает на персов. Пока он воевал на западе, в Европе, по соседству, на востоке, вырос слишком сильный и опасный хищник.

Персия долгое время себя никак не проявляла, телепалась у самого дна, понемножку торговала с Русским царством и наводила порядок в своём доме, подавляла мятежи и, с наведением порядка, копила силы. Копила, копила и... Оттолкнулась от дна и не просто всплыла на поверхность, но и взлетела над ней. Высоко взлетела, настолько высоко, что теперь стала затмевать собой самую великую Османскую Империю.

Конечно, и он сам, Сулейман Первый Осман, достиг очень многого, собрав в своих владениях почти всю античную Римскую Империю, но всё ведь познаётся в сравнении. Проклятые еретики-шииты добились большего. Теперь у них всего больше — и земель, и людей, и, что хуже всего, золота. Меньше только флот, но это пока. Инки поднимают и

ремонтируют утопленников, понятно, что не для себя, скоро их будут продавать. Продавать тем, кто заплатит больше, а больше, конечно, заплатят еретики-шииты.

Время, время, время... Терять его нельзя, уже через год шейх Ахмад аль-Казим соберёт и обучит ещё одну армию, ещё больше прежней, которую оставил на востоке. Он запросто может собрать и полмиллиона, и людей, и денег ему хватает, и тогда будет уже поздно. Этой армии противопоставить будет просто нечего, она дойдёт не только до Мекки и Медины, но и до Александрии, Бранденбурга, Неаполя, Марсея и Тулузы.

Что можно сделать за этот год, чтобы сдержать натиск орд еретиков? Взять Мешхед, как предлагает Дамат Рустем-паша? А какая в нём ценность, в Мешхеде в этом? Свою столицу Тахмасп просто перенесёт ещё дальше на восток — в Герат, Кабул, Кандагар, или вообще в Дели-Агру. А у османской армии увеличится глубина погружения во враждебную шиитскую среду. Линии снабжения вытянутся втрое-вчетверо, а ведь каждый обоз на территории этих фанатиков приходится сопровождать воинскими подразделениями от бригады для самого маленького.

Помочь тамилам на юге десантом, как предлагают Дамат Челеби Лютфи-паша и Пири-реис? Спасибо-то они, конечно, скажут, но не более того. Твари ведь неблагодарные, своим благодетелям, персам, в спину они уже ударили. То же самое повторится и с благодетелями османами, как только подлым язычникам станет это выгодно. Подлые язычники...

Самим бы им в спину ударить и захватить Шри-Ланку, но это точно не понравится брату-императору Нового Света. Как раз за такие ходы он перестал помогать Тамилам и Аютии. Не любит брат-Интико подлецов, брезгует ими, а фактор его приязни недооценивать не стоит. Сколько на этой его дружеской приязни к Гийому де Бониве выезжал Франциск Валуа, и как быстро он всё проиграл, её лишившись...

Нет, удар в спину союзникам — это самый плохой ход. Но и прямо помогать мы им не будем, ничем они этого не заслужили.

Малый совет, совет высших военачальников в бывшем императорском дворце Тахмаспа в Басре продолжался уже более двух часов. Дамат Рустем-паша, Дамат Челеби Лютфи-паша и Пири-реис спорили, находя всё новые аргументы, в обоснование своих предложений, а Сулейман только молча слушал, находя в их аргументах подтверждение собственным мыслям.

Всё они понимают. Всё оценивают правильно. Времени у нас осталось мало, а козырь только один — флот. Флот, который может прикрыть суда с десантом.

— Мы не будем продвигаться дальше, вглубь шиитской территории, — наконец нарушил своё молчание великий султан, — мы не пойдём на Мешхед, и даже Тебриз, Казвин и Эсфахан брать не будем, хотя и можем. Дамат Рустем-паша, вы займётесь наведением порядка у нас в тылу, в треугольнике Басра — Шираз — Бендер-Аббас. Мне нужен идеальный порядок, и, если для этого потребуются убить всех шиитов до одного — сделайте это. Сил вашего корпуса на это хватит, пополнения поступают регулярно.

— Слушаюсь, Эфенди.

— Дамат Челеби Лютфи-паша, вам предстоит организовать оборону Багдада. Баакуба и Эль-Кут должны стать неприступными крепостями, с выдвинутыми вперёд линиями обороны, примерно такими, которые построил шейх Саид аль-Улем южнее Хайдарабада, о которые разбились наступающие армии Тамиллов и Аютии. Фотографии вы видели. Три линии траншей с брустверами и ходами сообщения и артиллерия на закрытых позициях, корректируемая по проводному телефону. Вашего корпуса на это хватит, если сильно

постараетесь. Кроме того, поручаю вам формирование в Багдаде резервного шестидесятитысячного корпуса быстрого реагирования. Все пополнения будут направляться вам в первую очередь, великий визирь, Паргалы Ибрагим-паша, такое распоряжение от меня получит.

— Слушаюсь, Эфенди. А если персы пойдут на Багдад с севера, через Киркук?

— Если Аллах лишит их разума, то они так и сделают, но я на это не надеюсь. В таком случае, объединённых сил трёх корпусов — вашего, Дамат Рустем-паши и резервного хватит, чтобы похоронить их всех в пустыне, всех до одного. Ведь в этом случае вам не нужно будет держать силы в Ширазе, Баакубе и Эль-Куте. Соберётесь и ударите им в тыл через Халабджу... Теперь вы, адмирал.

— Слушаю, Эфенди.

— Идея с десантом у вас правильная. Неправильно выбрана только точка и количество сил. Мы высадимся в Вадодаре целой армией и ударим по Ахмедабаду. Не в помощь никчёмным тамилам, которые уже разбегаются от своего императора, а в собственных интересах. Если мы отрежем от персов Бом Байи и Гоа, им придётся очень постараться, чтобы снабжать свои армии боеприпасами через Калькутту.

— У меня нет возможности доставить всю вашу армию сразу, Эфенди.

— Я это знаю, адмирал. Всю сразу и не нужно. Рассчитывайте на доставку в три приёма, сорокатысячными корпусами. Первого корпуса мне хватит, чтобы захватить Вадодару и Ахмедабад, а дальше Аллах нам поможет.

— Это очень рискованно, Эфенди, — оценил план зять султана, Дамат Челеби Лютфи-паша.

— Я это знаю, Челеби, но другого выхода у нас просто нет. Если мы не изменим ситуацию в свою пользу за этот год, то через год персы нас просто походя загопчут. За год они соберут в армию полмиллиона, а то и целый миллион. Для этого у них всё есть — и люди, и золото. Теперь спасти нас может только скорость и помощь Аллаха. Мы обойдём проклятых шиитских фанатиков-еретиков по морю. В Индии нас встретят братья-сунниты. Аллах Акбар.

Двадцать девятого ноября 1542 года, неторопливо, но неотвратимо продвигающаяся на юг стотысячная персидская армия, под командованием шейха Саида аль-Улема захватила Бангалор, а семнадцатого декабря — Милапур. На полуострове у тамиллов остались только четыре княжества — Мадурай, Коимбатур, Танджавур и Кочин, которые совсем не горели желанием умирать за махараджу-императора-неудачника Канкили Первого, с острова Шри-Ланка. Неудачника, бывшего, до знакомства с инками, самым рядовым раджей, самого рядового тамильского княжества Тринкомали.

Повезло когда-то дураку, но удача его закончилась, а вместе с удачей закончилась и власть. Хватит тамилам кормить Тринкомали и умирать за идиота-неудачника Канкили. Да и вообще, Канкили должен за всё ответить. Первого императора тамиллов убили на Высшем совете раджей в Мадуре, двадцатого декабря 1542 года, а его голову отправили шейху Саиду аль-Улему. Первая Империя расовых тамиллов пала, не просуществовав и полутора десятков лет.

Империй становится всё меньше, но победители вбирают в себя территории, ресурсы и ману проигравших. Сильные становятся ещё сильнее, за счёт поглощения слабых, как и положено «Законом о сохранении энергии», сформулированного иудейским мудрецом Исааком Ньютоном. Или другим иудейским мудрецом? Да какая разница...

Четыре княжества южной Индии принесли вассальную присягу Персидской Империи, в лице командующего южной армией, Саида аль-Улема, и впустили в свои города его гарнизоны, а четыре княжества на острове Шри-Ланка выбрали нового махараджу и запросили персов о мире, предав очередного своего союзника.

Пятнадцатого января 1543 года, десант османов, сорокатысячный корпус, под командованием самого султана Сулеймана Великолепного, захватил портовый город Вадодара, в мусульманском княжестве Гажарат. Суннитском княжестве, в Индии шиитов нет, кроме оккупантов персов.

Сулейман не стал дожидаться прибытия всех трёх корпусов своей армии, оставил десять тысяч в гарнизоне Вадодары, а с тридцатью ударил по Ахмедабаду, бывшей столице бывшего княжества, а теперь столице персидской провинции-сатрапии. Очень богатой и совсем беззащитной провинции. Армии персов находились далеко на юге и на востоке, в тысячах километров от Гажарата, а новую армию, для войны на западе, шейх Ахмад аль-Казим только начал собирать под Агрой.

Добычу в Ахмедабаде османы взяли очень достойную, в городе собирались налоги с огромной и одной из самых богатых провинций Персидской Империи. Так что теперь друг-султан снова при деньгах, он ещё и за корабли поторгует, теперь они ему очень нужны. После сдачи тамилами своего флота персам, по мирному договору, у тех стало десять «виндjamмеров», правда два ещё первой серии, наши первенцы в этом классе «Юнона» и «Авось», но довольно скоро начнутся торги «утопленниками», а их уже подняли целых одиннадцать — шесть вице-император Авдей Шишка у Александрии и пять контр-адмирал Апату Вуиса в Персидском заливе, около устья Шатт-эль-Араб.

Один мы оставим себе на память, флагман Гийома Гуфье де Бониве «Sauveur de France», бывший «Посейдон», первую императорскую яхту; а вот десять кораблей будут повторно проданы всем желающим.

Сулейман не стал брезговать индийскими мусульманами в качестве воинов и сразу призвал на службу восемьдесят тысяч. Правильно, пригодятся на второстепенных направлениях. Хоть бы и на той-же гарнизонной службе в Европе, в Италии и на юге Франции насмерть не замёрзнут.

Семнадцатого февраля 1543 года, в имперское владение перешёл последний из Больших Зондских островов — Ява. Вице-императоры: имперский наместник Азии и Японии-Ямато Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи и Хоккайдо, граф Окинавы и Шанхая, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо; и имперский наместник Австралии и Океании, адмирал Юмко Наута, герцог Мадагаскара, граф Тасмании; с поставленной задачей справились блестяще. Вся старая островная аристократия на Сулавеси, Суматре и Яве полегла в междоусобных войнах, вместе со своими армиями-бандами, сильно утомив пятилетней гражданской войной всех островитян, поэтому имперских наместников в несостоявшейся в этой исторической реальности Индонезии встретили чуть ли не овациями.

А вот новому махарадже Тамилон, который просился в состав Империи Нового Света островом Шри-Ланка, Савелий отказал. Не нужны нам эти раджи-махараджи, пусть сначала брат-Сулейман их накажет за предательство, а после мы у него выкупим остров уже без владетельной элиты. Элита у нас своя есть, имперская, цивилизованная. Надо бы сделать султану предложение, пусть планирует. На Шри-Ланке управятся и индийские мусульмане, а там их запросто можно набрать хоть миллион. И аванс предложить, поставками оружия.

Двадцать шестого марта 1543 года, Сулейман Великолепный уже с

восьмидесятитысячной армией захватил Хайдарабад, заняв те самые укрепления к югу от города, которые построил шейх Саид аль-Улем для сдерживания армий Аютии и Тамиллов. Теперь шейху самому предстоит их штурмовать, либо отступить на северо-восток вдоль побережья, бросив весь запад и юг Индии на «съедение» османам и отрезав себя от торговли с Гоа и Бом Бэйи.

Сил у шейха пока в полтора раза больше, но к Сулейману скоро подойдёт третий корпус его армии и счёт станет равным. Ахмад аль-Казим возле Агры армию уже обучает, но и османы теперь в деньгах не стеснены, они тоже ускорили призыв и обучение пополнений — и в Индии, и в Метрополии, так что теперь неизвестно на кого время работает лучше. Нашёл гениальный султан правильный ход и не только выбрался из проигрышной позиции, но и завладел инициативой. Выиграл темп, как говорят шахматисты.

Не ожидали такого персы от Сулеймана, даже мудрый шейх Ахмад аль-Казим не ожидал, судя по радиообмену. Саиду аль-Улему поступил приказ поставить в строй войска вассальных тамиллов и удерживать линию Хубли-Джарвад — Беллари — Онголе, линию соприкосновения с Гоа, откуда можно пополнять боезапас. С потерей Гоа будет потерян весь юго-запад, поэтому стоять насмерть, ни шагу назад. Это реально, начинается сезон дождей, а через полгода приемлемую боеготовность приобретёт двухсотпятидесятитысячная армия под Агрой.

В целом толковый приказ, но он не учитывал только одного. Сулейман не собирался сидеть в Хайдарабаде до сезона дождей. Он даже свой третий корпус дожидаться не собирался. Уже пятого апреля он оставил город под охраной двадцатитысячного гарнизона индийских мусульман новобранцев, устремился на юг, к Бангалору, навстречу превосходящим силам шейха Саида аль-Улему.

В южной армии персов в строю стояло сто двадцать тысяч бойцов, против восьмидесяти тысяч османов, но османы точно знали, к чему они стремятся, а персы этого сражения не ожидали. Османский султан подловил их в маршевых колоннах недалеко от города Анантапур, чуть южнее той линии, которую было приказано оборонять аль-Улему. Персы потерпели поражение и с поля боя не отступили, бежали на юг без всякого порядка. На «их плечах», гениальный полководец Сулейман Великолепный ворвался в Бангалор. Предатели тамилы свои силы собрать так и не успели.

Девятого мая 1543 года, футбольным матчем команд «Тауантинсуйу» и «Вальядолид» открылся «Олимпийский стадион» в столице Империи Инков.

Олимпийское движение и вообще спорт, Савелий развивал очень настойчиво и целеустремлённо, не жалея на это времени и денег. Олимпийские комитеты всех стран, которые готовятся принять участие в первой Олимпиаде 1544 года он финансировал за счёт имперской казны, как и федерации футбола, готовящие команды к первому Мундиалу 1546-го.

С хоккеем сложнее. Массово играть в хоккее можно только на открытом воздухе, а это, по климатическим условиям, доступно только Северной Инке, Русскому царству и королевству Британия (в части Норвегии). На этом всё, список исчерпан, до и тот скоро сократится, после объединения царства и королевства в Русскую Империю.

С олимпийским движением и футболом география обширнее. К соревнованиям готовятся Северная, Южная и Европейская Инки, Русское царство, королевства Западной Германии и Британии, Османская, Персидская, Чосонская и Дайвьетская Империи. Готовились Аркан, Аюття и Тамилы, но им по жизни не повезло.

Отличный получился стадион. Граф Микеланджело Буонарроти за образец для своего проекта взял Римский Колизей, и получилось у него очень похоже, по крайней мере снаружи, на то, что сохранилось в Риме. Те-же ярусы аркад с галереями, те-же восемьдесят входов-выходов, та-же мраморная отделка и скульптуры под арками, только несущие конструкции современные, из армированного бетона, но их ведь не видно. Строили стадион долго, почти шесть лет, но зато получился самый настоящий шедевр.

А «Вальядолид» обыграл «Тауантинсуйу» четыре-два, если это кому-то интересно.

Первого июня 1543 года, на Центральном столичном вокзале состоялась торжественная церемония принятия в эксплуатацию трансатлантических железных дорог: Нью-Йорк — Филадельфия — Питтсбург — Кливленд — Тауантинсуйу — Чикаго — Миннеаполис — Виннипег — Ванкувер — Сиэтл и Челябинск — Питтсбург — Кливленд — Тауантинсуйу — Цинциннати — Индианаполис — Сент-Луис — Канзас-Сити — Денвер — Солт-Лейк-Сити — Сан-Франциско.

Дороги от столицы на запад пока однопутные, но второй путь построить будет гораздо легче, когда в этом возникнет необходимость. А пока и так хорошо, теперь запад начнёт развиваться сопоставимым с востоком темпом, а то он пока сильно отстаёт. Тупик ведь был, а в тупике и жить никто не хочет, и торговать туда никто не стремится, так что вся Азия до сих пор продавала-покупала только в Лиме, но теперь пойдёт в Сан-Франциско и Сиэтл. Ближе ведь им туда. Начнётся торговля, пойдёт грузопоток, разовьются станции на пути из фортов в города. Сложно переоценить влияние транспортной доступности на развитие регионов.

Сразу после торжественной церемонии, Савелий отправился в Челябинск, где его ожидал «Посейдон». Следующее торжество состоится в Маракайбо. Восьмого июля наследнику-цесаревичу и принцу Уэльскому, Ивану Васильевичу Рюриковичу-Тюдор исполняется восемнадцать лет.

С восьмого по двенадцатое июня 1543 года, в Сингапуре продали десять «виндjamмеров»-утопленников, пятью лотами по два корабля. Три лота выкупила

Османская Империя и два Персидская. У османов теперь девятнадцать кораблей, у персов четырнадцать, но из них два первого поколения, на которых сейчас можно только торговцев кошмарить, к морскому эскадренному бою они не пригодны.

Пири-реис получил значительный перевес в силах, и теперь от него можно ожидать очень интересных ходов. Мир с Чосоном и Дайвьетом Сулейман так и не заключил, хотя ему предлагали. Не согласен султан на белый мир, требует контрибуцию, по пять тонн золота с каждого наглеца, посмевшего уничтожить его любимого союзника Аютию. Так что есть где Пири-реису разгуляться, далеко не все порты в Восточной Азии защищены артиллерией, точнее, никакие не защищены, только базы военного флота. В Индокитае, в Малакке у Чосона таких баз вообще нет, а у Дайвьета только один Хайфон, так что грабь — не хочу. Запросто кораблики окупить можно, да и не один раз.

Восьмого июля 1543 года, отпраздновали восемнадцатый день рождения Ивана-царевича. Не долго ему царевичем осталось ходить, в Царьграде уже готовятся к помазанию Ивана Первого на престол Русской Империи. В этот самый день Империя и возникнет, но царевич об этом пока не знает.

Хороший получится император. Отлично образован, правильно воспитан, в том числе и коллективом. Учился то ведь он в имперском интернационале, где людей ценят не за то, что они царевичи каких-то заокеанских дикарских царств, а за личные качества. Не сноб, не самодур, не религиозный фанатик. В общем, всё как в той анкете из «Семнадцати мгновений весны»: Характер стойкий, нордический; отличный спортсмен; отличный семьянин... Будет отличным семьянином, надеюсь на это.

— Это мне? — у Ивана-царевича чуть не отвисла челюсть. Савелий подарил брату-Ивану крейсер-пароход-яхту «Грозный», плавучий дворец и, при этом, грозный боевой корабль, способный в одиночку перетопить целый флот «виндjamмеров».

— Тебе, брат-Иван, кому-же ещё. Поздравляю. И, пользуясь случаем, сообщаю, что обучение твоё закончилось. Через пару дней ты отправишься домой, в Царьград.

— Почему ты меня сразу не предупредил, брат-Интико? Я ни с кем не попрощался.

— Если бы я тебя предупредил, ты бы всю свою банду с собой забрал, а она там пока не нужна. Шокирует она русских бояр, да и прочее общество. Ты тоже, конечно, человек теперь для них очень необычный, но, когда один, это не так бросается в глаза. А банда твоя никуда не денется, я за ней пригляжу. Когда вживёшься, пригласишь кого сочтёшь нужным. Нужным и полезным для дела, а не приятелей для развлечений. Детство твоё беззаботное сегодня закончилось, брат-Иван. Вернее, завтра закончится. Сегодня у нас традиционные рыбалка, уха и шашлык. Командуй, Иван-царевич, опробуем твоего «Грозного».

— Не хочу домой...

— Придётся через не хочу. Там твой дом, твой удел, твоя стезя. Но сюда ты ещё вернёшься не один раз, так что сильно не расстраивайся. Причём вернёшься уже довольно скоро. Ты ведь не пропустишь мою свадьбу?

— Конечно нет.

— Ну вот, а она уже в декабре. А знаешь, что, брат... Пожалуй, я тебя провожу. Хочу вашу железную дорогу посмотреть, её первого сентября запускают, как раз успеем до Белгорода добраться. А пока командуй на рыбалку.

В Царьград (Кёнигсберг) прибыли второго августа. Там Ивана ожидал ещё один сюрприз — коронация. Великое торжество, по случаю образования новой Империи. Русской Империи. И гости как на подбор: император Инков; император д'Альбре, он же король

Западной Германии, с супругой и дочерью; великий визирь Османской Империи, Паргалы Ибрагим-паша; великий визирь Персидской Империи, шейх Омар аль-Захри; вице-императоры Нууно Вимка, Родриго Пике, Паскуаль де Андагойя, Авдей Шишка и Жоржи де Менезиш; специальные послы (родственники императоров) Чосона и Дайвьета; высшая владетельная знать со всей Европы; и, конечно свои: палата лордов-пэров королевства Британия в полном составе, во главе с лордом-канцлером, сэром Томасом Мором; высшее вельможное боярство Русского царства, во главе с канцлером, графом Михаилом Камутамачевым; Папа Климент Восьмой, магистр Ордена Священного Препуция, кардинал Игнатий де Лойола, герцог Рима и Мальты; шесть русских кардиналов; глава мусульман Русского царства, верховный муфтий Мустафа Абдулфаиз; и ещё четыре сотни именитых гостей калибром поменьше.

Помазание на царство в Русской Империи, пиры, балы, приёмы, награждения. Праздники растянулись на две недели. Меньше никак нельзя, не солидно получится.

Савелий успел пожертвовать русским мусульманам, в лице верховного муфтия, десять миллионов «чалко» (тысячу четыреста килограммов золота) на строительство самой большой мечети в Казани, чтобы она стала ещё и самой красивой; устроить совместное воскурение кальяна в своей компании великими визирями Османской и Персидской Империй, которые патологической животной вражды друг другу не испытывали, что не удивительно, ведь оба они люди очень умные и образованные. Мусульмане различных течений Ислама, но не оголтелые фанатики.

Путей к примирению пока не нашли, но договорились продолжить их поиск в этом же формате, только уже при помощи радиосвязи. На мир Савелий и не рассчитывал, ему этот мир и не нужен был, откровенно говоря, чужая война — это очень выгодный бизнес; для него было главным — чтобы его детища, Олимпиада и Мундиаль состоялись представительными, а об этом договориться удалось. Ну, и славно. Аллах Акбар!

Восемнадцатого августа 1543 года, уже императора Ивана Первого Васильевича Рюриковича-Тюдор, ожидал третий сюрприз — аэродром под Царьградом и шесть лучших пилотов из его банды. И шесть самолётов с пассажирскими салонами вип-класса. Шесть самолётов по шесть кресел, все высокие гости вместились. Не случайно, конечно, всё было учтено и сосчитано заранее, но Иван-то этого не знал.

Царьград — Львов — Бельск (Донецк), вылетели на рассвете и до места добрались засветло. Устали, конечно, но не больше, чем от дневного верхового марша, а тут поди-ж ты, почти две тысячи километров отмахали, за один-то день.

Проехались по железной дороге до Белгорода, осмотрели Металлургический комбинат, с четырьмя домнами, конвертером и сталепрокатным станом непрерывного производства. Это избалованных всякими «Терминаторами» и «Аватарами» менеджеров по продажам шнурков друг другу, из той исторической реальности, ничем не удивить, они ведь абсолютно ничего не понимают, чему им удивляться. А здесь собрались люди очень понимающие, поэтому для них, непрерывно прокатывающиеся через стан рельсы, круглые сутки, километр за километром, были настоящим Чудом, даже покруче самолётов. Чудом именно с большой буквы «Ч». Ведь с почти такой-же скоростью этот стан может катать артиллерийские стволы. Километры стволов... Как и железная дорога для тех, кто её раньше не видел, тоже такого же масштаба Чудо, только уже с большой буквы «Ж», ведь она эти стволы может доставить на линию фронта со скоростью птицы. С тысячей тонн боеприпасов сразу, ага.

Первого сентября, в Бельске, торжественно разрезали символическую красную

шёлковую ленту. Красивая традиция, пусть она и здесь приживётся. Русская железная дорога поехала официально.

Второго попрощались с мусульманами. Из Бельска они разлетались в разные стороны: в Крымск (Севастополь), Астрахань и Казань. Разлетались озадаченными, но довольными. Великие визири Османской и Персидской Империй увидели для себя страшное, но, в то же время, враждебности к ним никто не проявил, отнеслись с полным уважением; а верховный муфтий русских мусульман всё дивился на эскиз украшения его детища, самой большой в мире мечети.

На эскизе, где в центре находилась его (Его!) мечеть, вокруг неё, по периметру ровно километр, стояла крытая колонная галерея, в античном римском стиле. Такая же что украшает собой площадь, перед центральным входом в Собор Священного Препуция, в Маракайбо, только по периметру в один километр, то есть, намного, раз в восемь, больше. И колонны в этой галерее сплошь мраморные. И минареты на эскизе значительно подросли. И главный купол принял более изящную форму. И в деньгах велено не стесняться, только что воровать их нельзя давать. Ну, это-то мы и сами понимаем. Этому нас учить не нужно. Мы воров хоть и не сразу вешаем, но тоже наказываем сурово.

В Царьград вернулись шестого сентября. Седьмого, Василий Иванович и Мария Генриховна с дочерью, Софьей Васильевной, отбыли в Маракайбо, в бывший дворец Хуана Понсе де Леон герцога Пуэрто-Рико и Галисии, графа Сантьяго-де-Компостела, который теперь принадлежит им. Тесть с тещей теперь монархи-пенсионеры, теперь им всех забот — внуков на покое дожидаться.

На первый императорский совет, сэра Томас Мор, лорд-канцлер поглощённого Русской Империей королевства Британия, герцог Саффолк, Глазго и Осло, граф Нортумберленд и Пуату, пришёл с прошением об отставке. Слово у него, по статусу в имперском совете было первое, с этого прошения он и начал. Иван Первый сразу объявил перерыв для раздумий. Что делать?

— Отпускай, — посоветовал Савелий, — тебе в команде эти старики не нужны, брат Иван. Они, конечно, все великие и всяко-разно заслуженные, но тебе они будут тормозом.

— Тормоза тоже нужны, брат Интико.

— Нужны, брат, — охотно согласился Савелий, — только тормоза нужны не такого размера. Сэр Томас Мор может стать таким тормозом, что ты его ничем с места не сдвинешь. Он это отлично понимает, потому и уходит. Воздай ему, достойно награди и отпусти. Он заслужил пожить немного в своё удовольствие, у него ведь не было такого детства, как у тебя. Ты теперь император, Иван Первый, тебе нужна твоя собственная команда, которая будет воплощать только твои замыслы, и ничьи больше.

— И кого мне канцлером сделать?

— А шашлык тебе не пожевать, брат-император? Детство закончилось, Иван. Завязывай с этими детскими вопросами.

— Ну, посоветовать-то ты можешь, как брату.

— Не могу и не буду. С сэром Томасом Мором посоветуйся. Он твои нынешние проблемы отлично понимает, в этом не сомневайся.

Первым лордом-канцлером Русской Империи, Иван Первый Васильевич Рюрикович Тюдор, по рекомендации сэра Томаса Мора, назначил пятидесятипятилетнего лорда-пэра Британии, Матвея Егозу, герцога Аргайл, герцога Данциг, графа Линкольн, барона Арундел Сподвижника и соратника своего отца, Василия Ивановича, со времён Литовско-Польской

кампании. Бывшего османского пленника-раба, бывшего капитана-артиллериста, командира батареи в армии Империи Инков, имперского рыцаря.

Сезон дождей в Индии хоть и прервал боевые действия на суше, но с моря войска подвозились непрерывно. К сентябрю, на юге полуострова Индостан, у османов уже имелась двухсот пятидесятитысячная армия, и сто пятьдесят тысяч из них были расовыми османами, ветеранами различных кампаний Сулеймана Великолепного, которых забирали с гарнизонной службы по всей Империи, заменяя индийскими новобранцами.

Османы теперь удерживали весь юго-запад Индии, по линии: Вишакхапатнам — Хайдарабад — Ахмедабад и далее береговую линию до Бендер-Аббаса. Западная часть Индийского океана стала внутренним морем Османской Империи, если, конечно, вынести за скобки Империю Инков.

Флот Пири-реиса теперь базировался на восточном берегу, в Милапуре и Вишакхапатнаме и занимался доставкой боеприпасов и подкреплений османскому корпусу на Шри-Ланке, в Тринкомали, бывшей столице бывшей Империи Тамиллов и фактории Империи Инков. Именно отрезать тамиллов от торговли с этой факторией, было первой задачей оккупационного корпуса, которую удалась успешно решить ещё во время сезона дождей, а теперь начнётся полномасштабное наступление. Корпус сформирован из индийских мусульман, но на Шри-Ланке и они сгодятся. Тем более, что их много и потому не жалко. Можно хоть полмиллиона собрать.

Аванс за Шри-Ланку Сулейман уже получил, и её продаже, продолжающаяся война с персами, не помешает, это ведь не персидское владение, а предателей тамиллов, с которыми война закончится как раз с полной оккупацией острова.

К началу ноября 1543 года, командующий вооружёнными силами Персидской Империи, шейх Ахмад аль-Казим, собрал и обучил под Агрой уже четыреста тысяч человек, но процесс не остановил. Персы и правда вознамерились собрать миллионную армию, теперь именно такая у них цель. Шестьсот пятьдесят тысяч уже в строю, так что всё вполне реально. Через год соберут и обучат.

А пока персы строят оборонительные линии перед Индором и Нагпуром, чтобы удержать центр и восток Индии, свои самые богатые регионы. Отбивать у османов запад Ирана и юго-запад Индии они не торопятся. Строят укрепления, строят дороги с твёрдым покрытием, по образцу римских, которые не развозит в сезон дождей, даже насчёт железной дороги Банг Макок — Мандалай — Дакка — Калькутта — Агра уже задумались. Впрочем не они одни теперь об этом задумались, так что конкуренция покупателей всякого железнодорожного будет не меньше, чем на рынке вооружений и связи. Скоро придётся комплектовать некоторые монастыри Ордена Священного Препуция специалистами железнодорожниками.

У персов, несмотря на утрату юго-запада Индостана, по-прежнему всего больше — людей, золота, ресурсов и производства, поэтому войну на истощение они скорее всего выиграют, если не допустят серьёзных ошибок. Нет у них только военного гения, сравнимого с Сулейманом Великолепным, но это временно. И гений у них может появиться, и Сулейман не вечен. А пока нужно ждать и держать оборону, даже вдвое превосходящими силами.

Седьмого ноября 1543 года, Папа Климент Восьмой объявил о намерении сложить с себя Папскую Тиару и созвал всех кардиналов-выборщиков в Маракайбо, поэтому «Посейдон» и «Грозный» уходили из Царьграда с пассажирами.

Император Иван Первый уже принял решение перенести столицу Русской Империи на Южный Берег Крыма, где климат попрохладнее, чем в Лиме, но хоть что-то. Хоть солнце на целые месяцы не прячется. Железная дорога Бельск (Донецк) — Крымск (Севастополь) строиться уже начала, как и дорога Белгород — Рига, а там и до Кёльна совсем недалеко, особенно если от Гамбурга идти на встречу. Пять-шесть лет, а то и меньше. Специалистов становится всё больше, обучение уровня ПТУ на местах ведётся, рабочей силы можно в китайской Империи д'Альбре хоть миллион набрать, готовых ударно трудиться за крышу над головой, сытную еду и надежду на денежную премию по итогам. Премию за ударный труд, а не за то, что трезвый на работу приходил.

Связь и транспорт сделали Европу (ну, скоро сделают) очень маленькой, так что место расположения столицы теперь не так важно, климат действительно важнее. Южный Берег Крыма, в этом плане, у Южного Берега Балтики выигрывает очень много. Единственное пока доступное русскому императору по-настоящему субтропическое место. Название городу Иван ещё не дал, распорядился строить просто Столицу.

В Маракайбо поселились вместе, в бывшем дворце Эль Чоло, выкупленном Савелием у наследниц шамана в этом мире. Оба его дворца — и в Маракайбо и в столице отошли казне, племянницы и овдовевшая сестра предпочли взять деньгами, Клаудия и Лаура через своих мужей, дона Педру да Силва да Гама, герцога Арагона, и дона Алвару де Атаиде да Гама герцога Валенсии, теперь владеют в Тауантинсуйу собственной недвижимостью, хоть и во второй линии; а вдовствующей вице-императорше Мавуте Капак-Юпанки больше нравится Медельин, она баба с тропических гор, море не любит, снег и морозы тем более.

После свадьбы, император Иван Первый «съедет» в Гостевой дворец, а пока он в статусе «дружки» жениха, вместе веселиться в оставшиеся до свадьбы дни — очень даже по традиции. Вторым «дружкой» жениха Савелия-Интико стал Генрих д'Альбре, друг Энрике, который веселиться с музыкой во всех смыслах очень любил и умел. Энрике жил по

соседству, в бывшем дворце дона Франсиско де Гарай герцога де Ямайка, герцога де Граната, графа Альмерии; а теперь своём собственном; но к себе он ходил только костюмы менять. Пост перед Рождеством? Как-нибудь в другой раз, не последнее ведь.

Свадьбу сыграли первого января, в первый день Нового 1544-го года, в 1544-ю годовщину обретения рабами божьими Священного Препуция, все двенадцать которых теперь совместно источают из себя божью благодать теперь именно здесь, в этом соборе.

Христианский обряд провели Папа и все пятьдесят шесть кардиналов, а языческий вице-императоры: Нууно Вимка, Асикага Такаудзи, Родриго Пике, Паскуаль де Андагойя, Авдей Шишка, Юмко Наута и Жоржи ди Менезиш.

Праздновали в Маракайбо до Крещения, как обычно, всем городом праздновали, это время между Рождеством и Крещением уже давно горожанами считается карнавальным, это уже традиция.

После карнавального двухнедельника, переехали в Тауантинсуйу. Все, кроме христианского руководства, оставшегося на проведение таинственного ритуала выборов кардинала Игнатия де Лойола новым Папой. Единогласно, разумеется. Добровольно и бескорыстно, ни интриговать, ни подкупать святых людей больше не требуется, они все в доле доходов от Ордена, миноритарные акционеры с солидными пакетами акций; так что в этой организации, христианской церкви, абсурд и коррупцию победить уже удалось.

И бесполезное паразитирование торговцев опиумом для народа тоже уже изжили. Орден теперь не владеет монастырскими землями, сдавая их в аренду, всё давно передано Климентом Восьмым крестьянам-арендаторам в собственность. Другой недвижимости, кроме самих церквей и монастырей-аббатств, у Ордена нет. Римом и Мальтой владеет имперский герцог-магистр Ордена. Лично он и только в доле и правах, как и у любого другого имперского феодала; а церковь живёт с оказания услуг населению. Бесплатных услуг религиозно-ритуального характера и платных — связи, медицины и образования. Цель у Ордена теперь — больше услуг бесплатных и платных. Образование должно стать бесплатным, а чтобы это обеспечить, нужно развиваться. Например, те-же железные дороги строить, а потом ими управлять.

Орден теперь корпорация, у Савелия в ней контрольный пакет акций, а Папа, магистр и кардиналы — миноритарии и члены совета директоров.

Кому от этого стало хуже? Населению раздали земли, перестали тянуть с него десятину и поборы за ритуалы. Церкви строятся, Христос славится. Церковь сама себя кормит и планирует организовать всеобщее бесплатное начальное образование. Кому хуже-то? Только упоротым мракобесам, людям, несомненно, душевно больным.

В Тауантинсуйу праздники продолжились, уже на снегу. С охотами на снегоходах, которые получилось сделать раньше автомобилями. Оно и понятно, тот-же мотоцикл, только вместо ведущего заднего колеса — резиновые гусеницы, а вместо переднего рулевого — лыжа. Автомобиль — конструкция посложнее, не так-то просто наладить выпуск образцов приемлемого качества и надёжности, тем более что первые автомобили нужны настоящие внедорожные вездеходы. Савелию такие нужны, остальных он не спрашивал.

На одном из праздничных вечерних приёмов, состоялось награждение отличившихся. Самыми отличившимися за период стали вице-императоры: имперский наместник Азии и Японии-Ямато, Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи и Хоккайдо, граф Окинавы и Шанхая, дайме Цусимы, Коджедо и Чеджудо; и имперский наместник Западной Инки и Океании, адмирал Юмко Наута, герцог Мадагаскара, граф Тасмании; которые привели в

имперское владение Сулавеси, Суматру и Яву. Первому Савелий жаловал герцогство Оран на западе бывшего султаната Алжир, а второму герцогство Аннаба на востоке. Сыновей у обоих много, пусть владеют. Кроме герцогства Аннаба, Юмко Наута удостоился собственной Триумфальной арки, а Асикага Такаудзи получил на свою отличительный знак — щит с мечами. Из золота, на улице всё остальное быстро потускнеет, но дело не в золоте, это символ, знак особого отличия перед Империей.

Такого-же щита на свою Триумфальную арку удостоился вице-император, имперский наместник Африки и островов, Паскуаль де Андагойя, герцог Кубы, Андалусии и Мавритании, граф Севильи и Хайнаня. Паскуаль уже «обнёс» Африку довольно плотным береговым периметром фортов-факторий от Африканского рога до Египта, а в Южной Африке организовал добычу угля и руды. Повзрослел Паскуаль, сорок пять разменял в прошлом году, преодолел кризис среднего возраста, вошёл во вкус созидания. Сыновей у него всего трое, владений для них хватает, а вот щит его порадует. Такого даже на арке у Эль Чоло нет.

Командующий Имперским Военным флотом, генерал адмирал Андреас Нуньес, герцог Исландии, граф Хувентуд, получил во владение герцогство Триполи. За создание парового флота и морских училищ в Исландии, Ирландии и на Фарерских островах. Это его собственная инициатива, профинансированная из собственной казны, а такое заслуживает достойной награды.

Хоть какой-то награды удостоились все высшие сановники империи, но перечислить их все до одной слишком долго.

Разъезжаться начали после седьмого февраля, после окончания первого Кубка Мира по хоккею, серии из трёх игр, между командами Северной Инки и Русской Империи, будущей классики хоккея с шайбой. Инки выиграли два матча с крупным счётом, третий не понадобился. Болели страстно, особенно Иван Первый и Василий Третий. Русский хоккей попал в надёжные руки.

Восьмого, в Сан-Франциско, где его уже ждал «Кёльн», обогнувший мыс Горн, уехал Генрих Первый д'Альбре, другу Энрике пора инспектировать свою китайскую Империю. Инспектировать и намечать план развития. Он загорелся идеей построить железную дорогу между своими азиатскими и европейскими владениями. Похвальное стремление. Дело это — не быстрое, но и Генрих ещё не стар, всего-то сорок в апреле исполнится.

Девятого, в Нью-Йорк уехал император Иван Первый Рюрикович-Тюдор. В Новый Свет он теперь вернётся только через два года, уже на собственную свадьбу, которую тоже решили сыграть в Маракайбо и Тауантинсуйу. Всем понравилось, так что повторить загул решили единогласно.

Супруга Генриха д'Альбре, императрица и королева, Маргарита Валуа, и дочь, принцесса Жанна отправились в Кёльн на «Посейдоне», десятого февраля, прямо от набережной столичного дворцового комплекса на озере Сен-Клер. Они тоже в Новый Свет вернутся через два года. Уже меньше, чем через два, уже февраль.

Почётные пенсионеры: их величества Василий Иванович Рюрикович и Мария Генриховна Тюдор и экс-лорд-канцлер, сэр Томас Мор, остались, теперь здесь их дом, постоянное место жительства, теперь они отсюда будут выезжать в гости и путешествия.

Теперь в Тауантинсуйу постоянно будут проживать четыре экс-монарха, помимо тестя и тётки, ещё Жуан Ависский, бывший король Португалии, а теперь герцог Большого Порту. Большого Лиссабона и Бом Байи, и Абу-ль-Аббас Ахмад, бывший султан, а теперь герцог

Марокко. Герцог того Марокко, которое он сумел удержать сам, остальное отошло в герцогство Мавритания.

Первого марта 1544 года, получил чин имперского адмирала и назначение командующим новым имперским флотом — Флотом Индийского океана, старший сын покойного вице-императора Васко да Гама, дон Франсишку да Гама, герцог Сардинии, виконт де Видигейра. Война на Востоке снова породила в Индийском океане пиратство, вот ему и предстояло это порождение убить ещё в колыбели. Найти и уничтожить все их базы, на чьей бы территории они не находились.

Вице-адмиралом, у дона Франсишку да Гамы, стал контр-адмирал Атлантического флота, Апату Вуиса, граф Фолклендских островов и Южной Георгии. Перед ним поставлена задача поднять всех утопленников в Персидском заливе. Спрос на них есть, а у него уже есть опыт.

Флот Индийского океана будет базироваться в Бом Байи, Тринкомали и Калькутте, так что понадобился и контр-адмирал. Им стал двадцатисемилетний капитан «Юноны», дон Диего де Грихальва, старший сын Хуана де Грихальва, герцога Эспаньолы и Мурсии, графа Картахены; единственного из герцогской хунты Паскуаля де Андагойя, помимо него самого, чьи сыновья делают имперскую карьеру, а не почивают на лаврах отцов.

Пятнадцатого марта 1544 года получили сведения о масштабном (а значит кем-то скоординированном) восстании сразу в Бранденбурге, Западной Пруссии, Верхней Саксонии и Баварии, тех османских регионах Европы, в которые переселились жузы Казахского ханства. Пару лет у казахов ушло на привыкание к новым стойбищам в германских городах и городках. Прижились, пристроили баб и малых детей под присмотром стариков и охраной османских гарнизонов и отправились кочевать по полям начавших всходить озимых.

Только вот гладкоствольное оружие и боеприпасы теперь товар массового производства в спортивно-охотничьем исполнении. Это теперь частный бизнес с бурно развивающимся рынком, на который пошли уважаемые люди, вроде тех же старых знакомых и хороших приятелей Савелия. Приятелей ещё со времён их посольств в Куско, а особенно после совместного вояжа по Европе, с братской интернациональной помощью Британскому народу по восстановлению «конституционного порядка» во главе с законной королевой Марией Первой и её мудрым лордом канцлером, сэром Томасом Мором; а потом испанской конкистой — Клауса Мюллера бывшего тогда бюргером Вольного города Гамбурга, послом Ганзейского союза, а теперь графа Наветренных островов; и Лоренцо Саларино, гражданина и посла Республики Венеция тогда и графа Малых Зондских островов сейчас.

Очень талантливые предприниматели эти имперские графы. И судоходные компании у них в тройке крупнейших коммерческих. В тройке с герцогом Жуаном Ависским, а ведь тот стартовал в бизнесе со всем разоружившимся флотом Португальского королевства, а эти чисто на морально-волевых действительно честного частного предпринимательства. Они и развиваются, а Жуану уютнее должность имперского министра Финансов и хорошая перспектива стать вице-императором, то есть снова Величеством. Мюллеру и Саларино такое не светит, вот они и реализуют себя в предпринимательстве, а люди то ведь действительно очень умные.

В общем, было кому наладить производство спортивно-охотничьего гладкоствольного массово, дёшево и сердито. Пусть с небольшой добавочной стоимостью, зато миллионами. И сотнями миллионов спортивно-охотничьих боеприпасов, на любые мишени, зверей и кошелёк. Казахские кочевники увязли в полях и несут большие потери. Османские

гарнизоны индийских мусульман из натопленных помещений вообще не выходят и передают братьям по вере казахам в помощь всеобщий Аллах Акбар. Вы держитесь там до лета, хотя бы до плюс двадцати пяти. Понабрали, ага. Зато их много и не жалко.

Но скоординированность действий заставляет усомниться в стихийном развитии событий. Слишком уж ловко эти стихийные повстанцы казахов заполевали. Сразу все кочевья и сразу плотно прессанули. Казахи отбились, но завязли. Они могут прорваться, только бросив скот, но кем они будут потом без скота? Пастухами чужих стад и дешёвым пушечным мясом для неугомонного султана Сулеймана Великолепного. Да и не знают они пока, что это по всей Османской Германии разом началось и помощь ни к кому не придёт.

В Индии пока затишье. Движение только на тамильском юге Индии и Шри-Ланке. Там местные индийские мусульмане наказывают местных язычников тамиллов за предательство султана из далёкого европейского Стамбула. Наказывают с большим энтузиазмом, не жалея и собственных жизней за остров, который уже продан Империи Нового Света. И даже аванс за него уже потрачен. Шейх Ахмад аль-Казим собирает миллионную армию? Пусть собирает. У Сулеймана тоже теперь много. Не все ведь индийцы погибнут, две трети их уцелеет. Уцелеют лучшие, уже опытные. Пусть и не такие звери, как пуштуны, зато они воевать умеют.

Савелию и Сулейман был другом-братом, и Тахмасп хорошим приятелем, поэтому хотелось, чтобы они оба выжили. Оба они люди благородные, умные и приятные в общении, хотелось бы когда-нибудь посидеть за кальяном и кофе втроём, порассуждать о будущем, о смысле существования человечества и роли религий. Может быть даже пожить остаток лет в мире и созидании, пусть недовоёванное уже потомки довоёвывают, им ведь тоже какая-то слава нужна будет.

Но мира никто не хочет. Тахмасп не хочет мира на условиях статус-кво, а Сулейман просто не хочет, он любит воевать, он живёт войной и питается только её силой, живёт только её маной. Он настроен своей биохимией на войну, а зависимость от внутренних наркотиков посильнее чем от внешних. Сулейман даже с Чосоном и Дайвьетом мира не хочет. Только-только дальневосточники проявили интерес к обсуждению конкретных условий договора, султан сразу увеличил сумму запрашиваемой контрибуции вдвое. Раз моргнули, значит нужно прессовать, ага.

Но надежда на какой-то отрезок мирного времени, проведённый в задушевных беседах в хорошей компании, есть. Все мы стареем, гормональный фон меняется, внутренние наркотики выдыхаются и не приносят былого кайфа. Брату-Сулейману уже сорок семь, скоро его должно попустить от этих военных коктейлей тестостерона, норадреналина и дофамина.

А раз есть такая надежда, нужно к этому времени готовиться. Савелий распорядился начать насыпать остров в озере Сен-Клер, напротив столичного дворцово-паркового комплекса. Остров, размером с четыре стандартных участка первой линии — пятьсот метров полезной площади в ширину и два километра в длину. Даже пусть будет семьсот пятьдесят в ширину, замкнём проспект героев в квадрат, через мосты. Не бывает квадратных проспектов? Теперь будут. Основной судоходный фарватер по озеру Сен-Клер сдвинется на восток? Это ерунда. Зато красота получится завершённой, а то комплексу с востока явно чего-то не хватает, для творения полного совершенства, для полной гармонии. И архитекторов найдём расово аутентичных, и для дворцов, и для парков, и для набережных острова.

Дорого? В условиях такого профицита бюджета, любое строительство — это благо. И деньги в экономику через затраты уйдут, и научимся многому. Островов мы пока ещё не насыпали и фарватеры не копали. Техника специальная понадобится, конструкторская и инженерная работа, новые механизмы, новые станки для их производства. Да и не дворцы это бесполезные и бессмысленно роскошные, даже если по прямому делу они пригодятся всего на месяц, это они сейчас, в моменте, они такими получаются. На самом деле, это достойные памятники великой эпохи. Эпохи очень славной, эпохи полной подвигов и павших в славной битве героев-полубогов, равных своим величием Одиссею, Ахиллесу и Гектору. И битвы героев этой эпохи превзойдут все былые прошлые битвы людей, как битвы богов превосходят драки стай обезьян.

Величественный памятник той самой эпохи, в которой люди совершили эволюционный переход своего только развивающегося разум вида, и вышли на прямую связь с самим Всемогущим Создателем, получив от него «забытый язык богов» и «утраченное людьми знание». На линии связи с Создателем снова: «Ждите ответа, ждите ответа...», но и уже полученного теперь хватит на сотни, если не на тысячи лет движения всего человечества к обозначенной цели в Центре Вселенной, в точке Создателя.

Вот о чём на самом деле хочется неторопливо беседовать с друзьями за кальяном, а не о той пустой суете сиюминутных жизненных проблем, что занимают всё внимание сейчас. К этому и будем стремиться, а начнём с четырёх дворцов на острове.

Девятнадцатого апреля 1544 года, в Тауантинсуйу прибыли Джулио Медичи, бывший Папа Климент Седьмой и Восьмой, теперь просто монах Джулио, будущий Равноапостольный Святой христианства; Папа Игнатий Первый, бывший магистр Ордена Священного Препуция, бывший герцог Рима и Мальты, бывший кардинал Игнатий де Лойола: и кандидат в магистры и герцоги, орденский приор Индии и Индокитая, Фёдор Курбский, урождённый князь, прямой потомок Рюрика, родной дядя того самого Андрея Курбского, который, в той исторической реальности, сбежал от Ивана Грозного в Литву, а потом долго собачился с ним в переписке.

В этой исторической реальности, княжич Фёдор в 1530 году с отличием закончил Царьградский университет в первом потоке, год прослужил Василию Третьему личным секретарём, а в 1531-ом, сопровождая царя на Всехристианском объединительном соборе в Иерусалиме, неожиданно для всех принял монашеский постриг, и стал братом-рыцарем Ордена Священного Препуция. В 1533-м викарий Мальты, в 1535-м приор Британии, в 1538-м прецептор-куратор орденских монастырей-узлов связи, с 1541-го приор Индии и Индокитая. Хорошо образованный и очень деятельный, фактический заместитель магистра Игнатия де Лойола с 1538 года.

Возразить против этой кандидатуры было нечего, поэтому двадцатого апреля 1544 года, новый магистр Ордена Священного Препуция, Фёдор Курбский, принёс вассальную присягу императору, стал герцогом Рима и Мальты и занял столичную орденскую резиденцию во второй линии дворцово-паркового комплекса Тауантинсуйу.

Папе Игнатию Первому, Савелий выделил в пользование бывший дворец Эль Чоло 1-й линии, а простой монах Джулио Медичи поселился в «скромной келье», в собственном флигеле императорского дворца «Domus Solis».

С первого мая 1544 года, Савелий начал обучать пилотированию самолёта свою супругу, императрицу Софью. Пусть войдёт в историю, как первая женщина-авиатор. Зачем уступать это очень почётное историческое место кому-то другому, если есть возможность его занять? Кроме обучения пилотированию, Софья тренируется стрелять из малокалиберного пистолета. Упорно тренируется и имеет неплохой шанс выиграть первую Олимпиаду в этой дисциплине.

Рожать ей ещё рано, есть время на завоевание собственных титулов: первая женщина-авиатор и первая олимпийская чемпионка. Олимпийская чемпионка вообще первая, первым будет определяться победитель именно в стрельбе из малокалиберного пистолета, так что осталось только выиграть. Сам Савелий тоже собирался принять участия в олимпийском соревновании по конкуру и тоже не без шансов. Выступать дома, в том же манеже, в котором тренировался и проходил трассу сотни раз, да ещё и на лучшей лошади — это очень приличная фора, проиграть будет просто стыдно.

К маю 1544 года, ситуация на османо-персидском фронте не изменилась. В апреле, перед началом сезона дождей, Сулейман попробовал пробить оборону персов перед Индором, потрогал три участка, но слабых мест не нашёл и вернулся в Хайдарабад.

Новобранцы из индийских мусульман до белых костей зачистили элиту тамиллов и получили ценный боевой опыт. Стороны копят силы и активных боевых действий в ближайшие полгода в Индии не ожидается. Персы закупают зерно в Русской Империи в больших количествах и запасают его в Тебризе. Так зерно в Иране получается дешевле, чем везти его посуху из Бенгалии.

Казахов в восточной Германии и Баварии уже избавили от стад и загнали в города-стойбища, теперь они находятся на службе у султана, получают жалование и довольствие, формируют шестидесятитысячную драгунскую армию для подавления мятежа. Да и потом им Сулейман наверняка скучать не даст.

Пири-реис грабит побережье — и персов в Бенгалии, и чосонцев в Малакке, и дайвьетцев в Мьянме и Кампучии. Грабил, грабит и будет грабить, ему сезон дождей не помеха. Пири-реис копит на новые корабли, которые продолжает поднимать в Персидском заливе вице-адмирал Апату Вуиса.

В июне, Империи Чосон и Дайвьет согласились на условия мира Сулеймана

Великолепного, с выплатой по десять тонн золота в качестве контрибуции, но султан снова изменил свои условия — слишком долго думали. Теперь он золота требовал всего по пять тонн, и по три «виндjamмера» с каждого.

Император Дайвьета, Ле Чанг-тонг согласился первым, почти сразу. Флот у него самый маленький, всё равно никому не противник, а императорскую яхту отдавать не придётся, она в этом флоте четвёртая. Через пару недель раздумий, согласился и император Чосона, Чунджон Накчхон. Лучше потерять три корабле уплатой за мир, чем все тринадцать в сражении с Пири-реисом. А сражение пришлось бы давать, армия в Малакке нуждается в снабжении. Не спокойно у чосонцев в Малакке, полуостров они завоевали, а покорить население так и не успели, так что никаких от этого владения доходов не поступает, одни расходы, да ещё и берега постоянно грабят османы. В общем, договорились. У Пири-реиса теперь более чем двукратное превосходство в силах, так что надежды персов на паритет после покупки «утопленников» теперь тщетны, столько мы не поднимем.

Савелий поздравил коллег с заключением справедливого и почётного мира и пригласил императоров Ле Чанг-тонга и Чунджона Накчхона в Тауантинсуёу, обсудить их участие в общем банке и общей валюте, мирное развитие экономики с помощью железных дорог и вместе посмотреть Олимпиаду — это самое главное. Железная дорога от Сан-Франциско до Тауантинсуёу домчит вас литерным за четверо суток, так что успеете. Заодно и оцените. Согласились, конечно, и даже с благодарностью.

Из войны Чосон и Дайвьет вышли хоть и со штрафом, но всё равно с большой прибылью. Чосон теперь владеет всей Маньчжурией, включая Ляодунский полуостров, и полуостровом Малакка; а Дайвьет Лаосом, Кампучией, восточными провинциями Аркана (Мьянмы) и Аютии (Таиланда). Настоящие Империи, пусть и небольшие, по сравнению с остальными пятью. Небольшие, а потому им придётся развиваться опережающим темпом, чтобы не быть слишком лёгкой добычей, когда очередь дойдёт до них. А дойдёт? Когда-нибудь обязательно. Или всё-таки возможно мирное объединение человечества?

С девятого по двадцатое августа 1544 года, прошли первые в этой новейшей истории Летние Олимпийские Игры. На открытии присутствовали три императора, четыре бывших правящих монарха, шесть вице-императоров, два канцлера, два великих визиря и пятьдесят тысяч болельщиков — полный стадион. Каждый шестой житель столицы Империи Инков сидел на трибуне Олимпийского стадиона. Хотя нет, из других городов зрителей тоже было много, тысяч пятнадцать точно, так что каждый восьмой.

Восемнадцать кинокамер снимают церемонию открытия с разных точек, потом монтируем фильм, или даже несколько, на любые фильмы большой спрос, а в этом «в ролях» такие люди... Да в каких ролях...

Императрица София Васильевна в брючном костюме стиля милитари выиграла соревнования по стрельбе из малокалиберного пистолета. Единственная женщина участница Олимпиады стала первой олимпийской чемпионкой новейшей истории. А потом Софья ответила на вопросы на пресс-конференции под кинокамеры. Хорошо ответила, с юмором, особенно на вопросы про костюм. Василий Иванович смеялся, да и Мария Генриховна подхихикивала.

Свой титул завоевал и Савелий, выиграв соревнования в конкуре. В общем зачёте первенствовала Северная Инка, но комплектов медалей разыгрывалось много, шестьдесят два в пятнадцати видах спорта: лёгкой атлетике, гребле, борьбе, боксе, плавании, тяжелой атлетике, стрельбе, велоспорте, парусном спорте, фехтовании, стрельбе из лука, конном

спорте, баскетболе, волейболе и теннисе; так что хоть по одной победе, но досталось всем, без исключения.

В теннисный турнир заявили все высокие гости, в том числе императрица Софья, императоры Чосона и Дайвьета. Игра эта нынче модная в высшем обществе, так что умели в неё играть все, хоть и в разной степени мастерства. Теннисный турнир выиграл Жуан Ависский, герцог Большого Порту, Большого Лиссабона и Бом Байи, что неудивительно. Он тренируется каждый погожий день, а остальные поигрывают от случая к случаю. В финале, бывший король Португалии обыграл своего постоянного спарринг-партнёра, Филиппа Парацельса фон Гогенгейм, барона де Агонда. А Савелий выбил из турнира Софью, в нелёгкой семейной борьбе. Спортивная девушка императрица, непростой соперник.

Олимпиада удалась, идея, что называется, зашла, следующие Игры 1548 года в Лондоне организовать будет гораздо легче, а потом ещё парочка, и Империи уже начнут конкурировать за право провести у себя Олимпиаду, или другой крупный международный турнир. Людям нужны зрелища, это их физиологическая потребность, а спорт — зрелище очень интересное. Не менее интересное, чем античные гладиаторские бои, или христианские аутодафе, так любимые народом в своё время.

Коллегам императорам и великим визирям, Савелий рассказал о планах построить ещё четыре дворца первой линии, под резиденции Империям: Османской, Персидской, Чосону и Дайвьету, на насыпном острове напротив «Domus Solis». Показал эскизы графов-творцов. Попросил прислать самых лучших архитекторов и мастеров-отделочников-оформителей, пообещав всё построить за собственный счёт. От халявы, коллеги и их великие визири отказались, пообещали собрать лучших мастеров и оплатить строительство. Вы только остров насыпьте и об остальном не беспокойтесь, мы и дворцы построим, и мосты, и набережные и парки сами посадим.

От долевого участия в капитале общего банка и общей валютной системе все они вежливо отказались.

«Спасибо, но печатать бумажные деньги мы и сами сможем».

Печатать, конечно, сможете, кто-бы спорил... Ладно, дело ваше, попробуйте сами, мы не настаиваем.

Зато в железных дорогах все были заинтересованы точно так-же так же единодушно. Дороги нужны, но их ведь мало построить, по ним ведь потом ещё и возить нужно, а где специалистов для этого взять? Концессия с Орденом Священного Препуция? А что такое концессия? Очень интересно... И что, даже дорогу Стамбул — Дамаск заказать можно, с мостом через Босфор? Да понятно, что очень дорого, но в принципе можно?

В принципе возможно всё, даже конструкция из нержавеющей стали и отделка моста через Босфор золотом и драгоценными камнями, но это в принципе, а в реальности у вас на это денег нет. Ваши «бумажки» мы принимать не будем, всё придётся оплачивать в наших «чалы», или золотом по шестнадцать грамм за сотню. В сотне четырнадцать? Так это в монете, а монета, она сама по себе ценность немалая. Попробуйте, сделайте такую-же, с никелевым ободом, сами поймёте, что ценность монеты не только в золоте по весу.

Вот если бы вы в наш банк дольщиками зашли, эмиссию бы вам засчитали по пятнадцать за сотню, а на вольном выпасе по шестнадцать, для начала. А потом мы начнём публичную торговлю золотом и узнаем его истинную цену в «чалы». В «винджамерах» мы рынок здорово недооценивали, а в золоте, не исключено, что его сильно переоцениваете вы. Нет такого спроса на золото, как вы надеетесь.

Договорились начать с малого, с оценки стоимости грузопотоков, оценки, в том числе и полезности дорог в перспективе, а не пока идёт война. Война закончится, в море выйдут торговцы на самом дешёвом морском транспорте, и военная железная дорога станет убыточной. Обеспечьте возможность спокойной работы монахам-железнодорожникам-экономистам Ордена Священного Препуция, а они вам предложат коммерчески интересные для концессии направления. Нужны ли вам такие дороги — решать будете сами. Заказать некоммерческую дорогу? Всё можно, если золота хватит, все контракты оговаривайте с магистром Ордена, он и наши интересы учтёт, мы ему доверяем, Орден — партнёр надёжный.

В сентябре 1544 года, в Гонолулу зашли на бункеровку шесть «виндjamмеров» Персидской Империи. Ушли они из Банг Макока в полной тайне и в Гонолулу свалились как снег на голову, береговая батарея чуть не шарахнула на поражение по агрессору, но обошлось.

Из Гонолулу, персы шифром доложились начальству и получили ответную передачу.

Они шли в Европу! В Европу, вокруг мыса Горн! Персидская Империя планирует получить выход в Средиземное море в самой ближайшей перспективе. Шейх Ахмад аль-Казим уже проводит передислокацию своей четырёхсоттысячной армии на северо-запад Империи, в Тебриз и Урмию, где уже накоплены запасы боеприпасов и продовольствия. Ахмад аль-Казим снова пошёл туда, где нет султана Сулеймана Великолепного, а свои южные рубежи подкрепил только пятидесятитысячным корпусом.

Брат-Сулейман уже собрал на юге Индии сто восемьдесят тысяч отборного расово-османского войска и сто двадцать расово-неполноценных индийских мусульман, а противостоит ему теперь тоже трёхсоттысячная армия, по макушки вкопанная в три ряда траншей, с ходами сообщения, прикрытая батареями на закрытых позициях, корректируемых наблюдателями по проводному телефону. Сосредоточенным применением сил, такой фронт прорвать можно, всё возможно, если сильно постараться, но как дальше снабжать эту армию прорыва, прорвавшуюся на вражескую территорию? Прорванные фланги сомкнутся за спиной и вуаля. Безумству храбрых — общие могилы неизвестного солдата.

В общем, эскадра персов идёт в незащищенное Средиземное море, четырестоттысячная армия шейха Ахмада аль-Казима готовится к прорыву в Средиземноморье по суше, а Сулейман Великолепный сидит в позиционном тупике на юге Индии. Тупике, всё продолжающем пополняться бойцами с обеих сторон. К султану всё также направляется большинство новых сформированных в Османской Империи частей, а персы начали передислокацию на юг пятидесятитысячного корпуса своей восточной армии. Восток успокаивается, воинские контингенты там теперь сокращают все — и персы, и Дайвьет, и Чосон в Малакке.

Они даже совместный проект обдумывают — судоходный канал через перешеек Малаккского полуострова, на персидско-чосонской границе. Интересный проект, многообещающий с коммерческой точки зрения, почти на тысячу километров сократит путь из Индийского в Тихий океан. Интересно, почему в той исторической реальности такой канал не построили?

Генрих Первый д'Альбре покоряет Тибет и Уйгурию. Именно покоряет, а не завоёвывает, воевать с ним там никто не хочет, поэтому аннексия западных регионов проходит быстро. Передовые части армии китайской Империи д'Альбре уже вышли на восточную границу персидской Средней Азии. Друг Энрике ищет оптимальный маршрут для постройки железной дороги Нанкин — Кёльн, а оптимальный проходит как раз через Среднюю Азию — это древний Великий шёлковый путь.

Генрих в своём праве. Никаких договоров о разделе сфер влияния, он с персами не заключал и не собирается. Сразу он войну, конечно, не начнёт, нет у него на востоке сил для большой войны, но готовиться к ней теперь будет точно.

К концу сентября 1544 года, османы подавили восстание в Восточной Германии и Баварии. Очень жестоко подавили, особенно лютовали, потерявшие свои табуны и стада, казахи. В Русскую Империю и Западную Германию беженцы прибывают тысячами каждый день. Прибывают потерявшие всё «гастарбайтеры», готовые ударно трудиться за еду и место для ночлега в тепле. Великое переселение народов продолжается, на опустевшие земли приходят мусульмане из Анатолии, Аравии и прочего Ближнего Востока.

Беженцы сейчас вовсе не бедствие, а совсем даже наоборот — колоссальная поддержка бурно развивающейся экономики. И не только экономики. В западногерманскую Франконию отступили, недобитые казахами, ногаями и крымчаками, повстанцы. Шестьдесят тысяч, приличный армейский корпус, собранный в основном из неженатой молодёжи, во главе с очень талантливым организатором, бывшим бюргером города Магдебурга, Йоханом Рудерманном. Именно он координировал действия повстанцев, превратил толпу в подобие армии и даже брал с ней родной Магдебург, а после вывел своё войско к Франкфурту.

Теперь этот корпус ждёт славная служба в китайской Империи д'Альбре, женитьба на китайках и участие в образовании нового восточного этноса — евроазиатов; а Йохана Рудерманна владение и титул китайского герцога, или графа.

Был ли у этого восстания шанс? Был. Расчёт строился на распространение мятежа в Богемию, Остмарк и Венгрию, но там османские крымчаки и ногаи сработали на опережение. Они уже опытные, всяких бунтов повидали-подавили, да и христиане там

теперь не в таком подавляющем большинстве.

В середине ноября 1544 года, Персидская эскадра Средиземного моря бункеровалась уже в Монтевидео, а двадцать шестого ноября, четырёхсоттысячная армия шейха Ахмада аль-Казима начала наступление в юго-восточной Анатолии, направлением на Газиантеп.

Османь, что называется, «прохлопали ушами» и попали в очень интересную ситуацию. Половина их военных сил на юге Индии, четверть в Месопотамии и на оккупированной территории юго-западного Ирана, а ещё четверть тонким слоем размазана по гарнизонам Европы, Ближнего Востока и Египта. Очень тонким слоем, соскребать оттуда уже нечего.

Если персам удастся вклиниться до Искендеруна и закрепиться на этой линии, а всё идёт именно к этому, Османская Империя окажется разрезанной на две части, с практически беззащитным западом. С беззащитной столицей Стамбулом-Константинополем. И доставка войск морем теперь будет для них сильно осложнена, присутствием персидской эскадры из шести «винджаммеров». Небольшой эскадры, но у османов в регионе и этого нет, все их военно-морские силы далеко-далеко на востоке, в Индийском океане.

Красиво! Пусть шейх Ахмад аль-Казим и уступает Сулейману Великолепному талантом полководца-тактика, но стратег он непревзойдённый. Он бьёт только туда, и очень чувствительно бьёт, где нет гениального султана. Бьёт только туда, где его вообще никто не ждёт. От Газиантепа ему откроются пути на Дамаск и Анкару, которые османам нечем защищать. Персы свой Иран тоже ничем не защищают, но это совсем другое дело, в Иране на джихад против еретиков-суннитов встало всё население от мала до велика, а кто встанет в Леванте и Анатолии? Единицы буйных сумасшедших.

И ведь ненамного больше у персов армия, около миллиона, против, примерно, восьмисот тысяч, зато она более валентна. Персам нет нужды держать такие большие гарнизоны, как османам в Европе. Даже в их части Индии и Индокитая относительный порядок поддерживается малыми силами, при полной поддержке местных мусульман, а вот османь в своей Европе сидят только на штыках, да и в Египте далеко не всё спокойно. Действительно спокойными у них были только Анатолия и Левант, куда и вторгся блистательный шейх Ахмад аль-Казим.

Искендерун персы заняли двадцать первого декабря 1544 года, а семнадцатого января 1545-го, разгромили под Алеппо, снятую с позиций под Багдадом, Эль-Кутом и Баакубой, и брошенную на прорыв в Анатолию, сто пятидесятитысячную армию Дамат Рустем-паши. В топку брошенную. В отчаянии, в надежде на Чудо, против более чем вдвое превосходящих сил. На позициях под Багдадом, в мощных укрепрайонах, эта армия могла сдерживать персов очень долго, если не бесконечно долго, но ей пришлось оставить отличные позиции и сломя голову броситься в безнадёжную атаку. Результат закономерен. Дамат Рустем-паша безвозвратно потерял шестьдесят тысяч и почти всю артиллерию, а его укрепрайоны в Месопотамии полностью утратили своё значение. К Багдаду персы теперь если и пойдут, то точно не с востока и не с севера, откуда их ждали и к чему готовились, а с запада, от Дамаска.

Если пойдут, ага. У шейха Ахмада аль-Казима есть ходы поинтереснее. Не зря ведь он затребовал в Средиземное море флот, способный прикрыть десант. Гарантированно прикрыть где угодно, даже в Босфоре, который и на плоту форсировать можно. Шах султану Сулейману Великолепному, который уже мчится спасать Стамбул. Спасёт ли он его без брошенных в Индии армии и флота — большой вопрос. Ах да, про флот то ведь он ещё не знает и узнает только после прохождения персами Италии. Вот уж блокбастер, так

блокбастер, триллер, так триллер.

Между тем, Савелий и Софья провели карнавальным двухнедельник в Маракайбо, открыв своим перелётом, первую в этой исторической реальности, коммерческую авиалинию: Тауантинсуйу — Атланта — Гавана — Маракайбо. Летели пассажирами первого коммерческого рейса. С рекламными, разумеется, целями. Богатых людей в Империи очень много. Дали о себе знать хорошие стартовые условия — первым ведь поселенцам выделялось по сто гектаров земли, да какой земли, сухая палка прорасти может. И приехали они не пустыми, в отличие от поздних беженцев от войны, некоторые привезли достаточно солидные капиталы.

Лавинообразный рост спроса на какао, кофе, сахар и сок гевеи на первом этапе, а потом и на всё остальное, когда в Европе перестали пахать и сеять, потому что из-за войны урожай всё равно будет не собрать, сверхприбыльным стало любое сельскохозяйственное производство, все излишки перепроизводства охотно скупала Французская Империя. Потом османы вырубали французские виноградники, озолотились уже имперские виноделы (расовые французы, в основном) в Калифорнии, Чили и Аргентине.

Рост в сельскохозяйственной отрасли очень бурный (по двадцать процентов) уже устойчивый на протяжении четверти века, породил в Империи очень богатый средний класс.

Не удивительно, ведь добровольно, не вынуждено, в Новый Свет переселялись самые предприимчивые. Они не сидели на деньгах, а развивали бизнес, причём, продвинутый бизнес, с торговыми марками и рекламой. И в Европе, и в Азии. Точки реализации сдвинулись на территории покупателей. Такие люди очень подвижны, время экономят как бесценный ресурс, так что время коммерческой авиации пришло и пока это имперская монополия, как и железные дороги, связь и банки.

Вся остальная коммерческая деятельность разрешена частным предпринимателям, при покупке соответствующей лицензии, конечно. Без лицензий никак нельзя, они ведь будут в производстве пользоваться имперской интеллектуальной собственностью, а это стоит и очень немало. Хочешь бизнес совсем без лицензии? Придумай что-нибудь своё, например антигравитатор, или установку искусственного фотосинтеза. Тогда уже Империя у тебя лицензию купит, всё честно.

В Маракайбо провели реорганизацию корпорации Орден Священного Препуция Реорганизацию провели Папа Игнатий Первый и магистр, имперский герцог Рима и Мальты, кардинал Фёдор Курбский. Целибат для братьев Ордена теперь дело добровольное. Господь велел плодиться и размножаться, стремление оставить потомство для нормальных здоровых людей очень естественное, так что теперь «чёрное монашество» дело сугубо добровольное. Никто никого попрекать не должен, все мы братья. Папа Игнатий Первый покался в грехе внебрачной связи, признал некую Сусанну де Санос своей законной супругой, а её тринадцатилетнего сына Педро своим, Педро де Лойола. Никакого шока это не вызвало, признанный сын имелся и у почти святого Папы Климента, только что жену он законной не признал, а теперь уже поздно, скончалась.

Такая реорганизация назрела давно. Какой может быть целибат у специалистов-связистов, в том числе радиоразведчиков? Они и вид делать не пытались, тем более что большая половина из них язычники. А куда без специалистов? На вольные хлеба, товариществом богомольцев? На милостыню существовать? В тёмных кельях без электричества?

Сами-то монахи могли только принеси-подай и пыль протри. Да и того больше. В

монастырях в мусульманских и языческих Империях в личном составе монастырей только аббат и викарий кадровые орденские, остальные специалисты. В общем, назрело. Целибат признали таким-же перегибом, как обязательную церковную десятину, или торговлю индульгенциями. Сам Христос ничего такого не проповедовал, всё это поздние выдумки. Ошибки, или даже того похуже, не исключается и злонамеренное вредительство.

Магистр Фёдор Курбский запросил у Савелия разрешения жениться на дочери сэра Томаса Мора Елизавете. Запросил как у главы семьи, Елизавета ведь племянница. Сэр Тамас даёт за дочерью графство Пуату. Шикарное приданное, совет да любовь.

Сусанна де Санос, супруга Папы Игнатия, стала владетельной имперской графиней Бизерта. Владением в Северном Тунисе, с немаленьким (сто тысяч населения) городом и портом в Средиземном море. Игнатий де Лойола заслужил большего, но не всё сразу. Педро де Лойола определили на учёбу в Лиму. В самый первый университет Империи Инков, нашу кузницу кадров.

В феврале обозначил свои намерения шейх Ахмад аль-Казим. Для османов обозначил, нам радиоразведка все персидские планы вскрывает практически онлайн. Персы идут на Стамбул-Константинополь двухсотпятидесятитысячной армией, идут через Адану, Конью и Анкару. Персы идут по османской метрополии к османской столице, а османская армия бездействует на юге Индии. Не совсем бездействует, передислокация уже началась, но с юга Индии до Стамбула очень далеко, а шейх Ахмад аль-Казим умеет наступать очень быстро, в Аркане он это продемонстрировал.

Сразу после отбытия султана Сулеймана Первого из Индии, персы начали переброску пятидесятитысячного корпуса на усиление своих позиций в Леванте. Идти до новых позиций им и ближе и удобнее, османам придется преодолеть комбинированный сухопутно-морской маршрут, персы за это время уже построят линию обороны не хуже, чем в Индии. Да и разграбить всё успеют. Весь Левант, всю Анатолию, всё, что нажито трудом нескольких поколений, ведь полтора века века не было войн в этих землях, накопился жирок приличным слоем.

Сулейман Великолепный уже в Бейруте, собирается идти в Стамбул морем на каком-то деревянном галеоне. Успеет, или нет? Эскадра персов уже прошла Гибралтар и тоже направляется напрямиком в Стамбул.

Четырнадцатого марта 1545 года Микеланджело Буонарроти, граф Арубы и Кюрасао закончил ваять мраморную статую Эль Чоло для императорского дворца «Domus Solis». С неё будет снята масштабированная копия для монумента в Нью-Йорке и несколько для памятников. Шаман заслуживает увековечивания своей памяти в этой исторической реальности и памятника в каждом городе Империи. Не все они станут копиями этой статуи Микеланджело, работают и остальные творцы, но эта получилась уж очень хорошо. Эль Чоло вышел реально как живой.

В Стамбул Сулейман вернуться успел, в свою столицу он прибыл двадцать первого марта, уже имея сведения о прохождении эскадрой персов Афин. Беззащитные Афины персы трогать не стали, тихо прошли мимо, но османских торговцев в этих водах ходило очень много, нашлись и бывшие военные моряки, они и доложили: «Идут к Стамбулу, готовьтесь».

Идут и по суше, и по морю, а в гарнизоне Стамбула всего тридцать тысяч человек. Ещё десять в Эдирне. Всё выскребли в проклятую Индию, всё до самого дна.

Драться и погибнуть на развалинах, или отступить в Европу? А куда в Европу? В Салоники, или сразу в Тулузу? Шейх Ахмад аль-Казим уже подходит к Анкаре, которую

защищают всего десять тысяч человек. На два дня работы, много на три. Города метрополии к обороне никто не готовил, оборона у них самая архаично средневековая, от взбунтовавшихся крестьян отбиться можно, а вот от современной армии с современной артиллерией увы и ах. За счёт доблести и массового героизма можно задержать армию персов на пару дней, не более того.

Двадцать восьмого марта 1545 года, султан Сулейман Первый распорядился перенести столицу Османской Империи в Загреб и немедленно начать эвакуацию всех ценностей из Стамбула. За такой срок все ценности из полумиллионного города вывезти, конечно, нереально даже по железной дороге, не то, что лошадиной тягой, но хоть казну забрать успеет, будет на что новых солдатиков вооружать.

Третьего апреля 1545 года, в столице Империи Инков дали старт первому автопробегу-ралли Тауантинсуйу — Сент-Луис — Хьюстон. «Большие гонки» на серийных внедорожниках «Тойота Русь». Пока малосерийных автомобилей, только для армии, но уже не ручной сборки.

Автомобиль делали долго, дольше чем самолёт, но получилось действительно хорошо. Похоже на ранний, действительно вездеходный «Лендровер», с кенгурятником, мощной лебёдкой и багажником на крыше. Было куда загрузить топливо, расходники, самые ходовые запчасти, палатки, жратву и всякое такое. Мотелей и «Макдональдсов» по пути не ожидается, пополнить запас всякого такого можно будет только один раз — в Сент-Луисе.

Разумеется, Савелий участвовал ралли-автопробеге под номером один, штурманом в его экипаже была императрица Софья. Под номером два, заявили тесть с тещей, Василий Иванович и Мария Генриховна. Третьим номером стал вице-император, имперский наместник Северной Инки, Нууно Вимка, со своей супругой-штурманом. Никто из них не собирался гнать за победой, здесь будет вполне достаточно одного участия. Участия в автопробеге и съёмках фильма «Большие гонки».

«Большие гонки» финишировали в Хьюстоне одиннадцатого апреля, победу одержал экипаж первой заводской команды «Тойота», два паренька из банды императора Ивана Васильевича.

Савелий с Софьей, Василий Иванович с Марией Генриховной и Нууно Вимка с супругой финишировали вместе, колонной, шестыми, седьмыми и восьмыми. Отлично провели время. Гостили у индейских вождей, воскуривали трубки, жарили на кострах шашлыки и кипятили воду для чая из коки. Даже посуду сами свою мыли. Романтика...

Девятнадцатого апреля 1545 года, шейх Ахмад аль-Казим вышел к Азиатскому берегу Босфора, в котором уже хозяйничала персидская эскадра. Сулейман Великолепный в этот момент находился в Стамбуле, руководил эвакуацией и собирался отступить из города последним. Но отступать ему не пришлось.

Двадцать второго апреля, все получили новость, что шестидесятитысячный армейский корпус китайской Империи д'Альбре, во главе с самим императором Генрихом Первым, вторгся в самое северное владение Персидской Империи, провинцию-сатрапию Моголистан* (*современные северо-западная Уйгурия и Киргизстан) и захватил Кашгар. Точнее, занял Кашгар без боя, в городе никто не захотел умирать за чужого для всех персидского императора из далёкого Мешхеда.

Уже подготовленный десант на Европейский берег Босфора, шейху Ахмаду аль-Казиму пришлось отложить до выяснения обстоятельств. Послы Империи д'Альбре в Сингапуре и королевства Западной Германии в Гранаде сами ничего не знали и объяснить, соответственно, не могли.

Разъяснение этого хода от императора Генриха Первого д'Альбре, персы получили только шестого июня, когда друг Энрике вернулся в Дихуа* (*современный Урумчи). Войну Персидской Империи он не объявил и военных действий не начал, просто восстановил законный имперский порядок на имперской территории бывшего улуса Чагатая. На персидскую Среднюю Азию он не претендует, но весь Моголистан он считает своим законным владением, когда-то незаконно отторгнутым у Империи ордой дикарей кочевников. Не согласны? Считаете себя законными наследниками Орды и готовы отвечать за все её прошлые выходы?

Моголистан — самая далёкая и бедная провинция-сатрапия Персидской Империи, да и то считалась она таковой только формально, там даже не размещались персидские гарнизоны, поэтому объявлять из-за неё войну китайской Империи д'Альбре персы не стали, но времени они потеряли много. Пока определили и согласовали границу между персидской Средней Азией и китайским Моголистаном, пока заключили соответствующие договоры, прошло полтора месяца.

Сулейман Великолепный этого времени не потерял. Стамбульский гарнизон увеличился до ста двадцати тысяч, за счёт мобильных драгунских корпусов ногаев, крымчаков и казахов, все ценности из фронтовой османской столицы уже отправили в Загреб, а сам город превратился в один огромный укрепрайон. В новых условиях, от десанта в Стамбул, шейх Ахмад аль-Казим отказался.

Остаток лета и начало осени 1545 года, персы грабили Анатолию и Левант и укрепляли оборону «средиземноморского языка», который в восточном основании расширился от Вана

на севере, до Мосула и Эрбиля на юге, сужался к западу до сотни километров между Газиантепом и Алеппо и дотягивался до Мерсина через Адану.

Свою столицу Сулейману отстоять удалось, но положение у него сейчас всё равно очень незавидное. «Средиземноморский язык» персов дотянулся до Кипра, и теперь снабжению западной армии шейха Ахмада аль-Казима, через Мерсин и Искендерун, не мешает даже возвращение в Средиземное море превосходящих сил османского военного флота. Слишком близко теперь Кипр к персам и слишком далеко от оставшихся у османов флотских баз в Измире и Александрии. И «язык» этот будет оборонять уже полумиллионная армия ветеранов-победителей, вкопанная в землю на самых удобных и выгодных позициях.

Полного успеха западной кампании, персы, из-за действий Генриха д'Альбре в Моголистане, не добились, но и неполный получился очень впечатляющим. Особенно в плане финансов. Когда теперь Сулейману удастся собрать налоги с ограбленных Леванта и Анатолии — большой вопрос, а ведь это были самые богатые регионы Османской Империи.

Только на ликвидацию прорыва персов в Средиземное море, теперь понадобится миллионная армия, а ведь нужно ещё держать позиции в юго-западной Индии и на линии Басра — Шираз — Бендер-Аббас. Только на это нужно ещё полмиллиона бойцов, минимум. Теперь это точно нереально. Осознаёт ли это брат-Сулейман? Понимает ли, что, пытаясь вырвать у персов «средиземноморский язык» военной силой, он сильно рискует потерять вообще всё?

Брат-Сулейман, к счастью, это уже понимал, поэтому предложение Савелия о посредничестве в мирных переговорах принял с благодарностью. Не отказался от переговоров и император Персии, Тахмасп Первый.

Первого октября 1545 года, на всех фронтах османо-персидской войны было объявлено перемирие на полгода. Кроме прекращения военных действий, сторонам запрещалась передислокация крупных воинских соединений и военных флотов. Под гарантии Империи Инков, война встала на паузу в этой позиции. Если договориться не сможете, продолжите воевать с исходных, но хоть попытаться то стоит.

Мирные переговоры на высшем уровне начались в Маракайбо первого декабря 1545 года. Начались они с выдвижения персами заведомо неприемлемых условий: полный уход османов из Индии, возвращение Шираза и Бендер-Аббаса (с островом Кешм) в Иране Кувейта, Омана, Йемена и прочих эмиратов юго-востока Аравии; передача семи османских «винджаммеров» флоту Персии и контрибуция с репарациями в сто тонн золота. И всё это в обмен на «средиземноморский язык», без Вана и Эрбиля.

На этом фоне, требование беспрепятственного прохождения персидских торговцев через Босфор и Дарданеллы, из кавказских черноморских портов и обратно; а также свободный доступ паломников-шиитов в Мекку, Медину и Иерусалим, с правом строить там свои шиитские мечети и свои расово-персидские мадафы для приёма паломников — уже сущие мелочи, хотя и это требование полностью невыполнимо. Частично — может быть, но полностью — точно нет.

Подыграл Сулейману, прибывший в Маракайбо семнадцатого декабря, император и король Генрих Первый д'Альбре. Друг Энрике прибыл не на переговоры, а на свадьбу своей дочери Жанны и русского императора Ивана Первого, но присутствие такой фигуры игнорировать было просто невозможно. Генриха привлекли к переговорам по всеобщему согласию, а он сходу заявил, что условия персов грабительские, такие условия могут выдвигать победители побеждённым, а Сулейман в этой войне ещё не проиграл ни одной

битвы. Китайская Империя д'Альбре с Персидской Империей договор о добрососедстве заключила, а вот королевство Западная Германия от любых обязательств свободно, и это нужно учитывать. У османов запросто может появиться союзник, если персы продолжат вести себя так же нагло.

Двадцать первого декабря, к переговорам подключился император Иван Первый, а с двадцать третьего, мирные переговоры Османской и Персидской Империи шли уже в глобальном формате, с участием всех семи императоров. Все прибыли на свадьбу русского императора и наследницы Генриха д'Альбре, Жанны. Никто не уклонился, никто не пренебрёг.

Савелий занял полностью нейтральную позицию, а все остальные склонялись на сторону османов. Условия мирного договора ведь и правда предложены грабительские. Так нельзя, это несправедливо. Генрих д'Альбре был уже совсем не прочь вмешаться в эту войну, хоть бы и на том-же Кавказе; а остальные просто морально осуждали персидскую жадность.

На карнавальный двухнедельник в Маракайбо общие переговоры прервали, но консультации в различных форматах проводить продолжили — персы начали потихоньку сдавать позиции и снижать свои требования. Это нормально, для того они и затребовали столько в самом начале, чтобы идти на уступки.

Рождество, Новый год, свадьба Ивана и Жанны, Крещение. Перелёт всей большой компанией в Тауантинсуйу. Продолжение переговоров в столице Империи Инков. Персы сдавали свои позиции неторопливо, отчаянно торгуясь за каждый метр, но это уже был ритуал сохранения лица, чтобы уступки не выглядели сделанными под принуждением. К февралю 1546 года, надежда на заключение мира уже перестала быть робкой и приобрела уверенность.

А раз скоро мир, то почему-бы сразу не обсудить и мирное развитие? Привлекли магистра Ордена Священного Препуция, имперского герцога Рима и Мальты, графа Пуату, кардинала Фёдора Курбского. Орден уже был технически готов взяться за железнодорожные концессии и в Османской Империи, и в Персидской, и в Чосоне, и в Дайвьете, но отдельные дороги в разных империях оказывались коммерчески не слишком интересными. Другое дело, например, дорога Каир — Иерусалим — Дамаск — Багдад — Эсфакан — Мешхед, которая свяжет производителей зерна в Египте и Месопотамии и основными потребителями. Такое было бы выгодно и османам, и персам, и Ордену, и, стоящей за Орден, Империи Инков; но для этого нужен мир надолго, лет на двадцать, как минимум, чтобы не только окупить вложения, но и заработать успеть. Мир становился всё более привлекательным, персы уступали всё быстрее, и наконец это случилось.

Мирный договор между Османской и Персидской Империями был подписан тридцатого марта 1546 года, за сутки до окончания перемирия. Похоже, персы именно к этому сроку и тянули. Османы сохранили за собой южную Индию от широты Гоа — бывшие владения Империи Тамиллов; сохранили всю Аравию, весь свой военный флот и все деньги; в качестве компенсации персы отставили себе Эрбиль, Мосул и Ван.

Доступ к мусульманским святыням шиитам предоставили, но без права возводить шиитские мечети и собственные мадафы. В Мекке и Медине все мусульмане братья и не нужно усугублять отношения поселениями враждующих диаспор. Совершил хадж, приобщился благодати — давай, до свидания, езжай домой — чемодан, верблюды, караван.

Пропуск персидским торговцам через османские проливы тоже предоставили, так что выход в Средиземное море персы всё-таки сохранили, пусть и с Кавказа. Будет у них теперь

интерес в строительстве Кавказской железной дороги, торговый маршрут ожидается очень оживлённый. Пусть морской транспорт и дешёв, но торговля с Европой вокруг Африки — это ещё и длительное, до полугода, время, на которое тормозится оборот капитала.

Железную дорогу Каир — Мешхед, решили начать строить уже в следующем, 1547-м, году, а пока накапливать материалы. Весь возврат «рельсового займа» Русского царства и королевства Западная Германия теперь пойдёт в этот проект. Да и не только возврат, одного его не хватит, рельсов понадобится много, на этом заработают и Белгород, и Дортмунд. В этой, «Османо-Персидской» железнодорожной концессии, Орден Священного Препуция получил долю в пятьдесят процентов, а Сулейман и Тахмасп по двадцать пять.

От общего банка и общей валюты все снова отказались, но это даже к лучшему. Обозначились два круга — свой близкий родственный и партнёрский. Свои на партнёрах должны зарабатывать — это правильно, это справедливо. Всё равно без «чалько» теперь никто не обойдётся, резервные фонды понадобятся всем, одним наличным золотом стабильность валюты не обеспечишь.

В начале апреля 1546 года, коллеги-императоры отправили работать своих канцлеров, великих визирей и премьер-министров, а сами остались погостить ещё. Погостить, поучиться пилотированию самолётов и управлению автомобилями. Автомобили «Тойота Русь» и самолёты «Боинг Ворон» Савелий подарил всем, но сразу с условием, что управлять ими коллеги-императоры научатся сами. Идея этой акции простая — если автомобили и самолёты понравятся, а они не могут не понравиться, умным людям-монархам, то это станет самой лучшей рекламой из всех возможных. Снимем об этом один полнометражный документальный рекламный фильм, и покатим его по всему миру. Ещё и денег на этой рекламе обязательно заработаем. Много заработаем — ведь в главных ролях снимаются такие люди...

В июне, на Олимпийском стадионе Тауантинсуйу, прошёл первый Чемпионат мира по футболу. Участие приняли двенадцать команд: Северная, Южная, Европейская и Африканская Инки; королевство Западная Германия; китайская Империя д'Альбре; Русская Империя; русское имперское владение Британия; Османская, Персидская, Чосонская и Дайвьетская Империи.

Четыре группы по три команды, победители групп встречались в полуфинале, а победители полуфиналов разыграли титул первого чемпиона. Очень неожиданно для Савелия, в финале сыграли Европейская Инка и Западная Германия, обыгравшие в полуфиналах Британию и Южную Инку. То есть, неожиданностью стала команда Западной Германии, основу которой составили баски и гасконцы из герцогства д'Альбре. Наши баски, не пригодившиеся Европейской Инке. Наши европейцы в финале победили пять-два, но, за проигравшую в полуфинале, Южную Инку, всё равно было обидно. Южная Инка ведь самая наша, наша историческая метрополия.

Остров в озере Сен-Клер уже обрёл очертания, через год можно будет начинать строительство. В этом мире не понадобится специальное здание ООН, или Лиги Наций здесь всё будет решаться в дворцово-парковом комплексе Тауантинсуйу, где у каждого императора имеется собственная резиденция.

Разыграли участки на острове по жребию. Чосону достался северный, Дайвьету южный, а персы с османами стали соседями в центре острова. Теперь их соперничество продолжится в архитектуре, да и крайние им уступать не захотят. Красивым получится остров, судя по эскизам, очень красивым.

Разъезжаться начали в конце июня. Первым, двадцать седьмого, в столичном аэропорту, проводили в Челябинск Сулеймана Великолепного, в его владениях опять случился бунт, на этот раз в Италии. Бунт, как всегда, беспощадный, но на этот раз абсолютно бессмысленный. Теперь, когда вся почти восьмьсоттысячная османская армия пребывает в праздном безделии, бунтовать — сущий идиотизм. До сего момента нетронутую Италию, теперь ожидает тщательная зачистка и заселение демобилизованными османскими ветеранами, а герцогство Рим очередной наплыв беженцев, переселенцев в Африку. Уже не в Магриб и даже не в Южную Африку, а на западный и восточный берега.

Двадцать восьмого, в Сан-Франциско уехали императоры Чосона, Чунджон Накчхон, и Дайвьета, Ле Чанг-тонг. Этим торопиться некуда, поехали поездом, проводили их на Центральном вокзале столицы.

Император Иван Первый Рюрикович-Тюдор, его супруга, Жанна Рюрикович-д'Альбре, с уже заметным животом, и тёща, Маргарита Валуа, отбыли на «Грозном» от причала дворцово-паркового комплекса тридцатого июня. Следующим летом, брату-Ивану предстоит выход уже на Енисей, а районе тамошнего Красноярска, своё продвижение на восток, русский император считает главной задачей. Тем более, что уже сейчас ясно — Жанна Рюрикович-д'Альбре — единственная наследница владений своего великого отца. Перестали рождаться детишки от Генриха, теперь даже новый брак не поможет. «Накаркал» Эль Чоло...

Второго июля, поездом в Нью-Йорк, отбыл император Персии Тахмасп Первый. Уже зрелый правитель, победитель в великой войне. Войну с Сулейманом он выиграл, это несомненно, хоть де-юре она и закончилась вничью. Вничью она закончилась на западных и южных границах Персидской Империи, а вот восточные её границы теперь в Индокитае. И самое главное — Тахмасп очень молод, ему всего тридцать два, в то время как Сулейман в этом году разменяет полтинник. Двадцать лет мира, для Тахмаспа — время для подготовки к следующей войне, в то время как для Сулеймана Великолепного — это последние годы жизни. Последние годы, осложнённые тем обстоятельством, что сыновья у него остались только от наложниц, а значит, династическая свара после его смерти практически неизбежна.

Но всё начнётся только через двадцать лет, а пока «Эпоха Империй» вступила в фазу противостояния экономик и финансов. В эпоху бурного экономического развития.

Часть третья. Смена поколений.

В конце сентября 1546 года, в правящих фамилиях Империи Инков и Русской Империи родились наследники. Практически одновременно. Двенадцатого сентября, Софья родила Александра, а пятнадцатого, Жанна очередного Василия Ивановича. Почти совпали эти события, разумеется, не случайно. Савелий специально подгадал зачатие своего первенца к брачной ночи Ивана и Жанны, а вот рождение в обеих императорских семьях мальчиков — это уже полная и очень приятная случайность. Ровесники и двоюродные братья с одинаковым статусом — если их воспитывать вместе, запросто могут стать лучшими друзьями.

Но не бывает в жизни счастья без печали. Конец 1546 года, почти одновременно, забрал из этого мира двух очень близких Савелию людей.

Первым зятя, сэра Томаса Мора, герцога Саффолк, Глазго и Осло, графа Нортумберленд, бывшего лорда-канцлера королевства Британия и создателя этого самого королевства из: Англии, Уэльса, Шотландии, Дании, Норвегии, Французской Британии (герцогств Нормандии, Бретани и Аквитании, графств Пуату, Мэна, Анжу и Пикардии) и Германской Британии (герцогств Шлезвиг-Гольштейн, Любек, Росток, Висмар, Штеттин и Данциг). Мыслителя-философа, писателя, первого ректора-канцлера русского Царьградского университета и одного из умнейших людей этой великой эпохи.

У сэра Томаса Мора и единокровной сестры Савелия, Навиты (тоже уже покойной), в браке родилось три сына и две дочери. Их старшая дочь вышла замуж за магистра Ордена Священного Препуция, Фёдора Курбского, а старший сын, сейчас двадцати двухлетний, сэр Томас-младший, теперь герцог Глазго, женился на дочери вице-императора Нууно Вимка, наследнице графства Баскония. Трое младших ещё не вошли в возраст совершеннолетия и теперь все они подопечные самого Савелия, ему самому придётся заниматься устройством судьбы племянников.

Второй утратой стал монах Джулио Медичи, бывший Папа Климент Седьмой и Восьмой Папа, не допустивший реформаторского раскола Римской католической церкви, а после объединивший всё христианство, преодолев раскол 1054 года. Папа, который перенёс христианскую столицу в Новый Свет, в Маракайбо, тоже мыслитель-философ и писатель, правда пока не публиковавшийся. Его «Хроники Второго Пришествия» читали в рукописях всего четыре человека: сам Савелий, Папа Игнатий Первый, магистр Фёдор Курбский и имперский наместник Мальты, барон де Мон-Сен-Мишель, Никколо Макиавелли. Прочитали и сочли публикацию этого труда преждевременной. Пусть отлежится. Не нужна сейчас миру религиозная экзальтация, сейчас нужно преодолевать расколы между остальными религиями, искать пути к объединению всего человечества.

У Джулио Медичи тоже остался сын — Алессандро. Имперский граф Алессандро де Медичи детто Моро де Сфакс, очень талантливый предприниматель-промышленник, основатель и владелец коммерческой компании «Медичи-электро», крупнейшего частного производителя всякого электрического — от проводов, лампочек и бытовой фурнитуры, до станков и инструментов. А поскольку этот рынок будет непрерывно расширяться ещё долгие-долгие годы, то граф Алессандро бедствовать точно не будет. Тем более, что помолвлен он с дочерью адмирала Тако Котага, герцога де Канариас, графа Кабо-Верде, Сан

Томе и Принципи, и в приданное получит ещё одно графство.

И сэр Томас Мор, и монах Джулио Медичи, пережили самих себя в другой исторической реальности на одиннадцать и двенадцать лет, но всё равно этого мало. Мало для Савелия. Сначала ушёл Эль Чоло, а теперь ещё двое из тех, с кем было интересно беседовать о вечном. Не о суетном материальном, а о духовном вечном — замысле Создателя, соответствии этому замыслу развивающегося человеческого разума, эфире-сингулярности и всяком таком, о чём теперь и поговорить-то стало не с кем.

Два мраморных саркофага, с залитыми воском телами усопших, погрузили на «Посейдона», и Савелий отправился провожать друзей в последний путь. Сэра Томаса Мора в собор Священного Препуция в Маракайбо, а вот монах Джулио Медичи завещал похоронить себя в Кёльнском соборе, где он, при помощи Савелия и Эль Чоло с медной кувалдочкой, победил Антихриста-Антипапу Мартина Первого и всех его нечестивых приспешников. В Кёльне, так в Кёльне, уважим последнюю волю великого человека.

Сэра Томаса Мора отпели и похоронили в восточном пределе главного христианского храма двенадцатого января 1547 года, рядом с Васко да Гама и Гийомом Гуфье де Бониве. Хорошая компания, хоть они и не дружили при жизни.

Четырнадцатого января, большой компанией, с Папой Игнатием Первым и всеми, находившимися в Маракайбо, кардиналами, отправились в Кёльн. Приехали на похороны монаха Джулио Медичи и два христианских монарха, императоры Генрих Первый д'Альбре и его зять, шурин Савелия, брат-Иван, Иван Первый Рюрикович-Тюдор.

После похорон, сели поговорить о своём.

— Великий был человек, Кёльн мне подарил. Царство ему небесное! — опрокинул в себя соточку, не чокаясь, Генрих д'Альбре.

— И паломников тебе после своей смерти организовал, теперь от них в Кёльне не протолкнуться будет. Его мощи обязательно начнут источать благодать. Излечивать от излишних злобности и жадности, которые всех нас и губят, на самом деле. Миллионы на этом зарабатываешь. Великий человек ушёл, Царство ему Небесное, — поддержал друга Энрике Савелий своей соточкой.

— Царство ему Небесное! — опрокинул свою Иван Васильевич, — горевать будем, или пульку распишем?

— Распишем, — кивнул Савелий, — горевать нам не о чем, все там будем, увидимся ещё. Прикажи подать сюда пива, Энрике, и фисташек солёненьких, расчерчивай лист, брат-Иван, я первым раздам. Итак, братья-императоры, волею самого Всевышнего, нам дарованы лет двадцать мира, которые мы должны прожить с пользой. Должны прожить так, чтобы потом не было мучительно больно, за бесцельно прожитые годы.

— Шесть пик, — заявил Энрике, — мне мучительно больно точно не будет, брат-Интико. Я не собираюсь ждать целых двадцать лет. Через шесть, у меня истекают сроки мирных договоров с Чосоном и Дайвьетом. К тому времени, я как раз весь Тибет займу и начну с ними новые переговоры.

— Мешают они тебе?

— Ещё бы они мне мешали, я бы тогда не стал ждать окончания срока договоров. Им просто не повезло. Я не могу ждать двадцать лет, мне уже сорок три, могу и не дожидаться. Иван, ты не заснул?

— Не заснул. Я пас. Мне на двадцать лет забот хватит. Как раз до Тихого океана с железной дорогой дойду.

— Забот нам всем хватит, — согласился Савелий, — семь бубей.

— Пас, — Энрике вскрыл прикуп с бубновым марьяжем, — интересно, уж не кроплёная ли у нас колода? На чём ты объявлялся?

— Сейчас увидишь. Девять бубей. Так вот, забот всем нам хватит. Пора уже нам начинать двигать прогресс по-взрослому. Навёрстывать бесцельно прожитые человечеством годы. Сами мы войн начинать не будем, Энрике, даже когда у тебя истекнут договоры. Оставь толику воинской славы для своего внука, не будь слишком жадным и злобным. Наша задача на эти двадцать лет — сделать так, чтобы каждый наш подданный мог себе позволить каждый день мясо, кофе и шоколад. Чтобы это мог себе позволить каждый крестьянин. Нам предстоит организовать распределение средств по-новому, чтобы мясо, кофе и шоколад спустились до самого низа.

— Зачем? — искренне удивился друг-Энрике.

— Затем, что калорийные продукты питания очень важны для умственного развития детей. Через двадцать лет, нам понадобятся тысячи учёных-преподавателей, миллионы инженеров и десятки миллионов всяких техников-механиков. С детства голодных и недоразвитых, мы этому выучить не сможем, как бы не старались. Сначала нам нужно накормить целое подрастающее поколение, а потом пожинать с него урожай.

— Миллионы инженеров и десятки миллионов механиков... — на руках у вистанувшего Генриха осталось два короля, пиковый и крестовый, сыграть мог только один, в зависимости от сноса Савелия, — а кормить все эти миллионы кто будет?

— Машины прокормят, в этом не сомневайся. Ну, сбрасывай, наконец, Энрике. Нам тебя до утра ждать? Над чем тут вообще можно думать?

— Подумать — никогда не вредно, Интико. Какого сбросить, Иван?

— Крестового.

— Почему?

— Потому, что он крестовый. Зачем ты вообще на девятерной вистовал? Не веришь мне — монетку подкинь.

Энрике подкинул монетку, сбросил пикового и остался без лапы.

— Обидно. А всё из-за совета подкинуть монетку. Нет в нынешней молодёжи нашей былой уверенности в себе. Да, ладно-ладно, шучу я, Иван. Машины, говоришь, прокормят... Верю. Тебе верю. А не сломает ли это всю нашу жизнь? Крестьяне сначала будут пить кофе и заедать мясо шоколадом, а потом им захочется... Чего им захочется после? Каждому по автомобилю?

— Обязательно захочется, к этому мы и стремимся.

— Зачем нам это? Зачем нам кормить крестьян шоколадом и соблазнять автомобилями, которые сейчас доступны только высшей знати? Чем мы тогда будем от них отличаться?

— А зачем нам от них внешне чем-то отличаться, брат? Мы что, не люди? Впрочем, отличия обязательно останутся, в этом не сомневайся. Для знати будут производиться специальные люксовые автомобили, в разы дороже обычных, как и шоколадки. Смысл на поверхности, но ты неуч, Энрике, и учиться не хочешь, а потому и не вкуришь с первого затыга.

— А ты вкуриваешь это, Иван? Ты ведь у нас учёный...

— Конечно, всё ведь очень просто. Это очень простая математика, арифметические действия. Сам прикинь, сколько можно собирать налогов с простолюдина на автомобиле. У него ведь и дом уже соответствующий, который жалко бросать. Нам будет очень выгодно

даже раздавать автомобили в долг. Правильно я думаю, брат-Интико?

— Абсолютно правильно, брат-Иван. Собственность — это самый надёжный якорь. Можно, конечно, сорваться с цепи и всё бросить, но это удел очень немногих. Подавляющее большинство будет платить свои долги, пока им это по силам. Тут, самое главное, нам самим не раздать больше, чем это народу посильно выплачивать. Во всём нужна разумная мера. Ведь раба можно запереть до смерти, можно пороть в назидание, но самое выгодное — убедить раба в том, что он не раб, а работает сам на себя. Всё очень просто: одни рабы производят автомобили для других рабов, но при этом и сами берут в долг на красивую жизнь: новые дома, кофе, шоколад и собачку престижной породы. Ну, собачки ладно, сдохнут они быстро, а вот дома останутся. И это уже наши дома, построенные на деньги самих рабов. Мы с них каждый год будем получать небольшие налоги, а при смене владельца на наследника — большие, до четверти стоимости. Всё, что для этого нужно — у нас уже есть. Главное теперь — самим не затупить, и система войдёт в устойчивый рост на пару веков. Через пару веков человечество уже будет осваивать Марс и Венеру, а деньги сменятся на социальные рейтинги.

— А солдат где брать, если они вдруг понадобятся? — спросил Генрих д'Альбре, после пары минут раздумий, — Не захочет ведь никто служить. Принудительно ставить в строй, как Франциск Валуа под самый конец? Конец у него был печальный, если помните...

— Печальный конец у Франсуа случился не из-за принудительной мобилизации, он всё потерял раньше. Мобилизация в случае войны — нормальная практика; а в мирное время, в армиях будут служить только офицеры и специалисты. Снова только бароны и рыцари, оседлавшие самолёты и автомобили. Для этого нам понадобится нефть. Много нефти, и она у нас есть. У тебя, Энрике, в Гронингене, у тебя, Иван, в Плоешти и на Кавказе. Нефть, на самом деле, много, где есть, но эта получится самой дешёвой в добыче и доставке. На нефть, за двадцать лет, переведём и свой военный флот. Крупнотоннажный на турбинные двигатели, а мелочь на дизельные.

— А в китайской Империи у меня нефти нет?

— Есть и там, но глубоко. Дорого получится её добывать, купить будет дешевле. Заранее договоримся о концессиях в восточной Аравии с османами. Там нефти на пару веков на всю Азию хватит.

— Может выкупим эту Аравию, пока нефть никто особо не ценит? Сулейману сейчас деньги очень нужны, персы его сильно ограбили в Леванте и Анатолии.

— Достаточно будет того, что мы выкупим эти концессии на сто лет. Заплатим столько, сколько запросит сам Сулейман. Сам он наш договор нарушать точно не будет, а вот его наследники могут запросто. Пусть только дадут повод. Они нам друзьями уже не будут...

— Сулейману пятьдесят два, двадцать лет он может и не прожить. Нужно начинать готовиться...

— Успеем, всё успеем, не нужно бежать впереди паровоза, Энрике. Когда бы это не произошло, османские наследники сначала сцепятся между собой, а потом с Персией. Иван, не спи.

— Пас.

Планов в Кёльне наметили громадьё. Точнее, приняли планы, предложенные Савелием. Очень амбициозные планы четырёх пятилеток, которые выведут развитие человечества на уровень середины двадцатого века той исторической реальности. Экономическое развитие, технологический прорыв в отдельных отраслях намечен уже в начало века двадцать первого

— к компьютерам и интернету. Сначала должны появиться компьютеры, а потом на них будут производиться расчёты для ядерной и космической программ. Так — правильно, так мы сэкономим очень много.

Семнадцатого июня 1547 года, Савелий с братом-Иваном основали на Южном Урале, на реке Миасс, город Новый Челябинск — начальную точку Великого Сибирского Пути. Того самого Транссиба, который в этом мире потянется не во Владивосток, вокруг Байкала, а гораздо южнее, через южносибирские степи и Монголию — в Тяньцзинь, или даже в графство Шанхай, в устье Янцзы. А Сибирь и Байкал пусть останутся в большей части заповедными. Заповедными и первозданными для будущих поколений человечества, как и Амазония с тропической Центральной Африкой. Ресурсов человечеству хватит и без разорения этих природных сокровищниц. Хватит-хватит, если их расходовать экономно и не растрчивать на мировые войны.

Обратно в Тауантинсуйу, Савелий возвращался из новой столицы Русской Империи — города Рюрикович-Черноморский, на Южном Берегу Крыма, примерно на месте тамошней Ялты. Красивый город получается. Строить его Иван начал сразу с противооползневых сооружений, с фиксации грунта на склонах, так что пляжи в новой русской столице чистенькие, приятно на таких поваляться, пожариться на солнышке в бархатный сезон.

В Стамбуле-Константинополе, император Инков остановился на неделю, с двенадцатого по восемнадцатое сентября 1547 года.

С братом-Сулейманом обсудили нефтедобывающую концессию в восточной Аравии. Савелий предложил контракт на сто лет, с ежегодной выплатой османам десяти миллионов «чалько» и выделением четвёртой части добытой нефти, но Сулеймана это не заинтересовало. Сто лет он прожить не планировал, а нефть ему особой ценностью не представлялась. Сколько её, той нефти нужно? И кому её продашь, если она у всех есть? В Дайвьете и Чосоне нефти мало? А разве много им её нужно?

Зато султан был не против продать этот кусок пустыни, населённый в большинстве шиитами, за миллиард «чалько» (сто шестьдесят тонн золота) одновременно, а нефть свою сами потом продавайте, кому хотите.

Сулейману требовалось золото для обеспечения бумажных денег, которые вводятся в оборот в Османской Империи со следующего 1548 года. Османская Империя в этом процессе отстала от остальных, бумажные банкноты запустили уже все, а отстала она как раз из-за нехватки наличного золота.

Запустились все бумажные валюты успешно, оборот денег везде ускорился, ускоряя рост экономик, так что и османы теперь торопились.

Сто сорок тонн золота за пустыню — слишком много. В пересчёте на старые французские ливры серебра по старому курсу — это два миллиона восемьсот тысяч ливров. Британское королевство заплатило за северо-восточную Францию (герцогства Нормандия, Бретань и Аквитания, графства Пуату, Мэн, Анжу и Пикардия) триста шестьдесят тысяч; Империя Инков за огромный остров Шри-Ланка всего сто пятьдесят. Это не просто дорого, а безумно дорого.

Поддержать Сулеймана хотелось, откровенно говоря, но хотелось поддержать именно его, ежегодными платежами, сто лет платить за концессию османам никто не собирался, только до смерти самого великолепного султана. После него в Османской Империи обязательно начнётся династическая смута с гражданской войной, которая обязательно приведёт великую Империю к распаду и обнулению всех договоров.

Поддержать хотелось, но такого безумно щедрого шага навстречу к чужому для них дяде-султану не поймут уже братья Генрих и Иван. Их мнение обязательно нужно учитывать, а иначе отношения внутри братского круга перестанут быть братскими. Этими отношениями, Савелий дорожил гораздо больше, чем Сулейманом, поэтому начались консультации и торги на понижение.

В итоге договорились. Сулейман согласился уступить полностью разорённые войной, чумой и бесконечными бунтами северные территории. Генрих д'Альбре за двадцать тонн золота получил центральную Францию с Парижем, Орлеаном, Базелем, Лиможем и Дижоном; Иван Рюрикович-Тюдор, тоже за двадцать тонн — Западную Пруссию, Бранденбург и Верхнюю Саксонию; а Савелий доплатил недостающие сто тонн за юго-восточную Аравию.

В итоге, все остались довольны. Сулейман, по его мнению, распродал задорого никчёмные регионы, от которых одни неприятности, конца-края которым не видно, сохранил лучшие куски — центральную (Швейцария, Бавария, Остмарк, Богемия и Венгрия) и южную-средиземноморскую Европу (Юг Франции, Италия и Балканы), которых мусульмане заселяют с большим удовольствием, в отличие от северных территорий; и получил достаточно золота для запуска своих бумажных денег.

Друг Энрике соединил свои европейские владения (королевство Западная Германия и герцогство д'Альбре) через центральную Францию и овладел символически важным для него Парижем, ведь единственной законной наследницей короны Франции, теперь является его супруга, Маргарита Валуа. Точнее, овладел он развалинами Парижа с аббатством Сен-Дени, но деньги на строительство нового города у него есть. Двадцать тонн золота — это всего половина годовой добычи «презренного металла» в китайской Империи д'Альбре.

Для брата-Ивана, двадцать тонн теперь тоже половина годового объёма добычи на Урале и в Западной Сибири. Да и проще русский император относился к золоту, он-то точно знает, что ценность его весьма условная, оно вполне может обесцениться, как когда-то серебро, если будет на то желание императора Инков. Ведь в Империи Нового Света добывается по двести тонн в год — две трети общего объёма добычи. В общем, золото — так себе актив, земли намного лучше.

Бедные казахи вернулись под руку русского императора, уже без своих табунов и стад, без ханов и без понтов. Снова переселяться на османские территории они отказались.

Юго-восточную Аравию, Савелий выкупил не для Империи Инков. По его замыслу, всей континентальной Евразией когда-нибудь должна овладеть Русская Империя, но это не мешает делать бизнес сейчас, не должно помешать и в будущем. Номинальным владельцем Кувейта, Омана, Йемена и малых эмиратов востока Аравийского полуострова стал Генрих д'Альбре, а фактическим — «Всемирный Сберегательный Банк» с бессрочной концессией на нефтедобычу. Концессией, в которой Империя Инков владела долей в шестьдесят процентов, а братья-императоры двадцатипроцентными. Их доли со временем объединятся в одну и получится шестьдесят на сорок. Вполне справедливое соотношение, вполне по-братски.

Почему именно брат Генрих стал номинальным владельцем? Кроме того, что он первым предложил выкупить, ему единственному хочется повоевать, а в Аравии воевать точно придётся. Местные эмиры и шейхи вряд ли радостно воспримут то обстоятельство, что их продали как скотину какому-то христианскому императору-королю. Особенно сильно они возбудятся, когда отгрузка нефти пойдёт на миллионы, десятки миллионов «чалько» ежемесячно. Вот и будет другу Энрике забава на долгие годы, до самого конца его славной жизни.

Из Стамбула-Константинополя, Савелий заехал в Лондон, проинспектировать ход строительства стадиона и других объектов ко второй летней Олимпиаде. Олимпийское движение набирало ход с гораздо большим трудом, чем футбол. Оно понятно, футбол игра гораздо более зрелищная, чем та-же лёгкая атлетика, в которой никому неизвестные мужики соревнуются кто быстрее, выше, или дальше. Какая разница — кто? Пока никакой, поэтому и вторую Олимпиаду пришлось полностью финансировать Империи Инков. Ничего, разгонится обязательно.

Олимпийский стадион Лондона спроектировал расовый инка Вирка Амара, с отличием закончивший университет Лимы ещё в первом потоке, а после по году-полтора стажировавшийся у каждого из шести гениальных графов-творцов. Архитектор уже новой школы, с детства воспитанный на «Тайне Третьей планеты», он строил стадион в форме приземлившейся в Лондоне «летающей тарелки». Приземлившейся в том самом месте, где уже не будет построен стадион Уэмбли. Теперь это место на восточной окраине Лондона принадлежит императору Инков, как частному лицу, так что никаких Уэмбли не будет, после Олимпиады, стадион станет называться «Тойота» и уже с этим именем примет второй Мундиаль в 1550 году.

Ко второму чемпионату мира по футболу готовятся уже шестнадцать команд: добавились ещё две Инки — Западная и Азиатская, османская Европа и персидская Индия поэтому стадионов теперь понадобится два, второй уже начал строиться в Портсмуте. Этот уже за счёт казны Русской Империи и архитектором британцем. Третью Олимпиаду планируется провести в Кёльне, а третий футбольный Мундиаль в Кёльне и Франкфурте.

Домой, в Тауантинсуйу, Савелий вернулся в середине декабря 1547 года. Александр Интикович Капак-Рюрикович уже довольно уверенно ходил и говорил «дай». Совсем незнакомого человека, собственного отца, нисколько не испугался, только дай, да дай. Дал попробовать сыну чёрный кофе без сахара — не понравилось, выплюнул, но реветь не стал. И «дайкать» сразу перестал, соображает.

Супруга счастлива, тесть с тещей тоже, за окнами падает мягкий снежок, потрескивают дрова в камине, эта жизнь Савелию определённо удалась, уже пора задуматься и о следующей, обещал ведь Эль Чоло перед его уходом. Чему нужно научиться? Да всему, что

успеется. Домницы складывать, строить водяные колёса для пилорам и мельниц и крутые драккары норманнов для вооружённого туризма по морям и рекам, стекло варить и азотную кислоту получать. Хорошо бы ещё заранее разведать, где можно накопать хорошего сырья и потренироваться уже на нём, но это после, на пенсии, лет через двадцать-двадцать пять, а пока только теория и забота об этом мире.

Что сейчас больше всего нужно этому миру? Сельскохозяйственная техника. Огромные поля нужно будет возделывать после ухода трёх четвертей нынешних аграриев в другие производства. Шасси у нас уже есть, и колёсное, и гусеничное, нужно только добавить к нему навесное и прицепное оборудование. Понятно, что никаких чертежей в интернете найти не удастся, но принцип действия понять можно.

Итак, простейшие хлопкоуборочный комбайн и хлопкоочистительная машина, начнём с них, хлопок — это сейчас самая трудозатратная сельскохозяйственная культура. Пусть потери при его механической уборке-очистке составят даже треть, просто увеличим посевные площади в пропорции, уж чего-чего, а места нам хватает — железные дороги не зря строим.

В 1548 году, в августе, Лондоне прошли вторые Летние Олимпийские Игры, радиорепортажи с которых транслировались на весь мир. Олимпийские чемпионы становились знаменитостями и получали очень солидные призы, на зависть многим, которые тоже могли быстро бегать, метко стрелять, или ловко бороться, но были слишком ленивы, чтобы упорно тренироваться.

В октябре, в Империи Инков, в эксплуатацию приняли железную дорогу Медельин — Мехико. «Дарьенский пробел» «Панамериканского шоссе» из той исторической реальности преодолели без особых проблем. Дорого получилось — почти девяносто километров пути по мостам, эстакадам и с восьмикилометровым тоннелем, но технически ничего сложного. Видимо, там этот участок не достроили по политическим причинам. Здесь, у нас, таких причин нет, поэтому первая Трансконтинентальная дорога состоялась в Новом Свете, опередив Афро-Азиатскую из Каира в Мешхед.

В ноябре у брата-Ивана и Жанны родился второй сын — Иван Иванович, а в декабре, у Савелия и Софьи, дочь — Елена Интиковна.

Ещё в 1548 году, Империя Инков начала продажи своих пароходов-крейсеров, имперский военный флот начал переход на жидкое топливо, на турбинные и дизельные двигатели. Шоу с публичными торгами угольных пароходов в Сингапуре и Гранаде не устраивали, установили цену в две себестоимости и начали продавать всем желающим. Всё равно все они уже выходят на уровень производства таких изделий, вот и притормозим этот процесс демпингом. Две себестоимости — это демпинг? Ещё какой. Первые «самоделки» получатся ещё в полтора раза дороже, да и качеством заметно хуже.

Кроме борьбы за монополию в производстве, нам нужно продавать уголь, на станциях по всему миру. Своих угольных станций ни у кого нет и теперь уже не будет, просто не выдержат конкуренции.

Разом устаревшие «виндjamмеры» поколения четыре плюс, начали скупать частные верфи графов Клауса Мюллера, Лоренцо Саларино и Алессандро Медичи, для переделки в плавучие дворцы-яхты. Очень востребованные рынком изделия. Те сорок восемь уцелевших в сражениях кораблей флотов Османской, Персидской и Чосонской Империй не закроют спрос даже на половину, ещё придётся строить новые. Пусть строят, паруса — это очень красиво.

В начале 1549 года, в феврале, ушёл их жизни тесть, Василий Третий Иванович Рюрикович, не дожив всего месяц до своего семидесятилетнего юбилея. Похоронили великого русского царя в том-же восточном пределе главного христианского храма в Маракайбо. Тёща, Мария Генриховна, не захотела жить одна в собственном дворце, в первой линии столичного дворцово-паркового комплекса, и переехала к Савелию и Софье в «Domus Solis», а «Русский дворец» перешёл по наследству к Ивану и Жанне, до того квартировавших во время своих визитов в «Гостевом».

В июле, в Империи Инков, началось строительство судоходного канала между Тихим и Атлантическим океанами. Не в тамошней Панаме, а в Никарагуа, так, по расчётам, получалось значительно дешевле. Тяжёлой строительной техники выпускалось уже достаточное количество, хватало и специалистов. Хватало не только на канал в Никарагуа, но и на Суэцкий, только Суэцкий нам сейчас совсем невыгоден. Евроазиатские торгаши сейчас огибают нашу Африку и дают заработать нашим африканцам. Дают гораздо больше, чем будет зарабатывать канал, поэтому подождём, пусть сначала Африка окрепнет экономически. Политическое решение, оно самое, да-да.

В декабре, в Тауантинсуйу, праздновали новоселья четверых императоров. Дворцы на насыпном острове в озере Сен-Клер наконец достроили, проспект Героев вокруг императорской резиденции «Domus Solis» замкнулся в квадрат через мосты, а на проспекте в островной части, Савелий распорядился строить Триумфальные арки, в честь славных побед великих правителей: Сулеймана, Тахмаспа, Чунджона Накчхона и Ле Чанг-тонга.

Тогда-же единогласно решили собираться на двухнедельные новогодние сессии семи императоров каждый год. Полезные ведь встречи, зачем от них отказываться.

На первой сессии обсудили иудейский вопрос. Точнее, созданную иудеями параллельную банковскую систему. Хотя банковская деятельность и была монополией во всех империях, иудеи со своим интересом встроиться в неё сумели, причём, очень выгодно встроиться. Иудеи пошли в провинцию, в народ, к маленькому человеку, организовав сеть микрозаймов и коллекторских агентств. Талантливый они народ в плане заработать, но закон есть закон. Постановили начать тайное следствие со сбором неопровержимых доказательств сразу по всему миру. И судебные процессы начать везде одновременно, чтоб ни один «чалько» спрятать не сумели. А дальше, что с ними делать? Дальше и будет видно. После полной конфискации всего нажитого — посмотрим. Кроме баб и малых детей, они там все тяжкие преступники и тяжкие пособники.

В новогоднюю ночь 1550 года стартовала первая Зимняя Олимпиада. Стартовала первой игрой в серии из семи матчей хоккейных сборных Империи Инков и Русской Империи. Кроме хоккея, в программу первых зимних Игр вошли: лыжные гонки, биатлон, конькобежные гонки и фигурное катание на коньках, в том числе и женское. Последнее понравилось особенно, судейское жюри на соревнованиях женщин-фигуристок составили семь императоров, а для победительницы собрали приз в миллион «чалько».

Седьмого января отпраздновали сорокалетний юбилей императора Инков. В качестве подарка, коллеги-императоры и вельможные гости скинулись на строительство в Тауантинсуйу памятника-монумента, вдвое больше лондонского. На юго-западной окраине столицы Империи Инков, где им можно будет любоваться с железных дорог, перед прибытием на Центральный вокзал. Ценят коллеги — это очень приятно.

Второй футбольный Мундиаль в Лондоне и Портсмуте, в июне-июле 1550 года выиграла сборная Южной Инки, победившая в финале Европейскую Инку со счётом четыре-

три.

В сентябре, Савелий, Генрих и Иван открыли движение на участке Штеттин — Царьград (Кёнигсберг), соединившего железную дорогу в единую европейскую сеть трёх Империй — от Лиссабона, через Севилью, Гранаду, Валенсию, Сарагосу, Бордо, Нант, Антверпен, Кёльн, Гамбург, Любек, Штеттин, Царьград, Ригу, Белгород, Бельск (Донецк), Крымск (Севастополь), до Рюриковича-Черноморского (Ялта). На восток железная дорога дотянулась уже до Казани, туда и прокатились все вместе литерным из Штеттина, посмотреть на самую большую и роскошную в мире мечеть.

Мечеть удалась, верховный муфтий русских мусульман, Мустафа Абдулфаиз, ныне уже покойный, своё имя в истории увековечил. Посмотреть на это мусульманское Чудо Света, в Казань теперь стекаются паломники-мусульмане со всего мира, и шииты, и сунниты. Пусть это паломничество и не так почётно, как хадж в Мекку и Медину, зато очень удобно и комфортно. Новому верховному муфтию, Мусе Кара-Юсупу, Савелий пожертвовал десять миллионов «чалко» (тысячу четыреста килограммов золота) на строительство в Казани самого большого в мире и самого престижного медресе. Пусть будет. Потом построим и Исламский университет, снова самый-самый. Русской Империи предстоит собирать земли мусульман (Дар аль-ислам), так что такая подготовка точно не помешает.

В ноябре 1550 года, скончался Микеланджело Буонарроти, граф Арубы и Кюрасао, главный архитектор Собора Священного Препуция и Папского дворца в Маракайбо; императорского дворца «Domus Solis» и Олимпийского стадиона в Тауантинсуйу; главного архитектора города Нью-Йорка и прочее, и прочее. В другой исторической реальности, он дожил до 1564 года, почти до девяноста лет, но там он точно оставил после себя куда меньшее наследие. Свой монумент Эль Чоло в Нью-Йорке, Микеланджело завершить не успел, но осталось там не так много, ученики достроят. В особняке упокоившегося графатворца, в третьей линии столичного дворцового комплекса, Савелий распорядился открыть и вечно содержать за счёт имперской казны его личный музей, а острова Арубу и Кюрасао переименовать в Микеланджело и Буонарроти. Вечная память!

На втором ежегодном саммите семи императоров, на стыке 1550-51 годов, приняли первые законы Международного права: «Об интеллектуальной собственности», «Об охране памятников исторического и культурного наследия человечества», «О природоохранных зонах и природных заповедниках» и «О статусе зон свободной торговли и защите иностранных инвесторов».

Теперь все лицензии на интеллектуальную собственность Империи Инков, которые раньше покупались для организации производства на территории самой Империи, стали доступны всем участникам Международного права. Теоретически доступны, в условиях свободной конкуренции, которую «островные» императоры безнадежно проигрывали не только Империи Инков, но и остальным дольщикам «Международного Сберегательного Банка» и общей валюты: Русской Империи и унии двух Империй Генриха Первого — Европейской и Китайской. Да, европейские владения друга Энрике тоже стали Империей, после присоединения центральной Франции к королевству Западная Германия, Европейской Империей д'Альбре.

Нет, в условиях пятого года мира и мирного сотрудничества, развивали свои экономики все, богатели тоже все, но все с разной скоростью. Трио «Инки-Русские-д'Альбре» развивалось в разы быстрее, как сами Империи с их плановыми экономиками в критически важных отраслях, так и их подданные частные предприниматели на свободном рынке.

Корпорации графов Мюллера, Саларино и Медичи уже глобальные и в географическом плане, и в финансовом; а ведь они теперь не единственные такие. Самые крупные, да, но второй эшелон их уже подпирает, не даёт почивать на лаврах. Каждая новая технология, выпускаемая на свободный рынок, рождает двух-трёх крупных промышленников, которые успели слизнуть самые сливки и стали лидерами отрасли.

Единая валютная зона, с едиными законами и налогами, доступные и дешёвые кредиты, уверенность в стабильном развитии и огромный внутренний рынок сбыта Империй «Трио», не оставляли шансов конкурентам из «Самостийных» Империй. Слишком многое мешало развиваться «Самостийникам» — от инфляции валют, а значит и дорогих кредитов, до слишком маленьких внутренних рынков сбыта. Слишком маленьких, в сравнении, конечно, так-то они довольно большие, но ведь всё познаётся именно в сравнении.

В общем, «Защита прав инвесторов» нужна именно нам. Именно нашим подданным, нашим налогоплательщикам-резидентам. Для остальных, право инвестировать в зону «Трио», да и друг к другу, сродни праву заселять Луну, или Марс. Право такое имеешь, а возможности нет.

Все это понимали, все без исключения, дураков среди императоров не имелось, но деваться «самостийникам» было просто некуда. Им требовались новые производства во всех, без исключения, отраслях — от чёрной металлургии и нефтехимии, до автомобиле и авиастроения; от оружия и боеприпасов, до удобрений и лекарств. А что на этот рынок придут промышленники «Трио», всех «Самостийников», в принципе, устраивало. Потенциальными противниками, пусть и не сейчас, а в отдалённой перспективе, они считали друг друга. «Трио» уже давно имело возможность сожрать всех, но почему-то не делало этого. Почему? А какая разница? Даже если им просто лень, что это меняет?

Иудейский вопрос? А как-же, его тоже обсуждали, но следствие, которое курировал

министр Финансов Империи Инков и глава «Международного Сберегательного Банка», дон Жуан Ависский, герцог Большого Порту, Большого Лиссабона и Бом Байи, бывший король Португалии Жуан Третий, ещё не закончилось. Тяжело работать с мафией, особенно с мафией этнической и конфессиональной. Но дело идёт, всё будет, наберитесь терпения.

В качестве культурно-развлекательной программы, посмотрели первый Чемпионат мира по баскетболу, который выиграла Африканская Инка. Негров, в этой исторической реальности, не успели превратить в полуживотных-рабов на плантациях Нового Света, так они и остались полноценными людьми с другим цветом кожи, студентами гимназий в Африканской Инке и природными баскетболистами. За импровизационную баскетбольную красоту негров Паскуаля де Андагойя, в финале, против рациональной Европейской Инки, болели все семь императоров единодушно.

После саммита большой императорской «Семёрки», в Тауантинсуйу задержался император Чосона, Чунджон Накчхон Первый. Чосонскому коллеге исполнилось шестьдесят три — самое время задуматься о вечном и своём месте в истории человечества. Хороший приятель Савелия с момента их самой первой встречи в Сингапуре, коллега Чунджон Накчхон беспокоился за будущее своего творения — Империи Чосон, и за своих наследников — троих взрослых уже сыновей. Дочерей у дальневосточного императора было пять, но о них он не переживал — замуж выдал и забыл, а вот сыновья — совсем другое дело. Русские уже в Монголии, пока остановились на Селенга, но остановились они ненадолго. Что будет дальше?

Дальше обязательно произойдёт «централизация», то есть поглощение маленького и слабого большим и сильным. Когда-нибудь обязательно. Мы друзья, но мы не вечны, а у потомков будут свои резоны, личную дружбу отцов и дедов они будут учитывать постольку-поскольку это не мешает их собственным планам. Не нужно быть гением, чтобы спрогнозировать судьбу Империи Чосон. Что делать?

Решать только вам самим, но примеры решений есть. Например, Жуан Ависский о своей короне нисколько не сожалеет. Владения он свои сохранил и даже преумножил герцогством Бом Байи, а титул Величества обязательно вернёт, он теперь у нас первый кандидат в вице-императоры. У вас, дорогой коллега, три сына, и владения запросто делятся на три отличных герцогства: Чосон, Маньчжурию и Малакку. Нет, эти герцогства в свой состав Империя Инков не примет, но будьте уверены, что Русская Империя — ничем не хуже. Иван Первый отлично говорит по-корейски с раннего детства и детства-же впитал основы вашей великой культуры, в отличие от меня, неуча.

Думайте, конечно. В том числе и о том — каким образом породниться с его детьми вашим внукам. Породниться со мной? Так Иван ведь мне ближайший родственник. Ещё ближе? Прямо-прямо-напрямую? Почему бы и нет. Подумаем, все вместе, поищем красивые варианты, время у нас ещё есть. А пока, уже на правах будущего родственника, советую вам начать сближение, с вхождения Империи Чосон дольщиком в «Международный Сберегательный Банк» и в валютную зону «чалько». Вы ведь уже убедились, что зря отказались от этого при первом предложении? Так я и думал.

Чосон я обязательно навещу. Когда? А давайте на четвёртых Летних Олимпийских Играх, пусть они пройдут в Сеуле. Согласны? Конечно, приеду раньше, Олимпиады ведь мне как родные дочери, я их контролирую с момента зачатия, с самого первого этапа подготовки — с выбора мест под олимпийские объекты.

В марте похоронили князя Семёна Фёдоровича Бельского, графа Тринидада и Тобаго,

«дядьку» брата-Ивана. Князя Семёна, так и помершего бездетным, тоже похоронили в восточном пределе Собора Священного Препуция. Своё графство, очень богатое графство, кстати сказать, он завещал своему воспитаннику, Ивану Васильевичу, русскому императору Ивану Первому. Имперское графство, вассальное Империи Инков, но брат-Иван от этого наследства не отказался. Теперь он ещё и имперский граф.

Савелий ответил на это взаимностью, принёс брату-Ивану вассальную присягу за графство Командорских островов. Ещё не открытых русскими островов, но на картах уже обозначенными их собственностью. Командорские острова, вместе со всей Алеутской грядой, сразу объявили природным заповедником. Совместным заповедником двух Империй. Четвёртым охраняемым мировым природным заповедником, после Центральной Тропической Африки, бассейна Амазонки и таёжной Сибири. Спасли стеллеровых коров и каланов от истребления слишком злобными и жадными людьми. Тем оба заработали по жирному плюсу в карму от самого Создателя Вселенной.

Командорские острова и Алеутскую гряду теперь разрешено посещать только учёным биологам и океанографам университета Монтевидео. Университета океанографии, экологии и изучения морских ресурсов. Пусть ищут возможность расселения стеллеровых коров и каланов в другие регионы планеты. В ту же Антарктиду, к Антарктическому полуострову, к архипелагу Огненная земля, к Гренландии, или Исландии, почему нет? В Атлантике у них будет даже больше шансов на выживание, там естественных хищников гораздо меньше, а морская капуста растёт не хуже.

В августе 1551 года, европейская железная дорога дотянулась до Нового Челябинска. Семнадцатого августа, Савелий, Генрих и Иван символически начали строительство Великого Сибирского Пути, отвезли по символической тачке земли на символическую насыпь. Почти семь тысяч километров железной дороги — от Нового Челябинска до Шанхая, через Урумчи, Пекин и Нанкин, планировалось построить всего за одиннадцать лет, при том, что Великий Сибирский Путь будет строиться одновременно с концессионными дорогами Каир — Иерусалим — Дамаск — Багдад — Мешхед, Гоа — Агра — Калькутта — Дакка, не считая строек в Империи Инков.

Железнодорожные университеты Асунсьона, Мехико, Денвера, Дортмунда и Белгорода готовили уже достаточно специалистов, для поддержания темпа строительства в четыре тысячи километров в год, хватало и материалов, до трёх тысяч этот темп сдерживали мосты через крупные реки и тоннели. Особенно тоннели, пробиваемые вручную, отбойными молотками. Пора нам начинать производство проходческих щитов.

В октябре, у Ивана и Жанны родилась первая дочь — Мария Ивановна, а в декабре, у Савелия и Софьи, второй сын — Игорь Интикович. Так и пошли дети парами, совершенно случайно, никто ничего не планировал, никто никаких сроков не намечал, просто Софья и Жанна восстанавливались после родов примерно в одно и то же время. Почти ровесницы, да и похожи они, так что не удивительно.

Третий новогодний саммит императоров в Тауантинсуйу, главной повесткой имел решение иудейского вопроса. Следствие завершилось. Незаконная финансовая деятельность мафиозной диаспоры наносила семи имперским экономикам ущерб в триста миллионов «чалько» (сорок две тонны золота) ежегодно. Сорок две тонны — это примерно годовой объём добычи в Русской Империи и китайской Империи д'Альбре; две трети от добычи Персидской Империи; полтора объёма годовой добычи Османской Империи и Империи Дайвьет и два годовых объёма Империи Чосон.

Конечно, Империи жили не только добычей золота, в их доходах золотодобыча теперь занимала весьма скромные три-пять процентов, но размер убытков всё равно очень впечатлил. И ведь эти деньги накапливаются для расширения преступной деятельности, на них уже содержатся самые настоящие преступные армии — по отряду-гарнизону во всех городах Старого Света, в том числе Европейской и Африканской Инках.

Разгром иудейской мафии нужно планировать как крупномасштабную войсковую операцию, так что торопиться начинать не стоит, пусть на подготовку уйдёт ещё год, зато потом прихлопнем всех разом. Тяжких преступников, понятно, казним, а что делать с пособниками? Что делать с семьями, с бабами и детьми, которые останутся нищими, после конфискации? Ничего не делать нельзя, вырастим очень опасных мстителей. Нужно их куда-то переселить, чтобы жили отдельно, одни только иудеи, жили своим трудом.

Есть такое место, которое никому не жалко — острова Тихого океана, северо-восточней Новой Каледонии и юго-западнее Гавайев. Архипелаги Микронезия, Меланезия и Полинезия. Острова небольшие, но их там много, под сотню, места хватит для всех.

Так в Империи Инков возникло ещё одно имперское герцогство Иудея, а герцогом Иудеи стал вице-император, имперский наместник Западной Инки и Океании, адмирал Юмко Науга, герцог Мадагаскара и граф Тасмании.

Жестоко? Напротив, это очень гуманно по нынешним временам. Все императоры, кроме Ивана, предлагали поступить с этой религиозно-этнической мафией куда радикальнее — от всех убить, до обобрать до нитки и пусть с голоду подыхают. А герцогство Иудея, по площади получилось втрое больше тамошнего Израиля и по климатическим условиям, как минимум, не хуже. Торговать там не с кем — это да, ростовщицеством тоже не прокормишься, придётся работать своими руками, но разве это жестокость? Это ведь норма жизни, не так ли?

В июне, в отставку с поста имперского наместника Южной Инки подал вице-император Родриго Пике, герцог Гавайев, герцог Новой Зеландии, граф де Пуно, уже овдовевший зять Савелия. Создателю флота Империи Нового Света и первому адмиралу исполнилось шестьдесят пять.

Трудно переоценить вклад этого человека в становление Империи Инков — от первых его Азиатских кампаний, основания десятков городов и факторий, до развития Южной Инки после Эль Чоло. Настоящий титан, но время, увы, безжалостно ко всем смертным. Родриго пережил довольно тяжёлый инфаркт, и не отпустить его сейчас на отдых — значит угробить в самое короткое время.

У Родриго Пике и Чакты, в браке родились три сына и дочь, плюс дочь от первого брака единокровной сестры Савелия. Кроме самой младшей дочери, все остальные уже женаты-замужем, наплодили семь внуков, так что и в этом плане, жизнь великому адмиралу и вице-императору удалась.

Савелий жаловал вдового зятя герцогством Тунис и графством Газауэт, чтобы всем детям Родриго хватило наследных владений, а кроме того возместил его затраты на собиране военно-морских реликвий: первого клиппера «Посейдон», первых «виндjamмеров» «Юнона» и «Авось», на которых адмирал ходил в Азиатские походы, и которые он выкупил у Русской и Персидской Империй для военно-морского музея в Лиме; а также первых наших крейсеров-пароходов, тоже «Юноны» и «Авось», выкупленных им для музеев в Монтевидео и Челябинске. Триумфальная арка Родриго Пике в Тауантинсуйу уже имелась, осталось воздвигнуть ему монумент. В Лиме? Нет, там слишком сильно трясёт,

опасно для такого грандиозного сооружения, пусть будет в Норфолке.

Вице-император на пенсии, его величество Родриго Пике, чтобы совсем не закисал, возглавил Международную федерацию зимних видов спорта. Не слишком обременительная должность, все зимние соревнования пока проходят только в имперской столице.

Новым имперским наместником Южной Инки и вице-императором, Савелий назначил вице-адмирала флота Индийского океана, Апату Вуиса, графа Фолклендских островов и Южной Джорджии, жаловав его герцогством Алжир.

В августе 1552 года прошли третьи Летние Олимпийские Игры в Кёльне, местом проведения четвёртых выбрали Сеул. Впервые выбирали из двух и более кандидатов, второй заявкой была Севилья. Впервые, все расходы приняла на себя Империя-организатор.

В октябре, Савелий с Софией и Иван с Жанной отвезли на учёбу в Лиму наследников — Александра Интиковича Капак-Рюриковича и Василия Ивановича Рюриковича-Тюдор. «Дядькой» им назначили сорокапятилетнего князя Шуйского, Василия Васильевича-младшего, герцога Або. Сурового «дядьку», сына сурового отца — этот будет пороть за каждую провинность. То, что нужно в таком возрасте, чтобы сдружиться на всю жизнь.

В марте 1553 года, «сошёл с дистанции» «железный» Нууно Вимка, вице-император, имперский наместник Северной Инки, герцог Кастилии и Наварры, граф Памплоны и Вальядолида; ещё одна легенда, создатель регулярной армии Империи Инков, самый фанатичный футбольный фанат. Сошёл тоже из-за инфаркта и тоже в шестьдесят пять. Вице-император-пенсионер Нууно Вимка возглавил Имперскую профессиональную футбольную лигу, всё равно футбол он не бросит, а вице-императором и имперским наместником Северной Инки стал Жуан Ависский, герцог Большого Порту, Большого Лиссабона и Бол Байи, блистательно исполнивший должности министра Финансов и председателя «Международного Сберегательного Банка».

С первого июня 1553 года, дольщиком в «Международный Сберегательный Банк», зону обращения «чалько» и единую таможенную зону вошла Империя Чосон. Вошла малой долей, всего шестью процентами (со всех списали в актив Чосона по два процента), ста тоннами золота, но положительный эффект для экономики возник моментально. В Чосон наперегонки рванули корпорации, обездоливая на инвестиции «Трио финансовых самостийников».

Корпорация графа Клауса Мюллера прервала переговоры о строительстве судостроительного завода с Империей Дайвьет, граф Лоренцо Саларино так же поступил с нефтеперерабатывающим заводом, предпочтя Чосонское месторождение Дацин Апшеронскому в Персидской Империи, граф Алессандро Медичи вдвое сократил свои планы в Османской Империи в пользу Чосона, и это только верхушка финансового айсберга, то, что на поверхности, то, что хорошо видно, а потому резонансно.

В Персидской, Османской и Дайвьетской Империях ускорилась инфляция, и цены начали объявлять в «чалько», с оплатой по курсу в местной валюте. Золотое обеспечение валют больше не устраивало людей в качестве гарантии, золото на торгах в Гранаде и Сингапуре постоянно дешевето. Не обваливалось, плавно дешевето со скоростью примерно пять-шесть процентов в год, но кому приятно терять по шесть процентов своих накоплений каждый год?

В сентябре, открылось сквозное движение на железной дороге Тауантинсуйу — Атланта — Хьюстон — Мехико. В единую сеть объединились трансокеанские дороги Северной и Южной Инки. Теперь от столицы до Лимы всего четверо суток пути литерным — сразу и проверили, вчетвером навестили наследников.

Александр Интикович и Василий Иванович прилично подросли и сдружились против сурового «дядьки», князя Василия Шуйского, который порол их чуть ли не еженедельно. Для того и порол, всё правильно. Боль — это первая сигнальная система человеческого организма, через боль, их дружбу можно закрепить на уровне инстинкта. А Шуйский ещё не стар, всего сорок шесть, он и следующее поколение (внуков) правильно воспитать успеет, а правнуков уже можно будет женить. Если очень постараться и всё сделать правильно, то две великие Империи можно будет объединить без войны. И неважно, чей потомок по прямой мужской линии займёт этот трон, мужская линия ничем не лучше женской.

В ноябре, в отставку подал командующий военно-морским флотом Империи Инков, главный инспектор имперских верфей, генерал-адмирал Андреас Нуньес, герцог Исландии и Триполи, граф Хувентуд. Не довелось Нуньесу покомандовать флотами в сражениях, поэтому его талант флотоводца так и остался нераскрытым, но в качестве администратора и организатора он проявил себя отлично, выше всяких похвал.

Он основал Сан-Диего, Лос-Анжелес, Сан-Франциско, Сиэтл, Ванкувер, Анкоридж Сантьяго-де-Чили, Мар-дель-Плату, Буэнос-Айрес, Монтевидео, Порто-Алегре, Рио-де-Жанейро, Форталезу, Монреаль, Бостон, Нью-Йорк, Норфолк, Саванну, Майами, Новый Орлеан и Хьюстон. Он курировал постройку шести имперских верфей в Нью-Йорке Челябинске, Норфолке, Монтевидео, Сан-Франциско и Сиэтле. Он перевёл имперский флот сначала с парусов на угольные паровые машины, и организовал сеть угольных станций по всему миру; а потом перевёл его на турбины и дизеля, обеспечив уже жидким топливом. Он

на свои деньги открыл два военно-морских училища в Рейкьявике и Торсхавне, он составлял учебные программы, и принимал экзамены. Он ввёл во флоте стройную систему карьерного роста от юнги до адмирала. Он... Да много чего он сделал, очень много, только повоевать ему так и не довелось.

Савелий произвёл Нуньеса в вице-императоры и назначил руководить Международной федерацией парусного спорта, которая будет проводить кругосветные регаты, распорядился воздвигнуть в Челябинске колонну славы генерал-адмирала, а во всех основанных им городах установить памятники на площадях его имени.

Новым командующим военно-морским флотом Империи Инков и главным инспектором верфей стал сорока шестилетний Педру да Силва да Гама, герцог Арагона, граф Сарагосы заместитель Нуньеса с 1549 года. Моряк и лётчик, ему предстоит создавать уже авианосцы. Нужны нам авианосцы? Пригодятся. Если не для войны, то для музеев. Построим два, снова «Юнону» и «Авось», новые технологии отработаем.

В новогоднюю двухнедельную императорскую сессию, на стыке 1553-54 годов, император Чосона, Чунджон Накчхон, оповестил коллег, что свою императорскую корону, он решил передать двухлетней принцессе Инсон, младшей дочери младшего сына Квонхэна. После этого, брат-Иван и друг- Чунджон объявили о помолвке наследников корон Русской и Чосонской Империй, Василия и Инсон.

По воле императора Чунджона Накчхона, в случае его смерти до свадьбы Василия и Инсон, регентом принцессы станет Иван Первый Рюрикович Тюдор, а после свадьбы, Империя Чосон должна войти в состав Русской Империи тремя великими герцогствами.

Самым удивительным было то, что никто из императоров не удивился. Русские в прошлом году основали город Сунгарск в месте слияния Амура и Сунгари, на границе с Империей Чосон в Маньчжурии, а их Великий Сибирский Путь уже подходит к западному берегу озера Балхаш. Очень скоро, метрополия Чосона окажется зажата между Русской Империей и китайской Империей д'Альбре, со всеми вытекающими из этого опасностями, исходящими от слишком деятельного императора Генриха Первого. Да и вхождение Чосона в зону «чалько», всех к этому решению уже подготовило.

В январе 1954 года, Савелий отправился в своё второе кругосветное путешествие, уже на новом «Посейдоне», бронепалубном крейсере водоизмещением двенадцать тысяч тонн, с турбинной двигательной установкой, разгоняющей огромный корабль до тридцати трёх узлов.

На этот раз, кругосветный круиз стартовал из Сан-Франциско на запад. Первый этап: Гавайи, Япония-Ямато, Чосон (Сеул), Дайвьет (Ханой), Сингапур, Шри-Ланка, Перси (Бендер-Аббас) — Мапуту; от Мапуту поездом до Кейптауна, через Йоханнесбург и Кимберли; второй этап: Кейптаун — Дакар — Рим — Стамбул-Константинополь — Антверпен; дальше Кёльн и Франкфурт (третий футбольный Мундиаль); четвёртый этап Антверпен — Дублин — Норфолк — Гавана — Маракайбо; и пятый: Маракайбо — Монтевидео — Васко-да-Гама (Антарктида) — Сантьяго-де-Чили — Лима — Никарагуа — Сан-Диего — Лос-Анжелес — Сан-Франциско.

На первом этапе, компанию Савелию составили вице-императоры Асикага Такаудзи, имперский наместник Азии и Японии-Ямато, и Юмко Наута, имперский наместник Западной Инки и Океании; в Мапуту к компании должен присоединиться Паскуаль де Андагойя, имперский наместник Африки и Островов; в Риме — Авдей Шишка, имперский наместник Европы; в Кёльне — Жуан Ависский, имперский наместник Северной Инки

Апагу Вуиса, имперский наместник Южной Инки, и Жоржи ди Менезиш, имперский наместник Антарктиды.

На Гавайях задержались на неделю, слишком увлеклись сёрфингом, как раз волна случилась подходящая. В Японии-Ямато зашли в Осаку и посетили Киото, осмотрели строящийся императорский дворец. Жить в нём Савелий не планировал, но Ямато-Япония свой символ величия иметь хотела. Должна же она чем-то отличаться от остальных, территория прямого императорского правления, как-никак. Пусть строят.

Японцы в дружную имперскую семью народов вписались отлично, они с удовольствием служили в армии и во флоте, с удовольствием осваивали имперские острова в Тихом и Индийском океанах, да и вообще... они правильные язычники, Сына Солнца почитают правильно. Сказано всем учить «забытый язык» — можно не сомневаться, что учить будут очень старательно даже старики, которым в голову уже давно ничего не лезет, кроме еды и воды.

Инчхон — Сеул. Праздничная неделя в Чосоне, в честь визита Сына Солнца. Корейцы-чосонцы тоже правильные язычники, язык тоже учат, строят храмы Инти-Виракочи и университеты имперского стандарта. Провели ревизию объектов Летней Олимпиады 1556 года. Снова архитектурный космос, только с восточным колоритом, снова, как и в Лондоне, главный архитектор — Вирка Амара. Всё будет готово в срок и на самом высшем уровне, в этом можно не сомневаться. Обсудили с коллегой другом- Чунджоном Накчхоном варианты брачных союзов для детей и внуков. Договорились помолвить Елену Интиковну со старшим сыном старшего сына, который унаследует метрополию, великое герцогство Чосон, если тот примет правильное язычество с брачной моногамией. Время ещё есть, Елене всего пять, а наследнику наследника Хзанкуну девять.

Хайфон — Ханой. Короткий протокольный трёхдневный визит. Обсуждать нечего, но и мимо проехать нельзя. В Хайфоне приняли на борт князя Фёдора Михайловича Курбского, графа Пуату, магистра Ордена Священного Препуция, кардинала, имперского герцога Рима и Мальты. Фёдор Михайлович дайветцами был на слишком доволен: «Врут, как дышат, сроки срывают, оплаты задерживают». Задерживают, конечно, финансовый кризис, ничего не поделаешь, ведь мы сами этот кризис у них усугубляем. Ничего, расплатятся, никуда не денутся.

На денёк заскочили посмотреть на строительство Малаккского канала, пограничного между владениями Персии и Чосона. Там тоже всё едва шевелится, финансовый кризис и в Персии, свои обязательства она оплачивает с большой задержкой, а Чосону это теперь не слишком интересно, появились проекты гораздо перспективнее. Та же железная дорога Сеул — Нанкин — Шанхай, например., которая свяжет столицы двух великих герцогств, столицу китайской Империи д'Альбре и герцогство Империи Нового Света. По морю дешевле. Между Инчхоном и Шанхаем дешевле, а вот между Сеулом и Нанкином уже нет. К тому-же, на этой дороге находится ещё много крупных городов с большим грузопотоком, один Пекин чего стоит.

Сингапур. Азиатская столица Империи Инков. Политическое значение Сингапура сошло почти до нуля, зато экономическое всё компенсирует. Город-биржа, город-банк, город-казино. Здесь определяются цены на золото, нефть и нефтепродукты, текущие курсы валют. Здесь хранят свои деньги состоятельные люди Азии. Здесь они отдыхают душой и предаются порокам. Здесь стоимость квадратного метра земли выше, чем в Тауантинсуйу, Лиме, Гранаде и Кёльне. Золотой остров Империи Нового Света, здесь всё превращается в

золото. Имперский наместник Сингапура, министр Азиатских дел, Сиоку Орусата, граф Гонконга и Макао, официально один из богатейших людей Империи, не смотря на свои очень скромные по площади графства, его законная доля с доходов Сингапура сопоставима со всеми доходами Кубы, или Сицилии. Такое уж тут место. Впрочем, таким оно стало во многом благодаря стараниям самого Сиоку Орусата, так что всё честно, всё справедливо.

Шри-Ланка. Тоже остров прямого имперского управления, большую часть которого теперь занимает природный заповедник. Тринкомали, Коломбо, строящийся мост на континент, Мост Рамы, или Адамов мост. Даже и не мост, по большому счёту, а эстакада. Глубина в прилив «по... ну, вам по пояс будет». Тоже непонятно, почему этот мост так и не построили в той исторической реальности. Тоже что-то политическое помешало.

Бендер-Аббас. Снова столица Персидской Империи. Обсуждать тоже нечего, ничего не изменилось с момента окончания императорского саммита в Тауантинсуйу, но и не навестить друга-Тахмаспа было невозможно. Город-столица огромной Империи, Москва, в плохом смысле слова Москва. Город миллионеров и их холуёв, город лихих искателей счастья и нефти, которой здесь везде воняет. Город не для жизни, а для приключений и шальных заработков. Восточный город, но это Дикий Восток, по аналогии с Диким Западом. Хотя, Бендер-Аббас, для Персидской Империи и является самым-самым западом. Карма, что ли, у запада такая?

Мапуту. Столица имперской Южной Африки. Огромный город, с населением под триста тысяч. Университетский город, промышленный город, город баскетбола — площадки со щитами везде, даже на центральной площади. Обнялись с Паскуалем. А ведь ему уже пятьдесят девять. Чёрт, как время-то летит... Железная дорога, которую теперь охраняют когда-то непримиримые готтентоты. Охраняют свою кормилицу от набегов диких негров с севера, из диких джунглей. Белых пришельцев, готтентоты людьми признали, а вот северных дикарей — нет. И различают ведь они как-то друг друга. Йоханнесбург и Кимберли, шахты пошли вглубь, дошли уже до уровня в сто пятьдесят метров. А ведь это только начало, в другой исторической реальности, к двадцать первому веку, они успели углубиться до полутора километров. Возле Кимберли поохотились на сумасшедшего слона, разгромившего три посёлка готтентотов. Сумасшедшего слона убили и пустили на шашлык, в компании негритянских вождей и негритянских вельмож. Под кальян и коньяк. Инки и негры — «бхай-бхай», братья навек.

Кейптаун. Ещё один университетский и промышленный город Южной Африки. Население двести двадцать тысяч. Здесь бункеруются углём и пополняют припасы все европейские торговцы на пути в Индию и Азию. Огромный порт, ремонтные доки, строится судостроительная верфь. Частная верфь Фабиана де Андагойя, старшего сына Паскуаля.

Дакар. Построенная с нуля, новая столица герцогства Мавритания. Европейские город, больше половины населения — французы, эмигранты из османских владений во Франции. Центр изучения заповедника тропической Африки. Строится медицинский университет, ректором которого станет Филипп фон Гогенгейм, барон де Парацельс.

Рим и Остия. Имперское герцогство под управлением Ордена Священного Препуция Рим — огромный по площади город, в границах двадцать первого века той исторической реальности, весь центр — город-музей, охраняемый город-заповедник исторического и культурного наследия человечества. В университете Рима изучают историю, в том числе историю христианства, и археологию. Раскопки ведутся по всему античному Риму, но ведутся очень деликатно. Здесь мы точно соберём на порядок больше бесценных

исторических артефактов. Окраины Рима, бывшие пригороды античного города, застраивает сам Орден. Застраивает не только храмами, строится вокзал на железной дороге Милан — Неаполь, строится аэропорт, строится стадион, строятся отели для туристов-паломников, которых сюда приезжает не меньше, чем в Иерусалим. Намоленное место. Хороший бизнес.

Стамбул-Константинополь. Сулейману Великолепному в этом году исполнится шестьдесят. В той истории он совсем немного не дожил до семидесяти двух, но никакой гарантии, разумеется, нет. Тот-же Микеланджело в пример. Не всё зависит от медицины, далеко не всё. Сулейман разделил Османскую Империю на одиннадцать больших провинций: Западную Аравию (с Меккой и Мединой), Иорданию и Палестину (с Иерусалимом); Левант; Месопотамию, южную Индию; Анатолию; Балканы; Венгрию и Богемия; Остмарк и Баварию; Швейцарию и южную Францию, Италию и Египет; и назначил их бейлербеями одиннадцать своих признанных сыновей. Причём, текущему наследнику, шахзаде Абдулле, достался самый бедный удел — Западная Аравия, Иордания и Палестина. Конечно, места там намоленные не хуже, чем в Риме, но этого мало, чтобы подчинить своей воле единокровных братьев, после смерти Сулеймана. А подчинять их придётся, родственных чувств к братьям, никто из нынешних бейлербеев не испытывает. Что не удивительно. Все они родились у разных матерей, воспитывались порознь и друг с другом едва знакомы. Не нужно быть великим пророком, чтобы предугадать развитие событий — начнётся династическая междоусобица и полномасштабная гражданская война всех со всеми. Естественный отбор. В такой ситуации лучше иметь побольше денег и воинов, чем религиозные святыни, но у Сулеймана на этот счёт своё мнение.

Антверпен — Кёльн — Франкфурт. В Кёльне встретили Генрих, Иван, Папа Игнатий Первый и ещё четыре вице-императора, три наместника и пенсионер Нууно Вимка. Этот футбольный фанат Мундиаль не пропустил бы даже под угрозой неминуемого инфаркта. Представительная собралась компания.

Первый Мундиаль, который принесёт прибыль. Футбол уже очень популярен. Те имперские владетели, которые не имеют собственных футбольных клубов, считаются маргиналами, или жлобами, вроде Гоголевского Плюшкина. Возникли потребности в строительстве стадионов, а потом учреждения турниров для этих стадионов. Да аналога европейской Лиги Чемпионов уже додумались. Как и до издательства футбольных газеты и журнала. Газета еженедельная, а журнал ежегодный, но во время Мундиала газета «Футбол» будет выходить ежедневно, а журнал выпустит специальный выпуск по итогам. Бонус для подписчиков на очень дорогое издание.

Кёльн полон болельщиков, не посетить Мундиаль, в определённых кругах, теперь считается моветоном. Половина мест на трибунах выкуплена под логи разного размера. За воротами помельче, победнее, но всё равно логи. Весь верхний ярус трибун одни логи. Такие-же дела и во Франкфурте. Логи выкуплены в собственность, так что пустовать они точно не будут, друзья-приятели заполнят и в отсутствие самого хозяина на любом матче. Это мода, которую культивирует сам Савелий. Зачем? Чтобы появилось у людей что-то объединяющее. Общая ценность для язычников, мусульман и христиан. Конечно, ценность. С таким-то коммерческим потенциалом, помимо модных понтов.

Олимпиады тоже обязательно приживутся, одного футбола людям мало, но футбол — это нечто особенное. Больше чем просто игра, это нечто сродни религии, в той исторической реальности это проявилось уже отчётливо. Футбольные фанаты умирают от инфарктов из-за переживаний и молятся на своих кумиров. Футбол лучше, да. На стадионах все молятся одному Богу — Богу Футбола.

Чемпионом во второй раз стала Южная Инка, обыгравшая в финале Африканскую Инку со счётом три-один. Кубок победителям вручили Генрих с Иваном, а Савелий надел всем медали и пожал руки.

Дублин. Столица герцогства Ирландия и резиденция нынешнего имперского наместника Европы, Авдея Шишки, зятя Савелия, мужа его самой младшей сестры Колькаты. Вот уж кому точно повезло в этой исторической реальности, так это ирландцам. Сколько их, бедолаг, там кошмарили, никаким иудеям и не снилось, а здесь сплошное благоденствие и благолепие. Ирландцы охотно расселяются по всей Империи и становятся отличными имперцами, предприимчивыми и законопослушными. В Ирландии теперь есть университет и Училище лётчиков-пилотов, для военной и гражданской авиации. В Ирландии перерабатывается половина британской шерсти, перерабатывается в ткани высочайшего качества и готовую одежду. Ирландия одевает и обувает имперскую армию и армии союзников, а кроме того, готовую одежду стиля милитари полюбили обыватели во всём мире, а фирменное ирландское — это круто. Ирландия самой географией выбрана мостом для перелётов из Нового Света в Старый, из Северной Инки в Европу. Здесь удобнее всего собирать пассажиров на межконтинентальные перелёты и отсюда их распределять по Европе, так что деловая активность здесь ещё долго будет выше среднего, а с ней и уровень

жизни. В Дублине остался Авдей Шишка. Ему круизами наслаждаться некогда, у него под особым надзором территории прямого имперского правления: Каталония, Сицилия, Крит и Кипр. Именно он отвечает за их развитие. Там всё на нём, от инфраструктуры и экономического развития, до футбола и обороны.

Норфолк. Типичный имперский город. Казённая здесь только военная верфь, остальное производство частное. Казна больше не занимается производством стали и изделий гражданского применения. Казна не выдерживает конкуренции — получается дороже, казна теперь живёт на налоги, лицензии на производство и акцизы на добычу сырья. Всё теперь добывают частники — и нефть, и золото, и алмазы Кимберли, не говоря уже про всё остальное. В Норфолке сошёл на берег имперский наместник Северной Инки, вице-император Жуан Ависский, герцог Большого Порту, Большого Лиссабона и Бом Байи. В Бом Байи он так ни разу и не побывал. Не любит Жуан путешествовать, домосед и немного подкаблучник.

Гавана. Столица герцогства Куба, первого владения Паскуалья де Андагойя, которую застраивают архитекторы арабы и мавры в соответствующем стиле. Большой город Гавана, сто пятьдесят тысяч жителей, из них пятьдесят тысяч могут себе позволить жить в собственных особняках, или содержать таковые в качестве столичных резиденций. Островная аристократия. Потомки самых удачливых из первых переселенцев. Паскуаль не жалуется их баронскими титулами, хотя своих вояк в Мавритании одарил очень щедро, не считает герцог Кубы аграриев равными военным, но это не помешало аристократам-аграриям создать высшее общество снизу. Они уже гордятся своими родословными и дорожат репутацией, а титулы — дело такое... Следующий герцог будет уже не таким упоротым солдафоном — с детства в строю, со всеми вытекающими психическими отклонениями. Нет, герцог Паскуаль, конечно, велик, с этим никто не спорит, у него золотой щит на триумфальной арке и всё такое, но он уже устарел, отстал от эпохи — так, как раньше, больше не будет, хоть раньше и было лучше.

В Гаване общество покинул уже главный вице-император Паскуаль де Андагойя. У него хватает забот в Африке. Имперский наместник там занимается ещё и политикой. Кроме Османского Египта, там ещё есть формально независимая Эфиопия и фактически независимые, хоть и числятся османскими, территории Африканского Рога и Южного Судана. Со всеми ними работает Паскуаль, министра Африканских дел у нас нет, хватает энергии главного вице-императора. Теперь главного. Третьего, после Эль Чоло и Нууно Вимки. Не пустой титул, стоит отметить. Именно главный вице-император должен возглавить регентский совет, при несовершеннолетнем наследнике, случись чего... Все мы смертны и все смертны внезапно, так что этот титул — признание полного доверия, высшего доверия.

Маракайбо. Здесь сошли Папа Игнатий Первый и магистр Фёдор Михайлович Курбский. Они готовят канонизацию монаха Джулио Медичи, первого Равноапостольного святого христианской церкви, после 1054 года. Пять веков признаны церковью «Тёмными», а в тёмные времена какая может быть святость? Старался, но не смог ничего изменить? Значит, не святой, а только подвижник. Монах Джулио Медичи смог, это бесспорный факт, и чтобы осознать его святость не нужны пять десятков лет, всем уже всё очевидно. Христианство воссоединилось и воссияло, церковь влиятельна и авторитетна как никогда, монахи учат грамоте и математике всех желающих, а способных ремеслу — на связистов и железнодорожников. Бесплатно учат, как в храмах Инти-Виракочи. Золотой век

человечества наступил, во многом благодаря Святому Джулио.

Монтевидео, Уругвай. Вторая родина Савелия в прошлой жизни. Красивее здесь город получится и для жизни гораздо удобнее, ведь он сразу спроектирован под население больше миллиона. В Монтевидео пришла железная дорога из Асунсьона, в Монтевидео производятся две трети рыбных консервов в мире, в Монтевидео происходит отгрузка трети мороженой говядины и половины мороженой рыбы; половины кожи (очень востребованного отделочного материала в авиа и автопроме) и трети молочных продуктов длительного хранения — всевозможных сыров и сливочного масла. Все эти половины и трети от общего мирового объёма отгрузок. Африка и Аравия с удовольствием съедают всё и ещё добавки просят.

По уругвайской кампе, вместе со стадами говядины, пересекают австралийские кенгуру, африканские жирафы и антилопы, африканские и австралийские страусы. Пусть они и объедают коммерческую говядину, но зато это красиво. Асикага Такаудзи загорелся желанием улучшить видовое разнообразие герцогства Новая Гвинея, но ему фауна нужна тропическая. Какие-нибудь карликовые бегемоты в самый раз подойдут. Зверюшки милые и безобидные.

Васко-да-Гама. Антарктическая столица Империи Инков. Шестьдесят третья широта, что и у Рейкьявика, но климат намного суровее, и штормит часто, даже летом, и тем не менее город развивается. Десять тысяч жителей уже есть. Университет Лимы открыл здесь кафедру изучения Антарктиды, довольно большую кафедру, из двадцати восьми учёных преподавателей и трёх сотен студентов на пяти потоках. Изучают всё, геологию, флору и фауну, движение ледников, подводные реки с озёрами и горячие источники. Ищут место с неподвижным ледником, где можно будет построить город под куполом льда. Сами до этого додумались, в другой исторической реальности ничего такого не было. Университет создаёт высокооплачиваемые рабочие места для моряков и рыбаков, механиков-водителей и строителей, буровиков и метеорологов, а сервис им организуется уже частным порядком и неплохой сервис. Два кинотеатра в городе работают постоянно, вещает собственная информационно-развлекательная радиостудия, общепит выше всяких похвал, научные рыбаки сдают в рестораны настоящие деликатесы. Сдают научными квотами, но городу из десяти тысяч этого хватает. Всё, кроме рыбы и морепродуктов здесь дороже, но здесь и заработки в полтора раза выше, а отопляемое жильё предоставляется бесплатно.

Жоржи ди Менезиш достойно продолжил дело своего великого тестя и получил в награду ещё одно владение — герцогство Огненная Земля. Незаразвитое герцогство и безлюдное, зато большое, в полтора больше Тайваня. Широта как в Ирландии, хоть и попрохладнее, но для скотины самое то. Да и золотишко на архипелаге имеется, с его разработки начнётся заселение и развитие, и ещё один титул лишним не будет, сыновей у имперского наместника Антарктиды трое. Все трое, ожидаемо, моряки — офицер, курсант и юнга.

Савелий внимательно отслеживал карьеры всех родственников, получал ежемесячные рапорты о их деятельности, вносил данные в компьютер в двадцать первом веке и составлял рейтинги поколения, идущего на смену. Конечно, по юнге, да и по курсанту, ещё рано судить — достойны ли они быть титулованными владельцами, но здесь учёлся бонус их великого деда, величайшего адмирала, первооткрывателя, исследователя и флотоводца в истории человечества.

Сантьяго-де-Чили. Половина мировой морской отгрузки селитры и удобрений, треть

меди и вина. Чилийское вино самое востребованное и в Европе, и в Азии, лучшее, по соотношению цена-качество. Здесь, в Чили, неподалёку от Сантьяго, заложил первый в Новом Свете виноградник личный винодел французского посла в Империи Инков, Этьена Фуке, маркиза де Ритон и герцога Генуи, Пьер Савар тридцать три года назад, а за ним потянулись остальные виноделы Европы: испанцы, французы, германцы, португальцы, итальянцы и греки, каждый со своей лозой и опытом. Они взаимно обогащались знаниями и экспериментировали с купажами, выбраковывая неудачные для местности сорта и культивируя лучшие. Так создавалась винодельческая столица мира. Виноделы здесь теперь аристократы. Они тоже не особо нуждаются в титулах, такие фамилии, как Савар, уже сами по себе титулы. Савар известен во всём мире, а подавляющее большинство баронов только у себя в барониях.

Лима. «Город древний, город длинный...» Первый город, заложенный Савелием и Эль Чоло. Научная столица Империи Инков. Первый университет нового стандарта, не теологический-философский, а с программой обучения технического ВУЗа двадцатого века. Альма-матер русского императора Ивана Первого, а теперь и наследников корон двух величайших Империй. Конечно, величайших. Русскую Империю, Василий Иванович унаследует уже вместе со всеми владениями д'Альбре. Такие вот они все из себя в будущем великие, а князь Шуйский их порет, да ещё и, по их мнению, несправедливо: «Ну, вот сам посуди...»

Ну, ещё бы. Когда это поротому казалось, что выпороли его за дело достаточно справедливо. У князя Шуйского задача не высшую справедливость искать, а воспитать из вас людей, подобия Создателя. Считает нужным пороть — ему виднее. Он, между прочим, университет с отличием закончил. Во время воинской службы закончил, покоряя в процессе Крымское ханство, Шведское королевство и осваивая Сибирь. Порет — сначала благодарите за науку, а потом думайте — за что, что это за наука, к чему её можно и нужно применить. Считайте, что им, вашим «дядькой», князем Шуйским, руководит сам Создатель, вот и постигайте высший замысел.

К Александру Интиковичу и Василию Ивановичу в этом году добавится Иван Иванович а ещё через два — Игорь Интикович. Если первенцы постигнут замысел Создателя, к которому их склоняет князь Шуйский, то братьям придётся уже немного полегче.

С наследниками, в Лиме, Савелий провёл целый месяц. На троих основали новое экспериментальное производство новой отрасли экономики — телевидения. Проводного, аналогового, чёрно-белого, но уже настоящего телевидения. Выходили на рыбалку за акулой и рыбой меч, варили на костре уху, жарили шашлыки и рассуждали о «Замысле Создателя», о «Цели создания», общих задачах человеческого разума и конкретных задачах двух восьмилетних оболтусов-наследников немалой власти над этим самым человечеством.

Никарагуа. Великая стройка человечества, которая изменит морскую географию — канал из Тихого в Атлантический океан. Стройке уже пять лет и столько же до её окончания. Не столько коммерческий проект, сколько имперского престижа. Мы первыми соединим океаны рукотворным каналом. Деньги на этом канале заработают уже потомки, когда через него тысячами пойдут огромные сухогрузы, танкеры и контейнеровозы, но это ведь будут наши потомки, а не пришельцев с Нибиру, или Тау-Кита.

Сан-Диего — Лос-Анжелес — Сан-Франциско. Калифорния и там не бедствовала и здесь не будет. Ворота Азии в Новый Свет. Расовых азиатов до трети населения, но все они истинные имперцы, считающие своим основным языком «забытый». Аристократия в

Калифорнии в общий высший свет не складывается, здесь модно быть исключительным. Промышленники считают себя выше аграриев, аграрии промышленников хамами, а военные и военно-морские тех и других — идиотами, которые не могут научиться ходить строем и через это умение постичь истинный смысл жизни каждого ответственного человека. Ну, какой из тебя командир-авторитет, если ты и сам правильно ходить не умеешь?

Такую корпоративную конкуренцию в элитарии можно только приветствовать и даже поощрять. Что с одной стороны расово-конфессиональный интернационал, что с другой. Корпоративные-интересы объединяют ещё лучше футбола. Все религии мы очень ценим и уважаем. Настолько уважаем все, без исключения, что религиозно-экстремистская деятельность в Империи Инков считается тяжким преступлением. К экстремизму приравниваются все попытки обосновать своё расово-конфессиональное превосходство. И расовое, и конфессиональное. Чтоб два раза не вставать, ага. Через футбол обосновывайте и прочий социально значимый бизнес. Тогда и титулы вам будут, и остальные поощрения.

В Сан-Франциско торжественно заложили первый в этой истории ледокол. Большой ледокол, сорок тысяч тонн водоизмещением, такой сможет и к полюсу пробиться. Будем изучать высокие широты над Северной Инкой и Евразией, да и новые технологии отработаем. Ледокол-электроход, большая плавучая электростанция, новых технологий в нём сотни.

Арктические шельфы — ещё одна шкатулка с сокровищами нашей планеты, вот и начнём искать к ней ключик уже сейчас, когда денег хватает на исследования дальних перспектив.

Мирное время закончилось третьего ноября 1564 года. Не дожив всего трёх дней до своего семидесятилетия, на отчёт к Аллаху отправился Сулейман Великолепный. Война прямо в этот день не началась, но мир закончился — султанами Османской Империи объявили себя восемь из одиннадцати бейлербеев, признанных Сулейманом сыновей, воздержались только: шахзаде Джихангир наместник-бейлербей Баварии и Остмарка; шахзаде Баязид, наместник Богемии и Венгрии (самый север); и шахзаде Орхан, наместник южной Индии (самый юг) — эти трое султаном признали Абдуллу Первого.

На саммит стыка 1564-65 годов собрались вшестером, император Чосона, Чунджон Накчхон, несмотря на свои семьдесят шесть, все ещё был бодр и энергичен. «Мировое сообщество» тоже признало султаном Абдуллу и призвало «оппозицию» не доводить дело до династической гражданской войны, убытки от которой придётся терпеть всем мировым сообществом. В Османскую Империю вложено очень много иностранных инвестиций, охраняемых международным законом. Половина вашей экономики — наши инвестиции, будьте осторожны и внимательны, не нарушайте международные законы. Охраняйте инвестиции, интеллектуальную собственность, природные заповедники и культурное наследие человечества.

Девятого февраля 1565 года, скоропостижно скончался, признанный мировым сообществом, султан Абдулла Первый. Автомобиль Абдуллы наехал на непонятно чей фугас в центре Стамбула-Константинополя. Действительно, непонятно чей, даже нам непонятно. То есть, мина то армейская, собственного османского производства, но кому подчинялась эта группа диверсантов — тогда было неизвестно.

У правоверного султана Абдуллы, имелось три законные жены, у всех трёх имелись сыновья, а это ещё три группы интересантов в большом династическом замесе. Кроме Сулеймановичей, в борьбу вступили три мощные группы Абдуллаевичей, дислоцированные непосредственно в Стамбуле.

Первое военное столкновение произошло шестого марта в Иерусалиме, который не смогли мирно поделить бейлербей Египта, Мустафа Сулейманович, и бейлербей Леванта, Али Сулейманович. Иерусалим — помимо исторического и культурного наследия, охраняемого международным законом, ещё и крупный железнодорожный узел, перекрёсток дорог Бейрут — Иерусалим — Амман — Акаба — Медина — Мекка — Джедда и Каир — Иерусалим — Дамаск — Багдад — Мешхед. Центр транспортной логистики всего Ближнего Востока. Вполне естественно, что убытки от беззакония начали нести десятки, охраняемых международным законом, инвесторов, включая и Орден Священного Препуция — корпорацию, имеющую в том числе и собственную вооружённую силу.

А как иначе охранять железные дороги? И сами дороги, и грузы? В общем, орденский «ЧВК» представлял из себя очень серьёзную силу, и контроль над Иерусалимом установил. Над Иерусалимом, Палестиной, Иорданией и западной Аравией, включая Мекку и Медину. Установил контроль и призвал усиление. Усилиться Ордену было чем. Охраной железных дорог и монастырей-узлов связи, в Азии занимались сто тысяч человек и ещё сто тысяч братьев-монахов можно было мобилизовать без ущерба для основной деятельности. Орден Священного Препуция по уставу военный-рыцарский, поэтому военнообязанными в нём считались все братья, способные держать в руках оружие — призвали половину

священников-богомольцев и учителей. Ничего не поделаешь, война, гуманитарии теперь нужны в горячих точках, с оружием в руках.

А дальше «закружило-понесло». Орденские монастыри сели в осаду в Египте и Леванте железная дорога Каир — Иерусалим — Дамаск — Багдад — Мешхед оказалась парализована, тысячи тонн уже оплаченного персами зерна застряли в Египте, цены на продовольствие в западной части Персидской Империи — в Иране, Иранском Азербайджане, Туркмении и на Кавказе выросли вдвое. Император Тахмасп Первый выдвинул ультиматум бейлербеям Хуссейну-Месопотамскому, Али-Левантийскому и Мехмеду Египетскому — в трёхдневный срок восстановить порядок на османском участке общей железной дороги и обеспечить прохождение грузов, а иначе — война. В Персидской Империи объявили мобилизацию первой очереди резервистов и начали передислокацию армейского корпуса из Тебриза в Мосул.

Регулярные армии, за время двадцатилетнего мира, сильно сократились и у Персидской, и у Османской Империй, до трёхсот и двухсот восьмидесяти тысяч человек, но персидская армия подчинялось единому командованию, а османская разделилась между враждующими между собой десятью Сулеймановичами и тремя Абдуллаевичами. В среднем, по семь общевойсковых бригад имперского стандарта у каждого претендента. Все они теперь сами по себе, каждый сам за себя. Ничего неожиданного для мирового сообщества, к этому всё шло, к этому все готовились.

Третьего апреля 1565 года, Орден Священного Препуция передал Мекку, Медину и мусульманские святыни Иерусалима под попечение верховного муфтия русских мусульман, Шамиля Абукира. Именно русских мусульман, третьего крупного течения Ислама. Не шиитов и не суннитов, а русских. Тех мусульман, что с детства впитали закон — призывы к любой конфессиональной нетерпимости — харам и тяжкое преступление, за которое могут осудить и на пожизненное в яме со свиньями. Хоть это и давненько уже не практикуется, но никто этого не отменял.

Для русских мусульман не существовало неразрешимых противоречий шиитов и суннитов (династических противоречий арабов в борьбе за власть над Уммой), у них были только Аллах, только Его Пророк и только Коран. Русские мусульмане получали отличное образование — самое большое медресе (на тридцать тысяч учащихся) и самый престижный Исламский университет размещались в Казани, и готовили они кадры русского течения ислама. Главного течения Ислама. Основного фарватера между двумя рукавами.

Боевые действия, персидская армия начала первого мая, наступлением из Мосула на Багдад. Персы декларировали своей целью наведение порядка и принуждение Османской Империи к исполнению международных законов, а не территориальный захват, но для Али Сулеймановича Левантийского и Хуссейна Сулеймановича Месопотамского наведение персидского порядка означало смерть, поэтому два самопровозглашённых султана временно объединили усилия и призвали к этому остальных.

Персы-шииты являлись для суннитов-османов врагами древними и последовательными, поэтому во временный антишиитский союз вступили ещё три претендента на престол Османской Империи: Ибрагим Сулейманович Анатолийский, Мехмед Сулейманович Египетский и двадцатидвухлетний Гази Абдуллаевич, старший из сыновей Абдуллы Сулеймановича, ставленник Янычарского корпуса и Стамбульского гарнизона, признанный законным султаном тремя своими дядьями: Джахангиром Сулеймановичем Баварско-Остмаркским, Баязидом Сулеймановичем Богемско-Венгерским и Орханом

Сулеймановичем Южно-Индийским.

Двадцать девятого мая 1565 года, сто двадцатитысячный корпус персов занял Багдад, восстановилось железнодорожное сообщение Месопотамии с Ираном, на восток пошло зерно (чужое зерно, предназначенное для южной Индии, но тут уж горе побеждённым), а с востока начали пребывать подкрепления.

Шестнадцатого июня 1565 года, войну Османской Империи объявил Генрих Первый д'Альбре, шестидесятидвулетний император двух Империй д'Альбре — европейской и китайской, уже соединённых железной дорогой. Друг Энрике. Всё такой-же неугомонный соискатель славы величайшего полководца в истории человечества, как и сорок лет назад. Генрих не стал цепляться к международному праву, он сразу предъявил претензию на наследство Франциска Валуа — османские южную Францию, Швейцарию и Италию (с Далмацией, единственной законной наследницей которых являлась его супруга Маргарита. Договоры? Договаривались с Сулейманом, а его волю теперь не исполняют сами османы.

Претензию Генрих Первый предъявил на европейские владения, а в войну вступил в Азию, где в юго-восточной Аравии размещались его основные ударные силы. Двадцать девятого июня, друг Энрике помог Ордену Священного Препуция разгромить восьмидесятитысячный корпус Мехмеда Египетского под Иерусалимом. Большой корпус, но на три четверти собранный из мобилизованных новобранцев, поэтому почти небоеспособный. Мехмед Сулейманович попал в плен.

Шестого августа, объединённые силы Империй д'Альбре и Персии разгромили в Дамаске двухсоттысячную османскую армию под командованием сразу четырёх султанов. И командования единого у этой армии не имелось, и собрали её на две трети по мобилизации, так что особых сложностей, командующий в сражении объединёнными силами, император Генрих Первый не испытал. В Дамаске в плен к нему попали ещё четыре самопровозглашённых султана, «в строю» их осталось трое Сулеймановичей: Мустафа Швейцарско-Южно-Французский, Селим Итальянский и Мурад Балканский; и двое Абдуллаевичей: девятнадцатилетний Галиб и восемнадцатилетний Зафир. Джахангир, Баязид и Орхан Сулеймановичи признали османским султаном Галиба Абдуллаевича.

Двадцать девятого августа 1565 года, Египет объявил о своей независимости и принёс вассальную присягу Паскуалю де Андагойя, главному вице-императору Империи Инков, имперскому наместнику Африки и островов, герцогу Кубы, Андалусии и Мавритании, графу Севильи и Хайнаня. Египет был последней территорией Африки, не являющейся владением Империи Нового Света, теперь всё. Африка целиком наша. Наша, благодаря Паскуалю, которому через два с половиной месяца исполнится семьдесят. Савелий вызвал зятя, друга, соратника и сподвижника в Тауантинсуйу на награждение и чествование.

Семнадцатого сентября, император Генрих Первый д'Альбре высадил свой ударный корпус в Остии, в имперском герцогстве Рима и Мальты, владении, управляемым магистром Ордена Священного Препуция, кардиналом, князем Фёдором Михайловичем Курбским. Войну Ордену уже объявили все самопровозглашённые османские султаны, две сотни монастырей уже захвачены и разграблены, кровь братьев пролилась, поэтому в Италии, Швейцарии, южной Франции и на Балканах стесняться больше нечего.

Персы, которые уже добились в этой войне задекларированных целей, сверх плана решили оккупировать Месопотамию и Левант. Аппетит приходит во время войны, ага. Пусть захватывают, всё равно ненадолго. Император Тахмасп Первый повторяет ошибку Сулеймана Великолепного, разделяет Персидскую Империю между сыновьями, законными

и признанными от некоторых наложниц. Сыновьями разных матерей, которые едва знакомы, и друг к другу тёплых родственных чувств не испытывают. Единственное отличие — Тахмасп создал для наследника более прочные позиции, оставив в прямом имперском правлении Иран, Иранский Азербайджан, Кавказ, Курдистан и Туркмению, но этого запросто может не хватить. Да и повторение судьбы султана Абдуллы Сулеймановича императором Исмаилом Тахмасповичем — вполне реально. Абдулла ведь не войну проиграл, его убили. Несомненно, убили люди из его ближнего круга, люди, которым он доверял.

Двадцатого октября 1565 года, корпуса императора Генриха Первого д'Альбре и коннетабля Европейской Империи д'Альбре, Йохана Рудерманна, графа Блуа, встретились возле Милана, в котором засели султаны-конкуренты Сулеймановичи: Мустафа Швейцарско-Южно-Французский и Селим Итальянский. На помощь к ним никто не спешил поэтому штурмовать Милан не стали, свой ведь город, зачем его разрушать. Долго в полной блокаде османы не продержатся, максимум полгода, как раз до весны, когда придёт пора воевать уже на Балканах за владения королей Гийома Гуфье де Бониве и Анна де Монморанси.

Двадцать первого, друг Энрике передал командование объединённой армией коннетаблю и отправился в Тауантинсуйу, на чествование Паскуалья де Андагойя и последующий саммит «Семёрки». Пока «Семёрки», мировое сообщество признало законные права девятнадцатилетнего Галиба Абдуллаевича на трон Османской Империи и дворец Сулеймана в столице Нового Света, только вряд ли его выпустят из Стамбула. Зато желание посетить Тауантинсуйу во время очередного саммита императоров изъявили Джахангир, Баязид и Орхан Сулеймановичи. Добро пожаловать, приезжайте, гости дорогие.

Шестнадцатого ноября 1565 года, в свой семидесятый день рождения, Паскуаль де Андагойя стал Великим герцогом Египта и Синая. Канал из Средиземного в Красное море который начнут строить сразу по окончании предпроектных изысканий, будет носить его имя, как и новые города: Порт-Паскуаль (вместо Порт-Саида) и Андагойя (вместе Исмаилии). Канал построим быстро, лет за восемь, опыта в Никарагуа строители набрались, техника выпускается всё более совершенная, так что у Паскуалья-Великого есть шанс дождаться окончания стройки. Крепкий старик, старой закалки, таких больше не делают. Он в строю последний, из той великой плеяды, с которой Савелий и Эль Чоло начинали строительство Империи Нового Света. Вышли в отставку более молодые Асикага Такаудзи, герцог Новой Гвинеи, Хоккайдо и Орана, граф Окинавы и Шанхая, дайме Цусимы, Коджедс и Чеджудо; и Авдей Шишка, герцог Ирландии и Крита, граф Фарер; остальных уж и вовсе похоронили, а Паскуаль всё служит. Все свои почести и награды он, безусловно, заслужил.

Двадцать седьмого декабря 1565 года сыграли сразу три свадьбы: Александра Интиковича Капак-Рюриковича и внучки Нууно Вимки, Цаталы; Василия Ивановича Рюриковича-Тюдора-д'Альбре и Чосонской принцессы Инсон; наследника Великого герцога Чосона, Хзанкуна, и Елены Интиковны Капак-Рюрикович. В этот-же день, Александр Интикович стал императором, соправителем Савелия в Империи Инков, а Василий Иванович императором Китайской Империи д'Альбре, соправителем своего деда, Генриха Первого. Обоих новичков сразу привлекли к участию в саммите императоров.

Братья Сулеймановичи: Джахангир Баварско-Остмаркский, Баязид Богемско-Венгерский и Орхан Южно-Индийский, во время саммита объявили о независимости своих наместничеств от Османской Империи и признали свою вассальную зависимость от

Империи Русской. Орхан хотел попасть в зависимость от Империи Нового Света, но его тоже отправили в Русскую. Так в русской Империи появились ещё три великих герцогства, а в русское подданство вернулись ногаи и крымчаки. Не те уже ногаи и крымчаки, давно уже не ханства и не кочевники, а оседлые европейские народы. Новые Русские великие герцогства заселены в большинстве мусульманами-суннитами, но это теперь не проблема. Кроме блистательной Казани, настоящей столицы земли Ислама (Дар аль-ислам), русские теперь Мекка, Медина и Иерусалим — колыбель Ислама, а сами мусульмане ничем не ограничены в правах и имеют в Русской Империи все те-же возможности, что и христиане.

Не опасно ли принимать в состав Империи таких крупных владетельных феодалов? Теперь не опасно. Такими крупными будет только это поколение, дальше пойдёт дробление, а их наследники между собой уже не поладят. Наследников у правоверных всегда много, от разных жён и наложниц, воспитываются они все порознь и братьями себя считают постольку-поскольку. Да, бунты теоретически возможны, но они сродни самоубийству, поэтому отважится на такой бунт только полный идиот. От появления идиотов, конечно, никто не застрахован, но это не так уж опасно.

Шестую зимнюю Олимпиаду, в хоккее, впервые выиграла сборная Русской Империи, одолев в семиматчевой серии Северную Инку четыре-три, причём, седьмой матч русские «затащили» во втором овертайме. Очень красивая получилась серия, а увидели её уже больше миллиона болельщиков. Увидели в прямом эфире, по телевидению. Пока чёрно-белому и кабельному, но уже самому настоящему телевидению.

Седьмого апреля 1566 года, в Милане капитулировала османская армия. Небольшая армия, во времена эпической и уже легендарной Осmano-Персидской войны, отдельные корпуса были вдвое больше, но тем не менее, это армия двух самопровозглашённых султанов. Ещё два Сулеймановича оказались в плену у Генриха Первого д'Альбре: Селим Итальянский и Мустафа Швейцарско-Южно-Французский. На воле остались только три претендента на престол Османской Империи: Мурад Сулейманович Балканский, Галиб и Зафир Абдуллаевичи Стамбульские.

Девятого мая, сто сорокатысячная армия Генриха д'Альбре блокировала Задар, одну из Османских столиц. Орден Священного препуция, в мае возвращал себе Родос, утерянный в 1521 году Иоаннитами-Госпитальерами, а персы снова шли по Анатолии к Босфору, к Стамбулу-Константинополю. Кто успеет раньше?

Стамбул-Константинополь взяли братья-рыцари Ордена Священного Препуция восемнадцатого августа 1566 года. Савелий им немного подыграл, усилив братьев «добровольцами» корпуса морской пехоты Империи Инков, но исключительно с благородной целью — сохранить древний город, культурное и историческое достояние всего человечества, который персы вряд ли бы стали беречь, а Генрих д'Альбре от них отставал.

Стамбул, как до этого Иерусалим с Аккой и Родос, стал имперским владением Империи Нового Света. Владением, под управлением Ордена Священного Препуция. Магистр Ордена теперь Великий герцог Иерусалима, Рима, Стамбула, Мальты и Родоса. Имперский герцог. Выбор братьями-орденцами магистра, утверждается Папой возведением в сан кардинала, а вот в велико-герцогском достоинстве, этого кардинала-магистра утверждает уже император Инков. Не пройдёт магистр-кардинал императорский «фейс-контроль» — будет Орден при нём рядовой имперской бизнес-корпорацией, без каких-либо привилегий. Ибо все эти привилегии даются за службу магистра Империи Инков, а не за корпоративные молебны, распятому Понтием Пилатом, Мессии иудеев.

В Стамбуле, а он так и остался Стамбулом, в плен орденским братьям-рыцарям сдались Мурад Сулейманович Балканский, Галиб и Зафир Абдуллаевичи Стамбульские. Всех их, Савелий распорядился доставить в Тауантинсуйу, на юбилейный, двадцатый саммит императоров, на высший суд мирового сообщества, доставить с достоинством принцев крови.

Стамбул так и остался Стамбулом, а Святая София, где похоронили Сулеймана Великолепного, так и осталась мечетью, более того, из Айя-Софии, её переименовали в Сулейманию. Уж чего-чего, а этого для покойного друга Сулеймана не жалко. Сейчас Орден строит храмы покруче, чем это древнее строение. Сейчас в тренде храмы-копии Собора Священного Препуция, только на метр-полтора пониже, поуже и покороче. В Стамбуле тоже такой построят лет через десять-пятнадцать, а София-Сулеймания теперь культурно-историческое достояние. В том числе и из-за захоронения в ней одного из величайших полководцев и правителей в истории человечества и очень хорошего человека, Сулеймана Османа. Пусть у него будет этот мавзолей, охраняемый человечеством, как общее культурно-историческое достояние, он этого точно достоин. Покойся с миром, друг.

Персидская Империя заняла всю Анатолию, всю Месопотамию и весь Левант. Получила огромные владения, от Большого Кавказского хребта и Сырдарьи на севере, до широты Гоа на юге, от Измира на западе, в Эгейском море, до Банг Макока (Бангкока) на востоке, в Сиамском заливе Тихого океана. Огромные владения, но не в этого коня корм.

Шиитские активисты уже склоняют Тахмаспа к принудительному насаждению шиизма, а ведь суннитов в Персидской Империи больше. Суннитов больше, чем шиитов, а индийских и индокитайских язычников больше, чем мусульман вместе взятых. Принудительная шиитизация приведёт к оттоку предпринимателей суннитов и язычников, снижению деловой активности, отставанию в развитии экономики, обнищанию и бунтам. За бунтами последуют репрессии, с ещё большим закручиванием гаек, и процесс этот станет циклическим. Это даже опаснее для Персидской Империи, чем династическая война наследников Тахмаспа.

Русская Империя получила Болгарию, Македонию, Боснию, Албанию, Грецию и

Восточную Фракию без Стамбула, которые Иван Первый, по совету Савелия, разделил на десять герцогств для семи сыновей Сулеймана и трёх Абдуллы. Эта война была не последней, а потому стоит дать понять элитам, что сдаваться можно и нужно.

Вместо эпилога.

После войны 1565–1566 годов, Савелий практически устранился от управления Империей. Он учился тому, что потребуется в следующей жизни — строить домницы и получать железо из болотных криц, которые искали для него по всему миру; строить печи, варить стекло и листовое, и выдувать стеклянную посуду; строить водяные колёса-приводы для мельниц, пилорам, кузнечных молотов и мехов; строить корабли — и класса река-море, типа драккаров викингов, и морские парусники-шхуны; и так далее, и тому подобное.

Всему этому он учился на практике, работал своими руками, используя самые примитивные инструменты и помощь неквалифицированного персонала — гвардейцев из батальона собственной охраны. Именно такой персонал и такие инструменты им с Эль Чоло будут доступны в десятом веке в самом начале пути, у стен горящей хазарской столицы — Итиля.

Так и жил, отвлекаясь только на Олимпиады с Мундиальями и похороны друзей. Друга Энрике похоронили в 1575 году. Русская Империя объединилась с Европейской и Азиатской Империями д'Альбре, саммиты в Тауантинсуйу сократились до «Четвёрки». Скорее даже до «Тройки», Империя Дайвьет вошла в «Международный Сберегательный Банк», валютную зону «чалько», общий рынок с общими законами и общую систему безопасности, лишь формально сохранив свой имперский статус.

В мире прожили восемнадцать лет, до смерти императора Персии, Тахмаспа Первого, в 1584 году. После его смерти, Савелий остался последним живым представителем славной «Эпохи Империй».

В Персидской Империи, ожидаемо, случилась гражданская династическая война, практически копия Османской, и закончилась она с тем-же самым результатом — вхождением в состав Империи Русской. Почти добровольным вхождением большинства сатрапий, принуждать пришлось только Иран с Белуджистаном, Иранский Азербайджан и Кавказ — самые фанатичные шиитские регионы.

Получится ли в этой исторической реальности объединение всего человечества в одно племя? Шанс есть, и шанс неплохой, но это дело уже следующих поколений.

Савелий ушёл из этого мира двадцать первого марта 1590 года, в возрасте восьмидесяти лет. Ушёл из Тиуанако, с того-же самого алтаря в храме Каласасайя, на котором семьдесят лет назад состоялось его пришествие в этот мир. Ушёл, провожаемый уже пожилыми сыновьями, взрослыми внуками и юными правнуками. Правнуками, уже помолвленными с правнучками брата-Ивана, скончавшегося три года назад.

Никого лишнего на свои проводы Савелий не допустил, мало ли что произойдёт при исчезновении Уака. Это ведь не материальная физика, такое лучше никому постороннему не показывать.

Эфир-сингулярность. То ли вечность прошла, то ли одно мгновение. Новый мир, лето 6473 года (965 от Рождества Христова).

— Привет, Эль Чоло.

— Привет, Русо. Долго ты там ещё прожил?

— До восьмидесяти.

— Значит, научился многому. Потом расскажешь, а пока командуй, княже.

